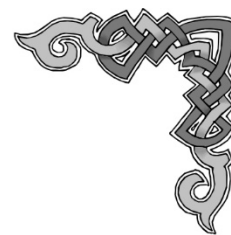

ООО «Наука и образование»

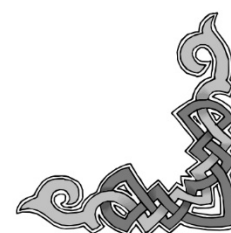
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 4
2022**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2022, № 4

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

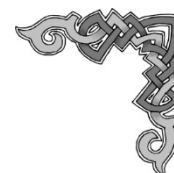
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

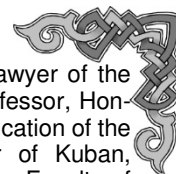
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образжиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алкесов Р.Т. Экономическое благополучие в структуре жизненных ориентаций молодежи Юга России	15
Викторов А.Ш. Биполярные конструкторы современной цивилизации	21
Гамурак А.В. О роли биоразнообразия при обустройстве общественных городских пространств: социологическая интерпретация	28
Денисов А.М. Особенности современной цифровой трансформации сферы HR	33
Караев И.И., Магаррамов М.Д. Социальная структура общества и стабильность в условиях постсоветской России	37
Ковров В.В., Вакула И.М., Гафиатулина Н.Х. Фейковая медиареальность в российском обществе как фактор влияния на молодежное сознание	40
Корешева Е.В., Бирюкова Л.В., Филиппова К.В. Трудовые ценности молодежи: поколенческий аспект (на материалах исследования в Хабаровском крае)	44
Лях П.П., Бондаренко Н.А. Проблемы социальной адаптации трудовых мигрантов, получивших разрешение на временное проживание на дальнем Востоке России	50
Магаррамов М.Д., Караев И.И. Аксиология семьи как одно из условий гармонизации социального пространства современной России	54
Мартыненко С.В., Кареева С.Г. Девиантное поведение личности в условиях новой социальной реальности	58
Мурзина И.А., Ретинская В.Н. Влияние цифровых технологий на социальное взаимодействие государства и общества: проблемы и перспективы	64
Узунов В.В. Анализ механизмов социальной консолидации в контексте инновационного развития регионального полиэтнического социума	67
Урзбакиева З.К., Ремиханова Р.И., Гомцяи О.А. Волонтеры и волонтерское движение: оценка и отношение в общественном сознании (на примере Дагестана)	74
Фокина Е.С. Социальные механизмы и способы управленческого воздействия на общество в условиях военных действий	78
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Амосова А.А. Пенализация получения взятки: общетеоретические аспекты	83
Ашин А.А., Михайлов А.Е., Зыков Д.А. Ликвидация последствий преступности в правовых актах ШОС и СНГ	87
Барашева Е.В., Сметанина А.В., Степаненко А.С. Теоретико-правовые аспекты деятельности судьи	92
Бондаренко С.И. Теоретико-историческое развитие механизма совершенствования избирательной системы Российской Федерации	95

Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Общественная опасность и криминализация создания, размещения, обслуживания и использования имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (Часть 2)	99
Гаджиханов С.А. Предпосылки становления и исторические особенности формирования института государственной службы в России	103
Дятлова Е.В. К вопросу о детерминантах преступлений совершаемых по мотиву расовой, национальной, религиозной или политической ненависти или вражды	107
Зеленская Л.А. Изменение содержания принципа непосредственности как следствие внедрения новых технологий в судопроизводство	111
Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б. О дисциплинарном статусе науки истории государства и права	114
Игнатов А.Н., Торопов С.А. Тактические особенности назначения и производства экспертизы по преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в условиях социальной напряженности	118
Кириченко Д.П. Санкции за умышленное причинение вреда здоровью в УК РФ: направления правовой «санации»	122
Куюмжиева Е.Г., Гусева О.Н. Правовое регулирование патентных прав на лекарственные средства в Евразийском экономическом союзе	128
Некоз А.С. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий: вопросы правоприменительной практики	132
Николаева М.И., Рябчиков В.В. К вопросу о законности производства выемки до возбуждения уголовного дела	135
Павлов Р.Ю. Теоретические основы интеллектуальной деятельности следователя (зарубежный опыт)	138
Пилюгина Т.В., Яковенко И.А., Сидоренко Т.Н., Тараканова Л.А. Обеспечение национальной безопасности государства в контексте пресечения противоправных деяний против мира и человечества: уголовно-правовой анализ	142
Рахимов А.И. Полиграф как элемент тактической операции	150
Редько А.А. Содержание механизма современного российского права	153
Савин А.А., Семенов С.А. Становление института рецидива в его историческом аспекте	157
Силкин А.М. Реформа законодательства о государственных и муниципальных закупках как катализатор совершенствования норм уголовного законодательства в рамках статей 200.4 и 200.5 УК РФ в современных условиях	160
Скрипниченко Д.А., Куюмжиева Е.Г. К вопросу о сроках обжалования заочного решения суда	164
Трахов А.И., Бешукова З.М. Бланкетность антиэкстремистских норм уголовного закона: как решить уравнение с неизвестным количеством переменных (на примере статьи 280 УК РФ)?	168
Чимаров С.Ю., Тонышев А.В., Шеянов К.В. Нормативное правовое регулирование служебной дисциплины и профессиональной этики в рядах народной полиции Китая	174
Чимаров С.Ю., Душкина Е.В. Теоретико-правовые основы концептуальных суждений Артура Шопенгауэра в контексте воли человека и познания им мира	178

Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в России	182
Шкабин Г.С. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ	185
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бондаренко Н.А. Трудовая миграция как социально-экономическое явление	191
Гурунян Т.В. Развитие франчайзинговой формы организации бизнеса в России, в том числе для субъектов МСП	194
Домбровский А.Н., Сенин И.С., Котенкова И.Н., Миронова М.П. Влияние городской мобильности на устойчивое развитие территорий	197
Е Лю Человеческий капитал как фактор долгосрочного развития инновационных предприятий в Китае	201
Коновалова Т.В., Лебедев Е.А., Надирян С.Л., Миронова М.П. Основные направления повышения эффективности логистического аутсорсинга торговой компании	207
Кузьмина М.А., Надирян С.Л., Сенин И.С., Котенкова И.Н. К вопросу о повышении производительности труда на автотранспортных предприятиях	211
Лыженков А.В. Оценка современных экономических проблем дотационных регионов в контексте обеспечения их устойчивого развития	214
Нехайчук Д.В., Михалин А.Ю. Оптимизация структуры капитала организации в современных условиях хозяйствования	218
Проскуряков И.В. Исследование частно-государственного партнерства на региональном уровне	226
Семенова Ю.А., Мохнаткина К.В. Развитие социального предпринимательства в современных условиях	230
Соколов Ю.И., Иванов А.В., Хомутов А.С. Практический пример оценки качества оказываемых транспортных услуг	236
Соколов Ю.И., Иванов А.В., Егоров С.В. Современная методика оценки и контроля качества на транспортном предприятии	244
Соколов Ю.И., Иванов А.В., Егоров С.В. Экономическое обоснование транспортных показателей в процессе управления качеством	247
Сюпова М.С., Бондаренко Н.А. Оценка трудового потенциала Дальневосточного федерального округа	251

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Ruslan T. Aleksov Economic well-being in the structure of life orientations of young people in the South of Russia	15
Alexander Sh. Viktorov Bipolar constructs of modern civilization	21
Anna V. Gamurak On the role of biodiversity in the design of public urban spaces: sociological interpretation	28
Alexander M. Denisov Features of the modern digital transformation of the HR sphere	33
Israfil I. Karaev, Magarram D. Magarramov The social structure of society and stability in post-Soviet Russia	37
Vladimir V. Kovrov, Ivan M. Vakula, Natalya Kh. Gafiatulina Fake media reality in russian society as a factor of influence on youth consciousness	40
Elena V. Koresheva, Larisa V. Biryukova, Ksenia V. Filippova Labor values of youth: generational aspect (based on research materials of the Khabarovsk Territory)	44
Pavel P. Lyakh, Natalia A. Bondarenko Problems of social adaptation of labor migrants granted temporary residence permits in the far east of Russia	50
Magarram D. Magarramov, Israfil I. Karaev The axiology of the family as one of the conditions for the harmonization of the social space of modern Russia	54
Sergey V. Martynenko, Svetlana G. Karepova Deviant behavior of the individual in the conditions of a new social reality	58
Irina A. Murzina, Vera N. Retinskaya The impact of digital technologies on the social interaction of the state and society: problems and prospects	64
Vladimir V. Uzunov Analysis of mechanisms of social consolidation in the context of innovative development of regional multiethnic society	67
Zukhra K. Uruzbakieva, Ramila I. Remikhanova, Ovsep A. Gomtsyan Volunteers and the volunteer movement: assessment and attitude in public consciousness (on the example of Dagestan)	74
Elena S. Fokina Social mechanisms and ways of management influence on society in the conditions of military actions	78
JURISPRUDENCE	
Anna A. Amosova Penalization of bribe receiving: general theoretical aspects	83
Andrey A. Ashin, Alexey E. Mikhailov, Daniil A. Zykov Elimination of the consequences of crime in the legal acts of the SCO and the CIS	87
Eleva V. Barasheva, Alena V. Smetanina, Alexey S. Stepanenko Theoretical and legal aspects of the activity of a judge	92
Svetlana I. Bondarenko Theoretical and historical development of the mechanism of improving the electoral system of the Russian Federation	95

Kirill V. Vishnevetskiy, Alexey A. Kashkarov, Alexander A. Kashkarov Public danger and criminalization of the creation, placement, maintenance and use of an imitation of an information resource in information and telecommunication networks, including the Internet (Part 2)	99
Salim A. Gadzhikhanov Prerequisites for the formation and historical features of the formation of the Institute of public Service in Russia	103
Ekaterina V. Dyatlova On the issue of the determinants of crimes committed on the grounds of racial, national, religious or political hatred or enmity	107
Lyudmila A. Zelenskaya Changing the content of the principle of immediacy as a consequence of the introduction of new technologies in judicial proceedings	111
Tatiana E. Zyablova, Yana B. Komarova On the disciplinary status of science history of the state and law	114
Aleksandr N. Ignatov, Sergey A. Toropov Tactical features of the appointment and production of expertise on crimes of a terrorist nature and extremist orientation in conditions of social tension	118
Dmitry P. Kirichenko Sanctions for intentional injury to health in the criminal code of the Russian Federation: directions of legal «sanation»	122
Elena G. Kuemzhieva, Olga N. Guseva Legal regulation of patent rights for medicines in the Eurasian Economic Union	128
Arkadii S. Nekoz Criminal liability for violation of the right to freedom of conscience and religion: issues of law enforcement practice	132
Marina I. Nikolaeva, Vadim V. Ryabchikov On the question of the legality of the seizure before the initiation of a criminal case	135
Ruslan Yu. Pavlov Theoretical foundations of the investigator's intellectual activity (international experience)	138
Tatiana V. Pilyugina, Irina A. Yakovenko, Taisiya N. Sidorenko, Lyubov A. Tarakanova Ensuring the national security of the state in the context of suppression of illegal acts against the world and humanity: criminal law analysis	142
Artem I. Rakhimov Ideal traces of crime and their classification	150
Aleksandr A. Redko The content of the mechanism of modern Russian law	153
Andrey A. Savin, Sergei A. Semenov Formation of the institute of relapse in its historical aspect	157
Artem M. Silkin The reform of legislation on state and municipal procurement as a catalyst for improving the norms of criminal legislation under Articles 200.4 and 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation in modern conditions	160
Dmitry A. Skripnichenko, Elena G. Kuemzhieva On the issue of time limits for appealing a court decision in absentia	164
Aslan I. Trakhov, Zarema M. Beshukova Blanket nature of anti-extremist norms of the Criminal Law: how to solve an equation with an unknown number of variables (on the example of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation)?	168
Sergey Yu. Chimarov, Alexander V. Tonyshv, Konstantin V. Sheyanov Normative legal regulation of service discipline and professional ethics in the ranks of the People's Police of China	174
Sergey Yu. Chimarov, Ekaterina V. Dushkina Theoretical and legal foundations of conceptual judgments Arthur Schopenhauer in the context of the will of man and his knowledge of the world	178

Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva Criminal law protection of intellectual property in Russia	182
Gennady S. Shkabin Criminal liability for insulting a representative of authority in the CIS countries: a comparative legal analysis	185
ECONOMIC SCIENCES	
Natalia A. Bondarenko Labor migration as a socio-economic phenomenon	191
Tatyana V. Gurunyan Development of a franchising form of business organization in Russia, including for SMEs	194
Alexander N. Dombrovsky, Ivan S. Senin, Irina N. Kotenkova, Maria P. Mironova The impact of urban mobility on the sustainable development of territories	197
Ye Lyu Human capital as a factor of long-term development of innovative enterprises in China	201
Tatyana V. Konovalova, Evgeny A. Lebedev, Sofia L. Nadiryan, Maria P. Mironova The main directions for improving the efficiency of logistics outsourcing of a trading company	207
Marina A. Kuzmina, Sofia L. Nadiryan, Ivan S. Senin, Irina N. Kotenkova On the issue of increasing labor productivity at motor transport enterprises	211
Alexander V. Lyzhenkov Assessment of modern economic problems of subsidized regions in the context of ensuring their sustainable development	214
Dmitry V. Nekhaychuk, Artem Yu. Mikhaylin Optimization of the structure of capital of the organization in modern conditions of economy	218
Ivan V. Proskuryakov Research of public-private partnership at the regional level	226
Julia A. Semenova, Kseniya V. Mokhatkina Development of social entrepreneurship in modern conditions	230
Yury I. Sokolov, Artem V. Ivanov, Andrey S. Khomutov A practical example of assessing the quality of transport services provided	236
Yury I. Sokolov, Artem V. Ivanov, Sergey V. Egorov Modern methods of quality assessment and control at a transport enterprise	244
Yury I. Sokolov, Artem V. Ivanov, Sergey V. Egorov Economic substantiation of transport indicators	247
Marina S. Syupova, Natalia A. Bondarenko Assessment of labor potential far eastern Federal district	251

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Алкесов Руслан Темботович
аспирант,
Адыгейский государственный университет
ruslan059305@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется субъективное измерение экономического благополучия молодежи Юга России. На материалах социологического опроса 2670 студентов из Ростовской области, Ставропольского края, Республики Адыгея, Республике Дагестан и Кабардино-Балкарской Республики показано, что в структуре жизненных ориентаций молодежи материальные компоненты экономического благосостояния конкурируют с социальным и символическим капиталом. Для северо-кавказских студентов более важны такие атрибуты благосостояния, как автомобиль и параметры внешнего облика, они также чаще ориентированы на проживание с родителями. Для ростовской и ставропольской молодежи важнее отдельное проживание в собственной квартире, а также – технические новинки и путешествия.

Ключевые слова: экономическое благополучие, студенческая молодежь, ценности, Юг России, Северный Кавказ, этнотерриториальная группа.

Постановка проблемы. Экономическое благополучие населения выступает важнейшим показателем успешности и перспективности развития современных государств, «одной из основных причин изменения социального самочувствия населения» [1, с. 36]. В социально-экономической теории сложилось различие объективного и субъективного измерения экономического благополучия людей. Традиционно экономическое благополучие характеризуется уровнем дохода и показателями материального достатка [2; 3; 4]. С другой стороны, важно знать не только статистические данные об уровне и структуре материальной обеспеченности населения, но и отслеживать оценки, ожидания и прогнозы самих людей, касающиеся разных аспектов их экономического благосостояния и самочувствия. «Это связано с необходимостью нахождения ответа на вопрос, почему люди оценивают себя экономически благополучными или неблагополучными, а также с выявлением личностных факторов, влияющих на самооценку и выбор модели поведения в вопросах материального самообеспечения» [5, с. 12–13].

Ruslan T. Aleksov
Graduate Student,
Adyghea State University
ruslan059305@mail.ru

ECONOMIC WELL-BEING IN THE STRUCTURE OF LIFE ORIENTATIONS OF YOUNG PEOPLE IN THE SOUTH OF RUSSIA

Annotation. The article analyzes the subjective dimension of the economic well-being of the youth of the South of Russia. Based on the materials of a sociological survey of 2,670 students from the Rostov Region, Stavropol Territory, the Republic of Adyghea, the Republic of Dagestan and the Kabardino-Balkarian Republic, it is shown that in the structure of the life orientations of young people, the material components of economic well-being compete with social and symbolic capital. For North Caucasian students, such attributes of well-being as a car and appearance parameters are more important, they are also more often focused on living with their parents. For Rostov and Stavropol youth, separate living in their own apartment is more important, as well as technical innovations and travel.

Keywords: economic well-being, student youth, values, South of Russia, North Caucasus, ethno-territorial group.

Особый теоретический и практический интерес вызывают исследования показателей экономического благополучия студенческой молодежи. Представители данной социально-демографической группы еще не являются полноценными участниками экономических институтов и акторами экономических процессов. Вместе с тем, в период студенчества формируются и закрепляются те модели финансового поведения, которые через несколько лет будут реализовываться в социально-трудовом поведении и потребительских практиках молодого поколения. Критерии и оценки желаемого экономического благополучия студентов в ближайшей перспективе будут во многом определять социальные настроения значимой части российского общества и оказывать влияние на вектор социально-экономического развития страны.

Актуальным также является этнорегиональный аспект экономического измерения жизненных ориентаций студенческой молодежи. На Юге России многие годы сохраняются высокие показатели межрегиональных различий в социально-экономическом развитии, когда республики

Северного Кавказа запаздывают по уровню и темпам роста экономических показателей от других субрегионов Юга России [6; 7; 8; 9]. В этих условиях актуальным является изучение экономического благополучия в структуре жизненных ориентаций этнотерриториальных подгрупп молодежи Юга России.

Описание социологического исследования. В качестве эмпирической базы анализа используются результаты прикладного социологического исследования, проведенного среди региональной молодежи в 2020 г. По стандартизированной анкете опрошено 450 студентов, обучающихся в университетах Ростовской области (РО), 706 молодых людей из вузов Ставропольского края (СК), 480 университетской молодежи Республики Адыгея (РА), 722 молодых людей, получающих высшее образование в Республике Дагестан (РД) и 312 студентов из университетов Кабардино-Балкарской Республики (КБР).

По этнической принадлежности опрошенные студенты распределены следующим образом: в Ростовской области и Ставропольском крае 83 % и 77 % русских респондентов соответственно; в Республике Адыгея – 37 % адыгов и 50 % русских, в Республике Дагестан – 28 % аварцев, 22 % – даргинцев, 12 % – лезгин, по 11 % кумыков и лакцев, в Кабардино-Балкарской Республике – 64 % кабардинцев и 25 % – балкарцев. Гендерный

параметр выборки варьируется по рассматриваемым этнотерриториальным сегментам от 52 % до 65 % юношей и от 35 % до 48 % девушек. От 60 % до 91 % опрошенных студентов проходят обучение на первых двух курсах университета.

Результаты прикладного исследования. Материалы социологического опроса показывают, что в структуре жизненных ценностей опрошенной молодежи Юга России самое важное место занимает семья. Интересная работа располагается также на первом месте в рейтинге жизненных приоритетов ростовских студентов (67 %), на втором – ставропольских студентов (56 %) и на третьем – среди молодежи северо-кавказских республик. Для последних более важными являются самоуважение и чувство собственного достоинства (60 % – в РА, 65 % – в РД и 53 % – в КБР). (рис. 1).

Необходимо отметить, что ростовские студенты на третье место выносят богатство (38 %), тогда как эта позиция располагается на пятом месте в рейтинге значимости ставропольской (29 %) и кабардино-балкарской (32 %) молодежи. Для них немного важнее является уверенность в завтрашнем дне, которая собирает четвертое по числу ответов место в группах ставропольской (38 %) и адыгейской (42 %) молодежи. Для молодежи Дагестана приоритетен еще и религиозный фактор (42 % и четвертое место) (рис. 1).

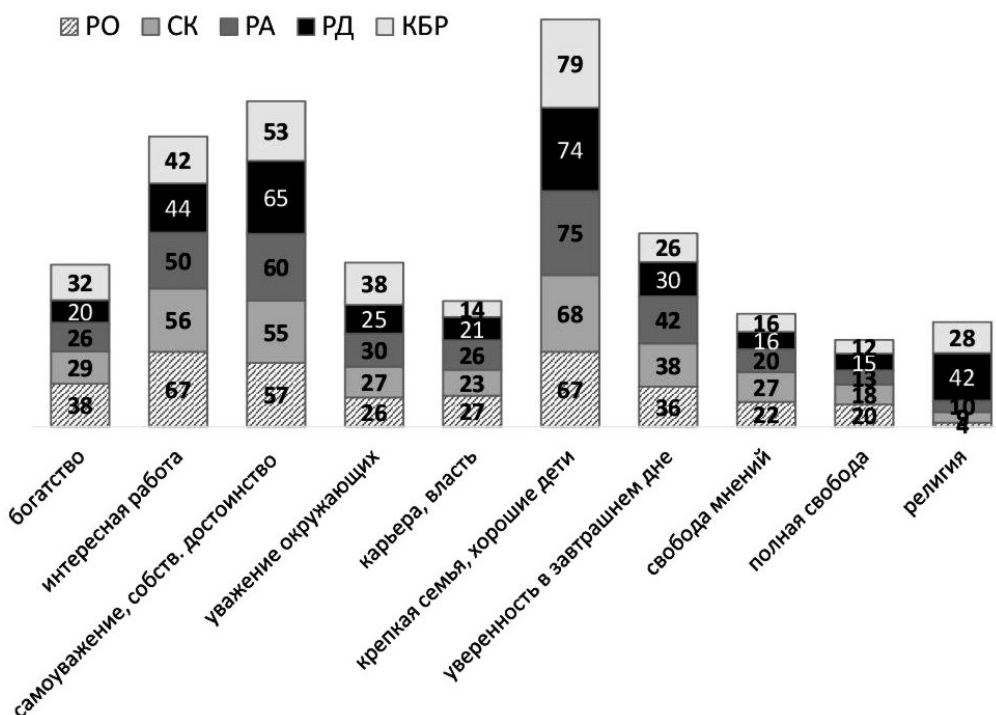

Рисунок 1 – Что из перечисленного наиболее важно для Вас? (возможно несколько вариантов ответа) (в %)

С точки зрения опрошенных студентов Юга России, для обеспечения личного благосостояния молодым людям следует позаботиться в первую очередь о собственном жилье (от 7,1 до 7,9 средних балла по 10-ти балльной шкале во всех этнотерриториальных сегментах) и об образовании (от 7,5 до 7,9 средних балла). Престижная работа

как атрибут благополучия также важна и оценивается студентами в диапазоне от 7,1 до 7,9 средних баллов. Обладание собственным автомобилем располагается на следующем по степени значимости месте и немного более важно для студентов из рассматриваемых северокавказских республик (от 6,8 до 6,9 средних баллов) (рис. 2).

Современная техника (смартфон, компьютер и пр.) также входит в набор показателей экономического благополучия (от 5,9 до 6,0 средних баллов во всех сегментах). Обращает на себя внимание то, что для студентов из республик Северного Кавказа более важными, чем гаджеты являются параметры внешнего вида (одежда и обувь,

аксессуары, прическа и пр.) (от 6,0 до 6,4 средних баллов). Путешествия и городской образ жизни замыкают список проявлений благополучия. На этом фоне студенты Ростовской области и Ставропольского края оценивают возможность путешествий немного выше, чем представители республиканского сегмента (рис. 2).

Рисунок 2 – О каких проявлениях собственного благосостояния молодым людям следует позаботиться в первую очередь? (оцените факторы благосостояния в порядке убывания: самое значимое – 10, незначимое – 1) (в средних баллах)

Как видим, наличие собственного жилья является важнейшим компонентом экономического благосостояния молодежи Юга России. В исследовании задавался вопрос о желаемом и наиболее вероятном варианте жилищных условий студентов через десять лет. В первом случае, больше всего хотели бы жить отдельно от родителей в собственной квартире молодые люди Ростовской

области (54 %), тогда как студенты Ставропольского края и северо-кавказских республик чаще демонстрируют установки на проживание в собственном индивидуальном доме (от 42 % до 45 %). Еще около десятой доли опрошенной молодежи северокавказского сегмента ориентированы на совместное проживание с родителями (рис. 3).

Рисунок 3 – Укажите желаемый вариант Ваших жилищных условий через 10 лет (один вариант ответа, в %)

В тоже время, наиболее вероятный вариант жилищных условий для студентов субрегионов с преимущественно русскоязычным населением

связан с отдельным проживанием, тогда как значимое число молодежи республик Северного Кавказа ориентированы на совместный быт с

родителями. В частности, с точки зрения ростовских и ставропольских студентов наиболее вероятно, что через десять лет они будут проживать отдельно в собственной или арендованной квартире (37 % и 35 % – в РО и 41 % и 27 % – в СК). Планируют жить в собственной отдельной квартире от 31 % до 42 % опрошенных из республик Северного Кавказа. Около пятой доли республиканской молодежи демонстрирует установки на проживание в собственном индивидуальном

доме и еще около 20 % студентов Адыгеи и Дагестана и 30 % – Кабардино-Балкарии планируют совместное проживание со своими родителями или родителями супруга/супруги (рис. 4). Подобные установки северокавказской молодежи могут быть в определенной степени объяснены сохранением среди значительной части населения региона ориентацией на модель расширенной патриархальной семьи [10; 11; 12].

Рисунок 4 – Укажите наиболее вероятный вариант Ваших жилищных условий через 10 лет (один вариант ответа, в %)

В опросе приняло участие больше 60 % студентов 1–2 курсов обучения и на вопрос о финансовых источниках доминирующая часть респондентов указывает, что их полностью обеспечивают родители (от 53 % до 71 % университетской молодежи Юга России). На этом фоне 44 % студентов

Ростовской области и 38 % опрошенной молодежи Кабардино-Балкарии отмечают, что совмещают работу и учебу и частично или полностью не зависят от родителей. Данный показатель не зависит от родителей. Данный показатель не превышает 24 % (рис. 5).

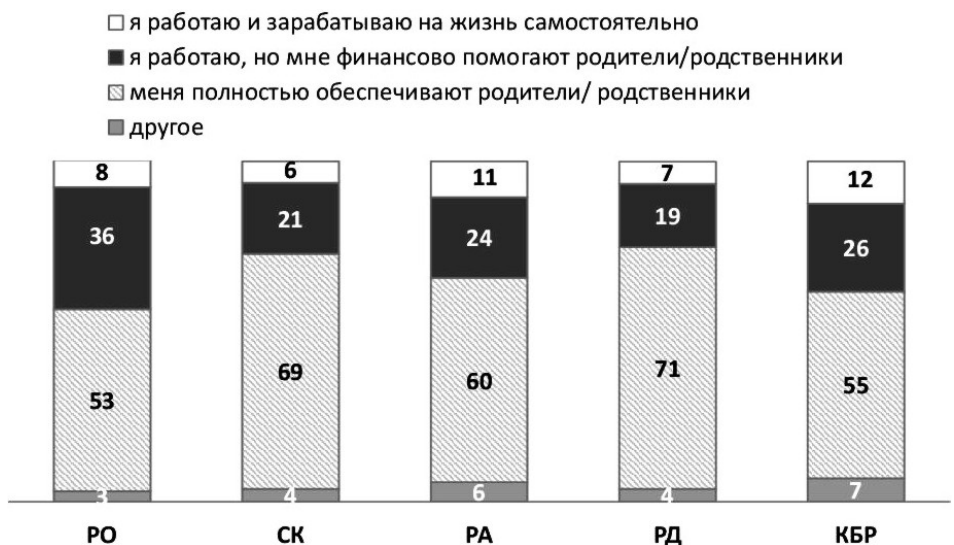

Рисунок 5 – Каковы Ваши финансовые источники? (один вариант ответа, в %)

Заключение. Растущее неравенство в экономическом развитии регионов Юга России и, как

следствие, углубляющиеся различия в уровне жизни населения, снижают интеграционный

потенциал полиэтничного региона. Результаты исследования экономического благополучия в структуре жизненных ориентаций молодежи показывают, что для студентов Ростовской области более значимо накопление богатства, тогда как для молодежи республик Северного Кавказа важнее стабильное положение и уверенность в завтрашнем дне. Личное благосостояние большей частью опрошенных измеряется в материальных показателях (собственное жилье, автомобиль) и параметрах символического капитала (хорошее образование, престижная работа). На этом фоне

Литература:

1. *Перов Е.В.* Субъективное экономическое благополучие населения России / Е.В. Перов // Социум и власть. 2015. № 2. С. 36–43.
2. *Osberg L.* An Index of Economic Well-being: Indicators / L. Osberg, A. Sharpe // The Journal of Social Health. 2002. Vol. 1. № 2. P. 24–62.
3. *Alexandrova A.* A Philosophy for the Science of Well-Being. Oxford: Oxford University, 2017.
4. *Хашченко В.А.* Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация / В.А. Хашченко // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 106–127.
5. *Костина Е.Ю.* Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края) / Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова // Вестник Института социологии. 2016. № 16. С. 12–26.
6. *Ермишина А.В.* Экономическое развитие регионов полиэтничного Юга России / А.В. Ермишина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2019. Т. 21. № 4. С. 55–66.
7. Социетальное измерение правовой культуры населения Юга России : коллективная монография / Л.В. Клименко, А.В. Ермишина, З.А. Жаде, О.Ю. Посухова, П.В. Будаев. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2019. 120 с.
8. *Рабданова А.А.* Состояние и тенденции изменения структуры экономики в регионах Северо-кавказского федерального округа / А.А. Рабданова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 9. С. 74–80.
9. *Жаде З.А.* Доверие к власти в Республике Адыгее и Краснодарском крае (по результатам прикладного исследования) / З.А. Жаде // Гуманитарий Юга Росси. 2021. Т. 12. № 5. С. 122–131.
10. *Клименко Л.В.* Гендерные отношения на Юге России: этносоциологический анализ. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2021. 132 с.
11. *Клименко Л.В.* Семья в поликультурном пространстве Юга России: этногендерное измерение /

для северо-кавказских студентов более важны такие атрибуты благосостояния, как автомобиль и внешний вид (одежда, аксессуары), а для ростовской и ставропольской молодежи – технические новинки и путешествия. Этническая специфика проявляется в жилищных установках, когда студенты субрегионов с преимущественно русскоязычным населением прогнозируют самостоятельное проживание, тогда как значимое число молодежи республик Северного Кавказа даже через десять лет ориентированы на совместный быт с родителями.

Literature:

1. *Perov E.V.* Subjective economic well-being of the population of Russia / E.V. Perov // Society and power. 2015. № 2. P. 36–43.
2. *Osberg L.* An Index of Economic Well-being: Indicators / L. Osberg, A. Sharpe // The Journal of Social Health. 2002. Vol. 1. № 2. P. 24–62.
3. *Alexandrova A.* A Philosophy for the Science of Well-Being. Oxford: Oxford University, 2017.
4. *Khashchenko V.A.* Subjective economic well-being and its measurement: the construction of the questionnaire and its validation / V.A. Khashchenko // Experimental psychology. 2011. Vol. 4. № 1. P. 106–127.
5. *Kostina E.Yu.* Economic well-being in the assessments of residents of the Far Eastern region of Russia (based on the materials of Primorsky Krai) / E.Yu. Kostina, N.A. Orlova // Bulletin of the Institute of Sociology. 2016. № 16. P. 12–26.
6. *Ermishina A.V.* Economic development of the regions of the polyethnic South of Russia / A.V. Ermishina // Bulletin of the Volgograd State University. Series 3. Economics. Ecology. 2019. Vol. 21. № 4. P. 55–66.
7. Societal dimension of the legal culture of the population of the South of Russia: a collective monograph / L.V. Klimenko, A.V. Ermishina, Z.A. Zhade, O.Y. Posukhova, P.V. Budaev; Rostov-on/D. : Foundation of Science and Education, 2019. 120 p.
8. *Rabadanova A.A.* The state and trends of changes in the structure of the economy in the regions of the North Caucasus Federal District / A.A. Rabadanova // Regional problems of economic transformation. 2015. № 9. P. 74–80.
9. *Zhade Z.A.* Trust in power in the Republic of Adygea and Krasnodar Krai (based on the results of applied research) / Z.A. Zhade // Humanities of the South of Russia. 2021. Vol. 12. № 5. P. 122–131.
10. *Klimenko L.V.* Gender relations in the South of Russia: ethnosociological analysis. Rostov-on/D. : Foundation for Science and Education, 2021. 132 p.
11. *Klimenko L.V.* Family in the multicultural space of the South of Russia: ethnogender dimension /

Л.В. Клименко // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 99–116.

12. Стародубровская И.В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия / И.В. Стародубровская // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 39–56.

L.V. Klimenko // Woman in Russian society. 2021. № 3. P. 99–116.

12. *Starodubrovskaya I.V.* The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences / I.V. Starodubrovskaya // Journal of Social Policy Research. 2019. Vol. 17. № 1. P. 39–56.

Викторов Александр Шагенович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социальных
технологий социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
aviktorov@bk.ru

БИПОЛЯРНЫЕ КОНСТРУКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования новой реальности современной цивилизации, в основе которой лежат конструкты системы биполярных обществ, связанные с доминированием различных видов неравных взаимоотношений. Автор с позиции теории конструктивизма раскрывает не только двойные ценностно-смысловые основания социальных конструктов, но и показывает их различное объективное и субъективное содержание, имеющее ряд особенностей, предопределенных как противоречивым характером становлением новой реальности современного общества, так и поиском некапиталистической модели развития.

Ключевые слова: социальное неравенство/равенство, справедливость/несправедливость, доверие/недоверие, консолидация/дифференциация.

Противоречивый процесс становления нового цивилизационного миропорядка непосредственно связан с характером конструирования современного биполярного общества, в основе которого лежит упрощенная структура (модель) радикального неравенства общественных взаимоотношений между условным инклюзивным «избранным» богатым меньшинством и эксклюзивным «неизбранным» бедным большинством. Как отмечалось в новом докладе ООН (январь 2020) о социальном положении: «В мире по-прежнему царит и углубляется неравенство, где небольшая группа людей – один процент населения – купается в роскоши и продолжает обогащаться, а 40 процентов населения из поколения в поколение не могут выбраться из нищеты» [1].

Исходя из этого, раскроем особенности состояния современной человеческой цивилизации через призму анализа значимых биполярных социальных конструктов, таких как равенство/неравенство, справедливость/несправедливость, доверие/недоверие, консолидация, дифференциация. В методологическом плане с точки зрения теории конструктивизма, биполярные конструкты имеют не только двойные ценностно-смысловые основания, но и разные объективное и субъективное содержание, которые находят проявление в

Alexander Sh. Viktorov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Social
Technologies of the Faculty of Sociology,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
aviktorov@bk.ru

BIPOLAR CONSTRUCTS OF MODERN CIVILIZATION

Annotation. The article is devoted to the actual problem of the formation of a new reality of modern civilization, which is based on the constructs of the system of bipolar societies associated with the dominance of various types of unequal relationships. The author, from the standpoint of the theory of constructivism, reveals not only the dual value-semantic foundations of social constructs, but also shows their different objective and subjective content, which has a number of features predetermined both by the contradictory nature of the formation of a new reality of modern society and the search for a non-capitalist model of development.

Keywords: social inequality/equality, justice/injustice, trust/distrust, consolidation/differentiation.

новой реальности современного биполярного общества.

С позиций конструктивизма, *неравенство как социальный конструкт* включает в себя два значимых момента: его субъективное осмысление на уровне повседневности и фиксация его как реального факта объективной действительности (доходы, богатство, власть). Иными словами, это - анализ совокупности представлений о явлении «социальное неравенство», которые основаны на непосредственном опыте людей и доминируют в той социальной среде (общности), с которой они идентифицируют свою принадлежность. На основе анализа различной литературы (научной, художественной, религиозной и др.) и многочисленных опросов общественного мнения, публикуемых в СМИ (интернете), гипотетически обозначим его некоторые особенности проявления в России [2] и Западной Европе [3]. Если для массового общественного сознания россиян сущность конструкта неравенства раскрывается через такие категории как «зло», «неправедность», «несправедливость», т.е., чувственно воспринимается как абсолютная антиценность и ему как оппозиции противостоит идеал социального равенства (период СССР), то в европейском общественном сознании оно рационально воспринимается через

разные виды правовой и политической оппозиции: «равенство – неравенство», «право – бесправие», «законность – беззаконие», «свобода – несвобода», имеющие разный индивидуальный и общественный ценностно-смысловой контекст. Поэтому социология повседневной жизни ориентирована не на абстрактные категории социальных систем и действий, а на конкретную реальную действительность, воспроизводящую реальные общественные взаимодействия, которые отличаются целым рядом специфических черт (индивидуальных, групповых и др.) и позволяют нам увидеть суть того, что на самом деле происходит в сфере отношений неравенства между ведущими западными странами и другими «человеческими сообществами».

Объективно на уровне повседневной реальности можно наблюдать следующие проявления неравенства:

- неравенство возможностей в реализации поставленных целей в определенном социокультурном пространстве;
- неравный доступ к материальным благам и неравенство условий/образа жизни; различие людей по внешним данным (пол, возраст, сила, здоровье, привлекательность и др.) и внутренним признакам (наличие особых способностей, качеств, умений и др.).

Все эти различия людей принято обозначать и подразделять на естественные и социальные, которые, как бы, закрепили их неравные статусы в социальных отношениях определенного социокультурного пространства. Именно они в разной мере могут выступать основой неравных отношений в биполярном современном капиталистическом обществе, которые имеют ряд особенностей в конструировании новой реальности капитализма (характеризуются деформацией привычных структур, утратой устойчивых социальных отношений, кризисом традиционных морально-нравственных устоев) и пытаются обозначить третий путь (вне глобализма, национализма и фундаментализма). В социально-гуманитарном знании эта реальность как объективно существующая и субъективно понимаемая трактуется неоднозначно, имея разные методологические предпосылки и смысловые ценностные предпочтения. Например, экономисты рассматривают ее через концепты реиндустриализации, неоиндустриализации, деиндустриализации и пр., а социологи изучают как реальность разных обществ (постиндустриального, информационного, знания, потребления, услуг и др.) и как процесс формирования новой неоиндустриальной реальности инклюзивного капитализма через трансформацию институциональных ценностей и организационных структур, направленных на перераспределение богатства во всем мире [4].

Биполярный конструкт справедливость/несправедливость в отличие от неравенства обозначает не столько характер особенностей формирования и изменения объективной (субъективной) реальности, а сколько придает ей (реальности) ту или иную ценностную значимость.

Поэтому в социально-философском отношении конструкт «справедливость/несправедливость» выполняет двойственную функцию: выступает как оценочная категория, которая фиксирует насколько основные те или иные принципы справедливости являются универсальными (или ограниченными) и определяет адекватность функционирования имеющихся общественных институтов, обеспечивающих жизнеспособность, благосостояние и устойчивость развития общества. Это означает, что социальная справедливость должна являться основным структурообразующим элементом ценностной системы общества, несмотря на различные уровни социально-экономического развития. В специальной литературе сформировались три значимых подхода в рефлексии конструкта справедливости, имеющие разные идеологемы и принципы миропонимания [5, с. 110–111]: традиционный (уравнилельный и распределительный), классовый (правый и левый) и либеральный (в основе теория справедливости Дж. Ролза) [6, с. 66]. Благодаря анализу различных данных социологических исследований, проведенных в разное время («нулевые» и «десятые годы»), выявлена зависимость разных субъективных оценок социальной несправедливости от особенности состояния объективного уровня социально-экономического развития общества и характера направленности (позитивного или негативного) формирования новой социальной реальности капитализма. Например, в социологическом исследовании, проведенном в «нулевые годы» ИС РАН, социально-психологическое состояние общества отмечалось как время стабильного экономического и социального развития общества, что нашло выражение в росте позитивных оценок характеризующих обстановку в стране. Причем, каждый второй опрошенный назвал проблему социального расслоения и противоречие между богатыми и бедными как наиболее острую, которая обуславливалась высокой степенью чувства социальной несправедливости россиян [7, с. 5; 9; 16; 22-23]. Но в «десятые годы», когда происходило реальное снижение уровня жизни населения и зарождение протестных настроений, социальная несправедливость/справедливость становится наиболее значимой составляющей в общественном сознании для всех социальных групп. Однако возможность ее искоренения оценивалась весьма пессимистично и отсюда несправедливое устройство российского общества ассоциируется не только с несовершенством институтов, но и с неудовлетворенностью жизнью из-за недостатка тех или иных социально-экономических благ [8].

По данным всероссийского исследования ИС РАН на тему «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?» было отмечено, что существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения независимо от их уровня жизни и динамики их личного благосостояния. Причем, с точки зрения оценки справедливости или несправедливости россияне руководствуются представлениями о должной справедливости для общества, нежели своими личными интересами [9, с. 8; 61]. Материалы других исследований («О чем мечтают россияне») показали, что самыми

популярными мечтами россиян стали мечты относящиеся к семейной, личной жизни и материальному благополучию, а самыми популярными желаниями стали соответственно: обеспечить всем необходимым себя и своих близких, путешествовать по странам и жить ни в чем себе не отказывая [10]. Сравнительный анализ различных исследований состояния российского общества за последние 10–15 лет показал, что проблема неравенства и несправедливости стала одной из самых значимых и болезненных в самосознании россиян, начиная с «нулевого» времени, а с момента пандемии COVID-19 (способствовала обострению и появлению новых форм неравенства) превратилась в некую взрывоопасную смесь для радикальных социальных и политических изменений.

Конструкт социальной консолидации определяет проблему биполярного общества через степень способности или неспособности социальной общности к процессу объединения, сплочения, укрепления взаимодействия индивидов и интеграции групп, его составляющих. Причем, усиление или ослабление социального неравенства связывается с характером проявления консолидации, обусловленной различными факторами, которые провоцируют деструктивную, негативную консолидацию общества:

- отсутствие доверия россиян к политическим и социальным институтам;
- низкий уровень удовлетворенности условиями жизни; дискредитация честности и значимости выборов в различные органы власти;
- низкий уровень общегражданской идентичности и др. [11, с. 22; 25].

Согласно данным ИСПИ РАН, российское общество не способно консолидироваться, что мешает ему эффективно развиваться. Эта социальная разобщенность способствует сохранению его маргинальной структуры и даже «склонности к распаду» (отчужденность социальных групп и разъединение регионов страны) [12]. В самом общем плане, конструкт социальной консолидации может обозначать как процесс социальной интеграции (гармонизации отношений), так и уровень дезинтеграции (дисгармонии) биполярного общества.

Конструкт социальной дифференциации определяет специфику процесса социальных изменений, в ходе которого различные группы в обществе отделяются одна от другой и образуют определенную иерархию в соответствии с их статусными позициями (власти, богатства, престижа). Если в качестве исторической первоосновы конструкта социальной дифференциации европейского общества выступала индо-иранская социальная стратификация тройного деления общества на социальные классы в соответствии с тремя родами деятельности (общественного функционирования): жрецы, воины и земледельцы, которые имели разный смысловой контекст, то в дальнейшем в процессе цивилизационных социальных изменений главенствующее

положение, вплоть до Нового времени, стало занимать второе сословие, но после Великой Французской революции к власти пришло не третье сословие, а четвертое. Следует отметить, что первоначально индоевропейская социальная организация, т.е. общество, рассматривалось не с точки зрения природы и иерархии классов, а как некая совокупность всех его граждан, состоящая из четырех кругов социальной принадлежности (семья, род, племя, страна) [13, с. 196–197; 210–211].

• Эти ключевые положения имеют важное методологическое значение с точки зрения нового понимания конструкта дифференциации в анализе современной социальной структуры современного биполярного общества, который связан с именем немецкого социолога Н. Лумана, выделившего такие его разновидности как: «функциональная дифференциация», «исторические формы сложной дифференциации», «модернизация» [14, с. 9–13; 25–30; 177; 520–524]; «общество как всеохватывающая социальная система» [15, с. 83–91]; «самоорганизация социальных систем» [16, с. 26–32]; «метакод включения/исключения» [17, с. 98–99; 107]. На его взгляд, дифференциация означает то, что в обществе как самоорганизованной системы присутствуют внутренние деления, которые оно само воспроизводит через те или иные виды неравенства в разных социальных группах. Поэтому следует разделять два вида неравенства: различие в обществе как продукт исторических обстоятельств и различие индивидов как отражение коммуникаций, связанных с автопоэтикой (воспроизводством социальной системы, т.е., насколько она является своим собственным продуктом). Первичной формой различия людей, т.е., их дифференциацией, выступает не только стратификационная иерархия (эксплуатация, угнетение и несправедливость одних людей к другим), но и функциональная дифференциация, т.е., разделение общества на различные автономные социальные системы, где имеются специфические отличия (главное – не эксплуатация, а пренебрежение). Иначе говоря, общество дает возможность одним стать личностями, а другим – индивидами, т.е., кого-то оно интегрирует, а кого-то исключает. Отсюда, современное общество следует понимать как социальную систему (способно изменять форму внутренней дифференциации) и как функционально дифференцированное (выступать механизмом воспроизводства социальной системы, порождая социальные классы). Следуя этой логике, Луман приходит к выводу о том, что если главной проблемой становления общества в XIX веке была солидарность (не культура), то в XX веке – это социальная дифференциация: включение и исключение людей из функциональных систем, а не классовая стратификация (бедные и богатые, эксплуататоры и эксплуатируемые) [18]. Благодаря разработке категории дифференциации, Н. Луман попытался создать новую историческую схему эволюции человеческого общества как самоорганизующих систем, которые в результате воспроизводства четырех основных форм дифференциации (различий равенства и неравенства) имеют соответствующие им уровни сложности и организации социального порядка:

сегментарный, центрально-периферийный, стратификационный и функциональный. Причем, каждая из этих форм дифференциации обладает как общими, так и специфическими чертами. Так, например, паразитарный порядок возникает при хорошо структурированном порядке неравенства, а современное общество определяется через форму его функциональной дифференциации, где функциональные системы равны в своем неравенстве. Это рассуждение Лумана (уже после его смерти) нашло известное подтверждение в образовании Евросоюза, распространения различного рода сетевых структур, включение/исключение людей из социальной системы как механизм нового неравенства, функциональной дифференциации стран на развитые, развивающиеся и малоразвитые.

По результатам исследований некоторых социологов, особенности социальной дифференциации в современной России связаны: максимальным неуважением гражданами: политиков и депутатов – 35 %; представителей шоу-бизнеса – 25 %; полицейских – 25 %; максимальным уважением: врачей – 55 %; учителей – 44 %; ученых – 43 %; крестьян, рабочих – 42–39 %; отсутствием справедливости в обществе – 76 %; правовым беспределом – 72 %; угрозой безвластия, анархии, хаоса – 56 % [19].

Эти данные, характеризующие общественное мнение россиян в оценке существующего социального порядка, весьма условно можно отнести к особенностям социальной дифференциации, поскольку имеют некий «неизменный» социальный исторический контекст. С позиции Лумана, особенность социальной дифференциации в России определена формой дифференциации существующей нестабильной системы, где социальная структура биполярного общества состоит из богатых и бедных.

Российский философ А.С. Панарин считал, что суть конструкта дифференциация следует понимать «не в рамках отношений производства самого общества, а в контексте политических технологий», где выделяются две группы: традиционалистская (устанавливает порядок естественных различий) и прогрессистская (исторически искусственно конструировались) [20, с. 332–333]. Специфика современной России в этом отношении состоит в том, что естественные и искусственные социальные различия как бы дополняют или отрицают друг друга (например, принудительно-свободная вакцинация и «ковидные» различия).

Конструкт равенства обозначает отношения взаимозаменяемости между объектами в силу их равенства, поскольку социальное равенство выступает одним из идеалов справедливого общества. Однако социальный смысл равенства достаточно многообразен и проявляется в обладании равными правами, в имущественном и статусном равенстве. В социологическом контексте равенство имеет три значения: равенство перед законом; равенство возможностей; равенство результатов.

Идея равенства в истории человечества имела разное содержание и отношение к разным социальным группам. Свою наиболее полную разработку она получила в идеологии социализма – полного социального равенства всех людей и идеологии либерализма равенства прав индивидов в экономической деятельности. Исторически популярный лозунг «Свобода, Равенство, Братство» был впервые провозглашен торговцами французского города Нант (Франция) для защиты своих частных (экономических), а не общих социальных прав (тогда он означал уменьшение непомерных налогов на торговлю ради братства продавца и покупателя и равенство в правах с известной английской Ост-Индской компанией). Во времена античной древности под равенством понималось равновесие золотых весов верховного греческого бога Зевса в решении судеб людей и народов, которое было связано с тем или иным божественным предостановлением: соблюдением определенного порядка и закона благодаря внутренней свободе выбора. Поэтому равенство, в его первоначальном мифо-религиозном смысле, означало «золотую середину» как гармонию свободы и порядка. Однако в дальнейшем (начиная с конца XIX века) идея равенства среди людей стала своеобразным философским и социально-политическим пиаром либеральной оппозиции (разных оттенков), стремящейся к власти. Ее смысл – наделение людей равными правами в отношении обладания материальными и духовными благами на основе справедливого закона (моральных норм). Однако равные возможности, равные условия и равное распределение (как содержательные принципы идеи равенства) так и остались неразрешимыми. И не столько в силу естественного происхождения и божественной предначертанности («каждому свое»), а сколько социальной предпочтительностью к нему общества.

Отсюда, глобальные социально-нравственные проблемы человеческой цивилизации с начала XIX века стали принимать все более острый взрывоопасный характер. Человечество с необходимостью сформулировало эту проблему, но решить ее не может, ибо оно построило для себя особую «материально-животную» цивилизацию, а в животном мире равенства нет. Поскольку основной закон природы – это борьба за ресурсы, конкуренция, естественный отбор, т.е. самовоспроизводство, самосохранение, самовывживание (пища, самки, территория), когда «экономически» сильный выживает за счет слабого.

По мнению А. Франса, «богатые и бедные свободны ночевать под мостами», а потому в современном мире большинство социально исключенных людей (мигранты, бедные и др.) лишены своих прав не только за рубежом, но и у себя в стране. К тому же, проблема равенства напрямую связана с проблемой устойчивости и неустойчивости иерархий (т.е. сохранения, изменения и распределения власти). В животном мире любая иерархия сохраняется не более одного поколения, т.е., она не устойчива и постоянно обновляется благодаря притоку (отбору) более сильных и

здоровых самцов (или самок). В отличие от него, в цивилизованных человеческих сообществах знатные родовые (клановые) или корпоративные (клановые) династии выступают в качестве относительно устойчивых структур, сохраняющих свою неизменность благодаря перманентному воспроизводству нестабильных и кризисных моделей общественного развития. Самая жизнеспособная в этом отношении была «венецианская» модель иерархии, когда наиболее богатая (торгово-финансовая) верхушка отдает свои властные полномочия полностью контролируемой местной знати, которая осуществляет общественное развитие и порядок, т.е. выступает в роли особого посредника между противоположными и неравными социальными слоями населения. В современной России подобной моделью выступают своеобразные патронклиентальные межличностные взаимоотношения, основанные, по словам английского антрополога Э.А. Геллнера, аморальными и циничными индивидуалистами, не имеющими возможности для самореализации и изощренными в приспособленчестве и лицемерии [21].

Конструкт доверия выступает своеобразным критерием отношения справедливости, равенства, солидарности, который, как бы, фиксирует качественную основу и реальную направленность деятельности социальных институтов по решению проблемы неравенства в современном обществе в тех или иных условиях общественного существования настоящего и будущего времени. Согласно принципам этнометодологии, доверие необходимо рассматривать в двух основных аспектах: во-первых, через призму веры и порядочности к одному и тому же сообществу (нации), что требует проявления солидарности, а во-вторых, как готовность следовать правилам игры (институтам), принятым в обществе (следовать установленным обычаям).

Иначе говоря, доверие закрепляет порядок сложившихся отношений в обществе и делает его устойчивым. В соответствии с этим (характер устойчивости), общества делятся на теплые и холодные. Холодные – это те общества, где люди договорились о правилах игры (законы, обычаи, традиции), которые регулируют их отношения равенства и неравенства в разрешении тех или иных стандартных ситуаций. В отличие от них, теплые общества характеризуются обратными качествами. Здесь люди не сумели договориться между собой об общих правилах, а потому вынуждены их компенсировать личными взаимоотношениями или иными правилами (драконовскими, мистическими и другими) [22, с. 3–25]. Отсюда, отсутствие нормативно принятого действенного права вынуждает прибегать к идее справедливости. Согласно мнению П. Штомпки, возникновению климата доверия способствует ряд обстоятельств, имеющих социально-психологический и социокультурный контекст [23, с. 414].

По Э. Гидденсу, человеческая история не образует единого процесса и отмечена различного

рода «разрывами» (переходами от одной стадии общества или социального порядка к другому). В конце XX века наметился переход к новой эре, то есть возникновение нового типа системы, которую он обозначает не как капиталистический строй, а как новый индустриальный социальный строй. Он резко отличается от предыдущих форм жизни не только в количественной (социальной связи распространились по всему миру), но и в качественном (основы повседневного индивидуального и общественного существования) отношении. Поэтому, ключевым понятием социологии должно стать решение не проблемы порядка, а проблемы связи социальных систем, которые он обозначит термином «доверие» – уверенности в надежности системы человеческих взаимоотношений [24, с. 114–122]. Логика подобного рассуждения сводится к тому, что в условиях перехода к новой реальности современного цифрового (индустриального) общества и появлению новых форм социального неравенства возникают новые реальные и потенциальные различные социальные опасности (угрозы), которые можно преодолеть с помощью инструмента доверия как значимого свойства современной социальной системы.

Таким образом, благодаря системно-структурному анализу современной цивилизации, мы выявили, что в ее основе лежит система биполярных обществ, связанных с доминированием различных видов неравных взаимоотношений, которые обусловлены различным действием биполярных конструктов (неравенство/равенство, справедливость/несправедливость, доверие/недоверие, консолидация/дифференциация), имеющих ряд особенностей.

Во-первых, они базируются на некой предопределенности историко-социального эмоционального опыта (пессимизма, неудовлетворенности жизнью), связанного с осознанием невозможности исправить существующее положение роста неравенства и несправедливости.

Во-вторых, конструкты неравенства, дифференциации и несправедливости определяют формирование и изменение объективной и субъективной реальности современного капитализма, выступая в качестве структурообразующего элемента ценностной основы биполярного общества.

В-третьих, конструкты доверия, равенства и консолидации в субъективно-ценностном плане напрямую связаны с уровнем социальной ответственности человека за будущее перед собой, близкими, страной и обществом.

В-четвертых, проблема формирования новой реальности современного биполярного общества непосредственно связана с двумя противоположными тенденциями: как трансформацией капитализма в условиях его системного кризиса и попыткой сохранения, так и поиском некапиталистической модели развития.

Литература:

1. Неравенство – это не приговор. URL : <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1371001> (дата обращения 04.04.2022).
2. Бердяев Н. Философия неравенства. М. : Институт русской цивилизации, 2012.
3. Элиас Н. Общество индивидов. М. : Праксис. 2001.
4. Инклюзивный капитализм. Папа Франциск создает альянс с фондами Рокфеллера и Ротшильда. URL : <https://aftershock.news/?q=node/929462&full> 12 декабря 2020; со ссылкой на сайт URL : <https://www.inclusivecapitalism.com/> (дата обращения 04.04.2022).
5. Капиталистическое общество. Проблема справедливости / Под ред. Веселова Ю.В. [и др.]. СПб. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 110–111.
6. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз; Пер. с англ. М. : ЛКИ. 2010. С. 66.
7. Чего опасаются россияне? // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. 2008. № 6. С. 5; 9; 16; 22–23.
8. Грошева И.А. Справедливость: как она понимается и как реализуется в современной России. VI Социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования». М., 17 марта 2016.
9. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М. : Весь Мир. 2013. С. 8; 61.
10. О чем мечтают россияне. 11 января 2021. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-chem-mechtajut-rossijane> (дата обращения 04.04.2022).
11. Социально-структурные факторы консолидации российского общества : монография / Отв. ред. И.И. Елисеева, Г.В. Еремичева. СПб. : Нестор-История, 2012. С. 22; 25.
12. Зимина Т. Что может объединить россиян / Т. Зимина // Наука и жизнь. 2012. № 2. URL : <https://www.nkj.ru/archive/articles/20383/> (дата обращения 04.04.2022).
13. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 196–197; 210–211.
14. Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. Кн. 5: Самоописания / Н. Луман; Пер. с нем.; А. Антоновский [и др.]. М. : Логос, 2011. С. 9–13; 25–30; 177; 520–524.
15. Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система / Н. Луман; Пер. с нем.; Антоновский А. Кн. 2: Медиа коммуникации / А. Антоновский; Пер. с нем.; Глухов А. Кн. 3: Эволюция / А. Глухов, О. Никифоров; Пер. с нем.; А. Антоновский. М. : Логос, 2011. С. 83–91.

Literature:

1. Inequality is not a verdict. URL : <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1371001> (date of appeal 04.04.2022).
2. Berdyaev N. Philosophy of Inequality. M. : Institute of Russian Civilization, 2012.
3. Elias N. Society of Individuals. M. : Praxis. 2001.
4. Inclusive capitalism. Pope Francis is forming an alliance with the Rockefeller and Rothschild Foundations. URL : <https://aftershock.news/?q=node/929462&full> December 12, 2020; with a link to the website URL : https://www.inclusivecapitalism.com (date of appeal 04.04.2022).
5. Capitalist society. The problem of justice / Ed. Yu.V. Veselova [et al.]. SPb. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. P. 110–111.
6. Rolls J. The theory of justice / J. Rolls; Translated from English. M. : LKI. 2010. P. 66.
7. What are Russians afraid of? // Information and Analytical Bulletin of IS RAS. 2008. № 6. P. 5; 9; 16; 22–23.
8. Grosheva I.A. Justice: how it is understood and how it is implemented in modern Russia. VI Sociological Grushinsky conference «Life of research». M., March 17, 2016.
9. What Russians dream about: ideal and reality / Edited by M.K. Gorshkov, R. Krumma, N.E. Tikhonova. M. : The Whole World. 2013. P. 8; 61.
10. What Russians dream about. January 11, 2021. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-chem-mechtajut-rossijane> (date of appeal 04.04.2022).
11. Socio-structural factors of consolidation of Russian society. SPb. : Nestor-History : Monograph / Ed. by I.I. Eliseev, G.V. Eremicheva. 2012. P. 22; 25.
12. Zimina T. What can unite Russians / T. Zimina // Science and life. 2012. № 2. URL : https://www.nkj.ru/archive/articles/20383 (date of appeal 04.04.2022).
13. Benveniste E. Dictionary of Indo-European Social Terms. M., 1995. P. 196–197; 210–211.
14. Luhmann N. Society of Society. Book 4: Differentiation. Book 5: Self-descriptions / N. Luhmann; Trans. from German; A. Antonovsky [et al.]. M. : Logos. 2011. P. 9–13; 25–30; 177; 520–524.
15. Luhman N. Society of Society. Book 1: Society as a social system / N. Luhman; Translated from German; Antonovsky A. Book 2: Media communications / A. Antonovsky; Translated from German; Glukhov A. Book 3: Evolution / A. Glukhov; Translated from German; A. Antonovsky. M. : Logos. 2011. P. 83–91.

16. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; Пер. с нем. М. : Наука. 2007. С. 26–32.
17. *Луман Н.* Глобализация мирового общества: как следует системно понимать современное общество / Н. Луман // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М. : ИНТЕЛЛЕКТ, 1998. С. 98–99; 107.
18. *Луман Н.* Общество общества. Кн. 4: Дифференциация; Кн. 5: Самоописание. М. 2011. С. 9–13; *Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории». М., 2007. С. 26–29; 44–46; 261–262; 256–258; *Луман Н.* Глобализация мирового общества: Как следует системно понимать современное общество / Н. Луман // Социология на пороге XXI века. М., 1998. С. 106–107.
19. *Гудков Л.Д.* Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция / Л.Д. Гудков, Н.А. Зоркая // Мир России. 2013. № 2.
20. *Панарин А.С.* Философия политики. М. : Новая школа. 1996. С. 332–333.
21. *Геллнер Э.А.* Слова и вещи: Критический анализ лингвистической философии и исследование идеологии. М. : Изд-во Иностранной литературы. 1962. 344 с.
22. *Гарфинкель Г.* Концепция и экспериментальные исследования доверия как стабильных согласованных действий / Г. Гарфинкель // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 4. С. 3–25.
23. *Штомпка П.* Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. С. 414.
24. *Гидденс Э.* Последствия современности. М. : Практис, 2011. С. 114–122.
16. *Luhmann N.* Social systems. An essay on general theory / N. Luhmann; Trans. from German. M. : Science. 2007. P. 26–32.
17. *Luhmann N.* Globalization of world society: how should modern society be systematically understood / N. Luhmann // Sociology on the threshold of the XXI century: new directions of research. M. : INTELLECT. 1998. P. 98–99; 107.
18. *Luhmann N.* Society of Society. Book 4: Differentiation; Book 5: Self-description. M., 2011. P. 9–13; *Luhmann N.* Social Systems: An Essay of general Theory. M., 2007. P. 26–29; 44–46; 261–262; 256–258; *Luhmann N.* Globalization of world Society: How should modern society be systematically understood / N. Luhmann // Sociology on the threshold of the XXI century. M., 1998. P. 106–107.
19. *Gudkov L.D.* Sterilization of social differentiation: the Russian «middle class» and emigration / L.D. Gudkov, N.A. Zorkaya // The world of Russia. 2013. № 2.
20. *Panarin A.S.* Philosophy of Politics. M. : New School. 1996. P. 332–333.
21. *Gellner E.A.* Words and things: A critical analysis of linguistic philosophy and the study of ideology. M. : Publishing House of Foreign Literature. 1962. 344 p.
22. *Garfinkel G.* The concept and experimental studies of trust as stable coordinated actions / G. Garfinkel // Sociological Review. 2009. Vol. 8. № 4. P. 3–25.
23. *Shtompka P.* Trust is the basis of society. M. : Logos. 2012. P. 414.
24. *Giddens E.* Consequences of modernity. M. : Praxis. 2011. P. 114–122.

Гамурак Анна Владимировна
директор,
ООО Дирекция пространственного
развития «10»
annagamurak@mail.ru

О РОЛИ БИОРАЗНООБРАЗИЯ ПРИ ОБУСТРОЙСТВЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация. Опираясь на опыт благоустройства общественных городских пространств, автор статьи с позиций социологической науки делает акцент на роли внедрения биологического разнообразия в городскую среду, рассказывает о том, как приёмы ландшафтного проектирования помогают преобразовывать малопривлекательные публичные пространства и восстанавливать их идентичность. Как он отмечает, поскольку развитие городов немислимо без соблюдения принципов экологической устойчивости создания комфортной среды, где есть место природе, следует особое внимание уделять вопросам использования местной флоры, имеющей ряд существенных преимуществ.

Ключевые слова: ландшафт, биоразнообразие, общественное пространство, городская среда.

Второе столетие мировое сообщество прилагает колоссальные усилия для сохранения биологического разнообразия на Земле. Более 50 лет назад были созданы условия для выделения биоразнообразия в самостоятельное научное направление. Помимо этого, данное направление заняло достойное место в структуре социологической науки. А основой для формирования гармоничных отношений между обществом и природой стали результаты Первой сессии Международного координационного совета при ЮНЕСКО «Человек и Биосфера» (Man and Biosphere, MAB), обозначившей в 1971 г. проблемы, которые требуют неустанного внимания и соучастия планетарного масштаба.

С переходом в сферу международного правового сотрудничества удалось сфокусировать общественное внимание на первостепенных целях и задачах, связанных с контролем состояния биологического разнообразия (biodiversity) в каждой из стран-участниц Конвенции о биоразнообразии. Актуальность поднятых на международной арене тем сегодня не снижается, остаётся острой. Над глобальной задачей приостановки деградации экосистем и поддержания биологического разнообразия человечество работает по сей день, и успех этой миссии, очевидно, заключается в том,

Anna V. Gamurak
Director,
LLC Spatial Development
Directorate «10»
annagamurak@mail.ru

ON THE ROLE OF BIODIVERSITY IN THE DESIGN OF PUBLIC URBAN SPACES: SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

Annotation. Based on the experience of improving public urban spaces, the author of the article focuses on the role of introducing biological diversity into the urban environment, talks about how landscape design techniques help transform unattractive public spaces and restore their identity. Since the development of cities is unthinkable without observing the principles of environmental sustainability, creating a comfortable environment where there is a place for nature, special attention should be paid to the use of local flora, which has a number of significant advantages.

Keywords: landscape, biodiversity, public space, urban environment.

чтобы «изменить роли, действия и отношения людей к биоразнообразию» [1].

Наряду с Конвенцией о биологическом разнообразии, принятой в 1992 г., фундаментальное значение для поддержки стабильности окружающей среды (а, следовательно, и благополучия общества) имеют Национальная стратегия сохранения биоразнообразия России (2001) [4]; программа «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» (Millennium Ecosystem Assessment, MA) – как одна из пяти важнейших инициатив по обеспечению общего будущего, провозглашённая в 2000 г. Генеральным секретарём ООН К. Аннано, и доклад по этой программе (2005); Экологическая доктрина Российской Федерации, одобренная Правительством РФ 31 августа 2002 г. [3]

Так, для достижения стратегической цели государственной политики РФ в области экологии первостепенной задачей обозначено сохранение и восстановление биологического разнообразия природных систем и их способности к саморегуляции как необходимого условия существования человеческого общества [3]. А в Национальной стратегии сохранения биоразнообразия России среди социально-экономических особенностей, влияющих на биоразнообразие, в числе первых

указывается такая проблема как «преобладание потребительского отношения к живой природе среди населения» [4].

Осознавая зависимость всех сфер жизни человека от сохранения окружающей среды и разнообразия живых систем на Земле, следует изыскивать ресурсы по сохранению биоразнообразия во всём, ибо в этом состоит залог устойчивого развития. Оставляя за рамками данной статьи основополагающие труды К. Линнея, Ч. Дарвина, Г. Бейтса, кардинально повлиявших на понимание природы биоразнообразия, а также исследования популяционных генетиков 20-го столетия, мы придерживаемся понимания биологического разнообразия как разнообразия организмов и их природных сочетаний, как наименьших единиц биоразнообразия, обладающих автономностью, способностью к жизнеобеспечению, адаптации и являющихся носителями других форм биоразнообразия [8]. «Понятие «биологическое разнообразие» включает в себя все виды растений, животных и микроорганизмов, а также, экосистемы, составной частью которых они являются... сохранение биологического разнообразия – это не только сохранение экосистемы, но, самое главное, это сохранение тех условий природной среды, в которой возможна нормальная жизнь и деятельность человека», – отметил в 1990 г. один из крупнейших отечественных зоологов и гидробиологов советский и российский учёный О.А. Скарлато [5].

В рамках статьи нас интересует роль биоразнообразия в контексте городской среды. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки новых способов решения проблемы биоразнообразия в городской среде, которые можно применить, в частности, при обустройстве публичных пространств. Наша цель, – учитывая сложности внедрения биоразнообразия в городском ландшафте, выработать способы решения проблемы и апробировать их при обустройстве общественных пространств. В перспективе это направление исследования должно способствовать выявлению зависимости между культурой и благосостоянием различных групп населения и динамикой биоразнообразия, анализу тех путей, которыми современное общество управляет процессами биоразнообразия.

Методы современного ландшафтного дизайна создают неисчерпаемые варианты благоустройства общественных городских пространств, позволяя скорректировать архитектурно-художественный облик города, решить проблему недостатка рекреационных зон, достигнуть ощутимого эстетического, экологического и санитарно-гигиенического эффекта. Привнося аспекты биоразнообразия в проектные решения ревитализации или обустройства общественных пространств, мы шаг за шагом прилагаем усилия к тому, чтобы горожане могли проводить больше свободного времени на улице в окружении живой природы, а городская инфраструктура не приносила бы вреда биоразнообразию. Мы идём по пути, о котором доктор архитектуры, профессор Валерий Нефёдов упоминал ещё в 2015 году: «Человек, долгие годы изгоняя природу из городов под предлогом необходимости развития производства и транспорта, не

задумывался над тем, что наступит момент, когда ему придется возвращать её, чтобы просто выжить» [9].

Однако здесь справедливо опасение, высказанное экспертами по устойчивому развитию КБ «Стрелка», о недостаточности того, что «городские планировщики будут разрабатывать красивые зелёные города, исходя из желания горожан находиться в окружении зелени... эти города не будут устойчивыми, в них не будут восстанавливаться природные экосистемы, они не будут приспособлены к изменениям климата» [6]. Для того, чтобы этого избежать, следует рассматривать городскую ландшафт не как яркую декорацию, а как неотъемлемую часть среды для жизни человека; важно основываться на таких стратегиях развития городов, где заложена возможность адаптации к последствиям климатических изменений. И частью такого развития должны стать общественные пространства. Не уходя в историю вопроса, вспомним, однако, что о влиянии растительности, например, на количество выпадающих осадков (в виде дождя и снега) писал ещё в 1888 г. выдающийся русский климатолог и метеоролог Воейков А., долгий период своей деятельности посвятивший проблеме воздействия человека на природу [7].

Наша задача – создать комфортное общественное пространство с воссозданными уголками естественных ландшафтов, где природа была бы ближе к человеку, при этом не нарушая рамки безопасности горожан.

Наряду с декоративными многолетниками мы используем в посадках растения, характерные для местной флоры Белгородского края. Они менее требовательны к почвам, способны к самовосстановлению, устойчивы к болезням, вредителям, засушливым периодам и агрессивным воздействиям внешней среды. Кроме того, при правильном подборе – высокодекоративны. Среди растений местной флоры присутствует значительное количество медоносных (тимьяны, шалфеи и др.), привлекательных для насекомых-опылителей.

Изучение растений меловых отложений (а Белгородская область – это территория, где сконцентрированы колоссальные запасы мела) позволило сделать вывод, что среди них есть перспективные для создания травяных покрытий на наиболее проблемных объектах озеленения, в том числе на территории, прилегающей к проезжим частям автодорог (овсяница красная, овсяница тростниковая, райграс пастбищный, ежа сборная, клевер ползучий).

При подборе трав и цветов для городского озеленения учитывается климатический фактор, и флора меловых отложений имеет ряд преимуществ даже в этом вопросе. Кроме того, длительность вегетационного периода позволяет им сохранять декоративность с мая по октябрь (фацелия пижмолистная, иссоп лекарственный, мордовник шароголовый, ирис низкий, купена лекарственная, купена многоцветковая, шалфей остепнённый, копеечник крупноцветковый и др.).

Вообще, «растительность меловых отложений всегда поражала ботаников богатством видового состава по сравнению с флорой окружающей их степи и интересных видов» [10].

Одним из примеров трансформации общественного пространства с уникальными практиками озеленения стал городской сад (Горсад) в историческом центре Белгорода. Трансформация подразумевала корректировку структуры пространства в соответствии с актуальными запросами горожан, благоустройство территории и включение в существующий ландшафт новых элементов природы. Обследование зелёных насаждений в сквере показало, что внешний облик ландшафта эстетически непривлекателен, невыразителен.

До этого проекта, реализованного в 2019 году, сквер несколько раз пытались «реанимировать», давали ему новое наименование, устанавливали арт-объекты, но он так и оставался транзитной территорией для горожан. А ведь в его истории, насчитывающей не одно десятилетие, были и этапы, когда здесь активно собирались горожане, проводились концерты и ярмарки.

Проведённые анкетирования и интервью в апреле 2019 г. (объём выборки составил 150 человек) показали, что белгородцы хотели бы видеть Горсад как спокойное зелёное пространство для семейных прогулок и прогулок с детьми. Более четверти опрошенных жителей соседних дворов вспоминали о том, как проводили здесь время в середине и второй половине прошлого века, – эти данные были использованы при разработке айдентики и информационных стендов об истории Горсада, а также, в целом, для выработки проектного решения по реконструкции сквера. Старый фонтан был реставрирован, – в нём удалось выразить позитивное отношение к тому, что можно назвать «памятью места». В дополнение к существующим деревьям на территории были высажены новые, добавлены смешанные цветники из многолетних растений, создающих естественный пейзаж и не требующих сложного ухода, в том числе из местной флоры (коллекция ирисов, шалфей, герань). Принципиально важной деталью возвращения «уголка природы» в город стало то, что луговые многолетние растения были высажены только на оригинальных клумбах, а на газонах оставили газонную траву, для того чтобы уберечь маленьких посетителей сквера, желающих побегать босиком, от опасности укусов насекомых. В озеленение сквера включена сортовая сирень отечественной селекции (сирень сегодня признана брендовым растением Белгородской области). Вокруг возрастных деревьев выполнены удобные пристольные скамьи, где в тени можно отдохнуть от изнуряющей городской жары летом. Территория дополнена современными велопарковками и детской игровой площадкой, выполненной в экостиле и неизменно привлекающей ребят разного возраста.

Интересного визуального эффекта удалось добиться контрастом силуэтов и форм, а также разнообразием текстур, – появилось ощущение естественности открытого свободного пространства, при этом остаётся зонирование территории.

На ограждении, отделяющем территорию сада от жилых домов, устроено вертикальное озеленение из девичьего винограда и установлена «гостиница» для насекомых (домик, предназначенный для того, чтобы помочь пережить насекомым холодное время года, а также, обратить внимание детской аудитории сквера на жизнь этих обитателей).

С момента реализации проекта Горсад стал одной из ярких визитных карточек современного Белгорода, привлекательных для досуга и проведения фотосессий.

Ещё одним примером использования богатства местной флоры стала рекреационная территория парка «Ривьера» (Белгородский район), где удалось высадить более 50 видов многолетних декоративных культур с зонированием территории на степной, лесной, луговой и болотный уголки растительного мира. Подбирались растения, отражающие характерную флору Белгородчины и способствующие устойчивости ландшафта: почвоулучшающие, участвующие в экосистемных процессах (необходимых для птиц, рыб и насекомых). Пустынная территория площадью более 10 гектаров стала привлекательным общественным пространством, где есть возможность не только отдохнуть, увидеть передвижные тематические выставки, но и познакомиться с богатством мира растений Белгородчины.

В 2020 году в рамках проведения IV открытого фестиваля по ландшафтной архитектуре и средовому дизайну «Зелёная столица» был успешно реализован проект благоустройства площади перед Центром культурного развития «Молодёжный» в Старом Осколе Белгородской области, последние десятилетия служившей для горожан неухоженной зоной стихийных парковок. Для озеленения территории использовались берёзы, декоративные кустарники, смешанные цветники в природном стиле были выполнены на сформированном рельефе. Семантика городского ландшафта наполнилась новыми образами, где в качестве выразительных средств выступают живые растения и ковёр из декоративных трав, ранее пустующее бетонное пространство наполнилось естественным движением живых растений, вернув горожанам радость пребывания в уголке естественной природы. Большая часть растений, высаженных возле Центра культурного развития – это многолетники, характерные для климатической зоны средней полосы России и меловых ландшафтов Белгородского региона.

Ощущение неординарности пространства усиливаются тем, что на территории ЦКР удалось применить вертикальное озеленение – одно из самых перспективных направлений благоустройства и озеленения современных городов, не требующее выделения дополнительных площадей и позволяющее улучшить не только комфорт пространства, но и экологические условия окружающей городской среды: установлены теневые навесы-грибы, на крыше которых были высажены засухоустойчивые декоративные злаки и суккуленты. Реализация проекта стала уникальным опытом для Старого Оскола. Кроме того, в ходе опросов жителей микрорайона Макаренко, где

расположен ЦКР «Молодёжный», проявился интерес на ведение так называемых городских огородов, когда у жильцов есть возможность высаживать и ухаживать за растениями на предназначенных для этого клумбах. Этот запрос был реализован в формате «аптекарского огорода», поскольку в числе предпочтений оказались шалфей, душица и другие лекарственные растения.

Пространство стало доступным и востребованным у горожан, – об этом свидетельствуют оживлённость, проведение различных мероприятий под открытым небом (арт-выставки, концерты, детские праздники).

В 2021 году началась реализация проекта благоустройства придорожной территории «Городские луга», в рамках которого на пилотных участках озеленения от остановки общественного транспорта «Родина» до автомобильной развязки проспекта Богдана Хмельницкого – улицы Щорса, высажено более 50 видов многолетних травянистых растений, воссоздающих характерный для Белгородского региона пейзаж. Проект «Городские луга» призван повысить биологическое разнообразие в центральной части города.

В пешеходном переходе, ведущем от Белгородского государственного университета к парку Победы, на стенах размещены живописные пейзажи, иллюстрирующие цветущие луга Белгородчины. Проект «Цветущий Белгород», базирующийся на передовом мировом опыте, ориентирован на сохранение множества форм жизни и экологических процессов в условиях городской среды.

Литература:

1. Приверженность ЮНЕСКО сохранению биоразнообразия: Конвенция ЮНЕСКО. URL : <https://ru.unesco.org/themes/biodiversity> (дата обращения 10.02.2022).
2. Оценка экосистем на пороге тысячелетия: программа ООН. URL : millenniumassessment.org (дата обращения 10.02.2022).
3. Экологическая доктрина Российской Федерации // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL : <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document24/> (дата обращения 10.02.2022).
4. Национальная Стратегия сохранения биоразнообразия России. URL : <https://www.impb.ru/pdf/strategy.pdf> (дата обращения 10.02.2022).
5. Биологическое разнообразие: эфир программы Гордон. Тема № 227. 11.03.2003 г. URL : <http://gordon0030.narod.ru/archive/10851/index.html> (дата обращения 10.02.2022).
6. Биофильные города: как мегаполисы подражают природе // РБК Тренды. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/green/606dbd429a7947becb920e66> (дата обращения 10.02.2022).
7. *Войков А.* О влиянии растительности на количество выпадающих осадков (дождя и снега). СПб. : тип. В. Демакова, 1888. 13 с. URL : <https://viewer.rus>

Итак, работа по ландшафтному обустройству общественных городских пространств демонстрирует, что представители местной флоры, мелких отложений в ряде случаев предпочтительнее. Они обладают высокой степенью привлекательности с разных точек зрения. В условиях современного города озеленение, ориентированное на увеличение биоразнообразия, способствует решению вопросов снижения экологической нагрузки на городскую среду и повышения её качества. Однако потенциал местной флоры в городском озеленении используется мало. В известной степени сложность использования проявляется в непонимании жителей, сравнивающих её с бурьяном. В этом вопросе важна информационная составляющая: привлечение СМИ, просветительская работа.

Взаимодействие с горожанами остаётся одним из ключевых моментов в обустройстве общественных городских пространств, а также в решении проблемы потребительского отношения к природе. Участвуя в обсуждении вариантов процесса обустройства городской среды, жители становятся более ответственными в вопросах соучастия развития окружающей среды, бережнее относятся к общественному пространству, предлагают сценарии его дальнейшего использования. Значимость полученных результатов состоит в обоснованной необходимости пересмотра перспективных принципов системного благоустройства и озеленения общественных пространств Белгорода и других городов региона с учётом аспекта биоразнообразия.

Literature:

1. UNESCO's Commitment to Biodiversity: The UNESCO Convention. URL : <https://ru.unesco.org/themes/biodiversity> (date of appeal 10.02.2022).
2. Millennium Ecosystem Assessment: United Nations Program. URL : millenniumassessment.org (date of appeal 10.02.2022).
3. Ecological Doctrine of the Russian Federation // Website of the Security Council of the Russian Federation. URL : <http://www.scrf.gov.ru/security> (date of appeal 10.02.2022).
4. National Strategy for Biodiversity Conservation in Russia. URL : <https://www.impb.ru/pdf/strategy.pdf> (date of appeal 10.02.2022).
5. Biodiversity: broadcast program Gordon. Topic № 227. March 11, 2003 URL : <http://gordon0030.narod.ru/archive/10851/index.html> (date of access 10.02.2022).
6. Biophilic cities: how megacities imitate nature // RBC Trends. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/green/606dbd429a7947becb920e66> (date of appeal 10.02.2022).
7. *Voykov A.* On the influence of vegetation on the amount of precipitation (rain and snow). SPb. : type. V. Demakova, 1888. 13 p. URL : <https://viewer.rus>

<https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003624668?page=17&rotate=0&theme=white> (дата обращения 10.02.2022).

8. *Лебедева Н.В.* Современные представления о биологическом разнообразии / Н.В. Лебедева, Н.Н. Дроздов, Д.А. Кривоуцкий // *День за днем: Наука. Культура. Образование*. URL : <https://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=835> (дата обращения 10.02.2022).

9. *Нефёдов В.А.* Как вернуть город людям. М. : Искусство – XXI век, 2015. 160 с.

10. Растения меловых обнажений // Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система Красногвардейского района». URL : <http://www.librari-biruch.ru/index.php/krasnaya-kniga-zhivotnye-i-rasteniya/1248-rasteniya-melovykh-obnazhenij.html> (дата обращения 10.02.2022).

[neb.ru/ru/rsl01003624668?page=17&rotate=0&theme=white](https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003624668?page=17&rotate=0&theme=white) (date of appeal 10.02.2022).

8. *Lebedeva N.V.* Modern ideas about biological diversity / N.V. Lebedeva, N.N. Drozdov, D.A. Krivolutsky // *Day by day: Science. Culture. Education*. URL : <https://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=835> (date of appeal 10.02.2022).

9. *Nefyodov V.A.* How to return the city to people. M. : Art – XXI century, 2015. 160 p.

10. Plants of chalk outcrops // Municipal Budgetary Institution of Culture «Centralized Library System of the Krasnogvardeisky District». URL : <http://www.librari-biruch.ru/index.php/krasnaya-kniga-zhivotnye-i-rasteniya/1248-rasteniya-melovykh-obnazhenij.html> (date of appeal 10.02.2022).

Денисов Александр Михайлович
старший преподаватель
кафедры организационно-кадровой
работы в органах
государственной власти,
Институт технологий управления,
МИРЭА – Российский
технологический университет
Denisovdo2014@yandex.ru

Alexander M. Denisov
Senior Lecturer of the Department
of Organizational and Personnel Work
in Government Bodies,
Institute of Management Technologies,
MIREA – Russian
Technological University
Denisovdo2014@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ HR

FEATURES OF THE MODERN DIGITAL TRANSFORMATION OF THE HR SPHERE

Аннотация. Внедрение и трансформация цифровых технологий является ключевым направлением в стратегии большинства организаций, а продолжающаяся пандемия COVID-19 и ее последствия лишь ускорили данный процесс. В статье рассмотрены особенности цифровой трансформации сферы управления персоналом современной организации, выявлены ее этапы и компоненты, а также представлены некоторые необходимые современному менеджеру по персоналу компетенции для ее эффективного внедрения.

Annotation. The introduction and transformation of digital technologies has been and is a key focus in the strategy of most organizations, and the ongoing COVID-19 pandemic and its consequences have only accelerated this process. The article examines the features of the digital transformation of the sphere of personnel management in a modern organization, identifies its stages and components, and presents some of the competencies necessary for a modern HR manager for its effective implementation of competencies.

Ключевые слова: персонал, менеджер по персоналу, управление персоналом современной организации, цифровизации, digital, компетенции.

Keywords: personnel, personnel manager, personnel management of a modern organization, digitalization, digital, competencies.

Н и у кого уже из представителей профессии HR не возникает сомнений в том, что одной из ключевых тем для многих организаций в ближайшие десять лет станет цифровая трансформация в области управления персоналом и взаимоотношений с работодателем. Внедрение и трансформация цифровых технологий является ключевым направлением в стратегии большинства организаций, а продолжающаяся пандемия COVID-19 и ее последствия лишь ускорили данный процесс.

функционирования HR-подразделения, а следовательно и организации в целом [1]. Сюда включаются облачные информационные системы, цифровые рекрутинговые решения, внутренние коммуникационные платформы, программное обеспечение для вовлечения работников, инструменты анализа и многое другое.

По мере развития направлений цифровой экономики в России с каждым годом будет оказываться не только значительное влияние на саму сферу HR, но и потребуются непосредственное участие самих HR-менеджеров, а порой и их инициатива в этих масштабных изменениях. В соответствии с этой тенденцией, HR-подразделения также подвержены воздействию цифровизации. В данной статье будет рассмотрена цифровая трансформация управления персоналом, ее различные этапы, компоненты, элементы и компетенции, необходимые HR-менеджеру для разработки плана цифровой трансформации организации.

При интеграции этих цифровых технологий специалисты по персоналу должны учитывать, как внедряются новые приложения, инструменты и программы и как они преобразуют работу с персоналом.

HR-команды, которые способны смотреть за границы собственных отделов и операций, будут иметь преимущество перед конкурентами. Поэтому ключевым моментом является взгляд на HR-трансформацию с высоты топ-менеджмента и принятие решений, влияющих на качество HR-процессов в краткосрочной перспективе, а также отражающих комплексное и целостное долгосрочное видение этих процессов в будущем.

Цифровая HR-трансформация – это процесс внедрения цифровых технологий для улучшения

Таким образом, цифровую стратегию управления персоналом следует рассматривать не как жесткий план, а как набор принципов, касающихся ключевых цифровых факторов. Примерами ключевых цифровых HR-драйверов, побуждающих к

цифровой трансформации, для организации могут быть [2]:

- Повышение операционной гибкости;
- Оптимизация опыта сотрудников;
- Улучшение обмена знаниями;
- Экспериментальные инновации.

Движущей силой цифровой HR-трансформации может быть как общая цифровая стратегия организации, так и ее особое значение для управления персоналом.

Инициативы необходимо выстраивать вокруг этих двух факторов и регулярно менять, исходя из потребностей бизнеса.

Далее, рассмотрим этапы цифровой трансформации. В процессе реализации цифровой HR-трансформации организация может оказаться на любом из перечисленных ниже этапов.

1. Ведение классического бизнеса. На этом этапе HR-менеджер осуществляет свою деятельность, придерживаясь устаревших взглядов на внутренние потребности организации в своей деятельности для обеспечения всех процессов в сфере управления персоналом и использует стандартные, немногочисленные и, порой, разрозненные показатели оценки эффективности.

2. Активное ведение процессов HR. Наличие специализированных пакетных программных продуктов, призванных облегчить выполнение функций управления персоналом, и эксперименты с их различными комбинациями в организации способствуют появлению цифровой грамотности, однако, они не ставятся в приоритет при работе с персоналом.

3. Формализация. Практика использования специализированных программных продуктов становится формализованной на уровне топ-менеджмента организации, где уже можно найти более существенную поддержку HR-трансформации.

4. Стратегическое сотрудничество. HR-специалисты признаются как внутренние стратегические партнеры, поскольку их исследовательская работа и общие с организацией идеи способствуют ее цифровой трансформации.

5. Конвергенция. Специальная группа специалистов по цифровой трансформации на этом этапе формирует цифровую поддержку кадровой стратегии и операций, связанных с ведением бизнеса и удовлетворением потребностей клиентов.

6. Адаптация. Цифровая трансформация становится непрерывным процессом. Создается новая экосистема для выявления и воздействия технологических трендов. Такой способ работы укореняется в HR-подразделениях, и бизнес полагается на них, чтобы обеспечить лучшие цифровые решения своих задач.

В настоящий момент практически нет еще организаций, в которых был бы сформирован конвергентный и адаптационный подход к цифровой HR-трансформации, описанный на пятом и шестом этапах.

Для перехода от этапа к этапу менеджеру по персоналу важно иметь общие стремления в этом направлении, по крайней мере, с одним из топ-менеджеров организации. В обсуждении этой темы с высшими руководством менеджеру, в первую очередь, важно продумать и упомянуть обо всех преимуществах для бизнеса, которые может принести цифровизация HR.

Для этого можно обозначить следующие преимущества:

- с помощью цифровых технологий сотрудники будут лучше и быстрее осваивать и реализовывать новые компетенции;
- при сокращении времени на HR-процессы у сотрудников будет оставаться больше времени на клиентов и реализацию услуг и продуктов компании;
- улучшение общего опыта сотрудников повысит их вовлеченность, что может оказать глубокое влияние на весь будущий процесс employee advocacy.

После того как HR-менеджер предложил такую идею, следующим шагом будет определение того, как продвигаться вперед. Для этого целесообразно определить структуру трансформации и наметить действия по конкретным компонентам цифровой трансформации.

Все компоненты, конечно, сильно взаимосвязаны и зависят друг от друга. Например, инвестиции в новые HR-технологии обычно приводят к улучшению HR-процессов. Это полезная структура, которую можно использовать, когда необходимо создать план трансформации с представлением конкретных действий.

Что еще нужно для развития?

Конечно, наличие специфических компетенций у менеджера по персоналу.

Сегодня специалисты в сфере HR сталкиваются с растущим дефицитом навыков. Недавний опрос показал, что 60 % сотрудников считают, что их текущий набор навыков устареет в ближайшие три-пять лет [3]. Это создает проблему для HR. Мало того, что их существующие навыки устареют, им также потребуется развивать новые свои HR компетенции, чтобы хорошо выполнять работу.

Согласно опросу, 70 % организаций внедрило по крайней мере одну новую технологию для увеличения потенциала сотрудников в 2019 году – число, которое значительно увеличилось во время пандемии. Несмотря на этот факт, согласно отчету KMPG, только около трети HR руководителей уверены в реальной способности HR трансформироваться в будущем, основанном на технологиях [4].

Первая ключевая компетенция – это работа с данными. Управление данными состоит из двух измерений:

- Грамотность.
- Трансляция.

Грамотность в области данных включает в себя чтение и применение данных, показателей и ключевых показателей эффективности, а трансляция аналитики – это преобразование инсайтов, полученных из HR аналитики, в действия.

Грамотность в области данных имеет пять форм проявления. К ним относятся чтение данных, применение данных, создание данных, передача данных и практика управления персоналом на основе фактических данных. Каждый из этих видов поведения имеет три уровня владения: начальный, средний и высокий.

Цифровая интеграция – это вторая основная компетенция в сфере управления персоналом в период HR-цифровизации. Это – способность использовать технологии для повышения эффективности и повышения ценности персонала и бизнеса. Цифровая интеграция имеет три аспекта: технологическая осведомленность, внедрение технологий и создание цифровой культуры. Каждый из этих аспектов важен для организации. Однако считается, что наиболее важным из них является создание цифровой культуры. Создатели digital-культуры стремятся создать цифровую культуру в HR области, которая носит название «цифрового стимулирования» Они помогают формировать в масштабах всей компании культуру первоочередности технологий. Рассмотрим типы поведения и их индикаторы, свойственный начальному, среднему и высокому уровню.

Digital-воспитание.

Начальный уровень характеризуется наличием у сотрудника ограниченных навыков в сфере Digital. Сотрудники среднего уровня вовлечены в инициативы повышения квалификации и другие действия по построению Digital-умений. Высокий уровень характеризуется активными попытками принимать участие в создании более диджитализированной HR культуры, подавая личный пример, выступая, например, в роли коуча для других.

Понимание Digital.

На начальном уровне сотрудник имеет ограниченное понимание того, как Digital возможности увеличивают долгосрочную стоимость. На среднем уровне понимает, как Digital возможности обеспечивают долгосрочную и устойчивую стоимость. На высоком уровне сотрудник уже имеет глубокое понимание того, как Digital возможности обеспечивают долгосрочную, устойчивую стоимость для организации.

Цепочка значений Digital.

Начальный уровень характеризуется ограниченным пониманием изменений, которые интеграция

Digital вносит в операционную модель управления персоналом и оказание услуг, как для HR, так и для организации в целом. На среднем уровне сотрудник имеет среднее понимание изменений, которые интеграция Digital вносит в операционную модель управления персоналом и оказание услуг, как для HR, так и для организации в целом. На высоком уровне сотрудник уже имеет глубокое понимание изменений, которые интеграция Digital вносит в операционную модель управления персоналом и оказание услуг, как для HR, так и для организации в целом.

Digital лидерство.

На начальном уровне у сотрудников организации имеется ограниченное понимание Digital-разработок в своей HR-специализации. На среднем уровне сотрудники имеют среднее понимание Digital-разработок в своей HR-специализации. На высоком уровне такие сотрудники являются уже Digital-лидерами в своей и смежных HR-специализациях, продвигают цифровые ценности через свои деловые партнерские отношения.

Далее, рассмотрим создание цифровых компетенций.

На начальном уровне сотрудник вносит вклад в повышение квалификации других сотрудников в сфере Digital в весьма ограниченном объеме. На среднем уровне он уже активно вносит вклад в повышение квалификации сотрудников в сфере Digital подавая пример, проводя коучинг, мотивируя лидеров становиться примером, помогая отучиться от плохих привычек, а также, принимая участие в Digital-активностях во всей организации. На высоком уровне сотрудник вносит вклад в повышение квалификации сотрудников в сфере диджитализации подавая пример, проводя коучинг уже стейкхолдеров, мотивируя лидеров становиться примером, помогая отучиться от плохих привычек, а также принимая участие в Digital-активностях во всей организации действенным и стратегическим образом.

И, наконец, высшая форма поведения в области «цифрового стимулирования» это сторонник обучения. На начальном уровне он имеет ограниченную вовлеченность в построение Digital возможностей и стимулирование инноваций в организации. На высоком уровне вовлечен в улучшение Digital обучения, а на высшем активно способствует действиям, которые увеличивают важность обучения и инновации.

Все вышеперечисленное требует пересмотра старых моделей HR компетенций, которые используют организации.

Таким образом, подобные сложные преобразования в организации могут быть успешными только при небольших поэтапных изменениях. Изменения, которые может внести цифровизация HR, могут быть заметны лишь в результате тщательного взаимосвязанного взаимодействия между различными подразделениями компании. Для этого требуются изменения в поведении персонала и лучший способ изменить человеческое

поведение – это уже сейчас сделать первые небольшие шаги в нужном направлении. Менеджер

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 21.08.2020) О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»). СПС КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (дата обращения 02.04.2021).
2. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года. URL : <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения 04.04.2021).
3. Результаты опроса HR-специалистов консалтинговым агентством West Monroe The upskilling crisis: Effectively enabling and retraining employees for the future. URL : <https://www.westmonroe.com/perspectives/signature-research/the-upskilling-crisis-effectively-enabling-and-retraining-employees-for-the-future> (дата обращения 02.04.2021).
4. Отчет консалтингового агентства KPMG The Future of HR 2019. URL : <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2018/11/future-of-hr-survey.pdf> (дата обращения 03.04.2021).

по персоналу должен способствовать таким постепенным изменениям, насколько это возможно.

Literature:

1. Decree of the Government of the Russian Federation of 02.03.2019 № 234 (ed. of 21.08.2020) On the management system for the implementation of the national program «Digital Economy of the Russian Federation» (together with the «Regulations on the management system for the implementation of the national program «Digital Economy of the Russian Federation»»). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (date of appeal 02.04.2021).
2. The program for the development of the digital economy in the Russian Federation until 2035. URL : <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (date of appeal 04.04.2021).
3. Results of a survey of HR specialists by West Monroe consulting agency The upskilling crisis: Effectively enabling and retraining employees for the future. URL : <https://www.westmonroe.com/perspectives/signature-research/the-upskilling-crisis-effectively-enabling-and-retraining-employees-for-the-future> (date of appeal 02.04.2021).
4. Report of KPMG consulting agency The Future of HR 2019. URL : <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2018/11/future-of-hr-survey.pdf> (date of appeal 03.04.2021).

Караев Исрафил Ибадуллахович

соискатель учёной степени
кандидата социологических наук
m.magarram@gmail.com

Магаррамов Магаррам Джабраилович

доктор философских наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук
m.magarram@gmail.com

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА
И СТАБИЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Аннотация. Подвергнута социологическому анализу социальная структура современного российского общества в её сравнительной характеристике с аналогичной структурой нашей страны в советский период её развития. Обозначены политические, экономические, социальные и правовые детерминанты, способствовавшие мимикрии социальной структуры советского общества к нынешнему её состоянию. Лаконично проанализирован процесс деятельности социальных страт, социальных прослоек в условиях современного российского общества и государства в направлении обеспечения социального мира, согласия и гуманизма.

Ключевые слова: социальная структура общества, развитой социализм, братский союз между рабочим классом, колхозным крестьянством и народной интеллигенцией, богоборчество, совесть, духовность, нравственная и правовая культура, стабильность социального пространства и др.

Обращение к обозначенной теме мотивировано необходимостью провести социологический анализ состояния социальной структуры современного российского общества, эксплицируя её к процессу обеспечения гармонии в его социальном пространстве. В такой постановке задача почти ни одним из исследователей проблемы в социологической науке не ставилась. В этом актуальность работы, этим предопределено его содержание и концепция в целом.

Говоря о социальной структуре общества, необходимо лаконично остановиться на её состоянии, которое было характерно условиям так называемого развитого социализма. Согласимся с тем, что в то историческое время, как достигнутое качественное состояние общества справедливо говорилось о наличии в нём братского союза между рабочим классом, колхозным крестьянством и

Israfil I. Karaev

Candidate of the Degree
of Candidate of Sociological Sciences
m.magarram@gmail.com

Magarram D. Magarramov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Leading Researcher,
Dagestan Federal
Research Center
Russian Academy of Sciences
m.magarram@gmail.com

**THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY
AND STABILITY IN POST-SOVIET RUSSIA**

Annotation. To make a sociological analysis of the social structure of modern Russian society in its comparative characteristics with the similar structure of our country in the Soviet period of its development. The political, economic, social and legal determinants that contributed to the mimicry of the social structure of Soviet society to its current state are identified. The process of activity of social strata, social layers in the conditions of modern Russian society and the state in the direction of ensuring social peace, harmony and humanism is succinctly analyzed.

Keywords: social structure of society, developed socialism, fraternal union between the working class, collective farm peasantry and the people's intelligentsia, God-fighting, conscience, spirituality, moral and legal culture, stability of social space, etc.

народной интеллигенцией. По сути, в этой формуле были названы три страты бывшего советского общества, правда, к этому можно ещё добавить социальные прослойки ученической и студенческой молодёжи, военнослужащих Советской Армии и так называемые деклассированные элементы, под которыми подразумевались лица, отбывающие уголовные наказания в местах лишения свободы. Но о прослойке священнослужителей всех существовавших на территории Советского Союза религиозных конфессий почти ничего не говорилось в научной социологической литературе того времени, из-за торжества и господства в тех исторических условиях богоборческой идеологии.

Ситуация стала принципиально меняться после начала перестройки политической, экономической, правовой и других систем советского

общества. Уже к концу 90-х годов прошлого столетия можно было говорить об изменившейся в стране социальной структуре. Её можно примерно описать следующим образом: Рабочий класс, каким он был в советское время, таким, в принципе, он остался и в постсоветской России, но словосочетание «колхозное крестьянство» подверглось значительной трансформации, касающейся его объёма и содержания. Теперь параллельно с колхозниками, появились кооператоры, фермеры, брокеры, дилеры, акционеры и т.д. Да, это лишь небольшие прослойки граждан, но они вносили и вносят в социальную структуру современного российского общества характерные их профессиональной деятельности новации.

Принятие, в своё время, Федерального закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности», а затем нового Гражданского кодекса РФ, привел к легальному появлению в стране частных компаний таких организационно-правовых форм, как Хозяйственные общества и товарищества (ООО, АОЗТ, АООТ), крестьянские и фермерские хозяйства, сельскохозяйственные производственные кооперативы, благотворительные фонды и т.д. пр. После этого можно говорить о новой страте в жизни российского общества, которое мы называем «стратой предпринимателей», то есть, лиц, осуществляющих коммерческую деятельность на свой собственный страх и риск, направленную на систематическое извлечение прибыли. А как же соотносится «стабильность социального пространства современной России», с одной стороны и «включённость в него предпринимателей, как социальной страты» – с другой. То есть, речь идёт о нахождении баланса интересов бизнеса и общества. Такого их взаимоотношения между собой, когда интересы друг друга взаимно дополняют, но не противостоят между собой. Сегодня, скажем откровенно, и это неоднократно говорилось высшим политическим руководством страны, что миллионы сограждан страны живут за чертой бедности и нужен, социальный, общественный, наконец, государственный патернализм над этим процессом. Но осуществить его – дело не простое. Нужны гигантские финансовые, денежные средства. В том числе по этой причине нынешняя прослойка предпринимателей вряд ли должна постоянно сибаритствовать, жить только ради себя; с их стороны шире должны практиковаться благотворительные, меценатские мероприятия, они не должны возражать в отношении предложений части российского общества, направленных на принятие закона о прогрессивном налогообложении. В то же самое время, законодатели не должны злоупотреблять своими правами и принимать слишком высокую планку налогообложения, которая, в конечном итоге, может легко задушить отечественный бизнес.

Благо, что в условиях пандемии, государство постоянно помогало бизнесу посредством разного рода мероприятий экономического характера. Такие шаги делаются сегодня, когда из-за военной операции нашей страны на Украине, направленной на её денацификацию и демилитаризацию, коллективный Запад с США во главе, приняли драконовские санкции в отношении нашей страны, с целью её экономического удушения.

Тем более в этих условиях должно быть взаимное сотрудничество между государством и бизнесом, ибо это путь спасения и выхода из трудной жизненной ситуации – один из вариантов гармонизации социального пространства страны, обеспечения его безопасности.

Теперь поговорим о существующей в условиях нашей страны социальной прослойке людей – священнослужителей. Известно, что как в советское, так и в постсоветское время, в нашей стране мирно существуют четыре религиозные конфессии – православие, ислам, иудаизм и буддизм. Священнослужители и миряне всех этих религий в основной своей массе – люди с совестью – «внутренним светильником человеческой души», говоря словами Б.Н.Чичерина, одного из российских мыслителей поза прошлого столетия. Образ жизни россиян, сопровождающийся совестливыми поступками, в том числе был детерминирован обеспечением властью пути свободы совести и вероисповедания. Отходом от богоборчества и преследования священнослужителей и мирян. Это уже поспособствовало гармонизации социального пространства нашей страны. Но нам могут возразить примером того, как в конце 90-х годов прошлого столетия на территории Северного Кавказа бушевали процессы борьбы государства с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом. Но сегодня все россияне поняли, что ислам и терроризм – вообще несовместимые понятия. Ислам на самом деле, как и все остальные упомянутые религии нашей страны, является религией мира, добра и гуманизма. Речь тогда шла о щедром финансировании со стороны США и др. государств процессов дестабилизации обстановки на Северном Кавказе, их попытках отколоть от России указанный регион [1], то есть, о попытках указанных государств, вслед за Советским Союзом, расшатать и разрушить многонациональную Россию.

Уже сегодня, как никогда, очевидно, что священнослужители всех упомянутых вероисповеданий в нашей стране проводят огромную работу, направленную на вкрапление в сознание россиян идей добра, мира, созидания и гуманизма. А это значит, что они поддерживают действующую в стране власть, право и мораль, стремятся утвердить во всем обществе режим законности и должного правопорядка, генерации нравственного, правового сознания и, детерминированной ими, общей, нравственной и правовой культуры. Вот вам пример того, как одна из страт социальной структуры современного российского общества способствует установлению в стране стабильности, социального мира, нравственности и правопорядка. И именно по этой причине многие современные предприниматели, иногда и государственные структуры совершенно справедливо и оправданно оказывают помощь в процессе возведения храмов, мечетей, синагог и доцанов.

В социальной структуре современного российского общества весьма важное место занимает школьная и студенческая молодёжь, по сути, - это будущее нашей страны. Самое главное для обеспечения стабильности социального пространства нашей страны – это не допустить в поведении

современной молодёжи такого поведения с их стороны, которое незначительная часть из них проявила в своё время на Болотной площади в Москве и иных противозаконных акциях. Речь идёт о тлетворном влиянии на юношеское, ещё не окрепшее сознание лживой идеологии представителей маргинальной оппозиции, которая оплачивается странами Запада и США. Они в своих доктринах провозгласили нашу страну враждебной страной и в таких условиях, как же можно относиться к тем нашим согражданам, которые выполняют политический, социальный и идеологический заказ врагов? Ответ очевиден...

Наша молодёжь должна расти в полноценных семьях. Она должна быть послушной в отношении советов собственных родителей, близких родственников, учителей, преподавателей, наставников школ, средне-специальных и высших учебных заведений. А не горе-оппозиционеров, использующих их для достижения собственных, корыстных, меркантильных и общественно-опасных целей.

Нельзя, говоря о молодёжи, не говорить о современной российской интеллигенции – важной прослойке в социальной структуре современного российского общества. Это наши с вами учителя, преподаватели, научные работники, работники культуры и искусства, средств массовой информации и коммуникации, медицинский персонал, инженерно-технический состав и т.д. Эти люди определяют учебное, научное, творческое и, в целом, жизненное самочувствие страны, человека и гражданина в ней. Благо, что к упомянутой категории граждан у действующей власти большое уважение и заслуженная забота. По мере дальнейшего укрепления государства и общества такая забота станет ещё сильнее и результативнее. А отношение всей упомянутой прослойки сограждан к обществу и государству весьма уважительное. Каждая из перечисленных групп людей, отдельно взятая личность на своём месте выполняет собственные трудовые обязанности, им своевременно выплачивается заработная плата, они получают со стороны государства положенные социальные гарантии защиты и обеспечения.

Литература:

1. Этнополитические и конфессиональные процессы на Северном Кавказе в контексте развития общероссийской социокультурной идентичности : монография / Р.И. Абакаров [и др.]. Махачкала, 2021.

Вот в таком синкретичном, двуедином, гармоничном тандеме находятся власть и интеллигенция в современном российском обществе. И это – залог стабильности социального пространства страны.

Как и в советском обществе, в современной России в социальной структуре общества весьма важное и заслуженное место занимают военнослужащие Российской армии и Военно-морского флота. Сегодня на часть из них выпала тяжёлая, но почётная и героическая по своему смыслу миссия – денацификация и демилитаризация братского славянского украинского общества и государства. Мы уверены в том, что эта задача армией и флотом будет блестяще выполнена. Вместе с тем, сегодня стало очевидным и то, что сотни тысяч российских воинов отличились героизмом и самопожертвованием перед страной и всем остальным миром, выполняя свой воинский и профессиональный долг. Они все любили и любят свою страну, свой народ, свою всенародно избранную власть. Ограждают периметр границы своей страны от происков внешних врагов и, тем самым, оберегают покой, здоровье и безопасность остальных граждан страны. Поэтому военнослужащие Российской армии и Военно-морского флота как социальная прослойка современного российского общества является гарантом обеспечения гармонии социального пространства нашей страны.

Подытоживая сказанное, отметим, что социальная структура нашей страны в советское время и ныне отличаются по социальным стратам. Если раньше говорили о триединой общности рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, то в постсоветской России в результате известных трансформаций эта структура изменилась в сторону признания обществом и государством дополнительных прослоек людей – предпринимателей и священнослужителей. Данные прослойки людей, в купе со всеми остальными, но с положительной социализацией, являются экономическим фундаментом и духовной крепостью современного российского общества, залогом его гармоничного развития и процветания.

Literature:

1. Ethnopolitical and confessional processes in the North Caucasus in the context of the development of the All-Russian socio-cultural identity : monograph / R.I. Abakarov [et al.]. Makhachkala, 2021.

Ковров Владимир Викентьевич
кандидат педагогических наук,
доцент,
Севастопольский
государственный университет
lev23@list.ru

Вакула Иван Михайлович
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт
МВД России
imvakula@mail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна
кандидат социологических наук,
доцент,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
gafiatulina@yandex.ru

ФЕЙКОВАЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА МОЛОДЕЖНОЕ СОЗНАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению проблемы влияния фейковой медиареальности как фактора, оказывающего негативное воздействие на сознание российской молодежи. В статье дано определение фейковой медиареальности, представлен деструктивный контент, воздействующий на молодежное сознание в целях манипулятивного влияния: избыточная, некорректная (фейковая) пропаганда или реклама; трансляция агрессивных форм поведения; регулярное искажение социальной реальности посредством медиавброса фейковой информации; появление информации в социальных сетях, противоречащей духовно-нравственным нормам и ценностям российского общества; превалирование в медиапространстве западной продукции, в которой представлено неуважение к российскому обществу и его социокультурным традициям; трансляция англо-американской культуры, строящейся на языке вражды и являющейся фактором изменения социокультурного кода в молодежном сознании.

Ключевые слова: молодежь, молодежное сознание, российское общество, фейковая медиареальность, фейковые новости, эпоха постправды, СМИ.

В традиционных СМИ, которые в настоящее время, по мнению многих специалистов, утрачивают свою роль, существуют строгие правила, согласно которым информация должна соответствовать определенным требованиям: быть своевременной, поражать сознание, и отвечать, с

Vladimir V. Kovrov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Sevastopol State University
lev23@list.ru

Ivan M. Vakula
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
imvakula@mail.ru

Natalya Kh. Gafiatulina
Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

FAKE MEDIA REALITY IN RUSSIAN SOCIETY AS A FACTOR OF INFLUENCE ON YOUTH CONSCIOUSNESS

Annotation. The article is devoted to understanding the problem of the influence of fake media reality as a factor that has a negative impact on the consciousness of Russian youth. The article gives a definition of fake media reality, presents destructive content that affects youth consciousness for the purpose of manipulative influence: excessive, incorrect (fake) propaganda or advertising; transmission of aggressive forms of behavior; regular distortion of social reality through media stuffing of fake information; the appearance of information in social networks that contradicts the spiritual and moral norms and values of Russian society; the prevalence of Western production in the media space, which shows disrespect for Russian society and its socio-cultural traditions; translation of the Anglo-American culture, built on the language of hostility and being a factor in changing the socio-cultural code in the minds of young people.

Keywords: youth, youth consciousness, Russian society, fake media reality, fake news, post-truth era, media.

объективной точки зрения, социально-политической реальности и востребованности.

Трансформация традиционного взаимодействия на межгосударственном, общественном и медийном пространственных уровнях послужили

триггерным механизмом, трансформировавшим, в свою очередь, истинность факта, сделавшим его особым продуктом медиареальности, ибо роль и принципы достоверности реального факта изменились: сейчас атакует и прессингует «эпоха постправды», которая стирает границы между ложью и правдой». В эпоху этой «постправды» статус истинности факта социальной реальности снижается, на первый план выступает ложный факт или, как принято говорить в условиях современного массового потребления информации, «фейк» [1].

Сегодня фейковые или ложные новости стали частью современной жизни западного общества, событийным фоном и катализатором которого стали Brexit, выборы США; а также события на российско-украинской границе, их признание как феномена свидетельствует не только о высокой эффективности такой информации, но и о востребованности в мировом сообществе, которое жаждет сенсаций, раскрытий «мировых заговоров» и шокирующих новостей. Фейковые новости не просто «подогревают», а «разжигают» давние стереотипы [2] и продолжают влиять на формирование общественного мнения населения в российском обществе в целом, и сознание российской молодежи, в особенности.

Тот факт, что это воздействие СМИ на сознание молодых поколений россиян имеет негативный характер, уже трудно оспорить, поскольку фейковая медиареальность обладает свойствами дезинформирования (преднамеренного распространения недостоверной информации) и миссинформирования (непреднамеренного распространения ложной информации), по словам К.В. Зуйкиной и Д.В. Соколовой, «фейковые новости буквально мимикрируют под реальные, достоверные новости» [3, с. 311].

Молодежь как наиболее активная, мобильная, восприимчивая и отзывчивая к любого рода новациям социальная группа, значительно подвержена ценностным и мировоззренческим переформатированиям, поэтому легко попадает под влияние фейковой реальности, в особенности, в эпоху всеобщей информатизации.

Однако прежде чем вести речь о влиянии фейковой медиареальности на молодежное сознание, необходимо обратить внимание на то, что же представляет собой фейк и фейковая реальность?

Интересно заметить, что, несмотря на то тот факт, что такие категории как «фейк», «фейковая реальность», «информационное противоборство», «фейковые новости», «фейковые сообщения» сегодня пропитали и наводнили социально-политическую реальность и пространство медиареальности [4], однако, терминологическое определение фейка в новейших официальных словарях русского языка, социологии и политологии пока не представлено. Но при этом стоит обратить внимание на то, что в некоторых источниках можно обнаружить этимологическое толкование понятия «фейк», которое в английском языке имеет несколько основных значений: «подделка»,

«фальшивка», «имитация» (когда речь идет о вещи) или «самозванец, притворщик» (когда речь идет о человеке).

В Оксфордском словаре категория «фейк» семантически связана с глаголами «убирать», «подметать» и содержит идею обмана, введения общественного сознания в заблуждение [5].

Словарь компьютерных терминов определяет понятие «фейк» как подделку, обман; измененные фото и видеоматериалы: «Фейк (англ. *fake* /*fek*/) – подделка, фальсификация, обман; как правило, используется для определения искаженных с помощью специальных программ-редакторов оригинальных цифровых фото или видео файлов» [6].

Фейковую медиареальность можно определить как явление, продиктованное эпохой постправды, формирующее особую медиа-социальную среду, в рамках которой истинные факты и события подменены на воображаемые образы или вырванные из контекста социокультурной реальности феномены, события; имеющие все свойства подлинных фактов и оказывающие воздействие на общественное сознание в целом, и молодежное сознание, в частности, с целью манипулятивного влияния на него.

Существует целый ряд разновидностей фейковой медиареальности, угрожающих молодежному восприятию в структуре сознания молодежи, среди которых [7]:

- поддельный интернет-аккаунт, аккаунт-фальшивка;
- несуществующая, нереальная вещь, созданная как вполне реальная (программы-редакторы оригинальных цифровых фото или видео файлов);
- человек, который выдает себя за кого-то другого (самозванец);
- постановочный (фейковый) документальный фильм (специально постановленные, срежиссированные, заранее продуманные вещи);
- ссылка на несуществующий официальный документ, статью.

А какой контент медиареальности может влиять на молодежное сознание, изменяя его?

Как показывает анализ различных научных источников, на сознание российской молодежи может негативно влиять контент такого рода:

- Избыточная, некорректная (фейковая) пропаганда или социальная реклама как «действенный инструмент формирования морально-нравственных ценностей», выступающая рычагом стереотипного восприятия мира российской молодежью, «негативно влияющей на осмысление внешней среды» [8, с. 120].
- Трансляция агрессивных форм поведения вербального или невербального (физического)

характера. Так, согласно результатам исследования, проведенного Г.Э. Тургановой и др. «демонстрация агрессии влияет на эмоциональное состояние молодежи», изменяя ее психоэмоциональное сознание в сторону его ухудшения и негативно влияя на способность управления эмоциями и мотивацией себя молодежью [9, с. 54].

– Регулярное искажение социальной реальности посредством медиавброса в пространство российских СМИ фейковой информации. Как подчеркивают М.А. Поливина, О.И. Шкуропий и В.В. Майба, «фейковые новости как поддельный образ обладают всеми основными характеристиками и свойствами подлинного факта, непосредственно воздействующего на сознание адресата в целях манипулятивного влияния» [10, с. 73].

– Доминирование деструктивной информации в социальных сетях (преимущественно негативной направленности), противоречащей духовно-нравственным нормам и ценностям российского общества [11]. По мнению Ю.В. Мигуновой, в молодежном сознании формируется «негативное влияние на систему ценностей молодого поколения»; посредством создаваемого «массмедиа информационного фона» возникает «цифровой гедонизм», детерминированный «не только стремлением молодых людей к получению удовольствий посредством виртуальной среды, но и формированием такого мировоззрения, при котором утрачивается интерес к реальной жизни с ее объективными сложностями, интересом к содержательному труду» [12, с. 53].

– Превалирование в медиaprостранстве западной продукции, в которой недвусмысленно представлено неуважение к российскому обществу и его социокультурным традициям. «Массовые коммуникации определяют контекст, направленность восприятия информации, межкультурные коды» [13, с. 159], влияя, таким образом, и на сознание молодежи, и на осознанные представления отдельного молодого индивида в области межэтнических взаимодействий и этнической толерантности [14].

– Трансляция англо-американской культуры на протяжении, как минимум, трех десятилетий, в результате чего, формируется англо-американская молодежная лексика, базирующаяся на языке вражды и являющаяся фактором изменения социокультурного кода в молодежном сознании. Как подчеркивает Е.А. Разумовская,

«американизмы» транслируют российской молодежи примитивный «комплекс идей, концепций, мифов и ценностей западной культуры: индивидуализма, свободной конкуренции, «американской исключительности», вследствие чего, в молодежном сознании «возникают проблемы идентичности (самоидентификации)» [15, с. 274–275].

Согласно исследованиям социологов РАН – акад. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги (2020г.), пространство медиареальности оказало серьезное влияние на молодежное сознание в следующих аспектах [16, с. 149]:

– во-первых, характер информационного воздействия на молодежь и ее сознание «из массового преобразуется в индивидуализированный»;

– во-вторых, «возможности традиционных СМИ директивно определять направленность и содержание информационного потока в адрес молодежи как пассивного объекта воздействия уступают место избирательности». В этом случае «характер коммуникации во многом определяется не источником, а потребителем» [16, с. 149]. Иными словами, молодежное сознание испытывает трансформацию: пассивное восприятие трансформируется в активное, направленное на выбор информации; в то время, как традиционные СМИ и социальные сети превращаются «в агента удовлетворения информационных запросов молодежи»;

– степень информационной свободы молодежи растет за счет распространения электронных технологий: Интернета, мобильных телефонов, планшетов и других носителей информации.

В результате всего этого, ученые делают вывод о том, что резко снижается влияние, «потенциал государственных институтов в формировании массового сознания, мировоззрения» молодежи [16, с. 149].

Таким образом, роль массовой коммуникации и медиареальности в формировании молодежного сознания (ее ценностных ориентаций, социально-политических установок, мировоззрения, гражданских позиций) – бесспорно, велика. В связи с этим, особую важность приобретает развитие у молодежи критического мышления, способности контролировать свое информационное пространство, анализировать и отбирать по-настоящему полезную и значимую информацию.

Литература:

1. Фейк_ (значения). URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. URL : <https://uza.uz/ru/posts/kak-feykovaya-informatsiya-vliyaet-na-obshchestvo-25-09-2020>
3. Зуйкина К.Л. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией / К.Л. Зуйкина, Д.В. Соколова // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 71. С. 310–326.

Literature:

1. Fake_ (values). URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. URL : <https://uza.uz/ru/posts/kak-feykovaya-informatsiya-vliyaet-na-obshchestvo-25-09-2020>
3. Zuykina K.L. Peculiarities of Fake News Identification by the Youth Audience / K.L. Zuykina, D.V. Sokolova // Tomsk State University Bulletin. 2021. № 71. P. 310–326.

4. *Майба В.В.* Фейк-дискурс в пространстве масс-медиа и медиа-лингвистических практик / В.В. Майба // В сборнике: Транспорт: наука, образование, производство (Транспорт-2021). Ростов-н/Д., 2021. С. 165–168.
5. The Oxford English Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 1989. 20 vol.
6. Словарь компьютерных терминов. URL : <https://computer.slovaronline.com/1187-FEYK>
7. Викисловарь. URL : <https://ru.wiktionary.org/wiki/фейк>
8. *Дудаев Г.С.-Х.* Социальная реклама как инструмент влияния на молодежь / Г.С.-Х. Дудаев, А.Э. Хасуев // Вестник экспертного совета. 2015. № 2. С. 117–121.
9. *Турганова Г.Э.* Влияние демонстрации агрессии в СМИ на эмоциональное состояние молодежи / Г.Э. Турганова // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9. № 1. С. 42–55.
10. *Поливина М.А.* Социально-психологические последствия влияния фейковых новостей на общественное сознание / М.А. Поливина, О.И. Шкуропий, В.В. Майба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12. С. 71–74.
11. *Загирова Э.М.* Система ценностей молодежи и духовная безопасность современного российского общества / Э.М. Загирова // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 241–246.
12. *Мигунова Ю.В.* Особенности влияния виртуального пространства на современную молодежь / Ю.В. Мигунова // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 51–55.
13. *Челышева И.В.* Проблема формирования межэтнической толерантности студенчества и риски современного медиaprостранства / И.В. Челышева // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 2. С. 156–170.
14. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Series «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.
15. *Разумовская Е.А.* Молодежная лексика и ее особенности / Е.А. Разумовская // Социальная политика и социология. 2008. № 2. С. 274–277.
16. *Горшков М.К.* Молодежь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М., 2020. 688 с.
4. *Mayba V.V.* Fake discourse in the space of mass media and media-linguistic practices / V.V. Mayba // In the collection: Transport: science, education, production (Transport-2021). Rostov-on/D., 2021. P. 165–168.
5. The Oxford English Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 1989. 20 vol.
6. Dictionary of computer terms. URL : <https://computer.slovaronline.com/1187-FEYK>
7. Wiktionary. URL : <https://ru.wiktionary.org/wiki/fake>
8. *Dudaev G.S.-Kh.* Social advertising as an instrument of influence on youth / G.S.-Kh. Dudaev, A.E. Khasuev // Bulletin of the Expert Council. 2015. № 2. P. 117–121.
9. *Turganova G.E.* The influence of the demonstration of aggression in the media on the emotional state of youth / G.E. Turganova // Psychology in Economics and Management. 2017. Vol. 9. № 1. P. 42–55.
10. *Polivina M.A.* Socio-psychological consequences of the influence of fake news on public consciousness / M.A. Polivina, O.I. Shkuropiy, V.V. Mayba // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 12. P. 71–74.
11. *Zagirova E.M.* Youth value system and spiritual security of modern Russian society / E.M. Zagirova // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 241–246.
12. *Migunova Yu.V.* Features of the influence of virtual space on modern youth / Yu.V. Migunova // Theory and practice of social development. 2021. № 11. P. 51–55.
13. *Chelysheva I.V.* The problem of the formation of interethnic tolerance of students and the risks of modern media space / I.V. Chelysheva // Crede Experto: transport, society, education, language. 2019. № 2. P. 156–170.
14. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.] // In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Series «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.
15. *Razumovskaya E.A.* Youth vocabulary and its features / E.A. Razumovskaya // Social policy and sociology. 2008. № 2. P. 274–277.
16. *Gorshkov M.K.* Youth in the mirror of sociology. To the results of many years of research : monograph / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M., 2020. 688 p.

Корешева Елена Васильевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и коммерции,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
Koresheva_e_v@mail.ru

Бирюкова Лариса Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики предприятия
и менеджмента,
Хабаровский государственный
университет экономики и права
Bi_lar@mail.ru

Филиппова Ксения Владимировна

старший преподаватель кафедры
экономики и менеджмента,
Тихоокеанский государственный
университет 008322@pnu.edu.ru

**Трудовые ценности молодежи:
поколенческий аспект
(на материалах исследования
в Хабаровском крае)**

Аннотация. Трудовые ценности являются важнейшими фактором, детерминирующим поведение молодежи в системе социально-трудовых отношений. В фокусе данного исследования находятся трудовые установки молодежи Хабаровского края в контексте теорий поколений. Были выявлены отличия в ценностной системе представителей поколения «Z» и «Y». Рассмотрены вопросы отношения современной молодежи к труду, роль образования как социального лифта при выстраивании трудовой карьеры.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, инструментальные и терминальные трудовые ценности, поколение «Z», миллениалы, фриланс.

Трудовые ценности являются важнейшим фактором интеграции молодежи в систему социально-трудовых отношений. Формирование трудовых ценностей на начальном этапе происходит под влиянием социокультурных факторов, первоочередное значение среди которых отводится жизненным установкам, социальному окружению, семейному и школьному воспитанию.

Дальнейшее изменение трудовых установок молодого поколения обусловлено инверсией ценностной системы общества под влиянием рыночной экономики в пользу материалистических и прагматических ценностей, ориентации в

Elena V. Koresheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economics and Commerce,
Far Eastern State University of Railways
Koresheva_e_v@mail.ru

Larisa V. Biryukova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Enterprise Economics and Management,
Khabarovsk State
University of Economics and Law
Bi_lar@mail.ru

Ksenia V. Filippova

Senior Lecturer of the Department
of Economics and Management,
Pacific State University
008322@pnu.edu.ru

**LABOR VALUES OF YOUTH:
GENERATIONAL ASPECT
(BASED ON RESEARCH MATERIALS
OF THE KHABAROVSK TERRITORY)**

Annotation. Labor values are the most important factor determining the labor behavior of young people. The focus of this study is the work attitudes of the youth of the Khabarovsk Territory in the context of generational theories. Differences in the value system of representatives of generation Z and Y were revealed. The article deals with the attitude of modern youth to work, the role of education as a social lift in building a career.

Keywords: youth, labor market, instrumental and terminal labor values, Generation Z, millennials, freelancing.

отношении труда, лишь как инструмента достижения материального благополучия.

Исследованием трудовых ценностей занимались такие классики социологии, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Д. Супер, Т. Парсонс, У. Томсан, Д. Элизура, Д. Макклелланд. Среди отечественных авторов, исследующих проблематику трудовых ценностей, следует отметить А.Г. Здравомыслова, В.С. Магуна, В.А. Ядова, В.И. Чупрова, А.Л. Темницкого. Особый интерес представляет концепция, предложенная М. Рокичем, в рамках которой автор выделяет терминальные и инструментальные трудовые ценности [1]. Так, инструментально

значимые ценности представляют собой мотивационные характеристики труда, связанные, в первую очередь, с трудовым результатом – заработной платой. Терминальность определяет самостоятельную значимость труда в системе жизненных ценностей-целей, без привязки к материальному вознаграждению.

Современная молодежь рассматривает труд исключительно как инструмент материального обогащения, не принимая во внимание содержательную, тем более, духовную сторону трудовой деятельности. Несмотря на достаточное количество исследований, посвященных данной проблематике, эта тема не теряет важности, поскольку трудовые ценности являются детерминирующим фактором при выстраивании трудовой стратегии подрастающим поколением.

Актуальность исследования подтверждается многими факторами.

Во-первых, молодежь, обладая большим инновационным потенциалом (по сравнению с другими социальными группами), может способствовать экономическому, социально-культурному, духовному развитию общества, в противном случае – стать фактором деструктивных изменений социума.

Во-вторых, молодежь представляет собой неоднородную социальную группу, включающую представителей разных поколений «миллениалов» и «зетов». Это требует более детального анализа, в частности, изучения ценностных ориентаций, мотивов, обуславливающих их трудовое поведение.

В-третьих, ценностная система молодежи в большей степени подвержена влиянию социально-

экономических факторов. Так, масштабная цифровизация, пандемия COVID-19 привели к изменению характера занятости и популяризации среди молодежи ее новых, индивидуальных форматов, таких как фриланс, самозанятый и др.

С целью выявления трудовых ценностей молодежи Хабаровского края в ноябре 2020 г. – феврале 2021 г. автором было проведено анкетирование среди экономически-активного населения края в возрасте 18–35 лет. Выборка составила 496 респондентов, из которых 23 % представляют молодежь в возрасте от 18 до 21 года (поколения «Z»), 39 % – молодые люди в возрасте 22–28 лет (первая подгруппа поколения «Y»), 38 % – молодежь в возрасте 29–35 лет (вторая подгруппа поколения «Y») [2]. По гендерному признаку большая часть (53 % респондентов) – женщины, 47 % – мужчины, что соответствует гендерной структуре населения Хабаровского края. Подавляющее большинство (52,8 %) на момент проведения анкетирования осуществляли трудовую деятельность, 34 % совмещают работу с обучением; 10 % продолжили обучение в учебных заведениях; 3,2 % респондентов указали, что не работают и не обучаются. 61 % респондентов имеют высшее образование, 31,2 % – высшее незаконченное и наименьшее число респондентов имеют среднее профессиональное образование (7,8 %). Выборка является репрезентативной, т.е. соответствует признакам генеральной совокупности по гендеру, возрасту, уровню образования.

С 1990-х годов сложилась устойчивая тенденция девальвации труда как терминально значимой ценности (табл. 1). Все большая часть представителей молодого поколения трудовую деятельность рассматривают лишь как источник получения средств к существованию.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Чем для Вас является труд?»

		1991*	2016*	2020/2021
1	Труд рассматриваю как способ удовлетворения своих потребностей	50	45	52
2	Труд – неприятная необходимость. Если бы была возможность, не работал (-ла) бы	4	14	16
3	Хотел (-ла) бы вложить в труд все лучшее, независимо от заработка	11	14	14
4	Труд – способ приносить пользу обществу, проявлять инициативу	–	–	7
5	Труд для меня это способ саморазвития и получения новых знаний	–	–	11
6	Нахожу труд интересным, но не позволю ему мешать остальной жизни	32	24	–

*Использованы результаты социологических исследований, проведенного ВЦИОМ в 1991 и 2016 гг., в котором исследовалось отношение к труду населения в возрасте от 18 до 30 лет [3].

**Составлено автором на основе собственного социологического исследования, проведенного в 2020/2021 гг., в котором в качестве респондентов выступило население в возрасте от 18 до 35 лет.

Одновременно усиливается тенденция восприятия труда как неприятного обязательства. Если в 1991 г. такое мнения было характерно для 4 % респондентов, то в 2021 для 16 % опрошенных. Однако есть небольшая доля тех, кто рассматривает трудовую деятельность как возможность приносить пользу обществу (7 %), развиваться и получать новые знания (11 %). Доминирование материальных установок в сознании молодежи обусловлено агрессивным воздействием рекламы и масс-медиа, часто пропагандирующих и даже навязывающих гедонистическую

идеологию, где ключевая роль принадлежит именно материальным ценностям. Так, в ТОП-3 жизненных ценностей молодежи вошли «материальное благополучие» (68 % респондентов), «богатство» – 48 %, «карьера» – 46 %, «собственный бизнес» – 38 %. Наличие семьи, друзей важно только для 36 % и 27 % респондентов (5 и 7 ранговые позиции соответственно). Многие из них не планируют иметь детей. В возрастных когортах 18–21 и 22–28 лет таких 24,2 % и 21,1 %, а среди тех, кто старше 29-ти – свыше 37 %.

Современное молодое поколение предпочитает жить одним днем, пренебрегая нравственными ценностями. Это касается и образования: многие студенты стремятся получать не знания и навыки, которые можно применить в профессиональной деятельности, а финальный документ. Кроме того, множество выпускников учебных заведений после окончания учебы не планируют работать по полученной специальности, соответственно, и отношение к учебе становится «несерьезным». Снижение значимости образования обусловлено и требованиями рынка труда. Вместо специалистов, обладающих профессиональными знаниями, увеличивается спрос на работников, обладающими soft skills (стрессоустойчивость, мобильность, коммуникабельность т.д.). Порожденный цифровизацией феномен увеличивает значимость среди молодежи бизнес-образования (краткосрочные курсы обучения), как возможности повышения своего уровня конкурентоспособности на рынке труда в условиях быстрых изменений производственных и управленческих технологий, связанных с переходом на новый технологический уклад. Согласно результатам исследования, проведенного ВЦИОМ в 2008 г., 45 % респондентов отметили, что без высшего образования можно сделать удачную карьеру и устроить свою жизнь, в 2019 г. такого мнения придерживалось уже 68 % молодежи [4].

Интерес вызывает новый тренд в молодежном сегменте рынка труда – переориентация на проектный тип трудовой деятельности. При этом происходит выхолащивание долгосрочных трудовых отношений, утрата ценности коллективного труда, а стремление получения быстрого и большего дохода является доминирующим в сознании большинства представителей молодого поколения. Данное положение подтверждается результатами собственного социологического исследования. Для 66 % респондентов в возрасте от 18 до 35 лет наибольшую ценность представляет заработная плата.

В их глазах высокий заработок – критерий достижения жизненного успеха, благополучия, определенного социального статуса, признания. Все же, несмотря на доминирование ценности заработной платы среди представителей молодежи, имеются существенные отличия в структуре трудовых ценностей представителей разных поколений. Рассмотрим их подробнее.

Помимо заработной платы для представителей поколения Z немаловажное значение имеют некоторые терминально-значимые ценности, такие как «престижность работы» – 52 %, «перспективы карьеры» – 46 %, «интересная работа» – 31 %.

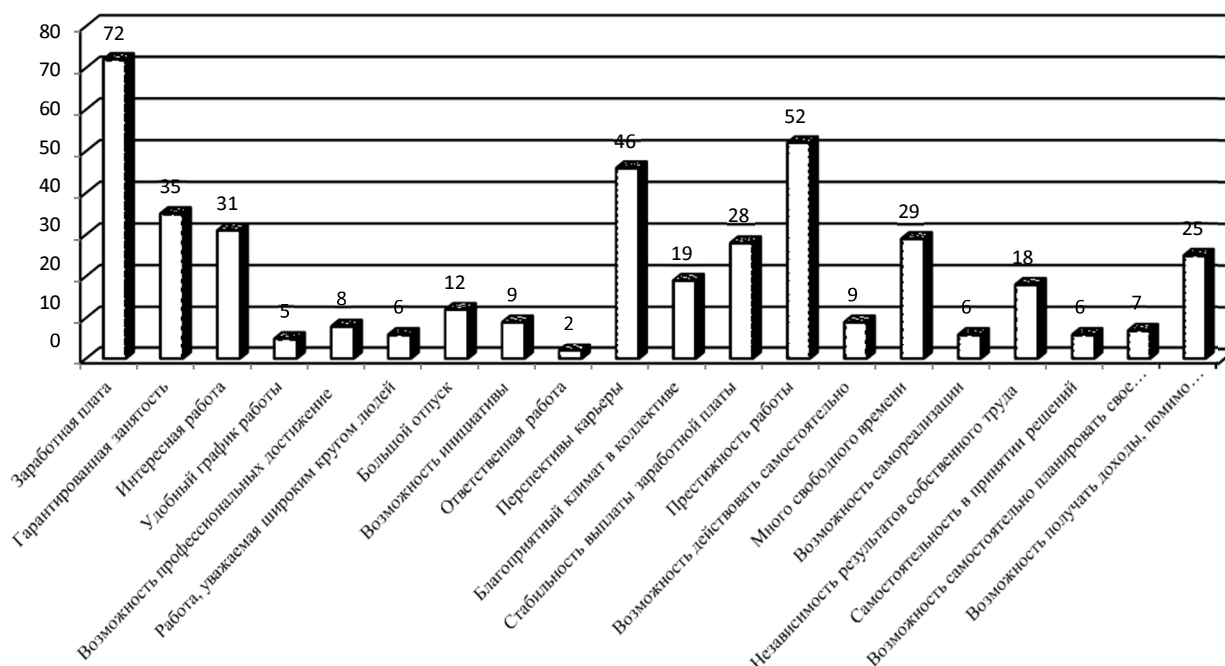

Рисунок 1 – Наиболее значимые трудовые ценности молодежи в возрасте 18–21 года (поколение Z)

С нашей точки зрения, престижность работы ассоциируется у неопытной молодежи как некий залог собственной успешности, популярности среди сверстников с одной стороны и, возможностью получения большего заработка с другой. Это подтверждается коэффициентами парных корреляций по Пирсону. Так, между факторами «престижность работы» и «заработной платой» наблюдается самая тесная (относительно других ценностей) положительная связь ($r = 0,72$). Перспективы карьерного роста, к сожалению, не

связаны с профессиональным совершенствованием (коэффициенты корреляции между ценностями «перспективы карьеры» и терминально значимыми ценностями незначительны: $r = 0,13$ с ценностью «возможность профессиональных достижений»; $r = 0,15$ – «возможность инициативы»; $r = 0,19$ – «интересная работа»). У многих представителей данной возрастной группы требования к себе как квалифицированному специалисту не являются высокими, что обуславливает отсутствие стремления к профессиональным

достижениям, проявления инициативы, приобретения новых компетенций, нежелания брать на себя ответственность. Так, немалая часть респондентов отметили терминально-значимые ценности «возможность профессиональных достижений» (24 % от респондентов возрастной группы 18–21 лет), «возможность проявлять инициативу» (17 %), «ответственная работа» (24 %), «интересная работа» (8 %) как наименее значимые ценности.

Среди наиболее значимых ценностей была отмечена ценность «много свободного времени» – 29 %. Для представителей поколения Z в отличие от других поколений доминирующей жизненной ценностью является не трудовая деятельность, а личная жизнь, поэтому баланс между работой и жизнью (work – life balance) играет ключевую роль в процессе выстраивания трудовой стратегии. Система ценностей нового поколения формирует жизненную концепцию «свободы» – достижение сбалансированности между трудовой и личной жизнью [5]. Это отражается в выборе форм трудовой занятости. Так для «зетов» наиболее предпочтительной является трудовая деятельность на условиях фриланса – 31 % (от общего количества респондентов возрастной когорты 18–21 года). Однако, неопытная молодежь не

принимает во внимание риски, связанные с данной формой занятости: отсутствие социальных выплат, медицинского страхования, пенсий, нестабильность и негарантированность в получении дохода [6]. Набирает популярность нетрудовая занятость (28 % респондентов), при которой источником получения дохода становятся, монетизация аккаунтов в социальных сетях, блогерство, геймерство, стриминг и др. [7].

Для миллениалов, относящихся возрастной когорте 22–28 лет, большую значимость представляют инструментальные ценности: «заработная плата» – 65 % (от общего числа респондентов данной возрастной группы), «гарантированная занятость» – 48 %, «перспективы карьеры» – 41 %, «стабильность выплаты заработной платы» – 37 % (рис. 2). Приоритетность именно этих трудовых ценностей обусловлена соответствующим этапом социального становления молодежи, связанным с созданием семьи, рождением детей, приобретением жилья. Эти обстоятельства, как правило, сопряжены с затратами, в том числе и по ипотечным кредитам.

Третью позицию в структуре трудовых ценностей молодежной группы занимает ценность карьерного роста.

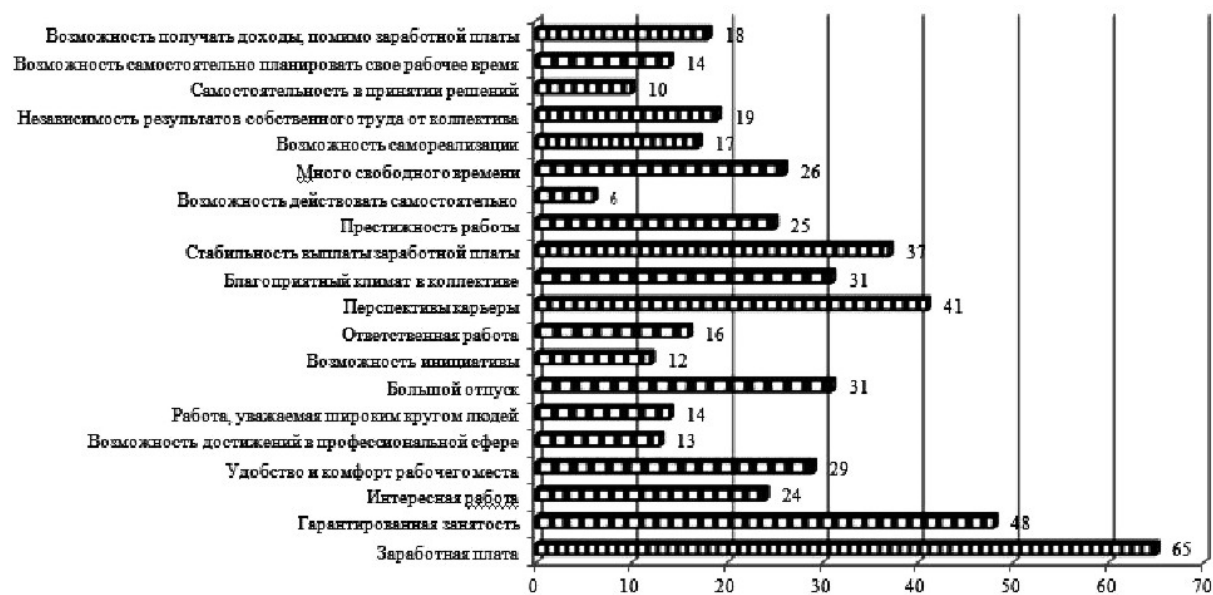

Рисунок 2 – Наиболее значимые трудовые ценности молодежи в возрасте 22–28 лет (поколение миллениалов)

Вероятнее, как и представители поколения Z, карьерный рост миллениалами, рассматривается как потенциальная возможность удовлетворить свои растущие финансовые потребности, повышение своего уровня материального благосостояния, что подтверждается приоритетностью ценности заработной платы (коэффициент корреляции между ценностями перспективы карьеры и заработная плата равен 0,54). С другой стороны, карьерный рост может рассматриваться как способ профессиональной самореализации, развития новых профессиональных качеств, позволяющих достичь более высокого социального и профессионального статуса. Так, корреляция между

профессиональным ростом и терминальными ценностями «интересная работа», «возможность проявления инициативы», «ответственная работа» равны соответственно 0,54; 0,51; 0,48. В свою очередь, это обуславливает значимость такой трудовой ценности, как «возможность достижений» (13 % респондентов данной возрастной группы). Отметим, что 24 % респондентов данной возрастной группы указали важность ценности «интересной работы». Мы связываем это со следующим: в более молодом возрасте, в отсутствии опыта работы, трудовая деятельность многих молодых людей была сведена к выполнению рутинных операций, что негативным образом

сказывается на психологическом и даже физическом здоровье. По этой причине, возникает потребность именно в эмоционально привлекательной трудовой деятельности.

В отличие от представителей поколения Z, миллениалы отметили значимость ценности «удобство и комфорт рабочего места» – 29 %. Более опытная молодежь осознано подходит к вопросам организации рабочего места, понимая, что ненадлежащая организация труда может негативно отразиться на состоянии их здоровья и, как результат снизить их конкурентоспособности на рынке труда.

Приоритетность вышеуказанных трудовых ценностей определила предпочтительность в выборе статусов занятости миллениалов в возрасте 22–28 лет. Наибольшее количество респондентов отметили формат трудоустройства в качестве наемного работника – 42 % и самозанятого – 25 %. Выбор статуса «самозанятого» обусловлен несколькими его характеристиками: большинство (31 % респондентов, выбравших «самозанятость») отметили, что преимущественно отсутствуют обязательные требования к уплате страховых взносов; 26 % отметили отсутствие / минимальное количество отчетности; 15 % – «не надо самостоятельно рассчитывать сумму налогов и других платежей». Меньшее распространение среди миллениалов получила занятость в неформальном секторе и нетрудовая занятость 9 % и 3 % соответственно.

Для представителей миллениалов, относящихся к «старшей» возрастной группе (29–35 лет), как и для других молодежных подгрупп, приоритетное значение имеют инструментальные ценности заработной платы (61 % респондентов) и гарантированной занятости – 54 %. Отметим, что для миллениалов данной группы, в отличие от других молодежных групп, особую значимость представляет группа терминально значимых ценностей таких как: «перспективы карьеры», «интересная работа», «благоприятный социально-психологический климат в коллективе», «возможность достижений». Безусловно, значимость продвижения по карьерной лестнице миллениалами, как и другими представителями молодежной группы, рассматривается как возможность повышения своего

материального благосостояния, что подтверждается приоритетностью ценности заработной платы и высоким значением коэффициента парной корреляции ($r = 0,76$). Однако (как и молодежь в возрасте 22–28 лет) продвижение по служебной лестнице может рассматриваться как способ профессионального и личного саморазвития, совершенствования, самореализации, приобретения новых компетенций, освоения новых социальных ролей и статусов. Поэтому в качестве ценностей ими были отмечены «возможность достижений», «возможность самореализации» (коэффициент корреляции между ними равен 0,61; 0,53).

Четвертую позицию в структуре трудовых ценностей занимает ценность интересной работы. Возможно, эта ценность связана с личностными характеристиками молодежи, чье становление приходится на начало 2000-х годов. Для них характерна четкая жизненная позиция, повышенная когнитивная активность, желание получать удовольствие, в том числе, и от трудовой деятельности. Во многом, интерес к работе обусловлен исследовательским инстинктом, провоцирующим молодых людей на познание разного рода «белых пятен» в окружающем мире и в своей профессии. Ценность благоприятного социально-психологического климата в коллективе» обусловлена особой важностью межличностных коммуникаций, доверительных отношений сотрудников друг к другу, чувства защищенности, безопасности, комфорта. С другой стороны, для некоторых работников коллектив является источником приобретения социального опыта, сферой общения, средством самоутверждения и самореализации, духовного, интеллектуального, нравственного взаимообогащения. Поэтому на вопрос: «В каком формате Вы предпочли бы работать в настоящее время?» – подавляющее большинство (78 %) респондентов данной возрастной группы ответили, что предпочитают трудиться преимущественно на предприятии, находясь в окружении коллег. Эти обстоятельства обуславливают выбор статуса занятости миллениалов (рис. 3). Так, подавляющее большинство (70 %) предпочитает работать в качестве наемного сотрудника (наибольшее значение среди всех возрастных когорт).

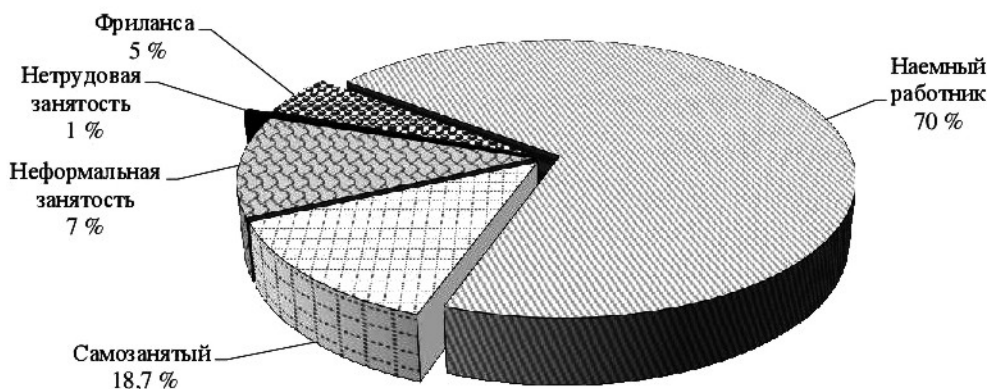

Рисунок 3 – Распределение ответов представителей возрастной группы 29–35 лет на вопрос: «На каких условиях Вы предпочитаете осуществлять трудовую деятельность?», (в % от численности респондентов данной возрастной группы)

Меньшее количество респондентов предпочитает трудовую деятельность в качестве самозанятых, всего 18,7 %. Однако, количество респондентов, выбирающих неформальную занятость, больше, чем предпочитающих быть фрилансером. Наемный труд как вариант встраивания в систему социально- трудовых отношений имеет очевидные достоинства. Стабильная ежемесячная зарплата, социальный пакет, налаженные отношения с коллективом и руководством, чёткое понимание своих функциональных обязанностей – всё это является своеобразной зоной комфорта для наёмного работника.

Литература:

1. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New-York : The Free Press, 1973.
2. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В.В. Радаев // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
3. Жить – значит работать? ВЦИОМ. 2016 г. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-znachit-rabotat> (15.02.2021).
4. Аналитический обзор ВЦИОМ. Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? 2019. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-sotsialnyj-lift-ili-poteryannoe-vremya> (12.05.2021).
5. *Тонких Н.В.* Work-life balance в системе ценностей молодежи: методология исследования / Н.В. Тонких, Н.В. Баранова // Дискуссия. 2020. № 102. С. 50–62.
6. *Калашникова И.В.* Фриланс и российский рынок труда / И.В. Калашникова, К.В. Филиппова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 4(59). С. 81–90.
7. *Калашникова И.В.* Ценности и предпочтения молодежи на российском рынке труда / И.В. Калашникова, Г.Г. Медведева, М.А. Сигитова, К.В. Филиппова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2022. № 64. С. 145–154.

В результате проведённого исследования было выявлено, что труд молодым поколением рассматривается лишь как способ улучшения собственного материального благополучия. Это определяет доминирующее значение заработной платы в иерархии трудовых ценностей. Как положительный фактор необходимо отметить активность, высокую адаптивность и предприимчивость современных молодых людей, что обуславливает выбор форм занятости в пользу фриланса. Именно эти качества молодежи необходимо развивать, активизируя мотивационные установки, направленные на формирование новой культуры труда.

Literature:

1. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New-York : The Free Press, 1973.
2. *Radaev V.V.* Millennials Against the Background of Previous Generations: An Empirical Analysis / V.V. Radaev // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 3. P. 15–33.
3. To live means to work? VCIOM. 2016. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-znachit-rabotat> (15.02.2021).
4. Analytical review of VCIOM. Higher education: social lift or wasted time? 2019 URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-sotsialnyj-lift-ili-poteryannoe-vremya> (05.12.2021).
5. *Tonkih N.V.* Work-life balance in the value system of youth: research methodology / N.V. Tonkih, N.V. Baranova // Discussion. 2020. № 102. P. 50–62.
6. *Kalashnikova I.V.* Freelance and the Russian labor market / I.V. Kalashnikov, K.V. Filippova // Bulletin of the Pacific State University. 2020. № 4(59). P. 81–90.
7. *Kalashnikova I.V.* Values and preferences of young people in the Russian labor market / I.V. Kalashnikova, G.G. Medvedeva, M. A. Sigitova, K.V. Filippova // Bulletin of the Pacific State University. 2022. № 64. P. 145–154.

Лях Павел Петрович

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
lhpp@mail.ru

Бондаренко Наталья Алексеевна

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
bonna5@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ,
ПОЛУЧИВШИХ РАЗРЕШЕНИЕ
НА ВРЕМЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

Аннотация. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России требует привлечения в регион внешних трудовых мигрантов. Приезд иностранных граждан на временное жительство ставит проблему их социальной адаптации. В статье на основе данных социологического исследования анализируются проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в новых условиях проживания. Отдельно рассматриваются такие проблемы мигрантов, как языковой барьер, поиск жилья и получение медицинской помощи.

Ключевые слова: депопуляция, мигранты, социальная адаптация, интеграция, стратегия поведения, языковой барьер, медицина.

Д епопуляция на Дальнем Востоке происходит более быстрыми темпами чем в остальных регионах России. Ежегодно население сокращается на 0,2–0,4 % от общего количества. За период с 1991 по 2019 годы численность населения региона уменьшилось в 1,3 раза [1]. Отток населения с Дальнего Востока России на запад Российской федерации порождает для экономики региона проблему дефицита трудовых ресурсов. Поскольку включение Дальневосточного федерального округа в программу территорий опережающего развития не дало ожидаемого эффекта, единственным способом решения указанной проблемы в краткосрочной перспективе признана внешняя трудовая миграция. Показательно, что при распределении квот на иностранных рабочих из дальнего зарубежья ДФО, население которого составляет около 5 % от численности населения

Pavel P. Lyakh

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Social Work and Psychology,
Pacific Public University
lhpp@mail.ru

Natalia A. Bondarenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economic Theory
and the National Economy,
Pacific Public University
bonna5@mail.ru

**PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION
OF LABOR MIGRANTS GRANTED
TEMPORARY RESIDENCE PERMITS
IN THE FAR EAST OF RUSSIA**

Annotation. The demographic situation in the Russian Far East requires the attraction of external labor migrants to the region. The arrival of foreign citizens for temporary residence raises the problem of their social adaptation. Based on the sociological research data, the article analyzes the problems faced by migrants in the new living conditions. Separately, such problems of migrants as a language barrier, finding housing and receiving medical care are considered.

Keywords: depopulation, migrants, social adaptation, integration, behavior strategy, language barrier, medicine.

России, получил из выделенных 124 тысяч самую большую долю – 32,5 тысяч человек [2]. Хотя, по мнению некоторых исследователей, анализ по субъектам Российской федерации не позволяет сделать выводы о прямой зависимости изменения уровня занятости от изменения численности иностранных работников в регионе [3].

При этом основная часть трудовых мигрантов прибывает на Дальний восток из стран ближнего зарубежья, квоты для которых не предусмотрены. Это, прежде всего, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан и Киргизия.

Помогая экономике региона, иностранные рабочие порождают новые проблемы, связанные с адаптацией к новым условиям проживания. Этот процесс регулируется законодательной и

исполнительной властью как на федеральном, так и региональном уровнях. Для очередного мониторинга социальной адаптации внешних трудовых мигрантов, получивших разрешение на временное проживание, было проведено социологическое исследование, объектом которого стали иностранные граждане зарегистрированные УФМС России по Хабаровскому краю. Выборка

составила 410 человек, репрезентативна по всем основным показателям.

Исследование показало, что к основным проблемам социальной адаптации внешних трудовых мигрантов относятся: языковой барьер, поиск жилья, получение медицинской помощи, поиск работы и устройство детей в детский сад или школу.

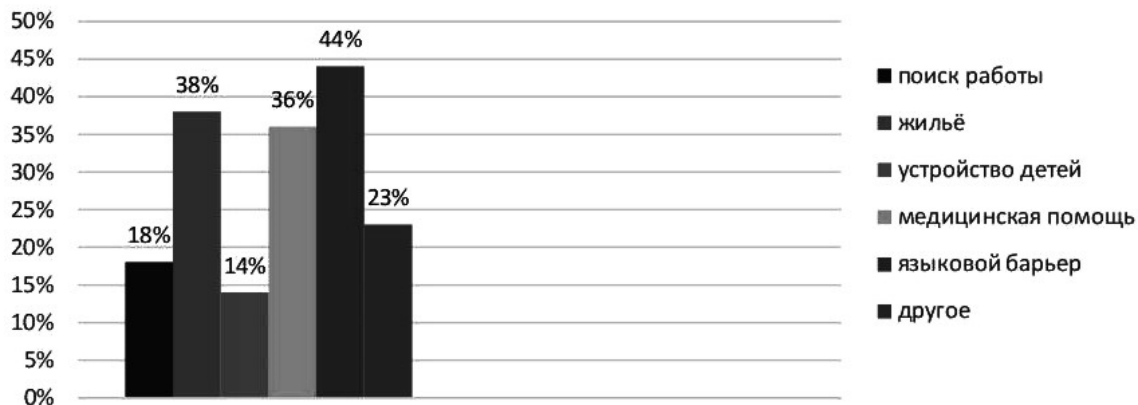

Рисунок 1 – Проблемы внешних трудовых мигрантов

Кроме этих трудностей, упоминались: высокая стоимость патента на работу, дорогие билеты на Дальний Восток, затруднения при прохождении медкомиссии и сдаче экзаменов на знание русского языка. Большая часть иностранных работников приезжает в Россию на временное место жительства, ставя перед собой задачу накопления средств, которые позволят им, после возвращения на родину, развивать собственное хозяйство у себя дома. Поэтому внешние мигранты готовы терпеть трудности, с которыми сталкиваются на новом месте проживания, рассматривая данную ситуацию как временную [4].

Успешную адаптацию внешних мигрантов в новом для них обществе во многом определяют их желания и способности к изучению языка принимающей стороны, а также – знание их законов традиций и обычаев страны пребывания. Познание языка позволяет мигранту гораздо быстрее освоить принятые в обществе нормы поведения, элементы местной культуры, также правильно реагировать на вызовы социального окружения и решить разные бытовые трудности.

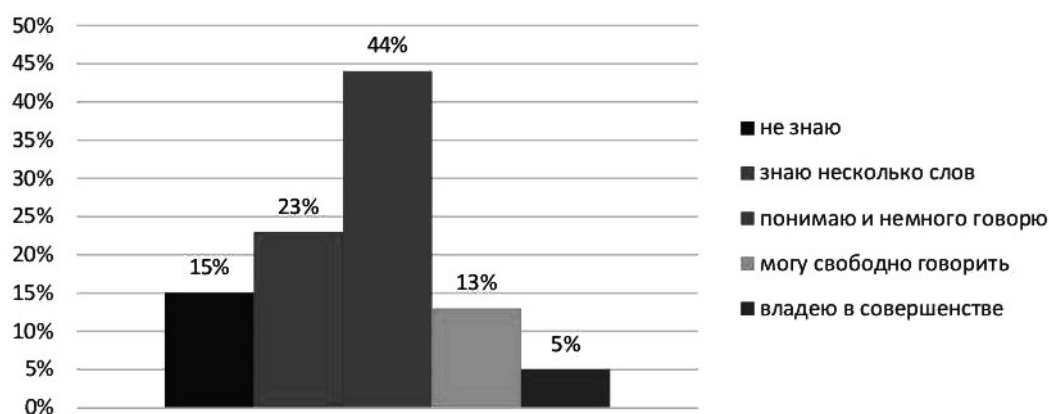

Рисунок 2 – Уровни владения государственным языком внешними трудовыми мигрантами

Владение государственным языком принимающей стороны расширяет возможности трудоустройства и профессионального роста мигрантов, а также содействует более удачному ведению собственного бизнеса в этой стране. От того на сколько хорошо мигрант владеет языком принимающего общества, напрямую зависит степень его адаптации в данном социуме. Введение с 01 января 2015 г. обязательного тестирования по русскому языку для получения разрешения на

работу в России способствовало росту мигрантов, изучающих русский язык как на специализированных курсах, так и в пунктах самоподготовки, однако, несмотря на это, проблема всё еще остаётся [5].

Другой проблемой для трудовых мигрантов является вопрос с жильем. В отличие от государств Европы и Америки, где мигранты часто формируют кварталы по этническому признаку, в

России, на Дальнем Востоке такое явление не наблюдается. Иностранцы работники, прибывшие в Хабаровский край с целью заработка, просто снимают квартиры либо комнаты, не формируют территориальные диаспоры. Большинство мигрантов вынуждены экономить, ведь им нужно отправлять какую-то сумму домой, на родину и на оставшиеся средства питаться, и чтобы снизить расходы на оплату жилища, приезжие теснятся по 7–10 человек в одной комнате, а в трехкомнатной квартире могут проживать 20–30 человек. Но такие варианты многих владельцев квартир не устраивает, и по этой причине существует, своего рода, дискриминация по национальному признаку при съеме жилья. Для тех работников, кому не по карману снять квартиру, вариантом является общежития для мигрантов, которые зачастую не отличаются комфортабельными условиями проживания. В теории же, все работодатели, которые нанимают на работу трудовых мигрантов, должны обеспечить их местом проживания из существующего жилищного фонда с временной регистрацией по адресу, но на практике далеко не все имеют такую возможность.

Следующей проблемой, отмеченной трудовыми мигрантами, являются трудности с получением медицинской помощи, что почти всегда связано с

отсутствием медицинской страховки. В 2010 году вступил в силу новый Закон РФ «Об обязательном медицинском страховании», в соответствии с которым, статус застрахованного в обязательном медицинском страховании получили постоянно либо временно живущие в Российской Федерации иностранные граждане. Но и сейчас отсутствует ясное представление, каким образом трудовому мигранту можно получить медицинское обслуживание в Российской Федерации, так как отсутствуют точные и понятные гарантии государства либо работодателей для иностранных работников. Когда иностранец приобретает медицинский полис, то он имеет право на получение установленного перечня медицинских услуг. Также, внешний мигрант имеет право на экстренную медицинскую помощь, даже если у него нет документов (т.е., когда появляется угроза жизни человеку). Но если такой опасности не выявлено, то медицинское учреждение может отказать иностранному работнику в предоставлении медицинских услуг. В любом случае, мигрант имеет право на вызов скорой помощи, которая уже поставит диагноз и сумеет оказать медицинскую помощь. Из исследования следует, что только 36 % приезжих владеют страховым полисом, остальная часть не имеет такого.

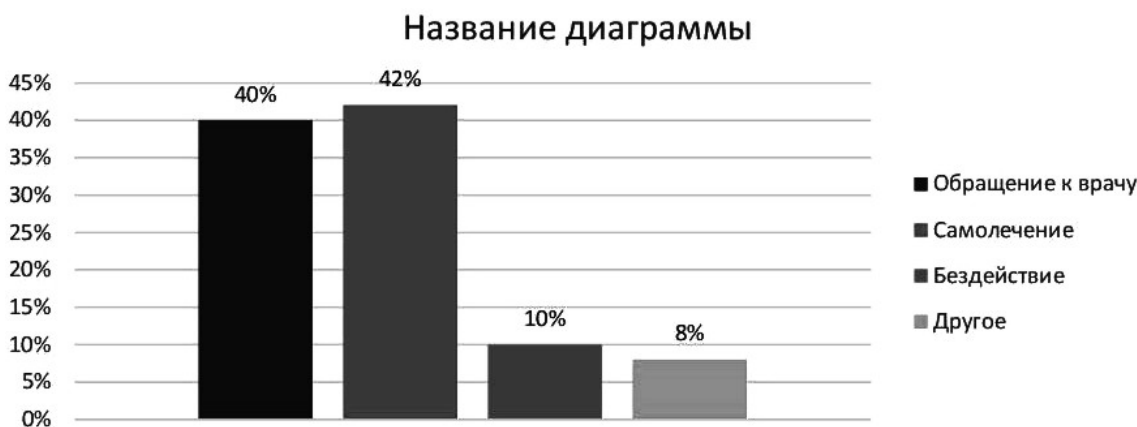

Рисунок 3 – Медицинская помощь внешним трудовым мигрантам

Материалы исследования показали, что, чаще всего, мигранты практикуют самолечение (42 %) или пассивны в действиях (10 %). Доля мигрантов, обращающихся к врачам, относительно невелика – приблизительно 40 %. При этом каждый третий мигрант (33 %) хотя бы раз получал медицинскую помощь (по страховому полису) в городской больнице.

По результатам исследования было выявлено, что стратегии миграционного поведения многообразны и часто зависят от множества условий: семейного положения мигрантов, уровня их образования, актуальных ситуаций, планов на будущее и профессиональных успехов. В целом, избираемая мигрантом стратегия социальной адаптации, находится в зависимости от социокультурных особенностей посылающей страны. Такие социокультурные характеристики обществ Средней Азии (основная часть трудовых мигрантов на Дальнем Востоке из этого региона), как традиционализм, коллективизм, общинность, высочайшая значимость традиций, обычаев,

вероисповедания, почти во всем определяют поверхностный характер социальной адаптации мигрантов к российским условиям и ведут к изоляции. В итоге, имеющихся расхождений может появиться опасность конфликтов на национальной почве.

Проведенное исследование позволило выявить предпосылки низкого адаптивного потенциала временных трудовых мигрантов. Определяющим является задуманная цель приезда – временное пребывание для заработка. В большинстве случаев трудовые мигранты разговаривают в узких группах «своих» и избегают общения с местным населением. Такие стратегии поведения являются показателем того, что мигрант не планирует приспособиться к принимающему обществу и связывает свою последующую судьбу с возвращением на родину. Кроме этого, от рвения закрепиться на Дальнем Востоке России многих мигрантов держит негативное отношение к ним местных жителей, неприязнь и нежелание принимать их в свое общество.

Литература:

1. *Красинец Е.С.* Трудовая миграция в решении стратегических задач пространственного развития человеческого капитала на Дальнем Востоке России / Е.С. Красинец, Т.В. Шевцова // Сборник научных работ 69й Международной научной конференции Евразийского Научного Объединения (г. Москва, ноябрь 2020). М. : ЕНО, 2020. 550 с.
2. *Смелов П.А.* Внешняя трудовая миграция в Российской Федерации / П.А. Смелов, Е.А. Егорова // Статистика и Экономика. 2018. Т. 15. № 6. URL : <https://statecon.rea.ru/jour/article/view/1329/1163> (дата обращения 14.04.2022).
3. Хабаровский край стал лидером ДФО по квоте на трудовых мигрантов. Информагентство ХКС. 09.12.2021. URL : <https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/50670> (дата обращения 14.04.2022).
4. *Петрова О.С.* Направления социальной адаптации среднеазиатских трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге / О.С. Петрова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4(258). Философия. Социология. Культурология. Вып. 23. Челябинск : Изд-во ЧГУ, 2012. С. 162–168.
5. *Зимова Н.С.* Социальная адаптация трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России / Н.С. Зимова // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2 № 1. URL : https://www.researchgate.net/publication/324192247_Socialnaa_adaptacia_trudovyh_migrantov_iz_stran_Centralnoj_Azii_v_Rossii (дата обращения 14.04.2022).

Literature:

1. *Krasinets E.S.* Labor migration in solving strategic problems of the spatial development of human capital in the Russian Far East / E.S. Krasinets, T.V. Shevtsova // Collection of scientific papers of the 69th International Scientific Conference of the Eurasian Scientific Association (Moscow, November 2020). M. : ENO, 2020. 550 p.
2. *Smelov P.A.* External labor migration in the Russian Federation / P.A. Smelov, E.A. Egorova // Statistics and Economics. 2018. Vol. 15. № 6. URL : <https://statecon.rea.ru/jour/article/view/1329/1163> (date of appeal 14.04.2022).
3. The Khabarovsk Territory became the leader of the Far Eastern Federal District in terms of the quota for labor migrants. HKS news agency. 09.12.2021. URL : <https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/50670> (date of appeal 14.04.2022).
4. *Petrova O.S.* Directions of social adaptation of Central Asian labor migrants in St. Petersburg / O.S. Petrova // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. № 4(258). Philosophy. Sociology. Culturology. Iss. 23. Chelyabinsk : Publishing House of ChGU, 2012. P. 162–168
5. *Zimova N.S.* Social adaptation of labor migrants from Central Asian countries in Russia / N.S. Zimova // Migration and socio-economic development. 2017 Vol. 2 № 1. URL : https://www.researchgate.net/publication/324192247_Socialnaa_adaptacia_trudovyh_migrantov_iz_stran_Centralnoj_Azii_v_Rossii (date of appeal 14.04.2022).

Магаррамов Магаррам Джабраилович

доктор философских наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук
m.magarram@gmail.com

Караев Исрафил Ибадуллахович

соискатель учёной степени
кандидата социологических наук
m.magarram@gmail.com

Аксиология семьи как одно из условий гармонизации социального пространства современной России

Аннотация. Используя эмпирические данные и теоретические обобщения, подвергнуты социологическому анализу роль и значение семьи в обеспечении гармонии социального пространства современного российского общества и государства. Сравнительно определено состояние демографии в стране в 90-х годах прошлого столетия и в современную эпоху. Выявлены основные причины разводов в нашей стране и с их учётом предложены механизмы минимизации таких случаев, в том числе социальной, материальной и финансовой поддержкой государством институтов семьи, материнства и детства.

Ключевые слова: аксиология, семья, материнство и детство, социальные патернализм института семьи, развод, гражданский брак, правовой нигилизм, anomie семейного права, правовой пробел и т.д.

Начнём с того, что в научной литературе аксиология определена как учение о ценностях. В настоящем исследовании мы исходим из такой её этимологии, как «ценность». И именно гармонизация современного социального пространства России является одним из существенных условий обеспечения безопасности [1] российского общества, государства, отдельно взятой личности и это, безусловно, является весомой ценностью. Поэтому в обеспечении такого состояния социального пространства страны немаловажное значение имеет институт семьи. Её аксиологическое значение ни у одного исследователя проблемы во все времена не вызывало никаких сомнений по одной простой причине – почти вся молодёжь с момента рождения и практически всю сознательную жизнь проходит в рамках семьи, где на протяжении почти всего этого периода времени идёт социализация личности, её нравственный рост и развитие.

Magarram D. Magarramov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Leading Researcher,
Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
m.magarram@gmail.com

Israfil I. Karaev

Degree Applicant
Candidate of Sociological Sciences
m.magarram@gmail.com

THE AXIOLOGY OF THE FAMILY AS ONE OF THE CONDITIONS FOR THE HARMONIZATION OF THE SOCIAL SPACE OF MODERN RUSSIA

Annotation. Using empirical data and theoretical generalizations, the role and importance of the family in ensuring the harmony of the social space of modern Russian society and the state are subjected to sociological analysis. The state of demography in the country in the 90s of the last century and in the modern era has been relatively determined. The main causes of divorces in our country have been identified and, taking them into account, mechanisms have been proposed to minimize such cases, including social, material and financial support by the state for family institutions, motherhood and childhood.

Keywords: axiology, family, motherhood and childhood, social paternalism of the family institution, divorce, civil marriage, legal nihilism, anomie of family law, legal gap, etc.

Понятно, что, прежде всего, для родителей, а затем и для работников органов государственной власти и местного самоуправления совсем не безразлично с каким окрасом будет проходить это социализация – положительным или отрицательным. В первом случае, общество и государство получают правильную, соблюдающую нормы права и морали, патриотически настроенную личность. Во втором же случае – человека с отрицательной социализацией, во многих случаях – с девиантным поведением, космополита по своей сущности; правонарушителя, игнорирующего нормы права, морали, не уважающего объективно существующие в обществе, государстве правопорядок и нравственность. Трагизм такого положения дел заключается в том, что при наличии в стране небольшой группы правонарушителей это не может ни у кого вызывать особой озабоченности, поскольку общество своим воспитательным и осуждающим воздействием может

легко их поставить на место. Когда же речь идёт о значительном количестве таких сограждан, не вызывая озабоченность и тревогу у остальных людей это не может, поскольку это сила с огромной отрицательной энергией может навлечь беду не только на самих правонарушителей, но на ни в чём не повинных миллионов и миллионов соотечественников. Вот вам объективная проблема, имманентно присущая современному российскому обществу, требующая не просто формального созерцания, а реальной вдумчивой работы по выработке механизмов её минимизации и снятия.

Согласно существующим социологическим данным, сегодня в нашей стране 500.000 детей являются сиротами при живых родителях, а это значит, что почти все они находятся за пределами семьи и лишены материнской ласки и отеческой заботы. Не хочется говорить, что раз они вне пределов семьи, значит, все они потенциальные правонарушители в будущем. Но совершенно очевидно, что человечеством еще не придуман другой родственный коллектив вместо семьи, где могли бы полноценно и гармонично расти и развиваться граждане с положительной социализацией, любящих своих отца и мать, окружающих их людей, свою Родину. Нам могут в пример привести случаи героизма солдат на полях Великой Отечественной войны, которые ранее в детстве воспитывались в детских домах, но не в семьях. Да, такие случаи были, но нельзя из единичных случаев выстраивать закономерность лучшего воспитания детей в детских домах, чем в семьях. Этим же приведённым примером мы можем заявить, что остальные тысячи и тысячи павших воинов, совершили свои героические подвиги, будучи воспитанными в полноценных семьях. Очевидно, что лучшей панацеи, чем семья для полноценного воспитания подрастающего поколения, человечество еще не придумало. Детские дома – это вынужденная крайность, гуманизм государства по отношению к своим несовершеннолетним гражданам, место, которое позволяет им по нужде провести всю несовершеннолетнюю жизнь. И этот образ жизни никогда не заменит полноценное воспитание и жизнь в рамках семьи.

А ведь были лихие 90-е годы прошлого столетия, когда наше государство было слабым, рыночная экономика только начинала складываться. Тогда в геометрической прогрессии росло количество разводов, а число браков было в тот период заключено значительно меньше. Семья, материнство и детство только декларативно защищались государством, а в реальности не было практически никакой социальной защиты по её адресу. Результат - 750000 сограждан за год теряла Россия, и это количество было гораздо выше родившихся сограждан. Такое положение дел продолжалось вплоть до конца 1999 года и не могло отвечать интересам национальной безопасности страны.

Ситуация принципиально изменилась после прихода к высшему политическому руководству страны В.В. Путина. Страна под его руководством за короткие сроки выплатила все задолженности развитым странам Европы и США, экономика обрела зримые черты роста и развития. В это

ситуации, конечно же, семья не осталась без пристрастия и социального патернализма со стороны государства. Чего только стоит один материнский капитал, который ежегодно индексируется, создание перинатальных центров почти во всех субъектах Российской Федерации, поддержка материнства и детства стало не лозунгом, а обнадёживающейся прагматической реальностью. Именно после таких решительных шагов правовой, социальной, имущественной и финансовой поддержки семьи, материнства и детства удалось приостановить процесс вымирания российской нации; и совсем недавно количество родившихся превысило количество умерших сограждан.

Одной из главных причин разрушений семей является разводы. В то же самое время, это социальное явление также детерминировано целым рядом других причин. В чем же они заключаются? Остановимся на этом немного подробно.

Во-первых, не секрет, что родители и близкие родственники вмешиваются в дела молодой семьи своими советами, наставлениями, а иногда и сплетнями. Результат такого вмешательства очевиден...

Во-вторых, тяжёлое материальное положение семьи, отсутствие собственного жилья для проживания, недоступность ипотечного и прочих видов кредитования.

В-третьих, асоциальные явления в образе жизни одного или обоих супругов. Речь идёт об алкоголизме и наркомании.

В-четвёртых, длительное раздельное проживание супругов по объективной причине - выезд супруга на заработки в другой район.

В-пятых, осуждение одного из супругов по приговору суда к длительным срокам лишения свободы и отбывание его в существующих пенитенциарных учреждениях.

В-шестых, продолжающаяся достаточно длительно болезнь одного из супругов, хотя по этой причине разводятся крайне редко.

В-седьмых, недостойное супружеское поведение, выражающееся в изменах. Имеются и другие причины разводов, поэтому, приведённый их перечень носит не исчерпывающий характер, подлежащий расширительному толкованию.

Какие же существуют механизмы минимизации случаев разводов? Конечно же, полностью изжить это явление вряд ли возможно, но, тем не менее, к этому следует стремиться. Наверно, только всеобщее просвещённое в нравственном отношении население перестанет совершать аморальные действия в форме сплетней и других действий, направленных на вмешательство в дела семей, приводящее в конечном итоге к разводам.

Вместе с тем, согласимся с тезисом, что только богатое общество и государство способно полноценно социально патронировать семью, предоставить им социальное жилье и оказывать

материальную помощь, а, значит, снять одно из оснований для разводов молодых семей.

Алкоголизм, наркомания, безусловно, разрушали и разрушают не одну семью. Государством и обществом ведётся целенаправленная работа с этими асоциальными явлениями, но степень её эффективности будет тем весомее, если в консонансном единстве для борьбы с ними будут приложены усилия семьи, учебных, трудовых коллективов, церкви, мечетей, доцанов, иудаистских храмов, работников органов государственной власти и местного самоуправления.

Остальные приведённые причины разводов также можно минимизировать посредством вкрапления в ещё юношеское сознание ценности и значимости семьи в жизни человека и общества. Нравственным и правовым взрослением всего общества, повышением уважения к морали и праву, нравственному и правовому сознанию во всём обществе.

Одним словом, всем в обществе должно быть очевидно и понятно, что семья – это серьёзно. Семья – это вечная ценность, без которого люди обречены на мытарства и страдания. Это сколок общества, цементирующий его, оберегающий от социальных противоречий и конфликтов, воспроизводящий нравственные начала и жизнестойкость. Если кто и попытается разрушить семью, значит, он посягает на самое святое из святых – человеческое общество. Тому нет никогда оправдания, поскольку не нужно в жизни быть злым, обдуманным индивидуалистом. Наоборот, жизненные силы, энергия, гуманизм, сопереживание попавшему в беду дают обществу альтруисты и все они – берегущие и ценящие семьи. И вселяет оптимизм, что в современном российском обществе проживает большинство альтруистов, а не злые эгоисты, для которых семья, дети, их воспитание, жизненное благополучие, конечная судьба, мораль и нравственность, как ценность – лишь пустые, ничего не значащие звуки.

Все сказанное говорит о том, что любой человек, прежде чем создать семью, должен к этому событию серьёзно подготовиться. Уметь после её создания уступить своему супругу, не идти на конфликты, а жить с ним в мире и согласии. Ведь, помимо всего прочего, это видят наши с вами дети, заражаются увиденным, получают задатки, формируют свой характер и постигают, в конечном итоге, свои судьбы. В этом процессе велика также роль таких психических процессов как заражение и внушение. Поскольку, они вместе с задатками предопределяют содержание сознания подрастающего поколения, их поведение и, в целом, их последующий образ жизни в качестве уже будущих родителей. Учитывая в жизни всё сказанное, будет гармония в источнике, механизме и направлении развития семьи, а также социальном пространстве современного российского общества и государства.

Сегодня вряд ли нужно поддерживать так называемый гражданский брак, подразумевая под ней совместную жизнь мужчины и женщины, не зарегистрировавшие эти отношения в установленном

Семейным кодексом РФ порядке. По сути, речь идёт о проявлении в поведении указанных субъектов правового нигилизма. Случай, когда это в массовом порядке может привести к анонии семейного права (потери им своей ценности и значимости). Мы не ошибёмся, если скажем, что это явление обрело свои такие очертания именно в результате проведённых в 90-е годы прошлого столетия в нашей стране либеральных реформ. Они, как известно, в целом, ничему хорошему в России не привели, а в данном случае – тем более. А сами сторонники гражданского брака это объясняют наличием у них в обществе свободы выбора в форме образа жизни, в том числе совместного, «семейного», в их понимании. Но, на наш взгляд, это ложное понимание семьи и свободы при её создании, поскольку это противоречит действующему законодательству, одобренному значительной частью современного российского общества. Тогда логически возникает вопрос, если гражданский брак не укладывается в требования действующего семейного законодательства, то почему никакой правоохранительной реакции не предпринимают правомочные на то органы государства. Ответ прост. У нас в Семейном кодексе РФ отсутствует негативная санкция в отношении поведения двух молодых людей, живущих в гражданском браке. Это же можно говорить в отношении поведения людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Значит, в действующем семейном законодательстве Российской Федерации имеется правовой пробел в отношении регуляции традиционных и нетрадиционных брачно-семейных отношений. Представляется, что этот правовой пробел должен быть устранён в пользу тех брачно-семейных отношений, которые санкционированы действующим Семейным кодексом РФ.

Подытоживая сказанное, можно сформулировать несколько обобщающих выводов, суть которых сводится к следующему:

- а) семья с самых древних времен развития человеческой цивилизации является формой совместного сосуществования людей, позволяющей удовлетворять естественные потребности людей в продолжении человеческого рода, объективным фундаментом общества и государства;
- б) обеспечение гармонии социального пространства в нашей стране сегодня является насущной необходимостью для всех людей, но достижение такого состояния требует от общества и государства поддерживать реальными делами аксиологию современной семьи, её значимость для нынешних и грядущих поколений сограждан;
- в) именно дальнейший социальный, материальный, финансовый патернализм современного российского государства в отношении семьи, материнства и детства является главной панацеей роста народонаселения, его положительной социализации, усилиями семьи, учебных, трудовых коллективов, легальных религиозных организаций, деятельностью работников органов

государственной власти и местного самоуправления. Это, в конечном итоге, повлечёт за собой гармонию в социальном пространстве страны, его безопасность;

г) работниками органов государственной власти и местного самоуправления, профессионально занимающимся вопросами семьи, материнства и детства, в своей практической деятельности

Литература:

1. Юсупова Г.И. Этнокультурное измерение региональной безопасности / Г.И. Юсупова // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-5 (56). С. 378–380.

должны быть учтены, изложенные в настоящей работе положения относительно механизмов минимизации в стране случаев разводов, разрушения семьи. Именно такая их работа, подкреплённая материально, финансово может в конечном итоге минимизировать случаи разводов, сохранить тысячи и тысячи семей, счастье детей в них проживающих, а стало быть, и гармонию социального пространства в нашей стране.

Literature:

1. *Yusupova G.I.* Ethno-cultural dimension of regional security / G.I. Yusupova // Eurasian Scientific Association. 2019. № 10-5 (56). P. 378–380.

Мартыненко Сергей Владимирович

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
rptb@mail.ru

Кареева Светлана Геннадьевна

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
svetlran@mail.ru

**ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ
НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Аннотация. Современная социальная реальность ознаменована революционными переменами, произошедшими в советском, а затем и российском обществе в направлении изменения траектории его цивилизационного развития. Вопреки ожиданиям основной массы населения нашей страны, эти изменения не привели к столь же радикальному изменению качества жизни в направлении повышения уровня благосостояния, как и в развитых государствах, а ввергли его в системный кризис. Эти процессы спровоцировали массовые отклонения в нормативном поведении, характеризующимся как девиантное; доминирующей формой такого поведения стали девиации деструктивной направленности. Авторы статьи акцентируют внимание на анализе структуры девиантного поведения и высказывают мысль о том, что по мере вступления российского общества в стадию устойчивого развития, доля позитивных девиаций в поведении наших соотечественников станет преобладающей.

Ключевые слова: современная социальная реальность, девиантное поведение, позитивные девиации, деструктивные девиации, социо-структурные деформации, социальные и правовые нормы поведения, духовный кризис, ценностно-нравственная деформация личности.

Постановка проблемы. Специфика новой социальной реальности и девиантность.

Современный этап становления новой России ознаменован революционными по своей сути преобразованиями, в результате которых в стране идет сложный и противоречивый, а порой, и разноречивый процесс формирования новой современной социальной реальности на

Sergey V. Martynenko

Doctor of Political Sciences,
Leading Researcher,
Institute of sociology of the Federal Research
Sociological Center of the Russian
Academy of Sciences
rptb@mail.ru

Svetlana G. Kareeva

Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Sociology
Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
svetlran@mail.ru

**DEVIANT BEHAVIOR
OF THE INDIVIDUAL IN THE CONDITIONS
OF A NEW SOCIAL REALITY**

Annotation. Modern social reality is marked by the revolutionary changes that took place in Soviet and then Russian society in the direction of changing the trajectory of its civilizational development. Contrary to the expectations of the majority of the population of our country, these changes did not lead to an equally radical change in the quality of their life in the direction of well-being as high as in developed countries, but plunged it into a systemic crisis, provoking massive deviations in their normative behavior, characterized as deviant, the dominant form of which was deviations of a destructive orientation. The authors of the article focus on the analysis of the structure of deviant behavior and express the idea that as Russian society enters the stage of sustainable development, the share of positive deviations in the behavior of our compatriots will become predominant.

Keywords: modern social reality, deviant behavior, positive deviations, destructive deviations, socio-structural deformations, social and legal norms of behavior, spiritual crisis. value-moral deformation of the personality.

системном социетальном уровне. Ключевое значение в данных процессах играет социокультурный аспект жизнедеятельности современного общества.

Происходящие в стране трансформации коснулись не только социетального плана социума, но и, что немаловажно, самой природы общественных отношений в целом.

Общество всегда было не только свидетелем, но и являлось активным участником смены социокультурной парадигмы. Складывающаяся в настоящее время новая социокультурная парадигма со всеми своими качественными характеристиками содержит новые коммуникационные, а также – поведенческие особенности, способы получения, интерпретации и распространения знаний, иные формы повседневных практик и другую специфику конструирования желательной для общества социальной реальности. Данная парадигма кардинально отличается от той, в которой мы привыкли жить, и не имеет ничего общего с прежним привычным и устоявшимся форматом. Особенно остро подобные социокультурные изменения прослеживаются в детерминационных внешних рамках социально-политических трансформаций в обществе, технологических революций и др. *Как правило, подобные, спровоцированные извне изменения, имеют серьезные, и в большей степени, негативные последствия для социума.*

Негативные социокультурные трансформации влекут за собой потерю устоявшихся в социуме культурных скреп и лишают общество дальнейшей возможности осуществления эффективного социального контроля через институты нравственности, культуры и т.д., направленные на укрепление сознания социума. Происходит нивелирование сложившихся систем воспитания, ценностных ориентаций, нравственности и т.п. Начинают активно развиваться и выходить на легитимный уровень криминальные форматы социального поведения и др. Социум входит в зону неуправляемых социетальных бифуркаций. Подобные изменения порождают в обществе развитие целого ряда ранее неизвестных явлений, событий и новых феноменов, которые разрушают привычные представления об общественном устройстве и, как правило, сопровождаются тяжелым системным кризисом и значительным ростом девиантного поведения.

В конечном итоге, формируется новая социальная реальность с качественно иными социальными акторами (действующими лицами), использующими другие поведенческие (девиантные) стратегии. Эта реальность развивается по законам и алгоритмам, пока ещё находящимся на стадии изучения и научной концептуализации, что и обуславливает актуальность исследований в данной области знаний.

Количество существующих в настоящее время точек зрения на феномен новой социальной реальности обширно, а полипарадигмальный характер научных взглядов позволяет говорить о неоднородном и далеком от консенсуса научном дискурсе.

В социально-научном знании *существует два ключевых концептуальных подхода к ее пониманию*: речь идет либо о некой *стабильной системе*, развивающейся по объективным законам и подвергаемой исследованию с помощью классического социального инструментария, либо феномен новой социальной реальности воспринимается исследователями как нечто *стихийно*

сформированное и развивающееся на базе разнонаправленных (личных/коллективных) действий, требующих новых исследовательских подходов.

В центре второго подхода – новая социальная реальность, которая формируется на базе уже сложившейся реальности, а также – в рамках укоренившихся в сознании людей ценностей, мотиваций, диспозиций, то есть, через объективизацию их субъективной деятельности. Главное действующее лицо новой реальности – человек, создающий ее и фактически не управляющий ею.

Речь, на перспективу, идет о *выходе на такую систему знаний о феномене, которая будет нацелена на адекватное отражение процессов в социуме, его изменений и прогнозное видение будущего, включающее как объективные факторы для анализа, так и субъективные.* С нашей точки зрения, в рамках данного исследования целесообразно использовать синтетический аспект научного теоретизирования.

На научную перспективу изучение новой социальной реальности представляется достаточно трудным процессом без соответствующего выхода на междисциплинарный исследовательский уровень. Также, следует учитывать тот факт, что глубинное понимание новой социальной реальности невозможно осуществить на базе оперирования данными об отдельных и разрозненных феноменах и сферах жизнедеятельности общества. Речь идет о включении в содержательный контент анализа своеобразной надстройки (культуры, нравственных и духовных ценностей, распространенных в социуме и пр.), являющейся базовой для общества, поскольку именно на ней держатся ключевые конструкты социальной реальности.

Новая социальная реальность и причины девиантного поведения: исторический и социокультурный аспекты.

Постсоветский период новейшей российской истории не стал исключением для России и также ознаменовался кардинальными социетальными изменениями, глубинной ломкой устоявшихся «картин мира». Подобными явлениями активно сопровождалось первое десятилетие становления нашей страны как субъекта международного права и правопреемницы СССР. Кризис коснулся практически всех сфер, ориентированных на обеспечение суверенитета, целостности территорий и экономической безопасности страны. Складывается впечатление, что кризисное развитие посткоммунистической России имманентно глубинному социокультурному кризису посттрадиционного российского общества, и оно также несет за последствия данного кризиса ответственность, как и критикуемые посткоммунистические элиты.

Этот кризис затронул и духовно-нравственную, ценностную составляющие массового сознания и мировоззрения практически каждого индивида, спровоцировав в нем различные отклонения в поведении на фоне формирования в России стихийных рыночных отношений, правового и политического вакуума, катастрофического

падения жизненного уровня основной массы населения. Закономерной реакцией массового сознания соотечественников на глобальную трансформацию общества стало массовое отклонение от традиционных, в данном случае, для советского общества норм социального поведения, то есть, от исторически сложившихся в конкретном обществе предела, меры, интервала допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций [7].

В условиях новой социальной реальности, если иметь ввиду завершающий период истории советского общества и последующие десятилетия уже российской реальности, произошла деградация социальных норм и того социокультурного пласта, который был принят социумом как основа его жизнедеятельности. Речь шла об устоявшихся и нашедших свое воплощение (поддержку) в законах, легитимных для социума, традициях, обычаях, то есть, всего того, что стало привычкой, прочно вошло в быт, в образ жизни большинства населения, поддерживалось общественным мнением, играло роль «естественного социального регулятора» общественных и межличностных отношений [7].

На смену таким традициям пришли иные социальные нормы, которые на протяжении полутора десятка лет не имели четко разработанной правовой и социально-экономической базы. Это были нелегитимные, навязанные массовому сознанию идеи, предложенные и наспех сформулированные молодыми реформаторами российскому обществу. Эти идеи, далекие от устоявшихся в российском социуме «картин мира», были сформулированы под влиянием, как оказалось в реальности, мифологизированных представлений о западной демократии и рыночных отношениях. Идеи были пронизаны идеалами общества потребления, к которым при помощи коллективного Запада наша страна должна была за короткий временной отрезок прийти, освободившись от пут так называемого тоталитаризма.

Фактически, в российском обществе свершился социокультурный раскол, результатом которого стало расслоение общества на несколько различных по идеологии и по стратегии адаптации групп традиционалистов, а в либеральном сегменте общества возникли и укрепились социальные группы с либерально-консервативной системой ценностей. Произошла своего рода «вестернизация» системы ценностей российского общества, формирование взглядов на ключевые вопросы бытия и морали происходило по американскому образцу. Все это не могло не сыграть своей разрушающей для сознания и поведения людей роли, поскольку отношение к советскому периоду с его утраченными ценностями продолжало и продолжает раскалывать общество. В настоящее время острота раскола снижается ввиду неоднократной смены поколений и размывания советского наследия на информационном уровне.

Но как оказалось на практике, надежды либералов не оправдались и оказались далекими от реальности. Тот же коллективный Запад,

добившись крушения «империи зла», каковой он считал СССР, попытался отвести нашей стране, в лучшем случае, роль региональной державы, а, по сути – мировой бензоколонки, спровоцировав в России проведение экономических реформ, образцом которых может служить приватизация. В результате данных реформ произошло фактическое разграбление страны. Поэтому неслучайно реакцией основной массы населения России на этот очередной неудачный социальный эксперимент стали правовой и политический нигилизм, уход в теневую рыночную экономику и организованную преступность, вовлечение бизнеса в коррупционные схемы с властными и криминальными структурами и т.д. Подобный трансформационный сдвиг в стране привел к значительным деформациям ключевых регуляторов поведения людей в обществе. За рыночными реформами последовали изменения в моделях поведения россиян и получили широкое распространение девиации. То есть, *значительный сегмент российского общества на определенный период времени стал субъектом отклоняющего поведения, окрашенного в делинквентные и аддиктивные тона.*

Многие из названных элементов отклоняющего поведения человека можно охарактеризовать как девиантное, генезис которого, по мнению Я.И. Геллинского, произошел в нашем обществе под влиянием таких факторов, как социально-экономическое неравенство, «исключенность» (куда он включил группы людей, выведенных из социальной реальности из-за их неспособности в нее «встроиться»), отсутствие или недостаточность социальной мобильности, недостатки ранней и последующей социализации и др. [8]. *Негативные девиации* дисфункциональны, дезорганизуют систему в своем стремлении подорвать ее основы. К таким девиациям относятся различные социальные патологии: преступность, алкоголизм, наркоманию, проституцию и др.

Анализируя исторический и социокультурный аспекты становления и развития новой социальной реальности России, можно сделать вывод о том, что ключевые события разрушительного характера, произошедшие и происходящие в настоящее время в стране, имеют пропорциональную взаимозависимость между бифуркациями и ростом девиантного поведения в социуме. Также, в роли факторов, обуславливающих рост девиаций, можно выделить следующие:

- нарастающие противоречия самой новой социальной реальности; историческое рассогласование и изменение норм и ценностей в обществе;
- субъективизм в сфере управленческих решений;
- противоречие между официально провозглашаемыми целями в социуме и способами их достижения и др.

Обозначенные противоречия новой социальной реальности значительно провоцируют рост негативных девиаций в обществе. В целом,

любые трансформационные общественные процессы несут в себе высокую степень неопределенности в любом формате социальных отношений, как в индивидуальном межличностном, так и на коллективном между социальными группами уровнях. Девиантное поведение всегда становится реакцией социума на неопределенность в обществе. Уровень негативных девиаций в условиях общественных бифуркаций социальной реальности всегда характеризуется многократным увеличением.

Также, в процессе общественных трансформаций значительно снижается и доверие к ключевым социальным институтам (образование, наука, правоохранительная система и др.) по причине нечеткости представлений в обществе о надлежащих социокультурных образцах, адекватных запросам времени. Подобные смысловые лакуны или отсутствующие социокультурные скрепы становятся основой для выбора некоторыми людьми девиантных стратегий поведения.

Таким образом, детерминирующие социальную реальность факторы и рост антисоциального поведения в социуме, напрямую взаимосвязаны и взаимообусловлены. Это также отражает совокупность условий, продуцирующих рост негативных девиаций в обществе, и делает запрос на контроль девиаций в социуме через систему управления социальной реальностью на законодательном и социокультурном уровнях.

Но на фоне данных процессов можно предположить, что по мере вступления российского общества в стадию устойчивого развития и снижения бифуркационных процессов доля позитивных девиаций в поведении наших соотечественников станет преобладающей.

Основные формы отклоняющегося поведения: негативные и положительные девиации.

Как свидетельствуют многочисленные научные исследования, *социальные отклонения могут иметь различную направленность и форму, и не только с негативными оттенками*, которые по известным причинам продолжительное время находились в центре внимания криминологов, девиантологов, социологов, социальных психологов и др. Все чаще исследователи уделяют внимание другим проявлениям девиантного поведения, которое может оцениваться обществом по-разному, в том числе и в положительном дискурсе.

Не стоит забывать, что разное проявление девиантного поведения любого (отрицательного/положительного) – это всегда отклонение от нормы, некое противостояние (человека/групп) против устоявшихся в социуме норм, сложившихся традиций. Результат этого противостояния, в зависимости от присущего ему знака (положительного или отрицательного), будет кардинально разным для общества. В обыденной жизни, границы между нормативным или отклоняющимся от норм поведением оказываются размытыми. Сам процесс отклоняющегося поведения ставит задачи перед научным сообществом, касающиеся изучения проблемы социальной нормы и

отклонения от нее. По сути, необходимо понимать, какие социальные нормы востребованы обществом, а какие порицаются. Речь идет о наиболее типичных образцах поведения в социальных взаимодействиях. Выражение соответствия принятым социальным нормам отражается в не расхождении поведения эталонным социокультурным образцам. *Отклонения от образцов поведения позволяет говорить о его антисоциальном характере, либо наоборот, о позитивной девиантной составляющей.*

Подводя итог вышеизложенному, *следует выделить два вида девиантного поведения: созидательной и деструктивной направленности.*

В частности, *позитивные девиации* служат средством прогрессивного развития общества, повышения уровня его организованности, преодоления устаревших, консервативных или реакционных стандартов. К ним можно отнести социальное творчество в научной, технической, художественной, общественно-политической сферах. Говоря о позитивных девиациях, следует подразумевать инновационный тип отклоняющего поведения, нацеленный на преодоление традиционности во всех социетальных сферах жизнедеятельности общества. Инновационное поведение способствует прогрессивному развитию общества через творчество, креативность, новаторство. Оно всегда содержит в себе неординарность и силу прорыва через гениальных личностей, отвечающих за прогресс и духовность. Позитивные девиации мотивируют и направляют созидательное поведение личности. В позитивных девиациях заключены сила науки, искусства, культуры и др. *Созидательные девиации* включают в свою структуру социально значимые в действиях человека отклонения от общепризнанных норм поведения, определяющие наиболее прогрессивный вектор эволюционного развития общества, поскольку любая девиация первоначально зарождается на уровне сознания отдельного человека и через его действия приводится в жизнь, то этим еще раз подтверждается, что первопричиной социальной эволюции, ее активной движущей силой является человек, точнее, внутриличностный конфликт, возникающий в процессе выбора им той или иной формы социально-ролевого поведения [4, с. 106–108], как было отмечено выше.

По мнению Э.В. Снимщиковой, позитивные девиации являются неотъемлемой частью человеческой духовности и условием личной свободы людей, выступая в качестве социального механизма, противостоящего регрессивным линиям в развитии общества [6, с. 3]. Как полагает исследователь, в процессе формирования позитивных девиаций личностные факторы приобретают характер стимулов к продвижению вперед и становятся детерминирующими. Позитивные девиации – это феномен, который играет решающую роль в саморазвитии личности, это обязательный и общий элемент во всем многообразии сфер деятельности личности. Они не несут в себе самодублирования действительности окружающего нас мира, они создают нечто принципиально новое; это сферы бесконечного поиска и самосовершенствования [6, с. 9].

Негативные виды девиации как в прямой, так и в смешанной форме нацелены:

- на преодоление фрустрации путем неадекватного в сложившейся ситуации перераспределения социальных благ;
- на достижение цели без учета интересов окружающих людей;
- на несправедливое решение проблемы в пользу одной из взаимодействующих сторон за счет ухудшения адаптационных условий для другой.

Среди наиболее ярких проявлений негативных форм девиантного поведения следует выделить:

- *патогенную девиацию* как форму девиантного поведения, вызванную отклонениями и патологиями психического развития и нервно-психическими заболеваниями, отставанием в умственном развитии, а также педагогической и социальной запущенностью индивидов [2, с. 309];
- *бездомные преступления*, совершенные в состоянии ослабления сознательного контроля над поведением, в состоянии аффекта, алкогольного и наркотического опьянения, болезни и т.д. [10];
- *протестную девиантность*, выражающуюся в непризнании властных решений, в борьбе за повышение заработной платы, улучшение условий труда, быта и других социальных прав [11, с. 228].

Агрессивный характер поведения индивида обуславливается не только воспитанием, но и особенностями поведения со взаимодействующей стороной.

Девиантное поведение деструктивной направленности трактуется нами как совершение человеком или группой людей социальных действий, отклоняющихся от доминирующих в социуме (отдельной социальной группе, страте) социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил выполнения социальных ролей, влекущих за собой сдерживание темпов развития общества, разрушение энергетического потенциала отдельных личностей и общества в целом. К носителям этой формы девиаций, оказывающим в силу своей социальной природы объективное противодействие прогрессивному развитию общества, мы относим индивидов и структуры, которые некоторые исследователи объединили под общим названием «контрагенты правовой социализации»:

- *формальные и неформальные общности*, исповедующие асоциальную и криминальную идеологию (организованные преступные сообщества бомжей, безнадзорных подростков, проституток, попрошаек, наркомафии, рэкетиров, бандитов, воров);
- *отдельных агентов и элементы институтов социализации*, которые генерируют установки, стереотипы аддиктивного, девиантного и делинквентного поведения, вступающие в

противоречие, конфронтацию с общепринятыми ценностями, настроениями, идеями, общественной моралью, идеологией и т.д. (алкоголики, наркоманы, бытовые хулиганы, лица нетрадиционной сексуальной ориентации, входящие в ближайшее социальное окружение объекта социализации, а также часть СМИ, политиков, чиновничества и т.д.) [5; 9].

С нашей точки зрения, целесообразно еще раз актуализировать тот тезис, что *границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов*. Кроме того, одновременно сосуществуют различные «нормативные субкультуры» – от научных сообществ и художественной «богеми» до сообществ наркоманов и преступников.

Переходя к проблеме причин изучаемых процессов, можно предположить, что в иерархии противоречий социально-экономического развития, составляющих «причинный комплекс» девиантного поведения, наиболее значимым является противоречие между относительно равномерно растущими потребностями и весьма неравными возможностями для их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от социальной позиции индивидов и общественных групп, их места в социальной структуре. Иначе говоря, источником девиантного поведения как социального явления служит социальное неравенство. При этом необходимо иметь в виду, что одним из важнейших критериев прогрессивного развития, повышения уровня организованности системы (общества) служит дифференциация, то есть, усложнение структуры, разнообразие элементов. Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективно прогрессивный процесс, но он вызывает и негативные последствия. Так, неодинаковое положение социальных слоев и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре обуславливает социальное неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворения потребностей, и не только витальных, но и собственно социальных: в престиже, статусе, самоутверждении и др. Это не может не порождать социальных конфликтов, протестных реакций, принимающих форму девиантного поведения [1].

Однако чем более человек правопослушен и нравственно устойчив, тем меньше в его арсенале способов достижения социально значимых целей. Здесь мы вторгаемся в сферу этики. Даже не обращаясь к детальному анализу нормативных основ человеческого общежития, можно сделать вывод о незначительном уровне социальных достижений «ангелоподобной» личности с безупречной характеристикой в обществе обычных людей. С этой точки зрения, наивысшим «коэффициентом полезного действия» обладают личности, не признающие никаких норм, кроме тех, которые соответствуют их личным интересам или их ближайшего социального окружения. Но такой образ деятельности противоречит стабильности общественных связей и отношений, а массовое распространение такого поведенческого типа

ставит под сомнение сами основы социальности. Именно поэтому такое поведение получило название антисоциального или преступного, т.е. переступающего рамки базовых норм социальной жизни человека [3, с. 17–18].

Заключение.

В завершении исследования можно сделать вывод о том, что в условиях изменяющейся новой социальной реальности происходит значительная трансформация поведения индивида, границы которого весьма широки и затрагивают как нормативную, так и деструктивную компоненты девиантного поведения.

Девиантные отклонения играют в обществе двойственную и глубоко противоречивую роль. По системе «сдержек и социальных противовесов» девиации, представляя угрозу стабильности социума, при этом одновременно поддерживают его стабильность. Девиантное поведение нарушает

Литература:

1. *Гилинский Я.И.* Социология девиантного поведения как специальная социологическая дисциплина / Я.И. Гилинский // Социс. 1991. № 4.
2. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
3. *Маркин А.В.* Ценностные ориентации и нормы в обществах переходного типа / А.В. Маркин // Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2000.
4. *Осипова О.С.* Девиантное поведение: благо или зло? / О.С. Осипова // Социс. 1998. № 11.
5. *Попов М.Ю.* Правовая социализация личности как ресурс становления социального порядка в российском обществе. М., 2006.
6. *Снимщикова Э.В.* Самоактуализация и позитивные девиации личности – характер взаимосвязи / Э.В. Снимщикова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1.
7. *Гилинский Я.И.* Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире» / Я.И. Гилинский // Сборник статей. СПб., 2012. 352 с.
8. *Гилинский Я.И.* «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций / Я.И. Гилинский // Труды Санкт-Петербургского юридического института генеральной прокуратуры РФ. 2006. № 6.
9. *Попов М.Ю.* Контрагенты социализации и их влияние на социальные процессы / М.Ю. Попов // «Историческая и социально-образовательная мысль». 2016. Т. 8. № 3/2.
10. *Лабунская В.А.* Социальная психология личности. М., 1999.
11. *Маршак А.Л.* Социология. М., 2002.

социальный порядок, дезорганизует функционирование ключевых социальных институтов, но, с другой стороны, является одним из путей адаптации социума к перманентным изменениям, поскольку в историческом дискурсе нет такого общества, которое долгое время оставалось бы статичным. Огромное значение имеет роль социальной среды в формировании положительного или отрицательного девиантного поведения, а также нормативная и организационная культура общества.

Актуальной же проблемой для современного российского общества является изменение баланса между негативными и позитивными формами девиантного поведения в конструктивном, созидательном направлении.

Данное направление научного теоретизирования имеет высокий научно-исследовательский потенциал и всегда будет востребовано современным обществом.

Literature:

1. *Gilinsky Ya.I.* Sociology of deviant behavior as a special sociological discipline / Ya.I. Gilinsky // Socis. 1991. № 4
2. *Dvoretzky I.H.* Latin-Russian dictionary. M., 1976.
3. *Markin A.V.* Value orientations and norms in transitional societies / A.V. Markin // Materials of the regional scientific and practical conference. Krasnodar, 2000.
4. *Osipova O.S.* Deviant behavior: good or evil? / O.S. Osipova // Socis. 1998. № 11.
5. *Popov M.Yu.* Legal socialization of personality as a resource for the formation of social order in Russian society. M., 2006.
6. *Snimshchikova E.V.* Self-actualization and positive deviations of personality – the nature of interrelation / E.V. Snimshchikova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2011. № 1.
7. *Gilinsky Ya.I.* Deviance, crime and social control in the «new world» / Ya.I. Gilinsky // Collection of articles. St. Petersburg, 2012. 352 p.
8. *Gilinsky Ya.I.* «Exclusion» as a global problem and social base of crime, drug addiction, terrorism and other deviations / Ya.I. Gilinsky // Proceedings of the St. Petersburg Law Institute.
9. *Popov M.Y.* Contractors of socialization and their influence on social processes / M.Y. Popov // «Historical and socio-educational thought». 2016. Vol. 8. № 3/2.
10. *Labunskaya V.A.* Social psychology of personality. M., 1999.
11. *Marshak A.L.* Sociology. M., 2002.

Мурзина Ирина Александровна
кандидат социологических наук,
доцент,
Пензенский государственный университет
mirgmu@mail.ru

Ретинская Вера Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент,
Пензенский государственный университет
bvnp@mail.ru

Влияние цифровых технологий на социальное взаимодействие государства и общества: проблемы и перспективы

Аннотация. Технологические трансформации последних лет привели к качественному изменению институтов информационного общества. Данная статья посвящена рассмотрению основных направлений цифровизации общества и государства. В ходе исследования было проанализировано воздействие цифровых технологий на характер взаимоотношений государства и гражданина, выявлены проблемы на пути выстраивания эффективного социального взаимодействия, выделены условия успешной цифровой трансформации. Особое внимание уделяется вопросу цифровой грамотности населения как ключевому фактору успешной адаптации социума и государства к цифровым реалиям.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые технологии, социальное взаимодействие общества и государства, государственное управление, цифровая грамотность населения.

Современную реальность уже невозможно представить без цифровых технологий: меняется мироустройство и цифровизация становится катализатором глобальных преобразований в обществе и государстве. Использование цифровых технологий носит повсеместный характер и распространяется практически на все сферы общественной жизни, ставит перед государством и обществом новые задачи и вызовы [1, с. 84]. Вопросы социального взаимодействия государства и общества выдвигаются на первый план, становясь одними из первоочередных в дискуссиях научного сообщества и одними из приоритетных в стратегическом курсе страны. Отметим, что события наступившей пандемии в 2020 году ускорили внедрение информационно-коммуникационных технологий и вовлеченность населения в процессы цифровизации. Так, по результатам исследований Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ

Irina A. Murzina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Penza State University
mirgmu@mail.ru

Vera N. Retinskaya
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Penza State University
bvnp@mail.ru

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE SOCIAL INTERACTION OF THE STATE AND SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. Technological transformations of recent years have led to a qualitative change in the institutions of the information society. This article is devoted to the consideration of the main directions of digitalization of society and the state. In the course of the study, the impact of digital technologies on the nature of the relationship between the state and the citizen was analyzed, problems were identified on the way to building effective social interaction, and the conditions for successful digital transformation were identified. Particular attention is paid to the issue of digital literacy of the population as a key factor in the successful adaptation of society and the state to digital realities.

Keywords: digital transformation, digital technologies, social interaction between society and the state, public administration, digital literacy of the population.

использование интернета российскими гражданами составило 76,7 % среди тех, кто использует интернет ежедневно и 89,6 % среди тех, кто «когда-либо». Это самые высокие показатели, полученные в ходе исследований начиная с 2010 года. При этом более 62 % россиян используют для выхода в интернет вне дома или работы мобильные телефоны (смартфоны). Этот показатель значительно выше, чем в США, Италии и Японии, однако более чем на 20 п.п. ниже по сравнению со Швецией и Великобританией [2].

В этой связи, имеющиеся традиционные способы организации государственного управления требуют адаптации и оптимизации к новым условиям. На сегодняшний день цифровая трансформация это не просто тренд современности, а приоритетная национальная цель развития российского государства. Выступая драйвером развития страны, цифровая трансформация государствен-

ного управления предполагает глубокую реорганизацию всех управленческих процессов в органах власти, направлений, способов их деятельности и каналов взаимодействия с населением посредством использования цифровых инструментов. Дальнейшие изменения призваны вывести на совершенно другой уровень процессы исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг (создание и успешное функционирование цифровых платформ, проактивное взаимодействие, предиктивная аналитика и т.п.).

Основополагающая роль в осуществлении мероприятий по цифровой трансформации в настоящее время принадлежит реализующемуся федеральному проекту «Цифровое государственное управление» в рамках национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика»», предполагающему «внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе, в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей» [1].

Кроме того, в данный национальный проект в январе 2022 года были добавлены еще три стратегически важных направления. Это – федеральные проекты «Цифровые услуги и сервисы онлайн», «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли», «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи». «Новые федеральные проекты включают пять инициатив социально-экономического развития России, которые были определены премьер-министром М. Мишустинным:

- госуслуги онлайн;
- цифровой профиль гражданина;

- электронный документооборот;
- доступ в интернет;
- подготовка кадров для ИТ-отрасли» [3].

Подчеркнем, что наиболее востребованным каналом взаимодействия граждан и государства является единый портал государственных услуг (ЕПГУ). По данным ряда исследований за 2021 год, портал госуслуг занимает четвертое место в мире по посещаемости сайтов в сфере государственного управления. Количество пользователей данного государственного информационного ресурса ежедневно достигает более полутора миллионов человек, а число запросов, поступающих на ресурс, исчисляется миллиардами в год. Поэтому крайне целесообразно усилить работу по развитию электронных услуг и использованию таких передовых цифровых технологий как блокчейн, Smart-ID, технологии искусственного интеллекта. Вместе с тем, одним из главных направлений работы должно стать создание и внедрение электронных сервисов, «которые не только интегрируют наиболее важные и востребованные населением федеральные, региональные и муниципальные услуги, но и превращают услуги в проактивные и комплексные [4].

Усиливающаяся роль цифрового взаимодействия органов власти и населения подтверждается и данными Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Согласно результатам исследования, наиболее распространенным каналом взаимодействия с нарастающим значением из года в год является интернет (табл. 1) [5, с. 296]. При этом не стоит упускать из внимания и факт присутствия ограничительных мероприятий в период угрозы распространения новой коронавирусной инфекции, которые повлияли на использование цифровых сервисов населением.

Таблица 1

Способы взаимодействия населения с органами государственной власти и местного самоуправления (в процентах от общей численности населения в возрасте 15–72 лет) [5]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Взаимодействовали всего	46,4	56,1	65,7	62,9	74,0	72,5
Из них:						
– через Интернет (используя официальные сайты и порталы);	18,4	28,8	42,3	54,5	57,5	58,7
– в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг;	7,1	11,8	18,9	19,6	22,5	19,6
– личное посещение	21,2	22,5	24,0	21,5	21,8	18,1
Не взаимодействовали	53,6	43,9	34,3	27,1	26,0	27,5

Здесь необходимо отметить, что достижение амбициозных целей, заявленных в «Национальной программе «Цифровая экономика»» и построение эффективного цифрового взаимодействия государства и общества поднимает на новый уровень потребность в цифровых компетенциях каждого отдельно взятого гражданина. Безусловно, в основе данного процесса лежит общая цифровая грамотность, однако следует понимать, что цифровые компетенции рассматриваются намного шире, нежели чем технический аспект отдельно

взятых навыков использования информационно-коммуникационных технологий.

В этой связи, интересны результаты исследования Аналитического центра НАФИ, которые они анонсировали в 2021 году. Согласно представленным данным, в первой половине 2021 года индекс цифровой грамотности россиян по шкале от 0 до 100 достиг отметки в 64 пункта (в 2020 г. этот показатель составлял 58 пунктов, а в середине 2018 г. – 52 пункта). Заметим, что уровень общественной осознанности значимости цифровых

компетенций в современном информационном обществе с каждым годом растет. Так, за последний год: доля населения с начальным уровнем цифровой грамотности сократилась с 7 % до 4 %; доля населения с базовым уровнем цифровой грамотности увеличилась с 66 % до 70 %; доля населения с продвинутым уровнем цифровых компетенций осталась неизменной на уровне 2020 года и составила 27 %.

Между тем, существует ряд цифровых разрывов, которые до сих пор имеют место быть. По мнению аналитиков, уровень цифровой грамотности во многом определяется местом проживания. В столицах российских регионов и городах областного значения уровень цифровой грамотности значительно выше, чем в среднем по стране (72 против 64 п.п.), а в селах и поселках городского типа – ниже (60–62 п.п.). Самыми низкими показателями цифровой грамотности обладают жители Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, а более высокими – жители Северо-Западного федерального округа.

Литература:

1. *Володина Н.А.* Основные аспекты цифровизации государственного управления в Российской Федерации : монография. «Устойчивое развитие на мезо- и микроуровне в условиях цифровой трансформации и деглобализации экономики» / Н.А. Володина, И.А. Мурзина, В.Н. Ретинская Пенза, 2021. С. 76–86.
2. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишнеvский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022. 124 с.
3. Цифровая экономика России. URL : <https://www.tadviser.ru/index.php>
4. *Василенко Л.А.* Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы / Л.А. Василенко, В.В. Зотов // Цифровая социология. 2020. № 2. С. 4–16.
5. Индикаторы цифровой экономики: 2021 : статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 380 с.
6. Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году. URL : <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu>

Второй уровень цифрового разрыва связан с возрастным цифровым неравенством. Наиболее высокие показатели индекса демонстрируют люди в возрасте до 44 лет (68 п.п.). Самые низкие значения цифровой грамотности имеют россияне в возрасте старше 55 лет (60 п.п.) [6].

Безусловно, цифровая инклюзия в обществе несет в себе ряд рисков и выступает в качестве одной из угроз эффективного социального взаимодействия государства и общества в условиях цифровой трансформации. На наш взгляд, вопрос цифрового неравенства должен быть решен с возможностью сохранения аналоговых альтернатив цифровых сервисов и услуг до тех пор, пока в этом остается потребность у населения. А траектории цифрового обучения должны выстраиваться в соответствии с вызовами и актуализированными тенденциями цифровой трансформации социальной реальности и государственного управления.

Literature:

1. *Volodina N.A.* The main aspects of digitalization of public administration in the Russian Federation : monograph «Sustainable development at the meso- and micro-level in the context of digital transformation and deglobalization of the economy» / N.A. Volodina, I.A. Murzina, V.N. Retinskaya. Penza, 2021. P. 76–86.
2. Digital economy: 2022: a brief statistical collection / G.I. Abdrakhmanova, S.A. Vasilkovsky, K.O. Vishnevsky and others; National research University «Higher School of Economics». M. : NRU HSE, 2022. 124 p.
3. Digital economy of Russia URL : <https://www.tadviser.ru/index.php>
4. *Vasilenko L.A.* Digitalization of Public Administration in Russia: Risks, Incidents, Problems / L.A. Vasilenko, V.V. Zotov // Digital Sociology. 2020. № 2. P. 4–16.
5. Indicators of the digital economy: 2021: statistical collection / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg and others; National research University «Higher School of Economics». M. : NRU HSE, 2021. 380 p.
6. Forced digitalization: a study of digital literacy of Russians in 2021. URL : <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu>

Узун Владимир Владимирович

доктор политических наук,
доцент,
докторант,
Южный федеральный университет
vladimir.uzunov@mail.ru

**Анализ механизмов
социальной консолидации
в контексте инновационного
развития регионального
полиэтнического социума**

Аннотация. В статье проанализированы механизмы инновационного развития регионального полиэтнического социума, одним из которых является многоплановая социальная консолидация. Данная проблема была недостаточно разработана, как в плане методологии ее социологического анализа, так и в аспекте практической реализации региональной политики. Поэтому в статье дана характеристика основных путей развития общества, среди которых особенно выделяется инновационный путь, предполагающий осуществление ряда преобразований практически во всех основных сферах жизни общества. Также, подробно рассмотрен и схематически отражен механизм реализации инновационного пути развития, на базе которого сконструирована модель инновационного развития общества в его региональном сегменте, важная роль и место принадлежат уровню социальной консолидации регионального социума. На этой основе формулируются условия и механизмы достижения уровня, необходимого для инновационного развития полиэтнического социума, особенности которого также приведены в данной статье.

Ключевые слова: инновационное развитие, социальная консолидация, полиэтнический региональный социум, методология научного анализа.

Постановка проблемы. Характеризуя человеческое общество, его специфические особенности в прошлом, настоящем и будущем, наука, увы, не имеет универсального подхода к пониманию двух основных характеристик общества – функционирования и развития. Как правило, каждая из них рассматривается в предметном поле определенной науки, а, кроме того, часто интерпретируется по-разному, в контексте неоднозначных авторских парадигм.

Попытки универсализации социального развития человека и общества через систему ряда числовых показателей, столь заманчивых с точки зрения предметного поля социологии, несмотря на одобрение ООН [1], оказались несовершенными,

Vladimir V. Uzunov

Doctor of Political Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student,
Southern Federal University
vladimir.uzunov@mail.ru

**ANALYSIS OF MECHANISMS OF SOCIAL
CONSOLIDATION IN THE CONTEXT
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF REGIONAL MULTIETHNIC SOCIETY**

Annotation. The article analyzes the mechanisms of innovative development of a regional multiethnic society, one of which is multidimensional social consolidation. This problem has not been sufficiently developed, both in terms of the methodology of its sociological analysis, and in terms of the practical implementation of regional policy. Therefore, the article describes the main ways of development of society, among which the innovative way stands out, which involves the implementation of a number of transformations in almost all major spheres of society. The mechanism of implementation of the innovative development path is also considered in detail and schematically reflected, on the basis of which a model of innovative development of society in its regional segment is constructed, an important role and place belong to the level of social consolidation of regional society. On this basis, the conditions and mechanisms for achieving the level necessary for the innovative development of a multiethnic society are formulated, the features of which are also given in this article.

Keywords: innovative development, social consolidation, multiethnic regional society, methodology of scientific analysis.

поскольку не учитывали ряда особенностей каждого конкретного общества и, естественно, механизмов его функционирования и развития. Возможно, поэтому западная социология никак не может определиться с критериями научного подхода к проблеме. В отличие от нее отечественная социология, как представляется, предлагает более перспективные пути ее разрешения.

Как справедливо отмечал Л.Н. Москвичев: «Всесторонняя оценка процесса развития социального требует фиксации позитивных и негативных тенденций (трендов). Для таких целей вырабатывается специальная система социальных показателей, которая может служить основой для оценки» [2, с. 379]. В России принята «Система

социальных показателей российского общества», в которой по каждой из сфер жизни общества выделяется группа количественных и качественных показателей – от статистических данных, характеризующих основные параметры социальных условий, до социологических опросов, данные которых фиксируют оценки респондентами

качественных показателей основных сторон их жизни и деятельности.

Принимая за основу данный подход, попробуем дать характеристику путей (сценариев) социального развития общества:

Таблица 1

Пути социального развития общества

Пути развития общества	Характеристика путей развития общества
Инновационный путь развития общества	Изменение пространства смыслов в конфигурации социокультурного, социально-экономического, политического, территориального и др. элементов общества, формирование новых трендов развития; отказ от традиционных практик развития при одновременном учете их региональных особенностей
Традиционный путь развития общества	Сохранение трендов социального развития в контексте сформированных и устоявшихся традиций данного общества; консервативный характер состояния общества и протекающих в нем процессов
Адаптационный (догоняющий) путь развития	Путь приспособления общества к изменяющимся внутренним и внешним условиям, игнорирующий социальное прогнозирование и учет инновационных механизмов развития; копирование путей развития, характерных для других обществ
Инерционный путь развития	Минимальная динамика экономического, социально-политического и социокультурного развития общества, направленная на сохранение статус-кво основных трендов развития, без учета необходимых инновационных изменений в основных сферах жизни общества
Имитационный путь развития	Путь, отражающий симулятивный характер социальных процессов и явлений, характеризующийся имитацией преобразований в политике регионального управления, ведущий, как правило, к усилению эффекта авторитарности и бюрократизации власти на региональном уровне

Сопоставление характеристик путей развития общества, рассматриваемого как универсальная форма социума, дает основание утверждать, что наиболее перспективным представляется инновационное развитие, поскольку именно в нем концентрируются наиболее эффективные механизмы достижения опережающего развития.

Инновационное развитие предполагает:

- «1) структурное усложнение объекта...;
- 2) увеличение числа, усложнение характера или видоизменение социальных функций объекта;
- 3) повышение результативности, эффективности, конкурентоспособности социальных и социальных систем, структур, организаций». [2, с. 378]. Таким образом, в отличие от других указанных выше путей развития, *инновационное развитие* предполагает, наряду с сугубо количественными изменениями, изменения качества объекта в целом и качества составляющих его сегментов.

В то же время, было бы неправомерно упрощать содержание и структуру инновационного развития. Подобные подходы к нему со стороны ученых (например, «поворот северных рек вспять», концепция уничтожения «неперспективных деревень») или политиков (переход к «рыночной экономике» в 90-е годы XX столетия) чреватые, как мы убедились, негативными социальными последствиями. Одним из наиболее серьезных последствий здесь является процесс депопуляции села, который, как представляется, приобретает необратимый характер. Поэтому любое предложение

относительно выбора пути инновационного развития общества должно сопровождаться серьезной многоплановой экспертизой, способной оценить социально-экономические, социально-политические, социально-культурные последствия такого развития.

Кроме того, следует учитывать, какой масштаб предполагает концепция инновационного развития – общегосударственный или региональный. Именно поэтому целесообразно предложить некоторые методологические принципы анализа механизмов реализации инновационного социального развития, одним из которых является социальная консолидация общества и его составляющих. Итак, рассмотрим эти принципы на следующем рисунке, отражающем схему механизма инновационного развития общества (рис. 1).

Как следует из представленной схемы, для того, чтобы обеспечить на уровне общества или его определенного сегмента полноценное инновационное развитие, необходимо, прежде всего, сформировать исходную позицию внешних (экстернальных) и внутренних (интернальных) факторов состояния данного сегмента на момент принятия концепции инновационного развития. Иными словами, реализовать так называемый локус контроля.

Однако, в отличие от психологического понимания локуса контроля, в котором он определяется как «склонность приписывать», т.е., приобретает весьма размытый характер, представляется возможным предложить социологическую трактовку данного понятия.

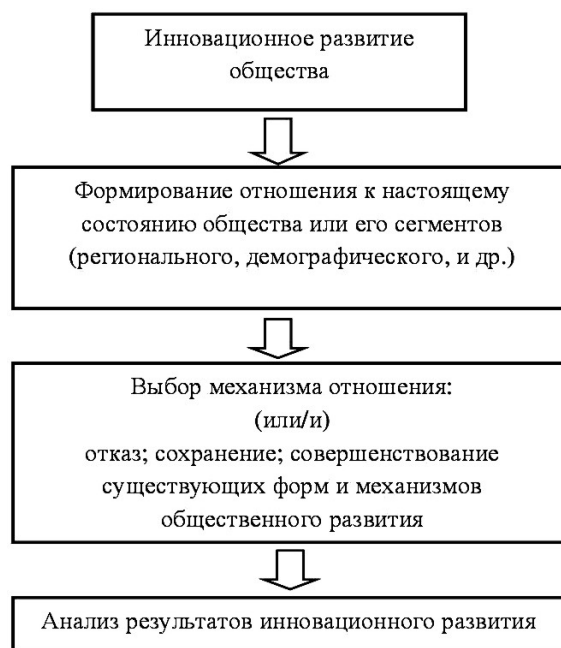

Рисунок 1 – Механизм инновационного развития общества

Итак, локус контроля определенного сегмента общества (в нашем случае, это региональный сегмент) представляет собой эмпирически зафиксированную систему координат социального пространства, в которой четко определены интернальные и экстернальные факторы, совокупность которых позволяет осуществить поиск и выбор механизмов инновационного развития.

Что же это за интернальные и экстернальные факторы? По нашему мнению, это, прежде всего:

Во-первых, социальные образования, существовавшие ранее законы, определения соответствующих ресурсов и правил, а также, умение социальных субъектов использовать организационные технологии, влияющие на процесс образования полей социального пространства. Обычно ведущими полями социального пространства считают экономическое, политическое, этническое, культурное и социальное. Отметим, что выделение именно этих полей не претендует на исключительность, но сегодня в условиях трансформации общества именно эти поля постоянно привлекают внимание ученых и практиков.

Во-вторых, правила, действующие внутри каждого из таких полей. Они часто уникальны и вытекают из властных отношений между группами данного сегмента общества. При этом, как показывают исследования последних лет, эти правила могут формироваться как изнутри, так и предлагаться или даже навязываться извне (что подтверждает пример недавних событий в Казахстане).

В-третьих, участники социальных взаимоотношений полагаются на когнитивные структуры, которые используют культурные системы (это почти то же самое, что Бурдье называет «габитусом» – В.У.) для анализа тех значений, которые являются основой действия других лиц.

В-четвертых, трансформации полей социального пространства возможны, как правило, только при условии кризисных ситуаций. Последние могут вызываться как внутренними, так и внешними факторами. Кризисная ситуация возможна, когда группы видят новые перспективы дальнейшего взаимодействия в пределах поля. В то же время, и здесь не обязательно переструктурирование поля, ведь вполне вероятно возникновение кризиса уже нового поля, который означает, что без установления стабильных правил взаимодействия – группы ликвидируются. Этот момент является наиболее благоприятным для агентов, которые стремятся захватить самый большой капитал, поскольку именно сейчас они могут предложить оригинальные концепции дальнейшего развития и структурирования поля и, соответственно, «придумать» новые институты трансформации полей социального пространства.

Заметим, что при этом локус контроля предполагает смысловое структурирование и освоение этого пространства и его расчленение на основе предметных критериев, а оценочное структурирование, осуществляемое синфазно со смысловым, представляет собой позиционирование в пределах оси операционализованного конструкта и осуществление выбора типа «свое ↔ чужое», «полезное ↔ бесполезное».

Таким образом, доказывая необходимость использования, при определении тренда социального развития, исходного локуса контроля, заметим, что в региональном сегменте общества такой исходный контроль невозможен без учета региональных особенностей, которые целесообразно классифицировать по ряду поселенческих, расселенческих, демографических, социально-профессиональных, этнических и конфессиональных признаков. При характеристике региональных особенностей, как свидетельствует опыт многочисленных социологических исследований, следует принимать во внимание такие параметры, как реальная ситуация в отношении

общества и власти, уровень активности населения региона в деятельности политических партий и движений, профсоюзов, религиозных объединений, в социально-политической активности населения в целом и по демографическим и этническим группам, в частности.

Построим на этой основе графическую модель инновационного развития общества в его

региональном сегменте, вводя в нее элементы, способствующие или препятствующие такому развитию. Речь здесь идет о степени консолидированности регионального социума, что может способствовать его инновационному развитию, либо, наоборот, препятствовать ему, если характер социальной консолидации предполагает иной, например, традиционный подход к развитию.

Рисунок 2 – Модель инновационного развития регионального социума

При этом следует учитывать, что регионы, как мы уже отмечали в одной из своих статей [3], значительно отличаются друг от друга под влиянием климатического, природного, производственно-хозяйственного, демографического, образовательного и других факторов, т.е. всего того, что составляет ресурсный потенциал региона и в его природной и в социокультурной составляющей.

И с этой точки зрения, конечно же, каждый регион России представляет уникальное социальное пространство, в котором геоклиматический и социокультурный ресурсный потенциал определяют особенности и перспективы регионального развития. Эти ресурсы, конечно же, не статичны – одни могут приобретаться, другие – утрачиваться, а потому само региональное пространство характеризуется как динамичное, подвижное в пространственно-временном континууме, в котором социальные общности тем сильнее и устойчивее, чем мощнее их ресурсная база.

Давая характеристику Югу России как региону, необходимо подчеркнуть, что он относится к пограничной территории, а это, безусловно, сказалось и на его пространственной специфике. В современном глобальном мире на передовые рубежи социокультурного развития выходят именно пограничные регионы. Объясняется это тем, что в условиях глобализации сами границы (фронтиры) уже не рассматриваются как барьеры межрегионального и межстранового взаимодействия, а выступают фактором формирования контактных зон, в пространстве которых концентрируются как потенциальные возможности

инновационного развития, так и проблемы, производные от интересов участвующих в этой контактной пограничной зоне «игроков».

С этой точки зрения, особый интерес представляет социальное и культурное пространство Юга России, который выделяется не только своими топологическими характеристиками, прежде всего, пограничным статусом, но и историческими особенностями, которые заключаются в том, что, во-первых, на данной территории издавна проживали народы, отличающиеся различными этнокультурными и этноконфессиональными особенностями. Во-вторых, эти народы постоянно контактировали между собой, воспринимая опыт соседних этносов, и, одновременно сохраняя свою самобытность.

Изучая Юг России в пространственной парадигме, ученые акцентируют внимание на значимости разделения социально-пространственной и социально-территориальной идентичности, где первая и маркируется социальными институтами, ценностными ориентациями социальных акторов и т.д., в то время, как вторая – строгой принадлежностью социальными общностями к конкретной территории, и в результате, на пересечении этих идентичностей «происходит территориальная локализация социально-пространственной идентичности по месту» [4, с. 124].

К сожалению, анализируя возможности инновационного развития региона Юга России, мы сталкиваемся с феноменом региональных неравенств, что связано с рисками в развитии

социального пространства региона, которые угрожают дезинтеграцией социального пространства такого макрорегиона, как Юг России. Эти региональные неравенства чреватые автономизацией, социальным дистанцированием региональных сообществ, социальных слоев, этнических групп; ростом социального напряжения и недовольства ввиду снижения уровня и качества жизни регионального сообщества; снижением уровня доверия к органам власти (федеральным, региональным, местным); утратой населением жизненных перспектив, особенно в молодежной среде, и снижением человеческого потенциала региона, его обесцениванием.

Для полиэтничных регионов, к которым относится Юг России, эти риски связаны также с ростом межэтнической напряженности и этнических конфликтов, т.е., социально-экономическое неблагополучие регионального сообщества может стать фактором разногласий также и на этнической почве, спровоцировать межэтнические столкновения.

В регионе Юга России к таким факторам напряженности относятся самые разнообразные точки

локус контроля – от неравенств социально-экономических, до социокультурных и мировоззренческих неравенств и противоречий. И здесь, как мы указывали ранее [5], на передний план выходят факторы социокультурного плана, содержащие в себе целый ряд нестыковок, связанных с идентификационными процессами, с религией и доверием как пространством организации региональных отношений, в том числе, в системе «власть → региональное сообщество».

Мы уже говорили о том, что одним из краеугольных камней инновационного развития является высокий уровень социальной консолидации населения региона. Но достижение этого уровня возможно лишь при условии максимального смягчения или даже полного преодоления указанных факторов напряженности.

Такое смягчение или преодоление, как утверждает социология, далеко не всегда возможно осуществить с помощью административных, в том числе силовых методов. Недаром одним из синонимов слова «консолидация» является сплочение, объединение. Поэтому обратимся к следующей схеме:

Рисунок 3 – Условия и механизмы достижения социальной консолидации

Выводы. Итак, методологической основой данного исследования стали принципы мультидисциплинарного и полипарадигмального подходов, что соответствует междисциплинарному характеру самой пространственной науки и разработанному в ее границах подходу. Инновационное развитие полиэтничного региона, каким является Юг России, по нашему мнению, невозможно:

1) без учета исторически сложившихся факторов напряженности, включающих в себя социально-экономические, социально-культурные, конфессиональные, мировоззренческие и другие факторы;

2) без выработки комплексного подхода для смягчения и, в конечном счете, преодоления имеющих место напряженностей. При этом данный подход должен учитывать, что попытки насильственно разрушить укоренившиеся в этнических сообществах традиции и даже стереотипы часто вызывают сопротивление, о чем еще очень давно предупреждал Л.Н. Гумилев [6, с. 39];

3) без четкого определения промежуточных и конечных параметров состояния регионального сообщества, на которые должно вывести консолидированное инновационное развитие.

Собственно это и формирует очертание методологического поля изучения регионального пространства Юга России.

В границах сформированного методологического поля целесообразно представить некоторые фрагменты понятийного аппарата статьи.

Таблица 2

Пути социального развития общества

Анализируемые понятия	Характеристики операционализации понятий
Социальная консолидация	процесс, характеризующийся сплочением социальных групп, общества в целом вокруг остро стоящих перед ним социальных проблем на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов их разрешения [3]
Инновационная консолидация	процесс, характеризующийся сплочением социальных групп, общества в целом вокруг идеи инновационного развития на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов ее реализации
Инновационная консолидация регионального социума	процесс, характеризующийся сплочением региональных сообществ вокруг идеи инновационного развития, постепенным преодолением социальных (прежде всего, социокультурных) барьеров на пути инновационного развития макрорегиона в целом и входящих в него региональных сообществ

Руководствуясь материалами наших социологических исследований, мы несколько усовершенствовали понятие инновационных практик, которое анализировали в одной из своих статей [3].

Инновационные практики, в данной трактовке, следует рассматривать в качестве «совокупности действий индивидов, социальных групп, общностей, выходящих за рамки традиционных повседневных социальных практик и направленных на разработку и внедрение инноваций в различных сферах общественной жизни».

Методологическая схема исследования выстраивается в русле представленного понятийного аппарата. В пространстве смыслов, формируемых композицией элементов (подпространств) регионального пространства, «оформляются идеи консолидации и идеи инновационного развития регионального пространства. Анализ институциональных практик в области социальной консолидации и инновационного развития Юга России позволит соотнести их со структурой смыслов в региональном пространстве и определить перспективы перехода регионального социума к формату инновационной консолидации» [3].

Необходимость этого перехода определяется тем, что в зависимости от идейного наполнения инновационной консолидации, формируются сценарии инновационного развития, проектирование которых становится возможным и перспективным направлением социальной регуляции инновационных процессов в региональном пространстве Юга России.

Подчеркнем, что социологический контекст изучения социальной консолидации включает в себя

Литература:

1. Доклад о развитии человека / изд. по заказу Программы развития ООН (ПРООН). Мн. : Юнипак, 1998. 28 с.
2. Москвичев Л.Н. Развитие социальное / Л.Н. Москвичев; Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев // Социологический словарь. М. : Норма, 2008. С. 378–379.

широкий спектр социальных явлений и процессов – от проблем формирования и обеспечения необходимого доверия между социально-демографическими, социально-профессиональными, социально-этническими группами, до проблем обеспечения на общегосударственном и региональном уровнях социальной справедливости, межэтнического, межрегионального и межконфессионального консолидированного взаимодействия.

В целом, социологическое пространство исследования социальной консолидации характеризуется целым рядом направлений и дискурсивных полей. При этом действенность факторов, ресурсов и механизмов социальной консолидации детерминируется идейно-смысловым и мировоззренческим содержанием консолидационных процессов. В российской реальности это нашло выражение в поиске национальной идеи, способной интегрировать, сплотить и объединить по многим параметрам дифференцированное региональное пространство России.

Проводя исследования в регионе Юга России, мы пришли к выводу о том, что «поиск идеи консолидации российского общества концентрируется вокруг интегрирующих ценностей гражданственности и патриотизма, социальной справедливости и солидарности, преодоления остро стоящих перед обществом проблем, в том числе путем запроса на перемены и инновации» [7]. Тем не менее, этот поиск еще не завершен, что придает высокую степень актуальности теоретическим разработкам по проблеме социальной консолидации и определение методологических альтернатив ее изучения применительно к реалиям российского общества.

Literature:

1. Human Development Report / ed. commissioned by the United Nations Development Programme. Mn. : Unipak, 1998. 28 p.
2. *Moskvichev L.N. Social development / L.N. Moskvichev; Ed. by G.V. Osipov, L.N. Moskvichev // Sociological Dictionary. M. : Norma, 2008. P. 378–379.*

3. *Узунов В.В.* Социальная консолидация и инновационное развитие регионального пространства Юга России : методологическая схема исследования / В.В. Узунов // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 3. С. 216–230.

4. *Маркин В.В.* Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования / В.В. Маркин // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123–133.

5. *Узунов В.В.* Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России / В.В. Узунов // Caucasian Science Bridge. 2021. № 2. С. 56–70.

6. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М. : Эксмо, 2007. 806 с.

7. *Узунов В.В.* Социальная консолидация в фокусе научно-исследовательского дискурса / В.В. Узунов // Социально-гуманитарное знание. 2019. № 7. С. 118–124.

3. *Uzunov V.V.* Social consolidation and innovative development of the regional space of the South of Russia : methodological scheme of research / V.V. Uzunov // Humanities of the South of Russia. 2019. Vol. 8. № 3. P. 216–230.

4. *Markin V.V.* Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling / V.V. Markin // Humanities of the South of Russia. 2015. № 4. P. 123–133.

5. *Uzunov V.V.* Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia / V.V. Uzunov // Caucasian Science Bridge. 2021. № 2. P. 56–70.

6. *Gumilev L.N.* Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. M. : Eksmo, 2007. 806 p.

7. *Uzunov V.V.* Social consolidation in the focus of research discourse / V.V. Uzunov // Socio-humanitarian knowledge. 2019. № 7. P. 118–124.

Урузбакиева Зухра Капиевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и социальной работы,
заместитель декана факультета
социально-гуманитарных наук,
Кыргызский национальный университет
имени Ж. Баласагына
uzk545@list.ru

Ремиханова Рамила Идрисовна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
технический университет
reramila@yandex.ru

Гомцяи Овсеп Арамаисович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы,
психологии и педагогики
высшего образования,
Кубанский государственный университет
ovsep1986@gmail.com

**ВОЛОНТЕРЫ И ВОЛОНТЕРСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ: ОЦЕНКА И ОТНОШЕНИЕ
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается феномен волонтерства, показано, что оказание безвозмездной помощи имеет глубокие исторические корни, и было распространено во всех обществах. Волонтерская деятельность активно развивается в Дагестане и имеет самые разные формы своего проявления (экологическое, социальное, культурное). Активную роль в волонтерском движении закономерно играет молодое поколение и общественные фонды, которые оказывают помощь социально-незащищенным слоям общества. По результатам эмпирического материала установлено существование в массовом сознании опрошенного населения позитивной оценки волонтерства с аргументацией заложенной в нем потенциала в оказании и поддержке социально незащищенных социальных групп, а также помощи социальным институтам.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерское движение, добровольчество, государственные волонтеры, гражданские волонтеры.

■ ■ ■

Zukhra K. Uruzbakieva

Candidate of Philosophical Sciences,
Assistant Professor
of Sociology and Social Work,
Associate Dean of the Faculty
Social and Humanities Sciences,
Kyrgyz National University
named after J. Balasagyn
uzk545@list.ru

Ramila I. Remikhanova

Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer,
Department of the History of the Fatherland,
Dagestan State Technical University
reramila@yandex.ru

Ovsep A. Gomtsyan

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social Work,
Psychology and Pedagogy
of Higher Education,
Kuban State University
ovsep1986@gmail.com

**VOLUNTEERS AND THE VOLUNTEER
MOVEMENT: ASSESSMENT AND
ATTITUDE IN PUBLIC CONSCIOUSNESS
(ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN)**

■ ■ ■

Annotation. The article discusses the phenomenon of volunteering, shows that the provision of gratuitous assistance has deep historical roots and was common in all societies. Volunteer activity is actively developing in Dagestan and has a variety of forms of its manifestation (environmental, social, cultural). The young generation and public funds naturally play an active role in the volunteer movement, which provide assistance to socially unprotected sections of society. Based on the results of the empirical material, the existence in the mass consciousness of the surveyed population of a positive assessment of volunteering was established with the argumentation of its potential in providing and supporting socially unprotected social groups, as well as assistance to social institutions.

Keywords: volunteering, volunteer movement, volunteerism, state volunteers, civil volunteers.

■ ■ ■

В постсоветский период развития российского общества по-новому о себе заявило волонтерское движение [1], которое имело глубокие исторические корни в истории Российского государства и населяющих его народов. Так, в русских деревнях оказание помощи получило название «помочи», суть которого состояла в консолидации членов всей общины для участия в работе, которую не могли выполнить только члены семьи (строительство дома, полевые работы и т.д.). В такой ситуации «семья заранее объявляла о «помочах», готовила угощение и все, что потребуется для большой работы. Пословица «дружно – не грузно, а врозь – хоть брось» отражает социальное значение таких обычаев, базирующихся на проверенных опытом принципах милосердия, благотворительности и гуманизма» [2, с. 52]. Такая форма помощи встречается и у дагестанских народов и назвалась «гвай», и на него всегда могли рассчитывать жители и члены общины, потому что «строгая регламентация общинных сроков проведения работы в поле, трудности горного земледелия требовали для своевременного завершения сельскохозяйственных работ участия большого количества людей» [3, с. 13].

В советский период волонтерство получило название добровольчества и было широко распространено в нашей стране. Крупные промышленные заводы и фабрики брали шефство над детскими домами и школами-интернатами, колхозы и совхозы осуществляли строительство социальных учреждений в сельской местности. Иными словами, такое шефство, которое в настоящее время в научной литературе обозначается как корпоративное волонтерство, имело большое значение в решении социальных проблем.

В российском обществе на смену добровольчеству пришло волонтерство, хотя эти понятия являются синонимами. О важности данного социального явления свидетельствует объявление В.В. Путиным на ежегодной Всероссийской премии «Доброволец России – 2017» (06 декабря 2017 г.) 2018 год в России – Годом «Волонтерства и Добровольчества»: «волонтерство станет признанием ваших заслуг перед людьми, перед самыми простыми нашими гражданами, которым вы оказываете помощь и поддержку, оценкой вашего колоссального вклада в развитие нашей страны. Это будет ваш год, год всех граждан страны, чья воля, энергия, великодушие и есть главная сила России» [4].

В этой связи, возникает вопрос: «Что такое волонтерство?» и «Кто такой волонтер?». Следует отметить, что данное явление широко обсуждается в российской науке, отечественные ученые разработали методологические подходы его исследования [5], волонтерская деятельность рассматривается в рамках социальной работы с молодежью группы риска [6], также дана классификация волонтеров и типов волонтерской деятельности. Так, О.Н. Яницкий предлагает разделить все добровольческие организации на 2 типа: гражданские и государственные [7]. По мнению О.А. Усачевой, можно выделить 5 типов волонтерства:

- 1) традиционное волонтерство;

- 2) стажировка или учебная практика;
- 3) туристическое волонтерство;
- 4) онлайн-волонтерство (online volunteering);
- 5) микро-волонтерство [8, с. 28].

Л.А. Кудринская дает следующее определение волонтерству: «п

Понятие «добровольчество», а в современной западной социологии – «волонтерство» применяется для обозначения добровольческого труда как деятельности, осуществляемой людьми добровольно на безвозмездной основе и направленной на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества» [9, с. 15]. Ключевым в волонтерстве является гражданский активизм, который есть «комплексное явление, а его практики локализованы в самых разных формах, социальных слоях и группах: традиционные (профсоюзы) и новые (интернет-сообщества), массовые (благотворительные) и сравнительно малочисленные (субкультуры, фан-клубы), постоянно действующие (профессиональные, творческие) и ситуативные (волонтерство, движения одного требования) гражданские практики» [10, с. 73].

В настоящее время в Дагестане усилиями 131 крупных добровольческих отрядов, организаций и объединений реализуется 14 направлений добровольческой деятельности:

- 1) экологическое волонтерство;
- 2) социальное волонтерство;
- 3) медицинское волонтерство («Волонтеры медицины»);
- 4) волонтерство крупных событий;
- 5) инклюзивное волонтерство;
- 6) патриотическое волонтерство («Волонтеры Победы»);
- 7) волонтерство в сфере культуры («Волонтеры культуры»);
- 8) волонтерство в сфере образования;
- 9) «серебряное» волонтерство (старше 50 лет);
- 10) волонтерство в ЧС и поиск людей;
- 11) волонтерство в сфере формирования комфортной городской среды;
- 12) защита животных;
- 13) медиаволонтерство;
- 14) волонтеры туризма (формируется по поручению Главы РД).

Добровольческое движение развивается в республике в следующих сферах: образование, здравоохранение, социальная защита и социальное

обслуживание, культура, физическая культура и спорт, охрана природы, строительство, ЖКХ, в решении межрегиональных проблем [11; 12; 13], а также религиозного образования [14; 15]. При этом общая численность граждан, вовлеченных в добровольческую деятельность на начало 2021 г. выглядит следующим образом: 24248 добровольца; 259 организаций и общественных объединений; 371 проект реализуемых добровольцами и общественными объединениями. В рамках добровольческой деятельности проводятся семинары-тренинги, консультации, форумы, все-российские акции, проекты, осуществляется обучение активистов-добровольцев, предоставляются помещения для проведения тренингов общественным организациям и объединениям, реализующим социальные проекты на территории республики.

Волонтеры активно привлекаются к участию в масштабных мероприятиях (в подготовке и проведении по всей республике всероссийской акции «Бессмертный полк», праздновании 2000-летия основания г. Дербента). Для подготовки и проведения юбилейных мероприятий в г. Дербенте был сформирован волонтерский корпус «Дербент-2000», в состав которого вошли 1100 волонтеров. В 2018 г., в год объявления его Годом добровольчества (волонтерства), в республике прошло свыше 500 акций и мероприятий, с участием 20 тыс. волонтеров. Кроме того, были проведены 8 межмуниципальных добровольческих форумов, 4 межрегиональных и 1 Международный молодежный образовательный форум «Каспий – 2018», посвященные добровольческой (волонтерской) деятельности.

В 2012 г. был создан благотворительный фонд «Инсан» в Махачкале под руководством Духовного управления Республики Дагестан (ДУМД).

Литература:

1. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. Humanidades & Inovação / V.V. Kasyanov, G.I. Davydova, E.V. Motsovkina [et al.]. 2021. Vol. 8. № 31. P. 79–86.
2. Сикорская Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы / Л.Е. Сикорская // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 52–58.
3. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев / Отв. ред. А.И. Исламгагомедов, Г.А. Сергеева. М. 320 с.
4. Шевченко П.В. Социальная роль московского волонтерства / П.В. Шевченко // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 60–71.
5. Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска / Н.Х. Гафиатулина [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 27–30.

Главное задачей стало решение финансовых и материальных проблем жителей республики, а также соседних регионов. Основными источниками финансирования являются выплата закята (религиозный налог), сах (взнос продуктами питания) и обычные пожертвования. К 2020 г. «Инсан» вырос в крупнейший на Северном Кавказе благотворительный фонд с широкой филиальной сетью. Партнерами «Инсан» являются такие благотворительные фонды как «Подари жизнь», «Вера», «БЭЛА», «Нужна помощь» и другие. С 10 августа 2018 г. в Дагестане активно работает отделение «Лизы Алерт», который занимается поиском пропавших людей.

В связи с вышесказанным, возникает вопрос: «Как оценивают дагестанцы волонтерство, и что под ним они понимают?». Вторичный анализ эмпирического материала показывает, что смысл волонтерства дагестанцы усматривают в оказании социальной помощи незащищенным слоям населения (60,1 %) и безвозмездной помощи (41,4 %). То есть, респонденты в полной мере подтверждают изначально вкладываемый в содержание волонтерства смысл. При этом одна треть опрошенных указывает на необходимость оказания помощи социальным учреждениям (домам престарелых, детским домам, школам-интернатам), а также на необходимость участия в экологических акциях.

Следует отметить, что в период пандемии широкое распространение получило медицинское волонтерство, оказание помощи нуждающимся группам, которые были заняты в частном секторе. Введение ограничений в разных сферах экономики привело к тому, что корорта, занятая в частном производстве, оказалась в сложной финансовой ситуации, а выплаты государства не могли даже частично удовлетворить их потребности.

Literature:

1. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. Humanidades & Inovação / V.V. Kasyanov, G.I. Davydova, E.V. Motsovkina [et al.]. 2021. Vol. 8. № 31. P. 79–86.
2. Sikorskaya L.E. Tolerance in the ideas of young Russian and German volunteers of social work / L.E. Sikorskaya // Sociological research. 2007. № 9. P. 52–58.
3. Traditional and new in the modern life and culture of Dagestani settlers / Ed. A.I. Islammagomedov, G.A. Sergeeva. M. 320 p.
4. Shevchenko P.V. The social role of Moscow volunteering / P.V. Shevchenko // Sociological research. 2013. № 8. P. 60–71.
5. Volunteer activity in the system of organizing social work with youth at risk / N.Kh. Gafiatulina [et al.] // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 1. P. 27–30.

6. *Касьянов В.В.* Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи / В.В. Касьянов, А.Т. Латышева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 61–66.
7. *Яницкий О.Н.* Волонтеры: гражданские и государственные / О.Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1(5). С. 71–89.
8. *Усачева О.А.* Мотивации к волонтерской деятельности и функции волонтерского движения в современной России / О.А. Усачева // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М., 2016. С. 2857.
9. *Кудринская Л.А.* Добровольческий труд: сущность, функции, специфика / Л.А. Кудринская // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.
10. *Трофимова И.Н.* Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации / И.Н. Трофимова // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72–77.
11. *Верещагина А.В.* Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов / А.В. Верещагина, М.М. Шахбанова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 159–177.
12. *Шахбанова М.М.* Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов / М.М. Шахбанова, А.М. Шахбанов // Современное состояние и пути развития юга России. Всероссийская научно-практическая конференция «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)». Ростов-н/Д., 2007. С. 265–267.
13. *Шахбанова М.М.* Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения / М.М. Шахбанова // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 15–24.
14. *Рамазанов Р.О.* Примечетская школа в современном дагестанском обществе: по материалам социологического исследования / Р.О. Рамазанов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 248–254.
15. *Рамазанов Р.О.* Теологическое образование в современном российском обществе: состояние и проблемы (на примере примечетской школы) / Р.О. Рамазанов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 1. С. 52–69.
6. *Kasyanov V.V.* Volunteer activity as a resource for improving the social health of Russian youth / V.V. Kasyanov, A.T. Latysheva // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 2. P. 61–66.
7. *Yanitsky O.N.* Volunteers: civil and state / O.N. Yanitsky // Sociological science and social practice. 2014. № 1(5). P. 71–89.
8. *Usacheva O.A.* Motivations to volunteer activity and the functions of the volunteer movement in modern Russia / O.A. Usacheva // Sociology and society: social inequality and social justice. Materials of the V All-Russian Sociological Congress. M., 2016.
9. *Kudrinskaya L.A.* Volunteer work: essence, functions, specificity / L.A. Kudrinskaya // Sociological research. 2006. № 5. P. 15–22.
10. *Trofimova I.N.* Civic activism in modern Russian society: the peculiarities of localization studies. 2015. № 4. P. 72–77.
11. *Vereshchagina A.V.* Interethnic relations in the assessment of Dagestan peoples / A.V. Vereshchagina, M.M. Shakhbanova // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016. Vol. 19. № 4. P. 159–177.
12. *Shakhbanova M.M.* The main directions of state policy in the settlement of interethnic and interethnic conflicts / M.M. Shakhbanova, A.M. Shakhbanov // Modern state and ways of development of the South of Russia. All-Russian scientific and practical conference «System studies of the current state and ways of development of the South of Russia (nature, society, man)». Rostov-n/D., 2007. P. 265–267.
13. *Shakhbanova M.M.* The place of religion in the process of forming the culture of interethnic communication / M.M. Shakhbanova // Actual problems of the humanities. 2009. Collection of scientific papers. Makhachkala, 2009. P. 15–24.
14. *Ramazanov R.O.* The Tibetan school in modern Dagestan society: based on the materials of a sociological study / R.O. Ramazanov // State and municipal administration. Scientific notes. 2021. № 1. P. 248–254.
15. *Ramazanov R.O.* Theological education in modern Russian society: state and problems (on the example of the Tibetan school) / R.O. Ramazanov // Historical and socio-educational thought. 2021. Vol. 13. № 1. P. 52–69.

Фокина Елена Сергеевна

кандидат социологических наук,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
golden_lena@mail.ru

Elena S. Fokina

Candidate of Social Sciences,
Department of Social Work and Psychology,
Pacific State University
golden_lena@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
И СПОСОБЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО
В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**SOCIAL MECHANISMS AND WAYS
OF MANAGEMENT INFLUENCE
ON SOCIETY IN THE CONDITIONS
OF MILITARY ACTIONS**

Аннотация. В современной жизни общества и государства, включая Вооруженные Силы, наблюдается существенное противоречие между реагированием на происходящие реалии и неадекватными действиями части руководящих кадров, которых отличает устаревший стиль мышления и действия, ничего общего не имеющий со становлением армии нового типа. В статье анализируются возможные реакции общественности на те или иные управленческие действия со стороны государства относительно военной политики. Автор показывает, какие механизмы государственного управления наиболее приемлемы для эффективного воздействия на общество и достижения нужного эффекта.

Annotation. In the modern life of society and the state, including the Armed Forces, there is a significant contradiction between the response to the current realities and the inadequate actions of some of the leading cadres, who are distinguished by an outdated style of thinking and action that has nothing to do with the formation of a new type of army. The article analyzes the possible reactions of the public to certain administrative actions on the part of the state regarding military policy. The author shows what mechanisms of public administration are most appropriate for effective impact on society and achieving the desired effect.

Ключевые слова: потребности, ценности, установки, убеждение, патриотизм, информационное пространство, управленческие решения.

Keywords: needs, values, attitudes, belief, patriotism, information space, management decisions.

В произведении «К вечному миру» И. Кант утверждал, что республиканская форма правления является наиболее мирной, потому что исполнительная власть несет ответственность перед обществом, которое несет расходы, связанные с войной. Подобная логика оказалась очень привлекательной и убедительной, однако за ней скрывается большое количество допущений и возможных механизмов, ставящих под сомнение ее объективность [1]. Одним из менее понятных аспектов этой логической цепочки является то, как именно кадровая политика влияет на восприятие государственных расходов и общественную поддержку военных операций. Довольно широко распространено убеждение, что призыв на военную службу снизит общественную поддержку военных операций, повысив общественное мнение о затратах. Призыв является механизмом, с помощью которого государство распределяет бремя военной службы, как на большую, так и на более узкую или репрезентативную часть населения. По мере увеличения риска для среднего жителя общественная поддержка военных операций должна снизиться, а исполнительная власть должна быть более осторожной в применении силы. Ожидание того, что

призыв на военную службу должен снизить поддержку военных операций, основано на нескольких механизмах, многие из которых могут работать вместе [2].

Во-первых, ожидается, что призыв на военную службу увеличит потенциальную стоимость военной службы и риск для большего числа людей, что вызовет у большего числа людей опасения, что они могут быть затронуты лично.

Во-вторых, это могло бы охватить более репрезентативную часть населения, в результате чего, демографические группы, которые обычно избегают военной службы, опасаются прямого воздействия. Это часто рассматривается с точки зрения подвергания риску детей богатых и политически влиятельных людей. Однако этот механизм мог работать в обоих направлениях, в зависимости от относительной репрезентативности призыва и добровольности. Если бы призыв «переложил бремя с бедных и политически бесправных на богатых и могущественных», это дало бы богатым и влиятельным корыстную мотивацию уменьшить поддержку операции, но могло бы дать остальной части общества причину увеличить свою поддержку. С другой стороны, призыв

«переместим бремя с относительно репрезентативной группы на бедных и политически бесправных» будет иметь противоположный эффект.

В-третьих, использование воинской повинности может сигнализировать о более крупном и серьезном конфликте, что подразумевает вероятность более высоких совокупных издержек для страны, как с точки зрения человеческих жизней, так и с точки зрения финансов. Это может быть либо потому, что призыв на военную службу сигнализирует о том, что конфликт будет более масштабным, чем в противном случае, либо потому, что люди ожидают, что призывные вооруженные силы будут менее эффективны и понесут больше потерь. Еще одним способом, которым можно повлиять на поддержку, является влияние на ожидания общественности, что страна преуспеет в достижении своих военных целей, хотя этот механизм более рискованный.

В-четвертых, призыв на военную службу может сигнализировать людям о том, что конфликт менее легитимен или экзистенциален – когда возникает реальная военная чрезвычайная ситуация, люди будут добровольно идти на военную службу.

Есть два других возможных механизма, которые обычно не упоминаются, но зачастую подразумеваются в реализации государственной политики [3]:

– Во-первых, это возможность того, что общество рассматривает призыв на военную службу как незаконную форму государственного вмешательства и возражает против него, независимо от затрат. В этом ключе, воинская повинность абсолютно противоречит принципам личной свободы, которые всегда считались частью демократии;

– Во-вторых, вероятность того, что люди считают призыв на военную службу дорогостоящим, не говорит еще о вероятности жертв или личного ущерба, потому что они считают призыв значительным отклонением от нормы гражданского общества.

Почти во всех этих ожиданиях имплицитно подразумевается, что призыв обязательно подразумевает наличие более крупных и представительных вооруженных сил, чем волонтеризм. Предположение о том, что призыв означает увеличение численности Вооруженных сил, понятно, учитывая, что призыв всегда был политикой пополнения живой силы. Однако предположение о том, что воинская повинность всегда более справедлива, чем волонтеризм, в меньшей степени

Литература:

1. *Аванесов Т.С.* Военная доктрина России и ее сравнительный анализ. М. : Омега, 2021. С. 237–239.
2. *Терещенко И.В.* Психология ведения боевых действия / И.В. Терещенко // Военный научно-практический вестник. 2021. № 39. С. 150–158.

подтверждается и более тесно связано с другой формой воинской повинности: институционализованной воинской повинностью в мирное время.

Государства с постоянной институциональной воинской повинностью – это те, в которых люди из определенного круга лиц, имеющих право на военную службу, отбираются на регулярной основе, независимо от того, тратят ли они свое время просто на обучение или на реальную службу, и независимо от фактического коэффициента участия. Государства, с так называемым, волонтеризмом почти всегда сохраняют возможность призыва людей на военную службу, если правительство признает это необходимым. Таким образом, все институционализованные системы призыва также включают профессионалов-добровольцев и просто добровольцев без опыта. Имеет особое значение, какие системы требуют активной мобилизации населения для военной операции, а какие нет. Это больше зависит от базового размера вооруженных сил, а не от того, является ли метод набора персонала по умолчанию призывом или нет [4].

Важнейшей проблемой является то, как кадровая система влияет на поддержку в разное время. В литературе по общественной поддержке военных операций, как правило, смешиваются вопросы предполагаемой поддержки: поддержки во время боевых действия и поддержки после завершения действия. Но поддержка в эти разные периоды времени, вызвана разными причинами и имеет разные последствия. Подобная поддержка зависит от убеждений в легитимности военной операции, ожиданий в отношении затрат (личных и совокупных) и от того имеется ли консенсус или диссенсус политических элит. Поддержка во время действия, которая, скорее всего, повлияет на продолжительность милитаризованного межгосударственного спора, подвержена кратковременному эффекту, хотя она может ослабевать при более высокой поляризации, новостях о жертвах, новости о военных событиях на местах, реплики оппозиции и изменения в консенсусе/несогласии политической элиты (хотя, опять же, этот эффект может ослабевать по мере усиления поляризации). Что не имеет большого значения, так это фактические цифры потерь, поскольку они интерпретируются через пристрастную призму и опосредованы убеждениями в легитимности миссии и ожидаемом успехе. Поддержка военной операции постфактум, повлияет на то, будет ли лидер привлечен к ответственности или нет, и почти полностью зависит от того, было ли действие воспринято общественностью как успешное или нет.

Literature:

1. *Avanesov T.S.* Military doctrine of Russia and its comparative analysis. M. : Omega, 2021. P. 237–239.
2. *Tereshchenko I.V.* Psychology of warfare / I.V. Tereshchenko // Military Scientific and Practical Bulletin. 2021. № 39. P. 150–158.

3. *Крикунова А.П.* Критерии отбора на военную службу. Тула : «Фантом-Пресс», 2020. С. 713–719.

4. *Тангатаров Б.А.* Проблемы организации процесса управления в органах внутренних дел / Б.А. Тангатаров // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4(143). С. 340–342.

3. *Krikunova A.P.* Selection criteria for military service. Tula : «Phantom-Press», 2020. P. 713–719.

4. *Tangatarov B.A.* Problems of the organization of the management process in the internal affairs bodies / B.A. Tangatarov // Eurasian Legal Journal. 2020. № 4(143). P. 340–342.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амосова Анна Александровна
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются общетеоретические аспекты пенализации получения взятки. Автор, проанализировав представленные в доктрине подходы, делает вывод, что пенализация выступает относительно автономной частью уголовно-правовой политики, но, тем не менее, тесно коррелируется с криминализацией, так как характер, способы, объем и критерии последней оказывают непосредственное на нее влияние. В работе отмечается, что пенализация не сводится только лишь к установлению наказания за совершение преступления, в частности, за получение взятки. В нее входит и процесс внесения изменений в действующие нормы права, направленные на ужесточение санкций за данное преступление. Кроме того, следует выделять не только законодательную, но и судебную (практическую) пенализацию, связанную с процессом назначения наказания судом, с его индивидуализацией. В свою очередь, она выступает своеобразным индикатором целесообразности установления за конкретное посягательство соответствующего вида и размера наказания.

Ключевые слова: получение взятки, криминализация, пенализация, санкция уголовно-правовой нормы, наказание, назначение наказания.

Сущность процесса пенализации сводится в теории уголовного права к основополагающей идее, предопределяющей:

- во-первых, общий подход к формированию системы мер уголовно-правового воздействия;
- во-вторых, деятельность по установлению системы уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, которые могут быть применены к виновным в совершении определенных преступлений.

Законодательные решения о пенализации, органически связанные с процессами криминализации и декриминализации соответствующих деяний, лежат и в основе противодействия взяточничеству, что требует особого внимания при их принятии. Пенализация в уголовно-правовой доктрине понимается как многогранное социально-правовое явление, процесс, находящие свое объективированное закрепление в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Anna A. Amosova
Graduate Student of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

PENALIZATION OF BRIBE RECEIVING: GENERAL THEORETICAL ASPECTS

Annotation. The article deals with the general theoretical aspects of penalization of receiving a bribe. The author, having analyzed the approaches presented in the doctrine, concludes that penalization is a relatively autonomous part of the criminal law policy, but, nevertheless, is closely correlated with criminalization, since the nature, methods, scope and criteria of the latter have a direct impact on it. The paper notes that penalization is not limited only to the establishment of punishment for the commission of a crime, in particular, for taking a bribe. It also includes the process of amending the existing legal norms aimed at tightening sanctions for this crime. In addition, it is necessary to single out not only legislative, but also judicial (practical) penalization associated with the process of sentencing by the court, with its individualization. In turn, it acts as a kind of indicator of the expediency of establishing the appropriate type and amount of punishment for a specific encroachment.

Keywords: receiving a bribe, criminalization, penalization, sanction of the criminal law norm, punishment, sentencing.

Именно в данной части нормы устанавливается конкретное наказание за ту или иную разновидность преступного поведения лица. Таким образом, важнейшая роль санкции уголовно-правовой нормы, подчеркивает П.П. Осипов, заключается в определении вида и размера наказания за совершенное преступление [1]. Конкретное обозначение пределов наказания, отмечал Я.М. Брайнин, представляет собой основное функциональное назначение уголовно-правовой санкции [2, с. 85]. Пенализация преступлений должна способствовать решению двоякой задачи:

- а) обеспечение объективности и справедливости применения соответствующего вида и размера наказания за совершенное преступление;
- б) формирование возможности государства по исполнению этого наказания.

Следует также иметь в виду, что наказание не должно быть единственным средством исправления осужденного лица и предупреждения новых

преступлений. Законодатель должен предоставлять суду возможность наряду с наказанием дополнительно применять к виновному и иные меры уголовно-правового воздействия. На данное обстоятельство обращает внимание А.И. Коробеев, подчеркивая, что пенализация не сводится исключительно к вопросам уголовного наказания; нельзя при этом не обращать внимание и на иные меры уголовно-правового характера, достаточно часто дополняющие основное наказание и служащие достижению его цели [3 с. 127]. Поддерживает такую позицию и Н.А. Лопашенко [4, с. 142].

Положения о преступности и наказуемости тех или иных деяний являются центральными в уголовно-правовой политике государства [5, с. 76]. Признание деяния преступным и установление за его совершение меры государственного принуждения носит, в том числе, и общеполитический характер, так как представляет собой, как справедливо подчеркивается в литературе, средство для поддержания, укрепления и развития государственного строя [6, с. 34]. В современных условиях одним из важнейших направлений реализации уголовно-правовой политики является деятельность, связанная с пенализацией получения взятки.

В Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что сохраняющиеся в стране социально-экономические проблемы актуализируют потребность общества, в том числе, в усилении борьбы с коррупцией (п. 45), в связи с чем, одной из важнейших целей обеспечения государственной и общественной безопасности выступает искоренение названного деструктивного явления (п. 46). Соответственно, грамотно избранный вектор уголовно-правовой политики, в том числе при осуществлении пенализации указанного преступления, устранение имеющихся в ней явных изъянов способны создать условия для противодействия данному проявлению коррупционного поведения.

Понятие «пенализация», ее содержание, влияние на уголовную политику государства становились предметом исследования многих авторов. При этом ими вполне обосновано отмечена ее тесная связь с криминализацией, проявляющаяся в том, что последняя заключается в отнесении того или иного деяния к преступному [7, с. 41; 8, с. 56; 9, с. 104]. Пенализацию некоторые ученые относят к элементу криминализации [10, с. 7], иные же понимают ее как самостоятельную часть уголовно-правовой политики, отрицая взаимную связь между ними.

Мы полагаем, что пенализация, выступая относительно автономной частью уголовно-правовой политики, тем не менее, тесно коррелируется с криминализацией, так как характер, способы, объем и критерии последней оказывают непосредственное влияние на первую.

В.Н. Кудрявцев, рассматривая роль пенализации, не сводит ее только к определению вида и размера санкции, но и связывает таковую с назначением, исполнением наказания и освобождением от него лиц, виновных в совершении преступлений [11, с. 7–11]. Таким образом, пенализация

представляет собой не только процесс определения характера наказуемости конкретных преступных деяний (сфера деятельности законодателя), но и их фактическую наказуемость (сфера деятельности суда). Следовательно, содержательная характеристика пенализации не сводится к положениям, нашедшим отражение в разделе III УК РФ – «Наказание», как полагает А.П. Кузнецов [12, с. 53], а включает, по Справедливому мнению И.М. Антонова, весь процесс назначения наказания в суде [13, с. 8].

Пенализация не сводится только лишь к установлению наказания за совершение преступления, в частности, за получение взятки. В нее входит и процесс внесения изменений в действующие нормы права, направленных на ужесточение санкций за данное преступление. Наиболее активно пенализация используется законодателем во время реформирования уголовно-правовых норм. В частности, результатом пенализации являлось введение в УК РФ новых видов наказаний, таких как обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы и др.

Содержание пенализации, ее объема, по мнению А.И. Коробеева, следует понимать, во-первых, как процесс определения характера наказуемости деяния, а во-вторых, его фактическую наказуемость, то есть процесс назначения уголовного наказания в судебной практике» [8, с. 137]. Такой подход позволяет выделить две стороны пенализации: законодательная и судебная (практическая) пенализация, имеющая место в процессе рассмотрения конкретного уголовного дела [13, с. 17].

П.В. Агапов также указывает на два аспекта пенализации: первый – это сама санкция уголовно-правовой нормы, должным образом сформулированная в уголовном законе, второй связан с практикой назначения наказания за свершение общественно опасного деяния» [14, с. 10].

Основанием пенализации является общественно опасное деяние, признаваемое преступлением и нуждающееся в принятии мер государственного воздействия. Соответственно, и основанием пенализации получения взятки являются объективно опасные формы преступного поведения, которые объявляются законодателем преступными (что представляет собой криминализацию) и за совершение которых определяется конкретный вид и размер наказания за их совершение (что представляет собой законодательную пенализацию).

И. Э. Звечаровский справедливо замечает, что процесс пенализации при реализации уголовно-правовой политики занимает основополагающее место, так как определяются конкретные санкции за преступное поведение, отражающие, прежде всего, характер и степень общественной опасности деяния [5, с. 76]. Суду следует обходиться минимальными по строгости наказаниями, но вместе с тем они должны быть достаточными для того, чтобы цели наказания были достигнуты.

Проецируя данный принцип на пенализацию получения взятки, можно сделать вывод, что актуальным выглядит применение в качестве основного наказания за это деяние лишения свободы и обязательных мер имущественного содержания (штрафа) к осужденным, а также запрета на занятие определенных должностей. Особенно этот вывод касается регламентации уголовной ответственности за получение взятки, предусмотренной ч. 5 и ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Пенализация, которая проводится законодателем с соблюдением всех правил, является важнейшей предпосылкой для верной индивидуализации наказания. В данном случае, речь идет о судебной (практической) пенализации, представляющей собой один из самых гибких инструментов уголовной политики, дающих возможность осуществлять и проводить корректировку карательной практики по тем или иным категориям преступлений, исходя из изменений в общественной жизни, динамики преступности и иных причин [4, с. 142]. При этом она представляет собой своеобразный индикатор целесообразности установления для конкретного преступления соответствующего вида и размера наказания. Если законодатель ужесточает наказание в уголовном законе, но при этом имеет место тенденция снижения наказания на практике, это своего рода сигнал об излишней пенализации деяния.

Судебная (практическая) пенализация должна рассматриваться в качестве важного элемента воздействия на общественное мнение и правосознание. Это связано с тем, что население видит и реагирует на пенализацию по конкретным уголовным делам и судебным приговорам. Интенсивность судебной пенализации воспринимается не по санкции, предусмотренной в уголовном законодательстве, а по конкретным срокам лишения свободы или иным видам наказания, которые назначаются виновным лицам за совершенные ими преступления.

Вместе с тем, мы полагаем, что обеспечение соответствия санкции характеристике личности преступника, его материальному положению, а также иным обстоятельствам не является принципом такой пенализации. В санкции уголовно-правовой нормы должна быть заложена основа для справедливого наказания виновного лица. Вместе с тем, законодатель не имеет возможности предусмотреть в Особенной части УК РФ все особенности, связанные с личностью виновного, его материальным положением, а также иными обстоятельствами содеянного. Исключение допустимо только в случае выделения специального субъекта преступления, что имеет место применительно к получению взятки. Однако даже при выделении специального субъекта оценка личности виновного, разумеется, не является полной.

Литература:

1. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций: аксиологические аспекты. Л., 1976.

По результатам проведенного рассмотрения общетеоретических аспектов содержания пенализации представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Пенализация преступления выступает самостоятельным элементом уголовно-правовой политики, тесно связанным, тем не менее, с криминализацией деяния. Уголовное наказание устанавливается судом, у которого существует возможность применения и иных мер уголовно-правового характера, что также выводит пенализацию за рамки криминализации. Вместе с тем, пенализация не сводится только лишь к установлению наказания за совершение преступления, в частности, за получение взятки. В нее входит и процесс внесения изменений в действующие нормы права, направленные на ужесточение санкций за данное преступление. Кроме того, пенализация включает в себя и процесс назначения наказания судом.

2. Пенализация выступает вершиной процесса, в рамках которого на основе установленного законодателем характера и степени общественной опасности преступления происходит формулирование соответствующей санкции. Затем, суд реализует положения уголовного законодательства и, руководствуясь общими началами назначения наказания, предусмотренными ст. 60 УК РФ, учитывая личность виновного, включая все многообразие присущих ей свойств и качеств, а также, материальное положение лица, влияние наказания на жизнь и материальное положение семьи осужденного, наличия у виновного лиц на иждивении, а также иных факторов [6, с. 43], осуществляет индивидуализацию наказания – судебную (практическую) пенализацию. Законодатель, устанавливая санкции применительно ко всем формам проявления преступного поведения взяткополучателя в шести частях ст. 290 УК РФ, не может заранее учесть все особенности личности виновного и содеянного им. Это достигается судом в процессе правоприменения. Полагаем возможным согласиться с мнением, что с таким подходом ужесточение уголовно-правовых санкций за те или иные преступления не опасно, если оно сбалансировано и криминологически обусловлено.

3. В санкциях частей 1-6 статьи 290 УК РФ установлены следующие виды наказаний: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы на определенный срок. Альтернативность и вариативность наказания достигается за счет дополнительных видов наказания, которые могут быть назначены совместно с основным, а именно при назначении наказания в виде лишения свободы или штрафа (последний выступает в соответствующих санкциях в двух ипостасях – и как основное, и как дополнительное наказание).

Literature:

1. *Osipov P.P.* Theoretical foundations of the construction and application of criminal law sanctions: axiological aspects. L., 1976.

2. *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 85.
3. *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1982. С. 127.
4. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. М., 2009. С. 142.
5. *Звечаровский И.Э.* Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 76.
6. *Густова Э.В.* Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики / Э.В. Густова // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 5.
7. *Владимиров В.А.* Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. М., 1979. С. 41.
8. *Дагель П.С.* Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1987. С. 56.
9. *Злобин Г.А.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г.А. Злобин, С.Г. Келина // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 104.
10. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. Красноярск, 1991. С. 7.
11. *Кудрявцев В.Н.* Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 7–11.
12. *Кузнецов А.П.* Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики / А.П. Кузнецов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. С. 53.
13. *Антонов И.М.* Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 8.
14. *Агапов П.В.* Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 10.
2. *Brainin Ya.M.* Criminal law and its application. M., 1967. P. 85.
3. *Korobeev A.I.* Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization. Vladivostok, 1982. P. 127.
4. *Lopashenko N.A.* Criminal policy. M., 2009. P. 142.
5. *Zvecharovsky I.E.* Modern criminal law of Russia: concept, principles, policy. SPb., 2001. P. 76.
6. *Gustova E.V.* Criminalization and penalization of acts as a form of implementation of criminal policy / E.V. Gustova // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 5.
7. *Vladimirov V.A.* Soviet criminal policy and its reflection in the current legislation / V.A. Vladimirov, Yu.I. Lyapunov. M., 1979. P. 41.
8. *Dagel P.S.* Problems of Soviet criminal policy. Vladivostok, 1987. P. 56.
9. *Zlobin G.A.* Some theoretical issues of criminalization of socially dangerous acts / G.A. Zlobin, S.G. Kelina // Problems of justice and criminal law. M., 1978. P. 104.
10. *Korobeev A.I.* Criminal law policy / A.I. Korobeev, A.V. Uss, Yu.V. Golik. Krasnoyarsk, 1991. P. 7.
11. *Kudryavtsev V.N.* Strategy of combating crime. M., 2003. P. 7–11.
12. *Kuznetsov A.P.* Criminalization – decriminalization, penalization – depenalization as the content of criminal policy / A.P. Kuznetsov // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. P. 53.
13. *Antonov I.M.* Penalization of crimes causing harm to health : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Vladivostok, 2004. P. 8.
14. *Agapov P.V.* Fundamentals of countering organized criminal activity : abstract. dis. ... d-r. law sciences. M., 2013. P. 10.

Ашин Андрей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
urgantfk@mail.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
urgantfk@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

**Ликвидация последствий
преступности в правовых актах
ШОС и СНГ**

Аннотация. В статье авторский коллектив рассматривает потенциал правовых основ минимизации и ликвидации последствий преступности ШОС и СНГ для организационно-правовой системы противодействия преступности в России. Делается вывод о недостаточной разработанности минимизации и ликвидации последствий преступлений в ШОС и СНГ. Авторский коллектив отмечает перспективу имплементации в российское законодательство Модельного закона СНГ «О возмещении вреда гражданам, потерпевшим от преступлений».

Ключевые слова: цена преступности, минимизация и ликвидации последствий преступности, международное уголовное право.

Г осударственная политика Российской Федерации в сфере противодействия преступности, по нашему мнению, характеризуется

Andrey A. Ashin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of State and Municipal Administration,
Vladimir branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
urgantfk@mail.ru

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of Legal Support
of the State and Municipal Administration,
Vladimir branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
urgantfk@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Public Legal Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service Execution of Punishments
daniilzykov@mail.ru

**ELIMINATION OF THE CONSEQUENCES
OF CRIME IN THE LEGAL ACTS
OF THE SCO AND THE CIS**

Annotation. In the article, the team of authors examines the potential of the legal foundations of minimizing and eliminating the consequences of crime in the SCO and the CIS for the organizational and legal system of combating crime in Russia. The conclusion is made about the insufficient elaboration of minimizing and eliminating the consequences of crimes in the SCO and the CIS. The team of authors notes the prospect of implementing the CIS Model Law «On Compensation for Harm to Citizens who have suffered from Crimes» into Russian legislation.

Keywords: price of crime, minimization and elimination of the consequences of crime, international criminal law.

отсутствием комплексной системы правового регулирования. Действующие нормативные правовые акты сегментированы по правовым отраслям

(например, Уголовный закон России, Кодекс об административных правонарушениях РФ) либо по видам преступности (например, законодательство в сфере противодействия коррупции, экстремизму, терроризму и т.п.). общих организационно-правовых начал единой государственной политики в сфере противодействия преступности в России нет.

Тем не менее, анализ отдельных федеральных законов, позволяет сделать вывод структуре противодействия преступности, которая охватывает три направления:

- 1) профилактику преступности;
- 2) борьбу с преступностью (в рамках предотвращения, пресечения, выявления, раскрытия и расследования преступлений);
- 3) минимизацию и ликвидацию последствий преступности [3].

Не вдаваясь в полемику относительно развитости этой системы, отметим, что наименьшую разработанность и, соответственно, практическую востребованность имеет минимизация и ликвидация последствий преступности.

Не отрицая значимость данного направления противодействия преступности, отметим необходимость исследования международно-правовых подходов к минимизации и ликвидации последствий преступлений. С учетом предмета нашей научной статьи, интерес для нас представляет правовые акты ШОС и СНГ. Анализ правовой базы данных региональных международных организаций, позволяет также сделать вывод о низком разработанности правовых основ ликвидации последствий преступлений.

Так, в рамках Шанхайской организации сотрудничества не разработаны комплексные правовые механизмы противодействия преступности в целом. Правовые акты, регулирующие сотрудничество по противодействию преступности, сегментированы и при этом заметно ограничены. Пожалуй, одним из основных направлений сотрудничества в сфере противодействия преступности является противодействие экстремизму, терроризму и сепаратизму. В Конвенции ШОС о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. ликвидация последствий экстремизма рассматривается как одной из десяти направлений взаимодействия государств по предмету Конвенции [11]. При этом конкретных механизмов минимизации и ликвидации последствий указанных правонарушений в данной Конвенции не предусматривается.

Эта ситуация не была исправлена и в рамках Конвенции ШОС по противодействию экстремизму 2017г., в которой статус ликвидации последствий экстремизма был заметно повышен. В данной конвенции ликвидация последствий экстремизма занимает самостоятельное место среди других направлений противодействия – профилактики и борьбы с экстремизмом, что соответствует представлению российского законодателя. Тем не

менее, организационная система данного направления деятельности, включая описание принципов, субъектов и форм деятельности, в данной конвенции отсутствует.

Более того, не просматривается даже перспектива развития исследуемого направления противодействия преступности, как в целом, так и в сфере противодействия экстремизму, терроризму и сепаратизму. Например, Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС не упоминает о минимизации и ликвидации последствий правонарушений [1]. Полагаем, что во многом это связано с низким уровнем разработанности правовых основ минимизации и ликвидации последствий преступлений на более высоком уровне международно-правового регулирования (в рамках ООН), а также, с недостаточной актуальности имеющегося опыта в данной сфере среди стран-участников ШОС. Например, уровень организационно-правовой разработанности данного направления противодействия преступности в таком видном участнике ШОС, как Российская Федерация, не выдерживает критики.

Несколько иначе обстоит дело на уровне правотворчества СНГ. В модельном законодательстве СНГ деятельность по минимизации и ликвидации последствий преступлений рассматривается в некоторых нормативных правовых актов как самостоятельное направление противодействия преступности, что, на наш взгляд, связано с очевидным влиянием российской правовой мысли на правотворческие процессы СНГ.

В частности, Модельный закон СНГ «О противодействии экстремизму» 2009 г. в ст. 1 при разъяснении понятия «противодействие экстремизму», в объем данной категории включает ликвидацию последствий экстремистской деятельности наряду с профилактикой экстремизма и борьбой с ним [9]. Вместе с тем, на этом фоне довольно противоречиво смотрится отсутствие в ст. 4 «Основные направления противодействия экстремизму» упоминания ликвидации последствий экстремизма, хотя и профилактика, и борьба с экстремизмом там обозначены.

Более того, в Главе 2 «противодействие экстремизму» данного Модельного закона организационно-правовые основы ликвидации последствий экстремизма также не раскрываются. В этом аспекте рассматриваемый Модельный закон СНГ и российское законодательство в сфере противодействия экстремизму весьма похожи.

Гораздо более выверенным в этом отношении является Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму» 2009г., где минимизация и ликвидация последствий терроризма однозначно определена как самостоятельное направление противодействия данному негативному явлению (ст. 3). Помимо этого, вопросам ликвидации последствий терроризма посвящена целая Глава IV, описывающая организационно-правовые основы возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, а также – оказания социальной и правовой помощи потерпевшим [8]. Примечательно, что в прежний Модельный закон СНГ

«О борьбе с терроризмом» 1998г. не регулировал вопросы минимизации и ликвидации последствий терроризма, а также профилактики преступности террористической направленности и был ориентирован исключительно на борьбу с терроризмом, включая в ее объем и привлечение виновных лиц к юридической ответственности [4]. В данном случае, обращает на себя внимание, что ФЗ РФ «О противодействии терроризму», имеющий схожие организационно-правовые основы противодействия рассматриваемому негативному явлению был принят в 2006 г., т.е. за два года до Модельного закона СНГ «О противодействии терроризму».

На этом фоне весьма примечательным является Модельный закон СНГ «О противодействии коррупции» 2008г., в котором минимизация и ликвидация последствий коррупции не упоминается ни как составная часть противодействия коррупции, ни в качестве отдельных мер противодействия коррупции [7]. Данный Модельный закон был принят на месяц раньше, чем ФЗ РФ «О противодействии коррупции», где минимизация и ликвидация последствий коррупции рассматривается, как самостоятельное направление противодействия преступлениям, что закономерно приводит к выводу, о большом влиянии именно российского национального законодательства на право СНГ (как в случае с законодательством в области противодействия терроризму).

Следует отметить, что в 2012 г. на уровне СНГ были разработаны рекомендации по включению в систему противодействия коррупции мер по минимизации и ликвидации последствий правонарушений, охватывающие конфискацию имущества, признание недействительными неправомερных решений органов публичной власти, признание ничтожными сделок, возмещение вреда (в том числе морального), причиненного коррупционным правонарушением, правовую защиту и реабилитацию потерпевших [10].

Таким образом, система противодействия коррупционным правонарушениям в СНГ стала схожей с системой противодействия терроризму и экстремизму СНГ, и, в целом, соответствовать структуре института противодействия угрозам национальной безопасности России. Обращает на себя внимание то, что представление о сущности минимизации и ликвидации последствий коррупции в данном случае низводится до устранения непосредственного вреда, причиненного коррупционными правонарушениями, что в целом соответствует подходу, доминирующему в правовых актах ООН.

Однако, как отмечают исследователи, минимизация и ликвидация последствий правонарушений, хотя и декларирована в правовых актах СНГ, фактически остается слабо разработанной [2]. Соглашаясь, в целом, с данной позицией, отметим, что нельзя отрицать и наличие перспективных правовых актов СНГ, опережающих правовое

строительство в России в рассматриваемой сфере и формирующих существенный задел в сфере минимизации и ликвидации последствий правонарушений.

В частности, речь идет о Модельном законе «О возмещении вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» 2020 г. В соответствии с данным Модельным законом, формируются правовые основы минимизации и ликвидации правонарушений вне контекста какой-нибудь одной группы преступлений. На наш взгляд, это заметный прогресс в формировании самостоятельного правового института противодействия преступлениям. Принятие подобного закона в России дополнило бы действующий федеральный закон РФ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» и укрепило правовые основы института противодействия правонарушениям в Российской Федерации.

Вместе с тем, рассматриваемый Модельный закон СНГ не лишен и недостатков, один из которых связан с узким предметом правового регулирования, охватывающем только ликвидацию непосредственного вреда, причиненного преступлением. Вопросы устранения более масштабных социально-экономических и политических последствий преступности опосредованного характера, не затрагиваются. Так, в указанном Модельном законе регулируются правовые основы возмещения материального ущерба либо расходов на его устранение, возмещение упущенной выгоды и морального вреда (ст. 7). При этом возмещение происходит за счет лица, совершившего преступления, за счет государства либо из других источников (например, за счет фондов страховых организаций), а также за счет возвращения имущества органами предварительного расследования или судом [5].

Следует отметить, что Следственным Комитетом РФ в 2012 г. был разработан проект федерального закона «О потерпевших от преступлений» [6], имеющий схожий с Модельным законом СНГ «О возмещении вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» 2020 г. Мы согласимся с позицией исследователей, отмечающих, что данный законопроект, несмотря на свои недостатки (одной из которых, на наш взгляд, является сужение представления о последствиях преступлений до непосредственного вреда), представляет заметный интерес для развития системы противодействия преступности и защиты прав человека и гражданина [12]. При этом обращает на себя внимание, что данный законопроект не находится на рассмотрении в Государственной Думе. Полагаем, что имплементация положений Модельного закона СНГ «О возмещении вреда гражданам, потерпевшим от преступлений», актуализировала бы и сам указанный законопроект, и существенно бы способствовало развитию минимизации и ликвидации последствий преступлений в организационно-правовой системе противодействия преступности в России.

Литература:

1. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС: Принята в г. Душанбе 17.09.2021. URL : <http://rus.sectesco.org> (дата обращения 12.03.2022).
2. Козюк М.Н. Минимизация последствий коррупции как проблема законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности / М.Н. Козюк; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 11. М. : ИНИОН РАН, 2016. Ч. 1. С. 386–389.
3. Михайлов А.Е. Система противодействия правонарушениям в России: некоторые проблемы правового регулирования / А.Е. Михайлов // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 108–112.
4. О борьбе с терроризмом: Модельный закон СНГ: Принят на двенадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ: Постановление № 12-7 от 08 декабря 1998 года. Консорциум кодекс: справ. правовой портал. URL : <https://docs.cntd.ru/document/901856750> (дата обращения 20.03.2022).
5. О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений: Принят на пятьдесят первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ: Постановление № 51-28 от 27 ноября 2020 года СНГ: офиц. сайт. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения 20.03.2022 года).
6. О потерпевших от преступлений Проект федерального закона. Следственный комитет РФ: офиц. сайт. URL : <https://sledcom.ru/document/1130/?pdf=1> (дата обращения 20.03.2022).
7. О противодействии коррупции: Модельный закон стран-участников СНГ: Принят на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ: Постановление № 31-20 от 25 ноября 2008 года. СНГ: офиц. сайт. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения 20.03.2022).
8. О противодействии терроризму: Модельный закон стран-участников СНГ: Принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ: Постановление Постановлением № 33-18 от 03 декабря 2009 года. СНГ: офиц. сайт. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения 20.03.2022).
9. О Противодействии экстремизму: Модельный закон стран-участников СНГ: Принят на тридцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ: Постановление № 32-9 от 14 мая 2009 года. СНГ: офиц. сайт. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/model

Literature:

1. The Dushanbe Declaration of the twentieth anniversary of the SCO: Adopted in Dushanbe on 17.09.2021. SCO: Ofic. Website. URL : <http://rus.sectesco.org> (date of appeal 12.03.2022).
2. *Kozyuk M.N.* Minimizing the consequences of corruption as a problem of legislation in the field of national security / M.N. Kozyuk; Ed. V.I. Gerasimov, D.V. Efremenko // Russia: Trends and prospects of development : yearbook. Iss. 11. M. : INION RAS, 2016. Part 1. P. 386–389.
3. *Mikhailov A.E.* System of counteraction to offenses in Russia: some problems of legal regulation / A.E. Mikhailov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2019. № 1(50). P. 108–112.
4. On combating terrorism: CIS Model Law: Adopted at the twelfth plenary session of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States: Resolution № 12-7 of December 08, 1998 Consortium Codex: reference. legal portal. URL : <https://docs.cntd.ru/document/901856750> (date of appeal 20.03.2022).
5. On compensation for damage caused to citizens who have suffered from crimes: Adopted at the fifty-first plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States: Resolution No. 51-28 of November 27, 2020 [electronic resource] CIS: ofic. website. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (date of appeal 20.03.2022).
6. On victims of crimes Draft Federal Law [electronic resource] Investigative Committee of the Russian Federation: ofic. website. URL : <https://sledcom.ru/document/1130/?pdf=1> (date of appeal 20.03.2022).
7. On combating Corruption: The Model Law of the CIS member States: Adopted at the thirty-first plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States: Resolution № 31-20 of November 25, 2008. CIS: ofic. website. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (date of appeal 20.03.2022).
8. On Countering Terrorism: Model Law of the CIS Member States: Adopted at the thirty-third plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States: Resolution by Resolution № 33-18 of December 03, 2009. CIS: ofic. website. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (date of appeal 20.03.2022).
9. On Countering extremism: The Model Law of the CIS Member States: Adopted at the thirty-second plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States: Resolution № 32-9 of May 14, 2009. CIS: ofic. website. URL : https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_

nie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng /modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения 20.03.2022).

10. Рекомендации по совершенствованию законодательства государств-участников СНГ в сфере противодействия коррупции: Приняты в г. Санкт-Петербурге 23.11.2012 Постановление 38-17 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2013. № 57 (часть 2). С. 125–140.

11. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Шанхай, 15 июня 2001 года офиц. Сайт Президента РФ. URL : <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения 12.03.2022).

12. Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы / С.В. Юношев // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11. С. 213–217.

i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (date of appeal 20.03.2022).

10. Recommendations on improving the legislation of the CIS member States in the field of anti-corruption: Adopted in St. Petersburg on 11/23/2012 Resolution 38-17 at the 38th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States // Newsletter. Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2013. № 57 (Part 2). P. 125–140.

11. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism : Shanghai, June 15, 2001 ofic. Website of the President of the Russian Federation. URL : <http://kremlin.ru/supplement/3405> (date of appeal 12.03.2022).

12. *Unoshev S.V.* State compensation to victims of crimes: foreign experience and Russian prospects / S.V. Unoshev // Bulletin of Samara State University. 2014. № 11. P. 213–217.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
barahevaev@bk.ru

Сметанина Алена Владимировна

студентка 1 курса,
Российский государственный
университет правосудия
alenazinevich1@gmail.com

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ**

Аннотация. В статье рассматривается статус судьи, его права, обязанности, гарантии и требования, предъявляемые к судьям различных уровней судебной системы РФ. Судьями, в соответствии с настоящим Законом, являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием.

Ключевые слова: понятие судьи; статус судьи; права, обязанности и гарантии судьи; требования, предъявляемые к судьям.

На территории РФ действует закон от 26.06.1992 № 3132-1 в редакции от 05.04.2021 «О статусе судей в Российской Федерации». На основании 1 статьи этого закона, судья – носитель судебной власти. Судьями, в соответствии с настоящим Законом, являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны [2].

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor
of State-legal Disciplines,
Russian State
University of Justice
barahevaev@bk.ru

Alena V. Smetanina

1st year Student,
Russian State
University of Justice
alenazinevich1@gmail.com

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS
OF THE ACTIVITY OF A JUDGE**

Annotation. The article examines the status of a judge, his rights, duties, guarantees and requirements imposed on judges of various levels of the judicial system of the Russian Federation. Judges in accordance with this Law are persons who are constitutionally empowered to administer justice and perform their duties on a professional basis. The status of a judge is not a personal privilege, but a means designed to provide everyone with the effective protection of their rights and freedoms by justice.

Keywords: concept of a judge; the status of a judge; the rights, duties and guarantees of a judge; requirements for judges.

Статус судьи можно определить двумя способами:

1. Как считает процессор В.А. Кряжков, статус судьи – это совокупность требований, предъявляемых к судьям, их прав и обязанностей [6].
2. Как считает профессор Н.В. Витрук, статус судьи – это совокупность прав и обязанностей лица, назначаемого на должность судьи, а также – правовые принципы, выражающие взаимоотношения судьи, общества и государства [4].

Постановление Совета судей РФ от 18.04.2003 № 101 «Об утверждении Типовых правил внутреннего распорядка судов» закрепило общие права и обязанности судей.

Судья имеет право на следующее:

- работу, отвечающую профессиональной подготовке и квалификации; производственные и социально-бытовые условия, обеспечивающие безопасность и соблюдение требований гигиены труда;
- профессиональную переподготовку и повышение квалификации; охрану труда;
- оплату труда в размере, установленном действующим законодательством, а также премирование по результатам работы;
- отдых, который обеспечивается предоставлением еженедельных выходных дней, праздничных нерабочих дней и оплачиваемых ежегодных отпусков;
- пособия по социальному страхованию, социальное обеспечение по возрасту, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством;
- отпуск без сохранения заработной платы согласно действующему законодательству;
- возмещение вреда, причиненного его здоровью и имуществу в связи с исполнением служебных обязанностей;
- непосредственное обращение (в установленном порядке) к председателю суда и его заместителям.

Судья обязан:

- обеспечивать соблюдение Конституции и прочих действующих НПА;
- предъявлять при приеме на работу документы, сообщать сведения личного характера, предусмотренные законодательством; поддерживать уровень квалификации;
- соблюдать трудовую дисциплину, а также правила внутреннего распорядка суда;
- использовать рабочее время для производительного труда;
- принимать меры по устранению причин, нарушающих нормальный ход работы, и немедленно сообщать о случившемся непосредственному руководителю;
- бережно относиться к средствам оргтехники и другому имуществу суда, поддерживать чистоту на рабочем месте, соблюдать установленный порядок хранения материальных ценностей и документов;
- воздерживаться от действий, препятствующих другим работникам выполнять их служебные (трудовые) обязанности;

- проявлять вежливость, уважение, терпимость;
- иметь опрятный внешний вид; экономно использовать расходные материалы и другие материальные ресурсы, а также, не допускать ведения междугородных и местных телефонных переговоров, не вызванных служебной необходимостью;
- при отсутствии на рабочем месте принять меры к извещению об этом непосредственного руководителя;
- хранить государственную и иную охраняемую законом тайну;
- воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности государственных органов, а также – их руководителей;
- соблюдать требования настоящих Правил, должностных и иных инструкций, а также, установленный порядок работы со служебными документами [3].

Основы статуса судьи формируют совокупность гарантий, закрепленных в Конституции РФ:

1. Независимость, часть 1 статьи 120 – Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.
2. Несменяемость, статья 121 – Судьи несменяемы. Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом.

3. Неприкосновенность, статья 122 – Судьи неприкосновенны. Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом[1].

Основополагающие требования к деятельности судьи закреплены в статье 3 Закона № 3131-1:

1. Судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Судья конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, мировой судья обязаны также соблюдать конституцию (устав) субъекта Российской Федерации и законы субъекта Российской Федерации.
2. Судья при исполнении своих полномочий, а также, во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

Общие требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, закреплены в статье 4 Закона № 3131-1:

1. Наличие высшего юридического образования по специальности «Юриспруденция» или высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» со степенью магистра.

2. Отсутствие судимостей или уголовного преследования, прекращенного по реабилитации.
3. Отсутствие иностранного гражданства или вида на жительство.
4. Полная дееспособность.
5. Отсутствие состояния учета в наркологическом или психоневрологическом диспансере[2].

Литература:

1. Конституция РФ принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Закон РФ «О статусе судей в РФ» от 26.06.1992 № 3131-1 (с изм. от 05.04.2021) // Ведомость Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992, № 30. Ст. 1792.
3. Постановление Совета судей РФ от 18.04.2003 № 101 «Об утверждении Типовых правил внутреннего распорядка судов».
4. *Гуценко К.Ф.* Правоохранительные органы / К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев. М. : Зерцало-М, 2010. С. 34.
5. *Ермошин Г.Т.* Статус судьи в РФ. М., 2016. С. 44.
6. *Кряжков В.А.* Конституционное правосудие в субъектах РФ (правовые основы и практика). М., 1999. С. 54.

Подводя итоги, мы пришли к выводу о том, что статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием (статья 18 Конституции РФ), служит гарантией общего конституционного статуса личности и в качестве таковой подлежит конституционно-правовой защите, уровень которой не должен снижаться по отношению к ранее достигнутому [5].

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on 01.07.2020) // CL RF. 2014. № 31. Art. 4398.
2. Law of the Russian Federation «On the status of judges in the Russian Federation» dated 26.06.1992 № 3131-1 (as amended on 05.04.2021) // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. № 30. Art. 1792.
3. Resolution of the Council of Judges of the Russian Federation of 18.04.2003 № 101 «On Approval of the Model Rules of the Internal Procedure of Courts».
4. *Gutsenko K.F.* Law enforcement agencies / K.F. Gutsenko, M.A. Kovalev. M. : Zertsalo-M, 2010. P. 34.
5. *Ermoshin G.T.* Status of a judge in the Russian Federation. M., 2016. P. 44.
6. *Kryazhkov V.A.* Constitutional justice in the constituent entities of the Russian Federation (legal framework and practice). M., 1999. P. 54.

Бондаренко Светлана Игоревна

кандидат исторических наук,
Пятигорский институт (филиал),
Северо-Кавказский
федеральный университет
Milena.555@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Избирательная система, построенная на принципах эффективности и демократичности, является одним из концептуальных элементов правового государства и здорового гражданского общества. Статья посвящена теоретико-историческим аспектам развития механизма совершенствования избирательных процессов в России. Автор рассматривает отдельные этапы развития и приоритетные направления избирательной системы, а также общие проблемы реформирования избирательного законодательства. Наряду с системным изложением ключевых вопросов, поставленных перед автором, проанализирована современная избирательная система Российской Федерации, а также, внесены предложения о некоторых аспектах совершенствования избирательной системы.

Ключевые слова: выборы, законодательство, избирательная система, цифровизация избирательной системы, политическая конкуренция, демократизация.

Российское государство всегда усердно работало над формированием представления о правительстве, которое выступает в обществе как правовой механизм для эффективной реализации важных демократических концепций. Вот почему в современной России нельзя превзойти преобразования в сфере избирательных принципов и процедур и другие меры по проведению федеральных, региональных и местных выборов. Критическое понимание развития избирательного права позволяет нам согласиться с мнением о том, что «развитие избирательных систем тесно связано с процессом демократизации, и в истории этого процесса также можно увидеть несколько этапов» [4, с. 51]. Демократизацию избирательной системы Хантингдон С. разделяет на четыре периода – этапа, которыми характеризуются страны Нового Света и государств Восточной Европы. Первый этап – 1820–1920 годы, после которого политическая демократия была ограничена, эффективность избирательной системы, как отмечается, существенно

Svetlana I. Bondarenko

Candidate of Historical Sciences,
Pyatigorsk Institute (branch),
North Caucasus Federal University
Milena.555@mail.ru

**THEORETICAL AND HISTORICAL
DEVELOPMENT OF THE MECHANISM
OF IMPROVING THE ELECTORAL SYSTEM
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The electoral system, built on the principles of efficiency and democracy, is one of the conceptual elements of the rule of law and a healthy civil society. The article is devoted to the theoretical and historical aspects of the development of the mechanism for improving the electoral processes in Russia. The author examines individual stages of development and priority areas of the electoral system, as well as general problems of reforming the electoral legislation. Along with a systematic presentation of the key issues posed to the author, the modern electoral system of the Russian Federation is analyzed, and proposals are made on some aspects of improving the electoral system.

Keywords: elections, legislation, electoral system, digitalization of the electoral system, political competition, democratization.

уменьшилась. Многие европейские страны, такие как Германия, Италия, Дания, Польша, Чехословакия и другие, после окончания Первой мировой войны отдали предпочтение пропорциональной избирательной системе, что отразилось на демократизации политической сферы. Это происходило параллельно с изменением государственных режимов в других странах на диктатуру отдельного политического лидера, а в Латвии, например, обвинили пропорциональную систему в кризисе парламентаризма (лидер страны К. Улманис в 1934 году). Также, приведем слова Любарева А. о том, что «в Германии, значительная степень вины за приход к власти нацистов лежит на избирательной системе Веймарской Республики. И хотя такое мнение весьма спорно, оно сыграло существенную роль в выработке новой избирательной системы» [4, с. 93].

Середина 1940-х годов – конец 1950-х годов – этот исторический период относят ко второму этапу демократизации избирательной системы.

Это было время восстановления демократий в некоторых странах после разгрома гитлеровского режима, в таких как, например, Греция, Италия и других странах. События в Португалии 1974 года, а именно - «революцию гвоздики» считают началом третьего периода демократизации избирательной системы. Четвертый период связан с разрушением коммунистического тоталитарного режима в Восточной Европе в 1989 году. Изменение и совершенствование избирательных систем до середины XX века, в большинстве случаев, было обусловлено вышеперечисленными политическими событиями. Несмотря на предъявляемые требования к избирательным системам, обеспечить механизмы народовластия сложившиеся модели названных систем так и не смогли решить, поставленные перед ними задачи. В середине двадцатого века инновации в избирательных принципах были истощены, и тогда встал вопрос распространения и внедрения хорошо известных и проверенных систем.

Нынешняя логика в развитии избирательной системы заключается в замене мажоритарной системы несколькими вариантами пропорциональной системы, данное явление было связано с тем, что в 19 веке европейские страны понимали слабые стороны избирательных систем, заключающихся в прерогативе принципа большинства, поскольку многие слои общества не имели возможности выразить свое мнение и иметь представительство. Во многом, это связано с резкими изменениями в праве голоса, произошедшими в этот период - снижение и, в конечном счете, полное устранение «имущественных цензов» [4, с. 62]. Следует отметить, что несколько последних десятилетий стали также временем работы над дальнейшей модернизацией избирательной системы, как во многих государствах мира, так и в нашей стране, и создании гибридной системы, объединяющей принципы мажоритарной и пропорциональной систем. Несомненным преимуществом такой системы будет являться охват интересов общества, политических партий. Эти цели могут заключаться в том, чтобы дать избирателям возможность в полной мере выразить свои преимущества, а также исключить радикальные группировки и предотвратить слишком сильное дробление среди депутатов. Однако, несмотря на достигнутый прогресс в создании эффективной избирательной системы, ее деятельность в настоящее время находится в кризисном состоянии. По словам Х. Клинтон, необходимо упразднить коллегию выборщиков и избрать президента путем всенародного голосования, как и на любую другую должность победителя голосования, что связано с результатами выборов президента в 2016 году, когда она обошла Д. Трампа по голосам избирателей, но проиграла по результатам голосования от штатов [3]. Конституция США предусматривает коллегию выборщиков, которая назначается для голосования на основании результатов всенародных выборов в каждом штате страны, а победитель в результате получает все голоса от штатов, кроме штатов Мэн и Небраска. Байден писал в своем блоге в социальных сетях, что установленная избирательная система выглядит таким образом: «Если кто-то не знал этого раньше, то мы знаем это сейчас. То,

что глубоко в сердцах американского народа, – это демократия. Право быть услышанным. Чтобы голос был засчитан. Выбирать лидеров этой нации. Управлять самими...» [1].

Следует отметить, что модель свободных выборов отражена не только в отдельном государстве, как Соединенные Штаты Америки, но и в источниках международного права. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. устанавливает право голосовать и быть избранным без дискриминации и ограничений «на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей» [5].

Опираясь на это положение, можно сделать вывод о том, что избирательный фильтр является неким ограничением, поскольку он определяет возможность участия граждан в зависимости от одобрения уже избранных избирателей. На наш взгляд, при таком подходе демократический потенциал избирательных институтов убавляется. В результате использование фильтров для проведения пассивных выборов всегда было предметом торгов и юридических обсуждений. Этот вопрос требует правового обсуждения, чтобы кандидаты и избирательные объединения не воздерживались от участия в выборах, создавая административные препятствия. Что касается возможности изменить избирательную систему, то мы считаем, что избирательная система должна стать препятствием для членства кандидатов, продвигающих популистские методы, и не понимающих задачи реализации программ национального и социального развития государства. Интерес в научных кругах и среди правоведов в вопросам избирательной системы и ее изменениям связан с вовлеченностью населения в выборы, их интересом к избирательной системе, а также, со снижением уровня доверия граждан к власти. В рамках российской действительности более разумным подходом к этому явлению является использование комбинации «двухголосой» смешанной избирательной системы, связанной с избирательной системой, скопированной с германской системы, одновременно снижая порог для политических партий на 5 % до 3 %.

Проблема в российской избирательной системе заключается в том, что пропорциональная система имеет недостатки, связанные с «закрытыми списками», что препятствует также реализации пассивного избирательного права. Кандидаты на непроходные места хорошо понимают символический характер их участия в выборах, что заставляет людей сомневаться в эффективности их включения. Нужно учитывать мнения людей при формировании кандидатов в списке партий. Для законодателей это может быть актуальным для более широкого применения «открытых» списков на национальном и региональном уровнях, когда граждане могут обозначить свое предпочтение тому или иному кандидату посредством нумерации кандидатов.

Учитывая существующие споры о современных избирательных системах, многие авторы не

обращают внимания на социальные задачи таких систем, суть которых состоит в том, чтобы дать возможность избрать дальнейшее решение социально-правовых вопросов. Избирательная система не должна строиться на подсчете голосов и формировании списков партий, но также требует включения механизмов для обеспечения процедур раскрытия информации и развития критического восприятия различных социальных задач, определяющих дальнейшее развитие общества. Населению необходимо доводить информацию о направлениях изменений, которые произойдут в обществе.

Политические дебаты выступают не просто элементом избирательной системы, но служат связующим звеном между гражданами – электоратом и предвыборными программами кандидатов, тогда мнение и воля большинства будут влиять на будущие изменения в обществе. Особое внимание и изучение необходимо уделить цифровизации избирательной системы, то есть, позиционирования в сети интернет политической воли граждан. Цифровизацию можно обозначить несколькими принципами [2, с. 79–104]:

- 1) электоральный фандрайзинг, когда кандидаты собирают средства с граждан для проведения своей избирательной компании;
- 2) использование современных технологий программного обеспечения – онлайн трансляции, чтобы максимизировать кандидатов и общую аудиторию;
- 3) вовлечение добровольцев для распространения кандидатов и поднятия их рейтинга.

В Российской Федерации избирательная система подвергается постоянным трансформациям, позитивным изменениям, стремится к нововведениям в ее основы, практические принципы, что является характерной чертой избирательной системы нашей страны. В отличие от избирательного права и избирательных процессов других стран, например, в США сохранились старые черты, не позволяющие ввести новшества, а российская избирательная система демонстрирует готовность к изменениям. Динамичное обновление законов о выборах и референдумах периода с 1993 по 2021 годы объективно зависит от процесса развития гражданского общества. Сегодняшнее избирательное законодательство в РФ динамично развивается, постоянно совершенствуется система правовых норм, происходят изменения, направленные на расширение возможностей граждан РФ для голосования гласного, открытого, а также – политической конкуренции и

Литература:

1. Байден заявил о торжестве демократии после итогов голосования выборщиков – Новости – Мир. URL : kommersant.ru (дата обращения 15.01.2022).
2. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа / Е.В. Бродовская

участия в политической жизни государства. При этом развитие российского избирательного законодательства основано на правах и интересах граждан. Функции изменяющейся российской избирательной системы направлены на основных носителей изменений:

- на расширение возможностей голосования, осуществление голосования в необходимых для этого условиях;
- на улучшение комфорта и удобства голосования;
- развитие избирательной системы на основах прозрачности, открытости и гласности.

Россия, согласно общим тенденциям, входит в число европейских стран и в разные периоды времени выступала и новатором в области избирательного права, например, когда в 1917 году женщинам были предоставлены все избирательные права, но, иногда и запаздывала с изменениями в изучаемой области. На сегодняшний день Россия является лидером в применении цифровых технологий в избирательной системе; примером тому выступают и цифровые избирательные участки, и применение технологии «Мобильный избиратель», которая дает возможность для участия в выборах тем, у кого не было на это возможности в обычных условиях. Для некоторых групп избирателей, находящихся в командировках, отпусках, учебе или работе, это облегчает реализацию избирательного права.

Таким образом, учитывая важность совершенствования избирательной системы для реализации демократических принципов в современной России, а также, с учетом примеров и опыта потребностей избирательных систем других стран, необходимо разработать основу, способную изменить правила функционирования избирательной системы.

Систематически представляя ключевые вопросы демократических выборов на всех уровнях власти, формирования и организации деятельности избирательной комиссии, новая концепция должна учитывать критерии политической партии каждого кандидата и их критику в средствах массовой информации, а эксперты получают возможность участвовать в восприятии программ, кандидаты участвовать в политических дебатах, предусматривать использование цифровых технологий для выполнения этого требования в законодательстве в качестве основы для создания эффективной и избирательной системы, что отвечает интересам населения и общества.

Literature:

1. Biden announced the triumph of democracy after the results of the electoral vote – News – World. URL : kommersant.ru (date of appeal 15.01.2022).
2. Development of methodology and methods of intellectual search for digital markers of political processes in social media / E.V. Brodovskaya [et al.] //

[и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5(141). С. 79–104.

3. Клинтон призвала упразднить коллегию выборщиков – РИА Новости. URL : ria.ru (дата обращения 14.01.2022).

4. *Любаров А.Е.* Избирательные системы: российский и мировой опыт. М. : РОО «Либеральная миссия». 2016. С. 51; С. 62; С. 93.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Public opinion monitoring: economic and social changes. 2017. № 5(141). P. 79–104.

3. Clinton called for the abolition of the Electoral College – RIA Novosti. URL : ria.ru (date of appeal 14.01.2022).

4. *Lyubarev A.E.* Electoral systems: Russian and world experience. M. : ROO «Liberal Mission». 2016. P. 51; P. 62; P. 93.

5. International Covenant on Civil and Political Rights (New-York, December 16, 1966) // Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. № 17. Art. 291.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Кашкаров Алексей Александрович
доктор юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
kashkarov79@yandex.ru

Кашкаров Александр Александрович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Крымский юридический институт –
филиал Университета прокуратуры
Российской Федерации
kashkarov79@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОЗДАНИЯ, РАЗМЕЩЕНИЯ, ОБСЛУЖИВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМИТАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА В ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ, ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ» (ЧАСТЬ 2)

■ ■ ■

Аннотация. Во второй части публикации рассмотрены признаки, характеризующие объективные и субъективные признаки новеллы, предложена её авторская редакция создания, размещения, обслуживания и использования имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», приведены примеры её характеризующие. Обосновывается необходимость криминализации такого рода общественно опасных деяний.

Ключевые слова: имитация информационного ресурса, информационная безопасность, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, преступление, криминализация, уголовное право, уголовно-правовая политика, благополучие населения, общественная опасность, создание, размещение, обслуживание и использование.

■ ■ ■

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

Alexey A. Kashkarov
Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Crimean branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@yandex.ru

Alexander A. Kashkarov
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor
of Criminal Legal Disciplines,
Crimean Law Institute –
branch of the University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
kashkarov79@yandex.ru

PUBLIC DANGER AND CRIMINALIZATION OF THE CREATION, PLACEMENT, MAINTENANCE AND USE OF AN IMITATION OF AN INFORMATION RESOURCE IN INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS, INCLUDING THE INTERNET (PART 2)

■ ■ ■

Annotation. In the second part of the publication, the features that characterize the objective and subjective features of the novel are considered, its author's version of the creation, placement, maintenance and use of an imitation of an information resource in information and telecommunication networks, including the Internet, is proposed, examples characterizing it are given. The necessity of criminalization of such socially dangerous acts is substantiated.

Keywords: imitation of an information resource, information security, sanitary and epidemiological welfare of the population, crime, criminalization, criminal law, criminal law policy, welfare of the population, public danger, creation, placement, maintenance and use.

■ ■ ■

Количество регистрируемых преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) ежегодно возрастает (согласно форме «ИТТ» (280) статистических сведений ГИАЦ МВД России в 2020 году подразделениями ОВД зарегистрировано 503493 преступления, совершенных с использованием ИТТ, в 2021 году – 511300 преступлений), изучение материалов заявлений граждан по фактам «дистанционного мошенничества» свидетельствует, что лица причастные к совершению хищений денежных средств с применением ИТТ используют имитацию оригинального информационного ресурса без вмешательства в работу оригинала, что свидетельствует об отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ.

Опишем один из способов хищения денежных средств с использованием ИТТ при условии, что потерпевший выступает продавцом товара на торговой интернет-площадке «Авито», такого рода способ совершения преступления является разновидностью «фишинга» [1, с. 77]. Продавец размещает объявление о желании продать товар на информационном ресурсе «Авито», на это объявление реагирует «покупатель» и переводит общение из смс-чата информационного ресурса «Авито» в иной общедоступный мессенджер, в котором организует переписку и задаёт вопросы о состоянии товара, его свойствах и прочее, после чего, предлагает воспользоваться услугой курьера интернет-сервиса «Авито» и перейти по ссылке на информационный ресурс URL : «<https://avito.service-dostavki-2p2.info/sell?id=65370123>» (далее – имитатор) визуальное и графическое оформление, цветовая гамма и дизайн в целом аналогичен оригинальному информационному ресурсу URL : <https://www.avito.ru>. На информационном ресурсе имитаторе создана страница авторизации пользователя-плательщика посредством предоставления сведений о держателе банковской карты, информация самой банковской карте, сроке её действия и CVV\CVC – кода банковской карты. Таким образом, мы можем видеть, что деятельность оригинального информационного ресурса не блокируется, его деятельность не модифицируется, что свидетельствует об отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ.

Таким образом, можно констатировать, что создание, размещение, обслуживание и использование имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» способствует совершению хищений, однако, такого рода общественно опасные действия, пока состава преступления не образуют, в силу отсутствия законодательного их закрепления в УК РФ. Характеризуя объективную сторону приведенного примера хищения, следует указать, что имитатор информационного ресурса выступает средством совершения преступления, создание которого, как установлено не преследуется в уголовно-правовом порядке. Однако ответственное законодательство имеет пример криминализации создания, приобретения, хранения, перевозки в целях использования средства совершения преступления, речь идет о

преступлении, предусмотренном ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков». Отметим, что абз. 1 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–3271 Уголовного кодекса Российской Федерации» определяет, что «совершение лицом другого преступления (например, мошенничества, контрабанды, незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации) с использованием подделанных им самим паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, а также, штампов, печатей или бланков квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и частью 1 или 2 статьи 327 УК РФ», а также, абз. 2 указанного пункта «приобретение, хранение, перевозка в целях использования для совершения преступления заведомо поддельных документов, штампов, печатей или бланков, изготовленных другим лицом, должны дополнительно квалифицироваться по части 3 статьи 327 УК РФ».

Преступление, описанное в вышеприведённом алгоритме, чаще всего, совершается в составе группы, в которой существует лицо, ответственное за информационно-техническое сопровождение (создание имитатор информационного ресурса, его размещение, обслуживание) преступной деятельности. Также, в состав группы входит лицо, которое обеспечивает поиск жертвы и контактирование с ней, а также – лицо, которое выводит (обналичивает) денежные средства, что свидетельствует о повышенной общественной опасности такого рода преступлений.

В ходе исследования нами были изучены заявления, поступившие в органы внутренних дел от пользователей социальных сетей о фактах распространения ложной информации от заявителя-потерпевшего с просьбой занять денежные средства у иных пользователей в данной социальной сети. Один из способов рассылки пользователям социальных сетей ложной информации с просьбой о помощи осуществляется с помощью создания и использования имитации информационного ресурса социальной сети (ложной (фейковой) персональной страницы) пользователя-потерпевшего. Алгоритм такого рода действий следующий: блокируется работа оригинальной персональной страницы пользователя-потерпевшего, предварительно создается имитация оригинальной персональной страницы пользователя-потерпевшего с использованием его фото и открытого контента, после чего рассылается обращение просьбой о помощи с указанием счета, на который следует перевести денежные средства. В данном случае страдает не только информационная безопасность пользователя социальной сети, но и его репутация (честь), так как от его имени рассылается ложная просьба о помощи, а в некоторых случаях пользователю-потерпевшему могут выставляться требования о возврате денежных средств.

Создание имитации информационного ресурса представляет собой совокупность действий, заключающихся в написании компьютерной программы (которая может содержать ссылки на файлы в других форматах (текст, графические изображения, видео, аудио, мультимедиа, апплеты, прикладные программы, базы данных, веб-службы и прочее), а также, гиперссылки для быстрого перехода на другие веб-страницы или доступа к ссылочным файлам) на соответствующем языке программирования, которая имеет аналогичный графический дизайн, цветовую гамму, смысловую нагрузку для дальнейшего размещения в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» под видом фактически существующего в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» оригинального информационного ресурса. Отметим, что создание имитации информационного ресурса может быть осуществлено одним лицом либо группой лиц, а иные противоправные действия, связанные с «продвижением» продукта, может осуществлять иное лицо либо группа лиц.

Такого рода программа – имитатор информационного ресурса должна признаваться в качестве предмета преступления. Его создание, дальнейшее размещение и противоправное использование обуславливает взаимосвязь с общественными отношениями, которые страдают от такого рода действий, либо создается реальная угроза причинения такого рода действиями вреда.

В связи с этим, как нам представляется, необходимо криминализовать такие деяния, как размещение и обслуживание имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». Размещение и обслуживание информационного ресурса - это совокупность услуг направленных на обеспечение работоспособности информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». В отечественном законодательстве, в п. 18 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон № 149-ФЗ) закреплено понятие «провайдер хостинга» под которым понимается «лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет»» [2]. Однако следует отметить, что размещение информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», может быть осуществлено одним лицом, а его техническое сопровождение (обслуживание), обеспечение работоспособности может осуществляться иным. К такого рода выводу мы приходим, исходя из анализа содержания п. 17 ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ, в котором отмечается, что владелец информационного ресурса самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования информационного ресурса в сети «Интернет», в том числе, порядок размещения информации на таком информационном ресурсе. Отметим, что Федеральный закон № 149-ФЗ

регламентирует техническую процедуру ограничения доступа к информационным ресурсам, размещенным в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», однако, норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану общественных отношений от создания, использования, размещения и обслуживания имитаторов информационных ресурсов не существует.

Характеризуя субъективную сторону предлагаемой нами новеллы отметим, что она характеризуется исключительно прямым умыслом. Кроме того, отметим, что создание информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», должно быть осуществлено с целью размещения в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». В случае совершения такого рода общественного деяния с целью: дистанционного подтверждения права либо освобождения от обязанностей; получения охраняемой законом информации; совершения иного преступления действия виновного лица (виновных лиц) будут свидетельствовать о повышенной общественной опасности самого деяния и непосредственно о повышенной криминогенной активности лица, совершившего такого рода преступление, а что подтверждается наличием специальной цели совершения преступления.

Криминализуя создание, размещение, обслуживание и использование имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», законодатель в обязательном порядке должен учесть, что такого рода деяния могут совершаться в научных либо образовательных целях, поэтому деяния, связанные с достижением научных либо образовательных целей, не должны законодателем относиться к преступным, так как это, как нам представляется, будет сдерживать научный прогресс и демонстрацию информационно-телекоммуникационных возможностей как обучающимся, так и обучающихся ИТ-специалистов. Однако следует учесть, что, если в научной либо учебной ИТ-лаборатории будет создана имитация информационного ресурса для размещения её в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», с целью дистанционного подтверждения права либо освобождения от обязанностей; получения охраняемой законом информации; совершения иного преступления действия виновного лица будут образовывать состав предлагаемого нами преступления.

Также, исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что возникновение умысла на совершение преступления у лица может возникнуть после создания имитации информационного ресурса.

Кроме того, умысла на использование, размещение имитации у создателя вообще может не быть, в то время, как умысел на размещение и соответственно противоправное использование имитации информационного ресурса может возникнуть у иного лица.

Исходя из выше изложенного, мы полагаем, что государство должно обеспечить охрану информационной безопасности пользователей информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» от противоправной имитации информационных ресурсов путем внесения в УК РФ новой статьи: «Статья 2731. Создание, размещение, обслуживание и использование имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет»

1. Создание с целью размещения или размещение, а равно обслуживание имитации информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» – наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Литература:

1. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c

3. *Вишневецкий К.В.* О необходимости обеспечения уголовно-правовой охраны генерации, использования и оборота QR-кодов в сфере безопасности и обеспечения благополучия населения / В К. В.ишневецкий, А.А. Кашкаров, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 90–95.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи совершены с целью:

а) дистанционного подтверждения права либо освобождения от обязанностей;

б) получения охраняемой законом информации;

в) совершения иного преступления – наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев».

Примечание. Не образуют состава преступления деяния предусмотренные частью первой настоящей статьи если они осуществлены в научных или образовательных целях».

Literature:

1. *Ovchinsky V.S.* Criminology of the digital world : textbook for magistracy. M. : Norma: INFRA-M, 2018. 352 p.

2. About information, information technologies and information protection. Federal Law № 149-FZ dated July 27, 2006. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c

3. *Vishnevetsky K.V.* On the need to ensure criminal law protection of the generation, use and circulation of QR codes in the field of security and ensuring the well-being of the population / K.V. Vishnevetsky, A.A. Kashkarov, A.A. Kashkarov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 1. P. 90–95.

Гаджиханов Салим Абдурахманович
бакалавр,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
salimred@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Аннотация. В настоящее время российский законодатель предусматривает несколько видов государственной службы, в числе которых - государственная гражданская служба, военная служба и государственная служба иных видов. Каждый из видов государственной службы имеет огромное значение для нормальной деятельности Российского государства, позволяет реализовывать функции и задачи органов управления, обеспечивает стабильность государственной власти и национальной безопасности. Особое место в системе государственной службы занимает государственная гражданская служба, фактически являющаяся предвестником и родоначальником всех иных видов государственной службы. Процесс формирования гражданской службы шел параллельно с развитием централизованного Российского государства, органов государственной власти и управления, что обуславливает тесную взаимосвязь рассматриваемых институтов. В настоящей статье выделяются ключевые исторические этапы, предпосылки и особенности формирования института государственной службы в России, обосновывается ряд выводов относительно природы государственной гражданской службы.

Ключевые слова: приказы, знать, местничество, служащие, коллегии.

Введение.

Становление системы государственной службы в России продолжалось не одну сотню лет. Все это время шел поиск оптимальных путей подготовки госслужащих и формирования кадрового резерва, как в дореволюционное, так и в советское время и, впоследствии, в новейший период развития системы государственной службы, однако существенных успехов в исследуемой сфере все еще не достигнуто.

Несмотря на то, что сам институт государственной службы можно признать сформированным, имеющим солидную правовую основу, и, в целом, достаточно эффективным элементом государст-

Salim A. Gadzhikhanov
Bachelor,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
salimred@mail.ru

PREREQUISITES FOR THE FORMATION AND HISTORICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF PUBLIC SERVICE IN RUSSIA

Annotation. Currently, the Russian legislator provides for several types of public service, including state civil service, military service and other types of public service. Each of the types of public service is of great importance for the normal activities of the Russian state, allows for the implementation of the functions and tasks of government bodies, ensures the stability of state power and national security. A special place in the system of public service is occupied by the state civil service, which is actually the forerunner and ancestor of all other types of public service. The process of formation of the civil service went in parallel with the development of a centralized Russian state, public authorities and management, which determines the close relationship of the institutions under consideration. This article highlights the key historical stages, prerequisites and features of the formation of the institution of public service in Russia, substantiates a number of conclusions regarding the nature of the public civil service.

Keywords: orders, nobility, locality, employees, collegiums.

венного механизма, вопросы реализации государственными служащими своих функциональных обязанностей, отношения к населению, к решению проблем общества остаются одними из наиболее проблемных и острых. В этой связи, особый интерес представляет обращение к истокам формирования института государственной службы в России в дореволюционный период с целью выявления предпосылок и условий, способствующих появлению раскола между обществом и государством в лице государственных служащих.

Изучение преобразований в сфере государственного управления XV–XIX вв. является одним из направлений, традиционно привлекающих

внимание исследователей. Уже в дореволюционный период появилась обширная историография, глубоко и с разных методологических позиций рассматривавшая ход и последствия процесса формирования первых органов государственной власти и становления института государственной службы.

Различные аспекты данного направления являлись предметом работ И.Д. Беляева, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, А. Станиславского, К.И. Стефановского, А.П. Чебышева-Дмитриева, Б.Н. Чичерина, Е.Н. Щепкина, И.Ф.Г. Эверса и ряда других.

Из собственно историко-правовых юридических исследований советского периода и последних десятилетий, следует отметить работы С.В. Юшкова, М.М. Исаева, В.В. Момотова, М.А. Чельцова-Бебутова, М.Д. Шаргородского, Р.Л. Хачатурова, С.А. Кондрашкина, М.Ю. Неборского и многих других исследователей.

В то же время, данную тему невозможно признать полностью изученной и исследованной. Напротив, несмотря на обширный массив литературы, посвященной рассматриваемому вопросу, полемика по дискуссионным вопросам формирования института государственной службы, ее влияния на развитие общества и государства в научных кругах продолжается, что также подчеркивает актуальность проводимого исследования.

Основная часть.

Формирование централизованного Российского государства сопровождалось процессом появления первых атрибутов государственности, в частности - государева двора, то есть ближайшего окружения великого князя.

Поначалу состав двора был немногочисленным. Известно, например, что Василия II Темного (1415–1462) окружали не более 50 придворных, принадлежавших к различным служилым слоям. Однако в годы правления Ивана III государев двор необычайно разросся за счет притока в великокняжеское окружение представителей московской знати, выходцев из упраздненных уделов, выслужившихся детей боярских и дьяков. Все они в меру своего влияния на великого князя (если таковым влиянием кто-либо обладал) участвовали в выработке решений по различным вопросам внутренней и внешней политики, становясь оплотом царской власти. В этой среде шел постепенный процесс зарождения основ государственного управления: возникали служебные «места» и чины, складывались придворные должности, распределялись обязанности. Например, дворецкий управлял дворцовым хозяйством. В связи с распространением огнестрельного оружия, появилась должность «оружничего», заведовавшего изготовлением и поставками ко двору оружия. Ниже на иерархической дворцовой лестнице стояли ясельничие, сокольничие, ловчие, постельничие и т.д.

На придворные должности великий князь назначал преданных ему людей, как правило, менее

знатных по сравнению с основной массой бояр. На время военных походов из них формировалась элитная часть войска – «государев полк». В функциональном назначении государева двора и боярской думы просматривается остаточное влияние давних традиций «дружинного строя» времен киевской Руси.

Боярская дума была совещательным органом при великом князе. Первые упоминания о таких учреждениях встречаются еще в истории древнерусского государства. Совещания князей с боярами продолжались и в период раздробленности. В эпоху образования московского государства великий князь по-прежнему «держал совет с боярами». Наиболее важные указы издавались от имени царя и боярской думы по формуле: «великий государь указал и бояре приговорили...» [0, с. 96].

В Московском государстве на всех уровнях управления, во всей государевой службе процветало местничество. При назначении на должность, военную или гражданскую, в первую очередь, учитывались древность и знатность рода, к которому принадлежал претендент, положение его предков при дворе великих князей и великих государей, фамильные заслуги.

Как отмечает О.А. Омельченко, название этого принципа произошло от обычая «считаться местами», т.е., усаживаясь за стол на званом обеде и в других случаях, выяснять, чья «порода» благороднее. Поначалу московские государи поддерживали этот обычай, так как он затруднял образование боярской оппозиции, но со временем пришло осознание того, что местничество пагубно сказывается на состоянии государственных дел и обороноспособности страны.

Сложилось положение, когда бездарные, но кичившиеся древностью рода и славными делами предков люди занимали престижные и завидные должности, недоступные более достойным, но «худородным» россиянам. Принцип местничества господствовал в русском государстве несколько столетий и был отменен лишь в конце XVII в. [0, с. 14]

Главной опорой московского великого князя в деле объединения Руси и создания централизованного государства было дворянство. Как особая категория военно-служилого сословия, оно начало складываться еще в предшествующий период – в XII–XIII вв. Тогда дворяне, составлявшие двор князя или крупного боярина, назывались «слугами вольными» (в отличие от зависимых слуг, работавших в хозяйстве феодала – например, холопов).

Со второй четверти XV в. дворянами именовали всех, кто входил в состав государева двора, а в конце того же столетия это понятие распространилось уже и на обедневших детей боярских. Во время войны из дворян формировалось поместное ополчение, составлявшее главную ударную силу государева войска. Главным отличительным признаком дворянства как особой сословной группы было условное землевладение.

Объединительная политика московских правителей привела к уничтожению городских вольностей – сначала в московском княжестве, затем в Новгороде и Пскове. В города присоединенных земель московское правительство назначало своих администраторов – «городовых приказчиков», ведавших строительством оборонительных сооружений, сбором ополчения и провианта, производством оружия. Население посадов, так называемые «черные люди» несли «тягло» в пользу государства. Ремесленники, проживавшие на «белых землях», принадлежавших феодалам, несли городские повинности и платили государственные налоги в меньшем объеме. В общей массе городского населения возросла доля различных категорий военнотрудовых людей. К середине XVI в. уже существовали общегосударственные ведомства - дворец и казна. Дворец во главе с дворецким управлял личными (дворцовыми) землями великого князя. Со временем в его компетенцию вошло рассмотрение земельных тяжб, в результате чего из административного он превратился в административно-судебный орган. С присоединением какой-либо новой территории или ликвидацией удельного княжества внутри московского государства в этих землях создавались местные дворцы (новгородский, тверской, нижегородский, дмитровский, угличский и т.д.). Дворцовая система, посредством которой центр контролировал положение на местах, строилась на началах территориального управления. Казну возглавляли казначеи. Здесь хранились не только деньги и драгоценности, но и архив и государственная печать. К печати были приставлены специальные хранители – печатники. Ведомство занималось финансовыми вопросами, а также текущими делами, относящимися к внешней политике. По сути, оно выполняло функции государственной канцелярии. Во всем центральном аппарате заправляли дьяки. В Боярской Думе они готовили проекты ее решений, царских указов, вели делопроизводство, служили письмоводителями, скрепляли своей подписью царские грамоты, на которых великий государь не считал нужным ставить собственноручную подпись. Они имели четвертый, самый низший думный чин, достичь которого (в отличие от первых трех) мог человек «подлого» происхождения. Как думные, так и служившие в иных учреждениях дьяки чаще всего были выходцами из мелких феодалов, духовенства и купечества. В общей массе служащих центрального аппарата власти они выделялись своей образованностью.

Таким образом, в период XV – начала XVI вв. происходит формирование основ системы государственного управления и зарождение института государственной службы в современном понимании. С середины XVI в. создаются первые приказы - органы, осуществляющие государственное управление и проводящие государственную политику на местах и отвечающие за конкретные направления деятельности. Сложившаяся в рассматриваемый период приказная система государственного управления имела хороший потенциал для развития, так как в ней были сбалансированы представлены основные политические силы того времени и интересы различных слоев общества. В то же время, система создания

государственных органов и распределения функций между ними оставалась неупорядоченной. По замечанию историка В.О. Ключевского, «...Распределение правительственных дел между приказами представляется чрезвычайно неправильным и запутанным... Систематическая классификация приказов вообще не удавалась их исследователям, как не удавалась она и их творцам, московским государям» [0, с. 58].

Разрастание системы приказов и их функций приводило и к росту штата государственных служащих, увеличению круга задач, стоящих перед должностными лицами, складыванию определенных приказных порядков деятельности и форм делопроизводства. В дальнейшем, число приказов продолжало расти. По мере усложнения функций государства отдельные приказы подразделялись на отделы, некоторые из которых, постепенно развиваясь, превращались в самостоятельные органы. Новые приказы возникали не только в связи с усложнением функций государства, но и вследствие расширения его территорий. Приказная система, при всем ее несовершенстве, явилась важным этапом развития института государственной службы. Характерной особенностью приказов являлось то, что они выполняли множество разнообразных функций. Многие из них были не только органами центрального отраслевого управления, но и ведали определенной территорией государства, управляли городами, доходы с которых шли на их содержание.

Таким образом, приказы совмещали территориальный принцип управления с территориально-административным и судебным. К недостаткам приказной системы следует отнести ее чрезмерное усложнение, что приводило к бюрократизму и волоките, а также взяточничеству, хищениям государственных средств и другим негативным явлениям, объединяемым общим термином «коррупция».

Способствовало формированию коррупции и дальнейшее масштабное расширение государственного аппарата в период реформирования органов государственного управления в XVII–XVIII веках. На государственную службу получили шанс попасть лица из низших слоев общества, которые расценивали свою должность как путь к обогащению. Несмотря на то, что в конце XVII в. происходит объединение приказов, перераспределение и сосредоточение их функций, ограниченные меры по упорядочению приказной системы не устранили ее недостатков, что привело сначала к упразднению отдельных приказов Петром I, а затем, и к полной отмене приказной системы в начале XVIII в. с созданием новых органов государственного управления - коллегий. Дальнейшее развитие органов государственной власти вплоть до Октябрьской революции 1917 г. происходило в основном за счет усиления правоохранительных и судебных органов, что еще больше усиливало разрыв между обществом и государством.

Таким образом, основной проблемой формирования института государственной службы следует

признать тот факт, что на протяжении многих сотен лет общество противопоставлялось власти, и, в особенности, правоохранительным органам в лице государственных служащих – опричников, стрельцов, полиции, жандармов, надзирателей и других представителей органов принуждения.

Сотрудники силовых структур, выполняя волю государства и реализуя репрессивную политику, безжалостно подавляли восстания и бунты, разгоняли собрания, выслеживали и арестовывали идейных личностей и оппозиционеров.

Продолжала разрастаться массовая коррупция в полиции, судах, канцеляриях, системе делопроизводства. Все это не способствовало единению власти и общества, увеличивало пропасть между публичными органами управления и народом, и привело к социальному взрыву в 1917 году.

Заключение.

Проведенное исследование показало, что современные проблемы функционирования государственной службы являются прямыми

Литература:

1. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 2005. Т. 2. 298 с.
2. *Омельченко О.А.* Становление абсолютной монархии в России. М., 1986. 92 с.
3. *Згоржельская С.С.* История отечественного государства и права : учеб. пособие для студентов факультета непрерывного образования. М. : РАП, 2013. 316 с.

наследниками той системы, которая была сформирована в период XV–XVII вв. Фактически, во все времена в России представители государственной службы воспринимались в крайне негативном ключе, как бюрократы, коррупционеры, угнетатели.

Население противопоставлялось власти, что вызвало ответную негативную реакцию граждан, проявлявшуюся в виде массовых выступлений, бунтов, неповиновений. Отсутствие взаимодействия между обществом и государством, закрытость и кастовость системы государственной службы, сословный характер российского общества – все эти факторы существенно тормозили развитие государственной службы как целостного института и ключевого инструмента функционирования стабильной государственной власти.

Изучение исторического опыта видится важным и значимым процессом, позволяющим избежать ошибок и неверных шагов со стороны высших органов государственной власти. Однако на сегодняшний день существенных сдвигов в данном вопросе, к сожалению, не достигнуто.

Literature:

1. *Klyuchevsky V.O.* Russian history course. M., 2005. T. 2. 298 p.
2. *Omelchenko O.A.* Formation of absolute monarchy in Russia. M., 1986. 92 p.
3. *Zgorzhelskaya S.S.* History of the domestic state and law : textbook for students of the faculty of continuing education. M. : RAP, 2013. 316 p.

Дятлова Екатерина Владимировна
преподаватель кафедры
международного и европейского права,
Казанский инновационный
университет имени В.Г. Тимирязова
dyatlova_katerina@list.ru

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО МОТИВУ РАСОВОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ

Аннотация. В данной статье проводится анализ детерминантов, которые имеют основополагающее значение для раскрытия преступлений совершаемых по мотиву расовой, национальной, религиозной или политической ненависти или вражды. Необходимо заметить, что предпосылки для изучения вопроса о детерминантах преступлений возникли еще в глубокой древности, однако, данным вопросом активно начали заниматься и древнегреческие ученые. Если рассматривать саму сущность детерминизма, то нужно отметить, что он включает в себя связь производного и первооснования, причину и следствия и т.д. Это порождает связь, которая показывает зависимость свойств и отношений между определенными явлениями, событиями, процессами при влиянии на них первостепенных факторов. В настоящее время данный вопрос также остается актуальным для изучения.

Ключевые слова: детерминанты, вражда, индивид, мотив, ненависть, преступление, социальная группа.

Н а сегодняшний день особо актуальным для изучения остается вопрос о детерминантах преступлений, которые являются предпосылками к совершению преступлений по мотиву расовой, национальной, религиозной или политической ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, как в Российской Федерации, так и в различных зарубежных странах мирового сообщества. Актуальность темы данного исследования, а также, проведенного криминологического анализа, обусловлена необходимостью выявления основополагающих факторов совершения преступлений по различным мотивам ненависти или вражды в отношении индивида, либо в отношении различных социальных групп. После проведения исследования, должна появиться возможность у государства наиболее быстрого применения необходимых превентивных мер, для минимизации количества преступлений совершенных против личности по мотиву ненависти или вражды. Необходимо заметить, что предпосылки возникновения изучения вопроса о

Ekaterina V. Dyatlova
Teacher Department of International
and European Law,
Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov
dyatlova_katerina@list.ru

ON THE ISSUE OF THE DETERMINANTS OF CRIMES COMMITTED ON THE GROUNDS OF RACIAL, NATIONAL, RELIGIOUS OR POLITICAL HATRED OR ENMITY

Annotation. This article analyzes the determinants that are of fundamental importance for the detection of crimes committed motivated by racial, national, religious or political hatred or enmity. It should be noted that the prerequisites for the study of the question of the determinants of crimes arose in ancient times, but ancient Greek scientists also actively began to deal with this issue. If we consider the very essence of determinism, it should be noted that it includes the connection of the derivative and the primary basis, cause and effect, etc. This generates a connection that shows the dependence of properties and relationships between certain phenomena, events, processes when they are influenced by primary factors. Currently, this issue also remains relevant for study.

Keywords: determinants, enmity, individual, motive, hatred, crime, social group.

детерминантах преступлений возникли еще в глубокой древности, однако данным вопросом активно начали заниматься и древнегреческие ученые. К примеру, Аристотель в свое время, с помощью проявленных обширных криминологических взглядов на существующую вокруг преступность и обусловленность существование таковой, смог выявить и отразить в своих работах множественные негативные факторы, присутствующие в жизни населения, которые выступали важными детерминантами при совершении правонарушений и преступлений [2, с. 544].

Аристотель предполагал, то, что изначальная проблема состояла в сущности расслоения человеческого общества, из-за чего и совершались различные противоправные деяния, так как человек всегда стремится завладеть большим, чем имеет. В его теории было явное отрицание наличия характерных черт личности преступника, он считал, что для максимального устранения преступности необходимо наличие достойного и

справедливого устройства государства, полная стабильность существующих законов, активное развитие экономики, борьба с коррупцией, а также – существование иных важных предпосылок.

Похожие предположения, касающиеся социальной природы преступности, в свое время были отражены и в трудах Платона. Согласно его взглядам, приоритетной причиной являлись противоречия и вражда между представителями различных классов населения. Для борьбы с этим явлением, Платон предложил законодателям определить допустимые пределы богатства и бедности населения, а также, использовать превентивные меры для того, чтобы опередить негативные поступки граждан, которые нарушали государственные устои. Чтобы профилактические действия со стороны государства имели позитивную тенденцию развития, им было предложено использовать такие методы воздействия на социум как учет общественного мнения законопослушных граждан, а также показательное поощрение участников инициативных групп [9, с. 219].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многие из детерминантов, которые были выявлены еще древнегреческими учеными, а также, предложенные ранее превентивные меры, сохраняют свою актуальность в настоящее время. Они, безусловно, являются предметом для анализа в рамках криминологии, как в РФ, так и в зарубежных странах.

По мнению Н.Н. Гончаровой, «международное право рассматривается как право, способное решить проблему в отсутствии соответствующей нормы национального права» [8, с. 26–29]. Исходя из этого, приоритетным направлением остается определение главного места детерминации в системе причинной связи явлений, а также – процессов действительности. Если рассматривать саму сущность детерминизма, то нужно отметить, что он включает в себя связь производного и первооснования, причину и следствия, и т.д. Это порождает связь, которая показывает зависимость свойств и отношений между определенными явлениями, событиями, процессами при влиянии на них первостепенных факторов [6, с. 7]. Наиболее важное место в процессе изучения преступности и социальной среды отводится характеру воздействующих на индивида негативных детерминантов, а также рассмотрению глубины их влияния и сопутствующие результаты [3, с. 30]. К примеру, на индивида повлияли негативные детерминанты, и это привело к тому, что он совершил общественно опасное деяние. Либо на него не повлияла окружающая давящая обстановка и негативные факторы, вследствие чего он не утратил своих прежних навыков, не изменял свои идеологические взгляды и не нарушал общественный порядок.

При выявлении детерминантов преступлений совершаемых по мотиву расовой, национальной, религиозной или политической ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, можно сказать о том, что между причиной и следствием, т.е., совершенным преступлением,

находится детерминационная связь, которая является причиной и порождает следствие. Следствие обычно подкрепляется детерминантами настоящего, прошлого и будущего времени, а для индивида последние подкрепляются благоприятными перспективами развития обстоятельств. Для полного изучения существующих детерминантов преступлений по различным видам мотива ненависти или вражды, необходимо их разделить на определенные группы. Это – социальная группа и группа факторов, которые влияют непосредственно на внутреннее восприятие личности.

На социальном уровне отражены следующие разновидности детерминанта, из-за которых возникает желание у индивида совершить общественно опасное деяние по мотиву расовой, национальной, религиозной и политической ненависти или вражды. К таким основополагающим факторам относятся различные первопричины экономического характера, такие как, низкий уровень дохода населения и предлагаемых заработных плат. Особенно эти причины толкают на совершение преступления мигрантов, которые приехали на заработки в Российскую Федерацию и надеялись на стабильность своего материального положения. Такой фактор может способствовать совершению умышленного преступления, зачастую насильственного характера. Социальный портрет преступника по данному критерию обозначен следующим образом: большинство преступлений совершаются лицами, которые не имеют постоянного источника дохода. По большей части это мужчины, в возрасте от 35–40 лет.

Далее, важным детерминантом может выступать существующая безработица в государстве, которая создает высокий уровень эскалации конфликта между индивидами, а дальше - и совершения преступления. Возрождается ненависть индивида к государственной системе, которая не может достойным образом обеспечить хорошее качество жизни общества. Данный детерминант может стать и причиной преступления по мотиву как национальной, так и расовой ненависти.

Если рассматривать конкретно преступление по мотиву национальной ненависти, то в данном случае детерминантом служит такой фактор, как высокая материальная обеспеченность определенного индивида, который добился ее не самым честным образом, тогда проявляется ненависть к определенной национальности индивида, а также всей национальной группы в целом. По мнению Э.Ю. Латыповой, «учеными в основном предлагается относить к таким мотивам внутренние побуждения, выражающие стремление виновного показать неполноценность потерпевшего из-за его принадлежности к конкретной (иной) нации, расе, исповедания им определенной религии и, вследствие этого, свое ненавистное к нему отношение» [4, с. 286].

Для совершения преступления по мотиву религиозной ненависти, характерен такой детерминант, как нетерпимость и враждебность по отношению к индивидам, которые состоят в определенных религиозных группах. Причиной может стать и

расхождение во взглядах, навязывание идеологии, которая изначально кажется неверной и враждебной для личности, которая совершает преступное деяние, руководствуясь таким мотивом. Для полного анализа существующих детерминантов, необходимо так же рассмотреть влияющие факторы на индивида, который совершает преступление по мотиву политической ненависти или вражды, и дать четкое определение политической ненависти или вражде. По словам П.А. Кабанова, «политическая ненависть – это внутреннее состояние человека, а политическая вражда – внешнее проявление или следствие этой ненависти, искусственно провоцирующее ответную политическую ненависть других лиц к ее носителям и распространителям. Следовательно, политическая вражда между людьми – это закономерное следствие развития политической ненависти, приводящее к преступлениям экстремистской направленности» [5, с. 57]. В данном случае, на преступления по мотиву политической ненависти и вражды, влияние имеют такие предпосылки, как самоутверждение за счет кого-то, месть индивида за утраченную репутацию, несогласие с государственной идеологией и т.д. Необходимо отметить, что, зачастую, преступления по мотиву политической ненависти имеют экстремистскую направленность, так как провоцируют общественную ненависть, которая может перерасти в открытую конфронтацию с государством. Из-за политической ненависти, общество формирует свою идеологию, вследствие чего, появляются социальные группы различного противоправного характера.

Отметим, что, по мнению Д.И. Некрасова, «среди социально-психологических обстоятельств, способствующих проявлениям расово-этнического экстремизма, следует выделить, имеющуюся в общественном сознании тенденцию обесценивания человеческой жизни, если она не подкреплена ее высокими материальными показателями. На формирование такого отношения к главной ценности общества повлияло много факторов, начиная от разрушения прежних идеологических основ советского общества, пропагандировавших коллективистские начала общезжития, заканчивая непрекращающимися вооруженными конфликтами, межнациональными войнами, на которых убийство людей стало обыденностью жизни» [7, с. 117].

В последнее время, особое значение для преступлений, совершенных по расово-этническому признаку имеют такие первоначальные факторы, как заведомо неверно преподнесенная информация обществу, которая включает в себя идеологию враждебности и ненависти по отношению к определенному типу расы или этноса. Эта информация, зачастую, воспринимается социальной группой, на которую она направлена как нарушение их прав или унижение достоинства личности, а так как, в основном такие группы не верят правосудию в государстве, то они объединяются в группировки и совершают преступление по выше-названному мотиву.

Необходимо отметить и значимость исследования социально-психологических детерминантов

преступлений, которые совершаются по мотиву расовой национальной или религиозной ненависти или вражды. Такие предпосылки являются значимыми, благодаря увеличению количества преступлений данного вида, которые зачастую совершаются индивидами молодого возраста и несовершеннолетними лицами. Для обозначенных субъектов приоритетное значение имеет их ближайшее окружение, потому что индивид, личность которого подлежит деформации, зачастую, исполняет определенное количество социальных ролей в группах.

Необходимо отметить, что первой малой социальной группой, которая в большей степени влияет на становление и развитие личности, а также её дальнейшее формирование является семья [10, с. 98]. Если изначально в семье не были привиты определенные нормы нравственности, был отрицательный пример для подражания субъекта, то личность может быть деформирована в негативном аспекте, и соответственно в будущем может быть участником преступных группировок, либо совершить преступления в одиночку. Важно знать, что формирование личности в семье занимает достаточно долгое время. Влияние семьи может быть как положительным, так и отрицательным на индивида.

По мнению Ю.М. Антоняна, присутствие в семье враждебной обстановки, которая, зачастую, выражена внутренним разладом, полным или частичным отсутствием эмоциональных и материальных связей между членами семьи, выступает основной предпосылкой падения рождаемости, увеличением количества разводов, негативно сказывается на благополучии семьи. Именно поэтому происходит увеличение нервного напряжения между субъектами, утрачивают свою значимость семейные ценности, семья впоследствии изолируется от общества, и данная отрицательная атмосфера негативно складывается на формировании и становлении личности [1, с. 158].

Таким образом, определенные детерминанты могут являться причиной, которая подвигает индивида на совершение преступления. Основопологающими факторами, которые относятся к внутреннему психологическому состоянию индивида, являются те, которые присутствуют в его окружении с самого рождения, с подросткового периода, а так же периода взросления. Они, безусловно, влияют на становление личности индивида, и от этого зависит то, будет ли воспринята в определенный момент негативная идеология общества, либо индивид останется при своих взглядах и своей позиции. Важная роль при совершении преступления, отводится так и детерминантам социального характера. Например, негативная экономическая обстановка, бедность, разное материальное положение в обществе, неверно представленная информация и иные факторы, каждый из которых способен подтолкнуть индивида на совершение противоправного деяния, как против личности, так и против интересов государства.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что при подробном изучении данной

проблемы, особенно важно подробнее рассмотреть роль определенных социальных групп в совокупности с социально-психологическими детерминантами преступлений, которые совершены по экстремистским мотивам. Для создания качественных превентивных мер, есть необходимость не только в рассмотрении определенных аспектов негативного поведения, но и необходимо обозначить тот факт, что влияние неблагоприятного окружения на личность, способствует значительной деформации. Такая личность с наибольшей вероятностью совершит преступное деяние, в

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Психология преступника и расследование преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. М. : Юрист, 1996. 336 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4-х т. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. *Аскин Я.Ф.* Философский детерминизм и научное знание. М., 1977. 188 с.
4. *Латыпова Э.Ю.* Виктимное поведение и мотивация преступлений против личности / Э.Ю. Латыпова, О.С. Зайкина // Эволюция государства и права: история и современность. Курск, 2017. С. 286.
5. *Кабанов П.А.* Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности / П.А. Кабанов // Следователь. 2008. № 2. С. 57–58.
6. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
7. *Некрасов Д.С.* Расово-этнический экстремизм : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2006. С. 117.
8. *Гончарова Н.Н.* Реализация международных норм и стандартов в воздушном законодательстве России в разрезе соотношения международного и российского права / Н.Н. Гончарова // Международное публичное и частное право. 2018. С. 26–29.
9. *Платон.* Сочинения в четырех томах / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. Т. 3. Ч. 2. 626 с.
10. *Прокументов Л.М.* Криминология. Общая часть / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. Томск : Том. фил. акад. Федер. службы исполнения наказаний России, 2007. 238 с.

том числе и по мотиву национальной, религиозной, расовой ненависти или вражды.

Для минимизации количества совершаемых преступлений по вышеуказанным мотивам, необходимо государству развивать экономику, находить вовремя выходы из сложившихся трудных ситуаций, чаще проводить независимые опросы граждан, которые помогут найти правильный подход к обществу, и предотвратить негативные последствия, к которым приводит недовольство в обществе и социальных группах.

Literature:

1. *Antonyan Yu.M.* Psychology of a criminal and investigation of crimes / Yu.M. Antonyan, M.I. Enikeev, V.E. Eminov. M. : Jurist, 1996. 336 p.
2. Aristotle. Works : in 4 vol. / Trans. from ancient Greek; General ed. A.I. Dovatura. M. : Thought, 1983. Vol. 4. 830 p.
3. *Askin A.F.* Philosophical determinism and scientific knowledge. M., 1977. 188 p.
4. *Latypova E.Y.* Victim behavior and motivation of crimes against the person / E.Y. Latypova, O.S. Zaikina // Evolution of the State and law: History and modernity. Kursk, 2017. P. 286.
5. *Kabanov P.A.* Political hatred or enmity as one of the motives of extremist crimes / P.A. Kabanov // Investigator. 2008. № 2. P. 57–58.
6. *Kuznetsova N.F.* Problems of criminological determination. M. : Publishing House of Moscow. un-ta, 1984. 208 p.
7. *Nekrasov D.S.* Racial and ethnic extremism : dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. Ryazan, 2006. P. 117.
8. *Goncharova N.N.* Implementation of international norms and standards in the Russian air legislation in the context of the correlation of international and Russian law / N.N. Goncharova // International Public and Private Law. 2018. P. 26–29.
9. *Platon.* Works in four volumes. / Under the general editorship of A.F. Losev and V.F. Asmus; Trans. from ancient Greek. SPb. : Publishing House of St. Petersburg University; «Publishing house of Oleg Abyshko», 2007. Vol. 3. Part 2. 626 p.
10. *Prozumentov L.M.* Criminology. General part / L.M. Prozumentov, A.V. Shesler. Tomsk : Tom. phil. acad. Feder. Penitentiary Services of Russia, 2007. 238 p.

Зеленская Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
lz10108@rambler.ru

Lyudmila A. Zelenskaya

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
lz10108@rambler.ru

**ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ
ПРИНЦИПА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ
КАК СЛЕДСТВИЕ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВО**

**CHANGING THE CONTENT
OF THE PRINCIPLE OF IMMEDIACY AS A
CONSEQUENCE OF THE INTRODUCTION
OF NEW TECHNOLOGIES IN JUDICIAL
PROCEEDINGS**

Аннотация. В статье на основе теоретического анализа процессуальных правил, закрепляющих возможность использования видеоконференц-связи и системы веб-конференции при проведении судебного заседания, а также практики их применения, аргументирована необходимость изменения содержания принципа непосредственности в гражданско-правовых видах судопроизводства. Рассмотрены отдельные особенности получения, исследования и оценки личных и вещественных доказательств при проведении судебного заседания с использованием новых информационных технологий, сделаны выводы о необходимости внесения изменений в процессуальное законодательство в части регулирования процессуального порядка использования новых технологий.

Ключевые слова: принцип непосредственности, информатизация, технологии, судебное заседание, видеоконференц-связь, веб-конференция.

Изменения в современном процессуальном законодательстве в части закрепления возможности использования в судопроизводстве различных технологий в процессе осуществления процессуальных действий, обусловили возникновение объективных вопросов соответствия, соотношения и взаимовлияния новелл законодательства и принципов процессуального права как основополагающих начал, в строгом соответствии с которыми должны быть сформулированы все без исключения процессуальные правила.

Современные авторы, пытаясь проанализировать последствия использования различных технологий в судопроизводстве, подчёркивая необходимость обеспечения терминологического единства и единообразия подходов к определению сущностных изменений [1], всё чаще либо обосновывают необходимость закрепления новых принципов (например, принцип дистанционности [2]), либо в своих высказываниях аргументируют определённые подходы изменения

Annotation. In the article, based on the theoretical analysis and practice of applying procedural rules that fix the possibility of using videoconferencing and a web conference system during a court session, the necessity of changing the content of the principle of immediacy in civil types of legal proceedings is argued. The individual features of obtaining, researching and evaluating personal and material evidence during a court session using new information technologies are considered, conclusions are drawn about the need to amend procedural legislation in terms of regulating the procedural procedure for using new technologies.

Keywords: principle of immediacy, informatization, technologies, court session, videoconferencing, web conference.

сущности и содержания существующих принципов гражданского процесса.

Представляется очевидным утверждение о том, что внедрение различных технологий не должно противоречить основным началам, то есть, принципам. Но, при этом следует заметить, что информатизация судопроизводства, являясь гарантией и способствуя реализации одних принципов (например, доступность, соблюдение разумных сроков, гласность, независимость судей), в то же самое время, в отношении других отдельных принципов, вызывает весьма неоднозначное влияние на содержание, гарантии реализации. И, прежде всего, это замечание следует обратить к состязательности и непосредственности [3].

Сущность принципа непосредственности, оставаясь неизменной на всём протяжении развития процессуального законодательства, заключается в необходимости и обязательности личного исследования всех доказательств по делу судом

(ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, ст. 10 АПК РФ, ст. 13 КАС РФ) как одно из требований к судебному познанию, что, прежде всего, предусмотрено в целях вынесения законного и обоснованного решения. Восприятие доказательственной информации в процессе личного общения с источником доказательств (в случаях, когда источником является человек) либо, осматривая, изучая и иным образом воспринимая сведения о фактах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, которые зафиксированы на предметах неживой природы – это именно то, что традиционно понималось как основное содержание и сущность принципа непосредственности.

Проведение судебного заседания с использованием системы видеоконференц-связи или в режиме веб-конференции, исключающее возможность личного непосредственного общения суда с участниками процесса, по сути, представляет собой общение посредством использования соответствующей технологии. Участники, лично участвуя в судебном заседании, лично дают объяснения, а суд их лично заслушивает, осуществляя руководство процессом. Поскольку при этом используется соответствующая необходимая технология, посредством которой и обеспечивается общение, то и сам процесс общения, в целом, нельзя считать непосредственным. Такое опосредованное общение по своему характеру и сущности только условно может быть приравнено к непосредственному, что должно найти отражение на законодательном уровне в соответствующих нормах, закрепляющих содержание и сущность принципа непосредственности в процессуальном праве.

Следует констатировать, что принцип непосредственности в полной мере реализуется именно в стадии судебного разбирательства, определяя и закрепляя правила получения, исследования и оценки всех доказательств по рассматриваемому делу. При этом нам представляется небезынтесным рассмотрение вопроса об особенностях исследования различных средств доказывания в судебном заседании, которое проводится дистанционно, с целью выявления специфики реализации принципа непосредственности, что, в свою очередь, имеет не только определённое теоретическое, но, прежде всего, сугубо практическое значение.

В отношении личных доказательств (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей), опосредованность общения предопределяет отсутствие объективной возможности оценки судом достоверности психоэмоционального состояния лица. Суд при непосредственном личном общении уделяет внимание на такие характеристики как мимика, жесты, громкость голоса, выражение тревоги, волнения, равнодушия и т.д., что, соответственно, влияет на общую оценку объяснений лица как одного из средств доказывания. При этом мы не берём во внимание возможные технические неполадки, качества связи, особенности технического устройства – то есть надлежащее обеспечение технического сопровождения и особенности используемой технологии, поскольку даже с учётом наилучшего качества передачи как

видео, так и звукового сигнала, ни при каких обстоятельствах общение при помощи технических средств не может полностью быть приравнено к личному непосредственному общению.

В получении и исследовании такого личного доказательства как показания свидетелей посредством использования различных технологий, следует особо подчеркнуть наличие положительного момента в сравнении с институтом судебного поручения, что было неоднократно отмечено в научной литературе [3, с. 36; 4]. Преимущества допроса свидетеля в судебном заседании, которое проводится посредством видеоконференц-связи или в режиме веб-конференции заключаются, прежде всего, в том, что процессуальное действие осуществляется судом, рассматривающим дело, и при этом, выслушать свидетеля, задать вопросы могут и лица, участвующие в деле, что, полностью исключено при допросе свидетеля, осуществляемого в порядке выполнения судебного поручения.

Исследование письменных доказательств, заключений экспертов, аудио- и видеозаписей, в силу существующей возможности их копирования без утраты содержащейся информации, а также, при условии надлежащего исполнения обязанности по раскрытию доказательств лицами, участвующими в деле, может практически ничем не отличаться при любой форме проведения судебного заседания, поскольку лица, имея копии всех материалов, в полной мере реализуют возможность участвовать в их исследовании, а суд при этом сам лично воспринимает информацию непосредственно от источника, в котором содержатся имеющие значение для дела сведения о фактах, что, в целом, позволяет сделать вывод об отсутствии каких бы то ни было особенностей или специфике в реализации принципа непосредственности.

Что касается вещественных доказательств, то следует подчеркнуть, что имеют определённое значение вопросы места их нахождения (т.е. хранения), а также то, что их специфичной особенностью является невозможность изготовления копии. Поэтому при дистанционном участии в судебном заседании, лицам, участвующим в деле, необходимо заранее ознакомиться с вещественными доказательствами в целях обеспечения возможности участия в их исследовании, поскольку в случаях хранения вещественных доказательств в суде, они непосредственно исследуются в судебном заседании, поэтому, соответственно, только суд сам лично и непосредственно имеет возможность воспринимать содержащуюся в них доказательственную информацию.

Предусмотренный процессуальными законами порядок осмотра и исследования вещественных доказательств по месту их нахождения с обязательной фиксацией в протоколе, а также возможным фотографированием, аудио- и видеозаписью и последующее исследование обозначенных материалов в судебном заседании (ст. 74, 75 ГПК РФ, ст. 78 АПК РФ, ст. 73, 74 КАС РФ), является одним из процессуальных правил, вытекающих из сущности и содержания принципа непосредственности, при этом следует констатировать, что

никакого особого значения при этом не имеет форма проведения судебного заседания. А возложенная на суд обязанность по извещению лиц о времени и месте осмотра и исследования, по существу, представляет собой одну из гарантий реализации принципа непосредственности.

При проведении судебного заседания с использованием системы видеоконференц-связи либо в режиме веб-конференции лица, участвующие в деле могут воспользоваться правом на заявление ходатайства о приобщении к делу новых доказательств. В подобных ситуациях рассмотрение по существу заявленного ходатайства, как и исследование нового доказательства, учитывая сущность принципов состязательности и непосредственности, не представляется практически возможным без отложения проведения судебного заседания, поскольку суду и другим участвующим в деле лицам (в случае отсутствия у них доказательства) необходимо лично непосредственно ознакомиться с доказательством.

Проанализировав вопрос о влиянии на содержание принципа непосредственности внедрения новых технологий в судопроизводство, следует сделать определённые выводы, результат теоретического обсуждения которых возможно должен быть учтён законодателем.

1. Использование различных технологий при проведении судебного заседания (видеоконференц-связь, режим веб-конференции) по своей

Литература:

1. *Петров И.В.* К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве / И.В. Петров, И.И. Дементеева // *The Mechanism of Economic and Legal National Security: Experience, Problems and Prospects: Materials of scientific-practical conference.* Лондон : LSP, 2016. С. 172–180.
2. *Василькова С.В.* Электронное правосудие в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 9–10.
3. *Савельева Т.А.* Реализация принципа непосредственности судебного разбирательства в арбитражном процессе в условиях развития информационных технологий / Т.А. Савельева // *Цивилистика: право и процесс.* 2020. № 2(10). С. 34–37.
4. *Чудаева О.П.* Реализация задач гражданского судопроизводства в стадии судебного разбирательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

сущности представляется опосредованным общением, вследствие чего в правила процессуального законодательства, которые определяют содержание принципа непосредственности следует внести соответствующие изменения, например, положение о том, что использование различных технологий может быть приравнено к непосредственному общению.

2. Ходатайство лица об участии в судебном заседании дистанционно может быть удовлетворено только при условии выполнения процессуальной обязанности о раскрытии всех имеющихся в деле доказательств, либо об обязательном ознакомлении лица с содержанием доказательств.

3. В отношении всех доказательств, копии которых невозможно сделать и предоставить заинтересованным лицам, возложить на суд обязанность обеспечения возможности ознакомления с такими доказательствами с фиксацией разъяснённого права и обязательным подтверждением отказа лица от непосредственного ознакомления (участия в осмотре, исследовании).

4. В случаях заявления ходатайства о приобщении новых доказательств в судебном заседании, которое проводится дистанционно, суд должен отложить проведение судебного заседания с целью обеспечения возможности непосредственного ознакомления с содержанием нового доказательства как суда и всех участников процесса.

Literature:

1. *Petrov I.V.* On the issue of electronic justice in arbitration and civil proceedings // *The Mechanism of Economic and Legal National Security: Experience, Problems and Prospects: Materials of scientific-practical conference.* London : LSP, 2016. P. 172–180.
2. *Vasilkova S.V.* Electronic justice in the civilistic process : autoref. dis. ... cand. law. sciences. Saratov, 2018. P. 9–10.
3. *Savelyeva T.A.* Implementation of the principle of the directly litigation in the arbitration process in the conditions of the development of information technologies / T.A. Savelyeva // *Civilization: law and process.* 2020. № 2(10). P. 34–37.
4. *Chudaeva O.P.* Implementation of the tasks of civil proceedings in the trial stage : autoref. dis. ... cand. law. sciences. M., 2009. P. 8.

Зяблова Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

Tatiana E. Zyablova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of Theory
and the History of the State and Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
tizet69@mail.ru

Yana B. Komarova

Senior Lecturer of the Department
of Theory and History
of State and Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
Ya.Ireland@mail.ru

**О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ
НАУКИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА**

Аннотация. В статье исследуются некоторые аспекты проблемы дисциплинарного статуса науки истории государства и права. Авторами приводятся точки зрения представителей историко-правовой науки относительно ее предмета и метода, формулируется и аргументируется вывод о противоречивости и неопределенности, характеризующих современное состояние их изученности. В завершении исследования ими предлагается пересмотреть учебные планы юридических факультетов, а также материалы учебников по дисциплинам «История государства и права зарубежных стран» и «История государства и права России» в сторону увеличения объема материала, относящегося к истории права и изучению и толкованию юридических текстов.

Ключевые слова: дисциплинарный статус, история государства и права, методология, предмет науки, юриспруденция, дидактика.

Для существования любой научной дисциплины, осуществления ею определенной исследовательской практики, необходимо установление ее дисциплинарного статуса. Особенно важно это в ситуации избыточного предметного разнообразия, характерной для науки последних лет. Этим обусловлено довольно частое обращение к исследованию как дисциплинарного образа современной науки, в целом, так и к дисциплинарному статусу отдельных наук: философии, социологии, культурологии, политологии и др., отмеченное нами в процессе анализа научной литературы по исследуемой теме.

**ON THE DISCIPLINARY STATUS
OF SCIENCE HISTORY
OF THE STATE AND LAW**

Annotation. The article examines some aspects of the problem of the disciplinary status of the science of the history of state and law. The points of view of representatives of historical and legal science regarding its subject and method are given. The conclusion about the inconsistency and uncertainty characterizing the current state of their study is formulated and argued. It is proposed to revise the curricula of law faculties, as well as the materials of textbooks on the disciplines «History of state and law of foreign countries» and «History of State and law of Russia in the direction of increasing the volume of material related to the history of law and the study and interpretation of legal texts.

Keywords: disciplinary status, history of state and law, methodology, subject of science, jurisprudence, didactics.

Как нам представляется, назрела необходимость уточнения и дисциплинарного статуса науки истории государства и права, что подразумевает, в числе прочих, решение вопросов об отграничении ее от всеобщей истории, выяснение соотношения исторической и юридической «составляющих», установление наличие конкуренции между ними и возможность достижения баланса и др. Ответы на эти и другие вопросы требуют специального исследования, поэтому в настоящей статье мы ограничимся задачей частного характера: попытаемся определить, является ли история государства и права наукой исторической или юридической.

Особая актуальность постановки такой задачи продиктована тем, что хотя неопределенность в данном вопросе при всей его важности существенно не мешает развитию науки, она значительно осложняет ее преподавание.

В отсутствии специальных работ, посвященных дисциплинарному статусу истории государства и права, нами был проведен обзор учебных изданий по истории государства и права зарубежных стран и истории государства и права России. Не ставя своей целью критику позиций их авторов и не подвергая формулируемые ими положения детальному анализу, мы, тем не менее, получили результаты, демонстрирующие разнообразие, и неоднозначность, а в ряде случаев – и противоречивость как в отношении исследуемого предмета, так и методологии.

Большинство российских ученых признает историю государства и права наукой историко-правовой, т.е., имеющей отношение, как науке истории, так и к науке о государстве и праве. От всеобщей истории ее отграничивает то, что она исследует не общество в целом, а только исторические процессы развития государственных и юридических учреждений [9, с. 8].

По мнению А.В. Желудкова и А.Г. Булановой, предметом истории государства и права зарубежных стран является не государство и право, рассматриваемые под определенным углом зрения, а само изучение возникновения, развития и функционирования государства и права стран, оказавших наибольшее влияние на историю государственности, а также, анализ содержания государственно-правовых процессов, развивающихся в определенном времени и пространстве [8, с. 3].

А.И. Косарев, предупреждая читателей о том, что предмет науки и предмет учебной дисциплины, подчас, значительно различаются, называет в качестве предмета учебной дисциплины истории государства и права «прошлое государства и права в движении к своим современным состояниям, наиболее полно, ярко и выразительно раскрываемое в избранных образцах, проблемах развития, в характерных и типичных фактах, тенденциях и закономерностях, в их ценностном содержании» [11].

В.Г. Графский, принципиально ставя в названии научной дисциплины «право» перед «государством», предлагает следующее рабочее определение: история государства и права изучает «в избранных образцах возникновение, оформление и функционирование правовых обычаев и законов, а также их последующее изменение у разных народов мира в отдельные периоды от древности и средних веков до современной эпохи». Определение дополняется указанием на предмет изучения науки и учебной дисциплины, которым является история историко-правовых правил и процедур в их взаимосвязи с властными учреждениями государства и общества или цивилизационной культуры (язык, обряды, мировосприятие, а также одежда, жилище, технические знания и умения, произведения искусства) [6, с. 4].

В противоположность приведенным точкам зрения, О.А. Омельченко считает, что история государства и права «не составляет особую и самостоятельную науку», поскольку по своим задачам и научному содержанию она входит одновременно в области истории и правоведения. Он характеризует ее как общественную научную дисциплину, специфика которой заключается в том, что для нее представляет интерес не гражданское, а политико-правовое сообщество, возникающее на достаточно высокой ступени истории цивилизации. Ее двойственный характер отражается в том, что по своему предмету она может считаться преимущественно юридической, а по методам – преимущественно исторической [5].

Приведенные примеры показывают, что единой общепринятой формулировки предмета истории государства и права не выработано даже в дидактических целях в связи с разным видением учеными содержания феноменов государства и права, а также представлениями о науке истории. Более того, следует констатировать, что, признавая неразрывную связь государства и права, не позволяющую разделить эти два феномена, исследователи явно умаляют правовую составляющую истории государства и права не только по сравнению с ее «историческим компонентом, но и в соотношении права и государства.

В большом числе случаев, под предметом истории государства и права понимают, прежде всего, исторические факты и процессы, связанные с государством, а лишь во-вторую очередь поясняют что изучается также (выделено авторами – Т.З. и Я.К.) и право.

Так, П.А. Князев, определяя историю государства и права как науку, которая изучает «динамику создания, разделение и функции государственной власти, ее специализации и учреждения», дополняет изложенное: ее также интересует логическое содержание и бытие норм права, его формы и источники принятые в том или ином обществе» [10, с. 5].

А.И. Косарев, объясняя юридическую специфику истории государства и права, нивелирует задачу исследования собственно права и выявляет ее подчиненную роль в отношении государства, поскольку в изучении источников истории юристы должны «приближать знание прошлого к пониманию современного, раскрывать в конкретном фактическом материале природу и многообразие форм тенденций и закономерностей содержания государства и права, знакомить с опытом государственно-правового регулирования общественных отношений и помочь осознанию места государства и права в мировом историческом процессе [11].

На фоне приведенных выше высказываний в качестве своеобразного компромисса выступает мнение В.Е. Рубаника который подчеркивает сложный комплексный характер истории государства и права, по научному содержанию и задачам являющейся наукой историко-правовой, по социальному объекту – юридической, а по методам – преимущественно-исторической [13].

«Подчиненная» роль юридического компонента истории государства и права отражается и в ее методах. В перечень частно-научных методов авторы учебников включают: повествовательный, методы индукции и дедукции, конкретно-исторический анализ типологии, актуализма (А.И. Косарев), системно-структурный, сравнительный, исторический, статистический (А.В. Желудков, А.Г. Буланова), сравнительный, систематический, периодизации, конкретно-исторический, сравнительно-правовой, синхронический, ретроспективный (М.Н. Прудников).

М. Петров дополняет это список статистическим, математическим, социологическим методами [12].

Перечисленные методы, безусловно, могут и должны быть использованы в исследованиях по истории государства и права, но большая их часть мало пригодна для изучения и толкования юридических тестов.

Мы разделяем точку зрения А.А. Демичева, который считает, что основными методами истории государства и права является формально-юридический анализ, метод толкования исторических нормативных правовых актов и реконструкции на их основе государственно-правовых реалий в конкретно-исторический период [7, с. 99]. Однако этому методу, за некоторыми исключениями, не нашлось места в вузовских учебниках.

Как было отмечено выше, проблемы дисциплинарного статуса истории государства и права не пользуются большим вниманием в российской юриспруденции. Поэтому мы полагаем целесообразным обратиться к работам ученых Польши, где истории государства и права уделяется большое внимание не только в теоретическом, но и в практическом аспекте, поскольку там результаты историко-правовых исследований востребованы и находят применение в судебной практике.

Размышляя о дисциплинарной принадлежности истории государства и права М. Щанецки (1910–1977) инициировал размещение на страницах «Историко-правового журнала» международную анкету для юристов-практиков с вопросами о преподавании исторических наук на факультетах права и о месте истории права в системе юридических наук. Большинство ответивших на них характеризовали историю права как фундамент юридического образования [4, с. 29].

В польской доктрине существуют различные точки зрения относительно деления правовых наук. Такое подразделение особенно отчетливо проявляется в вузовских учебных курсах. Большая часть ученых, в том числе, К. Опалек, Л. Моравски и др. подразделяет их на философию права, догму права и историю права. Таким образом, история права выступает в качестве самостоятельной и «равноправной» части юриспруденции.

Вместе с тем, известна и другая позиция. Как отмечает Я. Мазиаж, в кругу историков права распространено мнение о том, что история права –

наука историческая, выполняющая по отношению к праву, по известной среди польских исследователей формулировке С. Гродзиского, функцию служебную, хотя и не обслуживающую» [1, с. 232].

Автор аргументирует это тем, что предметом исследования истории права является право прошлых эпох и в отношении его применяются методы истории.

Следует отметить, что в учебниках «Всеобщей истории государства и права» М. Щанецкого и «Истории права» К. Суйки-Зелиньской, в отличие от большинства российских учебных пособий, издаваемых в настоящее время, нет специальных глав или разделов, посвященных предмету науки истории государства и права, ее методам, целям задачам и месту в системе юридических наук. Вместе с тем, в небольших по объему предисловиях польские авторы все же высказываются по данному вопросу.

М. Щанецки однозначно относит историю государства и права к исторической науке. На вопрос о том, какое место всеобщая история государства и права занимает среди исторических наук и каково ее отношение к иным историко-правовым дисциплинам, он отвечает: история занимается исследованием общих закономерностей развития общества. С этой целью различные специальные исторические науки исследуют различные области общественной жизни: экономику, идеологию и др., соответственно, выделяются история философии, история экономики, история письменности и т.д. Среди них определенное место занимает и история государства и права, предметом которой являются исследования закономерности государственно-правового развития. В качестве частнонаучного метода истории государства и права М. Щанецки выделяет сравнительный метод, использовавшийся, начиная с XVIII в. [2, 37].

К. Суйка-Зелиньска определяет цель своего учебника как создание «исторической основы» для изучения позитивного права, в котором особое внимание уделяется тем институтам, прошлое которых позволяет лучше понять современное право и исторические корни норм действующего права. Данный тезис позволяет сделать вывод об отнесении ей истории права к исторической науке, а также о том, что автор разделяет мнение о «служебной» функции истории права [3, с. 13].

Подводя итог изложенному, следует констатировать большую степень неопределенности дисциплинарного статуса истории государства и права. Акцент на исторический характер этой научной дисциплины, использование преимущественно исторических методов не отменяет возможность плодотворных доктринальных исследований, но, как нам представляется, не вполне благоприятно отражается на преподавании историко-правовых дисциплин, поскольку изучению ее «юридического компонента» уделяется значительно меньше внимания. Учитывая то обстоятельство, что студенты, осваивающие «Историю государства и права зарубежных стран» и «Историю государства и права России» на первом курсе, как

правило, не имеют представления об источниках права, об их эволюции, об институтах и отраслях права и т.д., «история права» в отношении «истории государства», действительно, приобретает

Литература:

1. *Maziarz Ja.* Czy historia prawa jest nauką historyczną czy prawną? / Ja.Maziarz // *Czasopismo prawno-historyczne*. Vol. LXVII. Zeszyt 1. 2015. P. 323–333.
2. *Sczaniecki M.* Powieczna historia państwa i prawa. Warszawa: Wolters Kluwer, 2016. 613 p.
3. *Sójka-Zielińska K.* Historia prawa. Warszawa : Wolters Kluwer, 2015. 360 p.
4. *Sójka-Zielińska K.* Profesor Michał Sczaniecki (1910–1977) / K. Sójka-Zielińska // *Sczaniecki M.* Powieczna historia państwa i prawa. Warszawa : Wolters Kluwer, 2016. 688 p.
5. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права : в 2 т. М. : Остожье, 1998. URL : www.gumer.info (дата обращения. 05.04.2022).
6. *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. М. : Норма : ИНФРА-М, 2000. 744 с.
7. *Демичев А.А.* История государства и права как самостоятельная научная специальность / А.А. Демичев // *Журнал российского права*. 2013. № 1. С. 98–103.
8. *Желудков А.В.* История государства и права зарубежных стран (конспект лекций) / А.В. Желудков, А.Г. Буланова. М. : «Приор-издат», 2003. 186 с.
9. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 ч. / Под общ. ред. д-ра. юрид. наук. проф. Н.А. Крашенинниковой. М. : Норма, 2004. Ч. 1. 624 с.
10. *Князев П.А.* история государства и права зарубежных стран: практикум. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2011. 188 с.
11. *Косарев А.И.* История государства и права зарубежных стран. М., 2002. 464 с. URL : <https://iknigi.net/avtor-andrey-kosarev/110571-istoriya-gosudarstva-i-prava-zarubezhnyh-stran-uchebnik-andrey-kosarev.html> (дата обращения 29.03.2022).
12. *Петров М.* История государства и права России. Шпаргалка. URL : www.litress.ru (дата обращения 30 марта 2022).
13. *Рубаник В.Е.* Проблемы истории права и государства. Кн. 1. Проблемы истории права и государства Древнего мира. Проблемы истории государства и права России / В.Е. Рубаник, А.А. Рожнов. М : Издательство «Прометей». 2019. URL : https://kartaslov.ru/книги/Владимир_Евдокимович_Рубаник_Проблемы_истории_права_и_государства_Книга_1/1 (дата обращения 01 апреля 2022).

служебную функцию что, в конечном итоге, неблагоприятно отражается на качестве юридического образования.

Literature:

1. *Maziarz Ja.* Czy historia prawa jest nauką historyczną czy prawną? / Ja.Maziarz // *Czasopismo prawno-historyczne*. Vol. LXVII. Zeszyt 1. 2015. P. 323–333.
2. *Sczaniecki M.* Powieczna historia państwa i prawa. Warszawa: Wolters Kluwer, 2016. 613 p.
3. *Sójka-Zielińska K.* Historia prawa. Warszawa : Wolters Kluwer, 2015. 360 p.
4. *Sójka-Zielińska K.* Profesor Michał Sczaniecki (1910–1977) / K. Sójka-Zielińska // *Sczaniecki M.* Powieczna historia państwa i prawa. Warszawa : Wolters Kluwer, 2016. 688 p.
5. *Omelchenko O.A.* The universal history of state and law : in 2 vol. M. : Ostozhye, 1998. URL : www.gumer.info (date of address April 5, 2022).
6. *Grafsky V.G.* Universal history of law and the state: textbook for universities. M. : Norm : INFRA-M, 2000. 744 p.
7. *Demichev A.A.* History of state and law as an independent scientific specialty / A.A. Demichev // *Journal of Russian Law*. 2013. № 1. P. 98–103.
8. *Zheludkov A.V.* History of state and law of foreign countries (lecture notes) / A.V. Zheludkov, A.G. Bulanova. M. : «Prior-izdat», 2003. 186 p.
9. History of the state and law of foreign countries: textbook for universities : in 2 part. / Under the general editorship of Doctor of Law prof. N.A. Krashennnikova. M. : Norma, 2004. Part 1. 624 p.
10. *Knyazev P.A.* History of state and law of foreign countries: practicum. Samara : Publishing house «Samara University», 2011. 188 p.
11. *Kosarev A.I.* History of state and law of foreign countries. M., 2002. 464 p. URL : <https://iknigi.net/avtor-andrey-kosarev/110571-istoriya-gosudarstva-i-prava-zarubezhnyh-stran-uchebnik-andrey-kosarev.html> (date of appeal 03/29/2022).
12. *Petrov M.* History of the state and law of Russia. Cheat sheet. URL : www.litress.ru (date of appeal March 30, 2022).
13. *Rubanik V.E.* Problems of the history of law and the state. Book 1. Problems of the history of law and the state of the Ancient world. Problems of the history of the state and law of Russia / V.E. Rubanik, A.A. Rozhnov. Moscow : Prometheus Publishing House. 2019. URL : https://kartaslov.ru/книги/Vladimir_evdokimovich_rubanik_PROBLEMS_HISTORY_THE_law_and_state_book_1/1 (date of appeal April 01, 2022).

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

Торопов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
sergei5714@mail.ru

Sergey A. Toropov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department Administrative Law
and the Administrative Activities
of the Police Department,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
sergei5714@mail.ru

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА
ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ**

**TACTICAL FEATURES OF THE
APPOINTMENT AND PRODUCTION OF
EXPERTISE ON CRIMES OF A TERRORIST
NATURE AND EXTREMIST ORIENTATION
IN CONDITIONS OF SOCIAL TENSION**

■ ■ ■

Аннотация. В статье также рассмотрены проблемные вопросы назначения и проведения экспертиз по преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в условиях социальной напряженности, а также, в возможных ситуациях противодействия, вызванных давлением заинтересованных лиц на сотрудников (работников) экспертного учреждения. Предложены тактические рекомендации назначения и проведения экспертных исследований по данной категории преступлений в условиях, осложненных социальной напряженностью.

■ ■ ■

Annotation. The article also discusses the problematic issues of appointing and conducting examinations for crimes of a terrorist nature and extremist orientation in conditions of social tension, as well as in possible situations of counteraction caused by pressure from interested parties on employees (employees) of an expert institution. Proposed tactical recommendations for the appointment and conduct of expert research on this category of crimes in conditions complicated by social tension.

■ ■ ■

Ключевые слова: тактические особенности, судебная экспертиза, социальная напряженность, терроризм, экстремизм, следственная ситуация, расследование преступлений, меры безопасности, экспертные организации.

■ ■ ■

Keywords: tactical features, forensic examination, social tension, terrorism, extremism, investigative situation, crime investigation, security measures, expert organizations.

■ ■ ■

Терроризм и экстремизм в любых на сегодняшний день признаются сегодня одной из основных опасностей не только международной, но и национальной безопасности государства [1]. Это можно обосновать не только степенью и характером общественной опасности рассматриваемых преступных деяний, но и влиянием

■ ■ ■

последних на уровень социальной напряженности в обществе.

Законодательство Российской Федерации закрепляет ряд эффективных мер, прежде всего, уголовно-правового характера, противодействия криминальным проявлениям экстремизма и

терроризма [2; 3]. Практика реализации уголовно-правовых мер преступлениям экстремистской направленности и террористического характера свидетельствует о существенных сложностях объективно обусловленных спецификой данных преступных посягательств и динамично развивающимися криминальными технологиями. В свою очередь, специфику и проблемы реализации уголовно-правовых мер предупреждения преступлений экстремистской направленности и террористического характера определяют условия социальной напряженности.

Понимание природы социальной напряженности, возможностей ее использования в криминальных целях обуславливает необходимость определения стратегических основ предупреждения и расследования преступлений экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности, поскольку данное направление правоохранительной деятельности, как и антикриминальная деятельность в целом, должны, по нашему убеждению, мыслиться, организовываться и реализовываться в контексте общезивилизационного антинасильственного прогресса и приобретать формы научно взвешенной стратегии [4, с. 158–159].

Социологи характеризуют социальную напряженность как состояние группы, общности или общества, сопряженное с образованием возможных конфликтов, которое может быть выражено в различных формах социального недовольства и протеста, не достигших стадии конфликта [5, с. 192]. В целом, социальная напряженность является показателем состояния социума, позволяет выявить острые противоречия в различных сферах, а также возможные «факторы риска». Социальная напряженность, учитывая критические факторы, способствует достижению определенного баланса в социальной системе и ее развитию, главной ее характеристикой является деструктивность как негативное состояние социума, что свидетельствует о нарушении нормативного состояния системы.

Преступность пытается использовать социальную напряженность и общественный резонанс в целях «концентрации» своей преступной деятельности и реализации преступных целей, а также, в целях противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

Немаловажное значение для проводимого расследования по делу имеет применение специальных знаний в целях повышения объективности хода расследования, выяснения противоречий и получения новых доказательственных информационных данных. Применение специальных знаний может быть представлено в форме проводимых консультаций специалистами с сотрудниками правоохранительных органов, либо в форме проведения экспертных исследований по вопросам, необходимым для разрешения.

К объектам экспертных исследований можно отнести носителей информации о событиях, представляющих интерес для дела, находящегося в

производстве. По рассматриваемой категории дел носителями следовой информации о произошедшем может выступать достаточно «разнообразная» группа объектов: дактилоскопического, баллистического, взрыво-технического, пожарнотехнического, биологического происхождения (этот перечень не является исчерпывающим и может изменяться в зависимости от задач, стоящими перед следственными подразделениями).

Методика экспертного исследования – алгоритм исследования объектов, апробированный и утвержденный определенным образом. Выбор методики исследования определяется экспертом исходя из задачи, поставленной инициатором.

Факты совершенных преступлений экстремистской направленности и террористического характера являются достаточно «сложными» для расследования сотрудниками правоохранительных органов, это вызвано большим количеством субъектов, с которыми приходится контактировать в рамках проводимых следственных действий, преступления зачастую являются многоэпизодными, совершенными в разные временные отрезки, сопровождаются большим количеством изъятой следовой информации.

Определенную сложность для работы представляют и проводимые экспертные исследования по рассматриваемой категории дел в силу свойств и характеристик исследуемых объектов. Часть исследований не удается провести в сжатые сроки в силу применения утвержденных и апробированных методик исследования, которые предусматривают определенный алгоритм совершаемых действий эксперта в определенные отрезки времени, причем несоблюдение рассматриваемых условий может поставить под сомнение достоверность и объективность выводов.

Следующим проблемным вопросом является негативное воздействие временного фактора на сохранность следовой информации, изымаемой в разные временные периоды.

Во-первых, неблагоприятные условия природной среды негативно влияют на образцы биологического происхождения (кровь, слюна, потожировое вещество, запахи, иные выделения человеческого организма), что негативно отражается на их «идентификационной значимости».

Во-вторых, часть объектов после первично проведенных исследований может храниться у инициатора исследования ненадлежащим образом в необорудованных камерах хранения, что также понижает «идентификационную значимость» объектов для последующей работы.

В-третьих, увеличенные временные рамки расследования по делу способствуют тому, что исследования следовой информации даже в отношении одного факта и одного субъекта может проводиться разными экспертами одной специальности, что, с одной стороны, способствует объективности процесса исследования (исключает случаи личной заинтересованности в результатах проводимого исследования), с другой –

может не учитывать всего объема исследуемых характеристик (ввиду первичного исследования объекта другим лицом, а также, случаях «ускорения» процесса исследования в связи с его «информационным резонансом»).

Способы совершения преступлений исследуемой категории дел (акты террористического, экстремистского характера) оставляют достаточно «насыщенную» следовую картину разнообразных следов: трасологического, баллистического, биологического, ольфакторного, звукового, цифрового и другого материального и идеального характера [6, с. 75–78]. Причем, вышеуказанное разнообразие следовой картины может наблюдаться в рамках расследования одного преступного факта, что свидетельствует о тщательной подготовке преступников. Наиболее распространенными способами совершения преступлений террористического являються поджоги, взрывы (с большим количеством потерпевших, с заявлениями в СМИ, совершаемые группами преступников).

Вышеуказанные причины способствуют проведению большого количества разнообразных исследований, зачастую комплексных (проводимых в рамках одного исследования экспертами разных специальностей) в экспертных организациях различных ведомств, в том числе, и негосударственных организациях. Производство комплексных экспертиз предполагает увеличенные сроки исследований, ввиду отличий между применяемыми методиками и временами невозможностью реализовать комплексный характер исследований.

Для назначения комплексных экспертиз большое значение имеет опыт следственной работы инициатора исследования. К тактическим особенностям назначения экспертиз по рассматриваемой группе преступных деяний можно также отнести и их очередность проведения исследований по одной группе следовой информации. Сложность заключается в вынужденном использовании по некоторым экспертизам разрушающих методик исследования, которые проводятся с полным или частичным разрушением целостности объекта, что влечет за собой, в случае тактических ошибок следователя, невозможность проведения дальнейших исследований (отсутствует объект, либо утрачены свойства).

Условия социальной напряженности тоже влияют на тактические особенности назначения и проведения экспертизы. Указанные особенности выражаются в выборе экспертного учреждения, которое, чаще всего, представлено следующими организациями:

- подведомственными МВД РФ;
- подведомственными Минюсту РФ;
- подведомственными СК РФ;
- негосударственными (частными).

Учитывая, что социальная напряженность влияет и на проживающих на определенной территории лиц, вызывая определенное недовольство органами государственной власти, нам кажется тактически неверным назначать производство исследований в негосударственные экспертные учреждения. Мы считаем, что в данной сложившейся «непростой» обстановке работники вышеуказанных организаций могут быть подвержены дополнительному давлению со стороны агрессивного настроенного населения, представителей экстремистских и террористических организаций.

Соответственно, по расследуемым фактам целесообразно проводить экспертные исследования негосударственными учреждениями в случаях необходимости или наличия специалистов и средств специальной лабораторной техники узкоспециализированного профиля, возможно с обеспечением мер безопасности.

В свою очередь, государственные учреждения обеспечивают безопасность сотрудников путем пропускного режима, оборудования средствами охранной сигнализации и вооруженной охраной. Кроме этого, сотрудники экспертных организаций способны работать в ненормированном режиме и владеют оперативной обстановкой с «учетом ведомственной принадлежности», также в отношении специалистов государственных центров и членов их семей дополнительно могут быть приняты меры безопасности.

Вышеуказанное свидетельствует о «большей устойчивости» сотрудников экспертных организаций государственных учреждений применительно к «давлению» негативных факторов социальной напряженности. Хотя, ряд ученых отмечают некоторый «обвинительный уклон», свойственный государственным экспертным учреждениям, в особенности, входящим в структуру МВД РФ [7, с. 122–126]. С таким мнением мы вынуждены не согласиться, учитывая экспертный опыт работы авторов исследования и возможности инициатора исследования при наличии сомнений в объективности выводов эксперта поручить проведение исследований в любую организацию, независимо от формы собственности для проведения повторного изучения объектов.

Рассмотрев тактические особенности назначения экспертиз, применяемых в ходе расследования преступлений экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности, можно прийти к следующим выводам:

- а) сохранить качественные характеристики изъятной следовой информации и образцов для сравнительного исследования можно путем привлечения специалистов соответствующего профиля;
- б) сформировать и конкретизировать задачу исследования, выраженную в виде вопросов можно в ходе консультационной деятельности эксперта;
- в) несоблюдение очередности исследования качественных характеристик объектов, может

привести к порче объекта или утрате его свойств с невозможностью в дальнейшем объективно решить задачу;

г) в условиях социальной напряженности вопросам выбора экспертного учреждения необходимо уделять повышенное внимание;

Литература:

1. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. II). Ст. 5351.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
4. *Игнатов А.Н.* Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе / А.Н. Игнатов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6(23). С. 157–168.
5. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М. : Издательская группа ИНФРА*М-НОРМА, 1998. 488 с.
6. *Аminev Ф.Г.* По вопросу о тактике назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом / Ф.Г. Аминеv // Юрист-Правоведъ. 2017. № 4(83). С. 74–78.
7. *Рамазанов Т.Б.* Проблемы доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности / Т.Б. Рамазанов // Вестник Дагестанского государственного университета. 2010. № 2. Серия «Право». С. 122–126.

д) рассматриваемая группа преступных деяний характеризуется большим количеством следовой информации, изъятие которой в «сжатые сроки» позволит сохранить её качественные характеристики и в ряде случаев «идентификационную значимость».

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 02, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. № 27. (Part II). Art. 5351.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954
3. Federal Law № 35-FZ of 06.03.2006 «On countering terrorism» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.
4. *Ignatov A.N.* Strategy for combating criminal violence in modern society / A.N. Ignatov // Forensic Library. Science Magazine. 2015. № 6(23). P. 157–168.
5. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-coordinator – Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. M. : INFRA*M-NORMA Publishing Group, 1998. 488 p.
6. *Aminev F.G.* On the issue of the tactics of appointing forensic examinations in the investigation of crimes related to extremism and terrorism / F.G. Aminev // Yurist-Pravoved. 2017. № 4(83). P. 74–78.
7. *Ramazanov T.B.* Problems of proof in cases of extremist crimes / T.B. Ramazanov // Bulletin of the Dagestan State University. 2010. № 2. Series «Law». P. 122–126.

Кириченко Дмитрий Павлович
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
dimonpk@mail.ru

САНКЦИИ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В УК РФ: НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ «САНАЦИИ»

Аннотация. Предметом исследования, осуществленного в рамках настоящей статьи, выступают санкции за преступления, связанные с причинением умышленного тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью. Автором рассмотрены законодательные подходы к их формированию, реализованные в УК РФ. На основе проведенного анализа, обобщения данных судебной статистики, обзора существующих теоретических позиций автором выявлены изъяны в построении санкций ст. 111, 112 и 115 УК РФ и определены направления оптимизации этого процесса.

Ключевые слова: причинение вреда здоровью личности, уголовная ответственность, уголовное наказание, основное наказание, дополнительное наказание, санкция уголовно-правовой нормы, построение санкции уголовно-правовой нормы.

В юридической литературе небезосновательно утверждается, что в уголовном законе России характер общественной опасности деяния предопределяет его место в иерархии норм Особенной части [1]. Таким образом, с законодательной точки зрения, посягательства на жизнь и здоровье личности относятся к деяниям, причиняющим существенный вред охраняемым законом интересам или создающим реальную угрозу такового.

Среди уголовно-наказуемых деяний, основным объектом которых выступает здоровье личности, наиболее суровые санкции установлены за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) [2]. Аналогичный подход свойственен и иным государствам, в том числе англосаксонской правовой семье. Так, в Великобритании наиболее тяжким преступлением в иерархии деяний, не связанных с летальным исходом, является умышленное причинение тяжких телесных повреждений, за которое предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы [3].

В УК РФ установлена ответственность за «простое» умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111), квалифицированное (ч. 2

Dmitry P. Kirichenko
Postgraduate Student Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
dimonpk@mail.ru

SANCTIONS FOR INTENTIONAL INJURY TO HEALTH IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: DIRECTIONS OF LEGAL «SANATION»

Annotation. The subject of the study carried out within the framework of this article is the sanctions for crimes related to the infliction of intentional serious, moderate and slight bodily harm. The author considers legislative approaches to their formation, implemented in the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis, generalization of judicial statistics, review of existing theoretical positions, the author identified flaws in the construction of the sanctions of Art. 111, 112 and 115 of the Criminal Code of the Russian Federation and the directions for optimizing this process are determined.

Keywords: causing damages to the health of the person, criminal responsibility, criminal penalty, the main punishment, additional punishment, sanction of criminal law norm, construction of sanctions of the criminal law norm.

ст. 111), особо квалифицированное (ч. 3 ст. 111), исключительной тяжести (ч. 4 ст. 111).

В ч. 1 ст. 111 УК РФ санкция является единичной, простой и относительно-определенной. В ней безальтернативным наказанием выступает лишение свободы, что представляется верным. Однако закреплен исключительно верхний предел наказания – 8 лет; нижний согласно ч. 2 ст. 56 УК РФ равен 2 месяцам. Стоит обратить внимание, что в уголовно-правовой доктрине такой подход подвергся активному обсуждению, в том числе и автором данной статьи [4]. Очевидно, что существующую пропасть между пределами наказания необходимо устранить, так как она не позволяет судебным органам формировать единообразную правоприменительную практику и «даёт почву» для судебного произвола. Полагаем, что коррективке подлежат оба предела. Для реализации этой задачи, в первую очередь, обратимся к практике назначения наказания.

В соответствии со статистикой Судебного департамента при Верховном Суде РФ по ч. 1 ст. 111 УК РФ, за период с 2018 г. по 1-е полугодие 2021 г. осуждено 12084 человек [5]. Из них лишение свободы на определенный срок назначено 5310 лицам (43,94%); условно – 6612 (54,72 %).

Практически 69 % осужденных изолированы от общества на срок от 1 года до 3 лет. В 90 % случаев суды избирают сроки от 1 года до 5 лет. Оставшиеся проценты распределены следующим образом: 9,11 % – до 1 г. включительно; 1,34 % – свыше 5 и до 8 лет.

Безусловно, при внесении изменений в санкции судебная практика играет значимую, но далеко не решающую роль. Стоит помнить, что построение санкций – трудоемкая и интеллектуальная деятельность законодателя, в процессе осуществления которой он должен иметь в наличии исчерпывающий арсенал правовых инструментов и знаний. Очевидно, что добиться грамотного конструирования уголовно-правовых санкций, опираясь исключительно на судебную практику, – безуспешная затея. Результаты такого подхода представляются противоречащими постулатам построения уголовно-правовых санкций. Считаем, что сейчас как никогда принципиально важно использовать комплексный подход, который будет включать в себя учет не только результатов деятельности судов, но и рациональные идеи, отраженные в уголовно-правовой доктрине.

Прежде чем поделиться авторской концепцией, заметим, что, с нашей точки зрения, правовой санкции подлежит вся система санкций за преступления против личности, в том числе посягающих и на такой ценный объект, как здоровье. Приведем следующий пример. Так, в ч. 1 ст. 105 УК РФ установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового. Определен как нижний (6 лет), так и верхний (15 лет) пределы санкции. Исходя из иерархии норм Особенной части УК РФ, убийство представляет собой преступное деяние, которому нет равных по уровню общественной опасности в разд. VII «Преступления против личности» кодекса. Именно по этой причине процесс конструирования санкций за преступления против здоровья личности необходимо начинать с оглядкой на наказуемость иных, более опасных преступлений. В нашем случае, это – убийство (ст. 105 УК РФ). Так, какие же корректировки, на наш взгляд, подлежат внесению в санкции, установленные за преступления против здоровья личности? Это крайне непростой и дискуссионный вопрос.

Начнем с санкции за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ). Во-первых, мы убеждены в том, что все санкции за преступления, отнесенные законодателем к категории тяжких и особо тяжких, нуждаются в закреплении обоих их пределов, и полагаем, что за данное преступное деяние вполне обосновано установление нижней границы санкции сроком на 5 лет. Мы также считаем, что предложенный подход исключит пересечение санкций ч. 1 ст. 111 и ч. 1, 2 ст. 112 УК РФ. В случае же установления срока менее 5 лет мы столкнемся с ситуацией, при которой деяние, обладающее меньшей общественной опасностью, будет влечь большую наказуемость. По нашему мнению, назначение лишения свободы на срок до 5 лет, учитывая, что данное преступление относится к категории тяжких, является нарушением принципа справедливости,

ставит под сомнение возможность достижения целей наказания, деморализует потерпевшего. Подчеркнем, что закрепление 5-летнего нижнего предела санкции будет акцентировать внимание судов на высокой общественной опасности названного преступления, признанной, в том числе, большинством государств как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Верхняя граница санкции подлежит незначительному сокращению – до 7 лет. Это приблизит ее к реалиям правоприменительной практики. При этом относительно небольшой разрыв (2 года) между пределами послужит сдерживанию беспрецедентной индивидуализации наказания, которая может осуществляться судебными органами. Таким образом, за совершение преступного деяния к виновному будет применяться единичная, простая и относительно-определенная санкция в виде лишения свободы на срок от 5 до 7 лет. Обратим внимание на то, что в таком случае, изменению в сторону снижения подлежит санкция ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Часть 2 ст. 111 УК РФ содержит единичную, кумулятивную, относительно-определенную санкцию. Она выражается в виде лишения свободы на срок до 10 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового.

Согласно статистике, за период с 2018 г. по 1-е полугодие 2021 г. по ч. 2 ст. 111 УК РФ осуждено 35384 лица. Каждому второму осужденному (54 %) назначено лишение свободы на срок от 1 года до 3 лет; в 91 % приговоров судами избраны сроки от 2 до 5 лет. Достаточно высокий процент осужденных (6,05 %) лишен свободы на срок до 1 года. Частота назначения наказания на срок свыше 5 лет достаточно низкая – 3,41 %. Представленная картина свидетельствует о сформировавшемся мягком, гуманном подходе правоприменителя.

Такие статистические показатели вряд ли можно признать обнадеживающими. Ситуация достаточно обескураживающая и для потерпевших. Несмотря на, казалось бы, ужесточение санкции вследствие повышенной степени общественной опасности деяния, практика назначения наказания за квалифицированный его вид соотносится с показателями, касающимися ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Принимая во внимание, что изменение пределов санкции должно быть пропорционально изменению уровня опасности квалифицированного вида преступления по сравнению с основным его составом, полагаем, что соответствующих поправок требует и санкция ч. 2 ст. 111 УК РФ: нижний ее предел должен составлять 6 лет, верхний подлежит снижению на 1 год – 9 лет. Как отмечают Ю.Е. Пудовочкин и В.К. Андрианов, «...принцип справедливости при назначении наказания будет реализован более эффективно, если квалифицирующие признаки будут повышать и нижнюю, и верхнюю границы основного наказания» [6]. Предложенная концепция объясняется закономерностью количественной прогрессии санкции, согласно которой каждая следующая санкция норм Особенной части УК строится на основе

предыдущей. На таком подходе настаивают и иные авторы. Так, В.В. Чепуров пишет, что «нижний предел санкции за квалифицированное (особо квалифицированное) посягательство должен превышать нижний предел санкции за преступление с основным (квалифицированным) составом, но должен быть меньше, чем верхний предел этой санкции. Такое положение позволит правильно оценить характер и степень общественной опасности преступного посягательства и назначить лицу справедливое наказание с учетом требований индивидуализации» [7].

Имеющиеся статистические данные ставят под сомнение резонность дополнительного факультативного наказания в виде ограничения свободы на срок до 2 лет, так как частота его применения судами составляет всего 2,7 %. В связи с этим предлагаем лишить эту санкцию кумулятивности. Таким образом, при совершении квалифицированного умышленного причинения тяжкого вреда здоровью должно применяться лишение свободы на срок от 6 до 9 лет.

В ч. 3 ст. 111 УК РФ закреплена санкция за особо квалифицированный вид деяния – лишение свободы на срок до 12 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового. Она является единичной, кумулятивной, относительно-определенной.

Исходя из судебной статистики за период с 2018 г. по 1-е полугодие 2021 г., по ч. 3 статьи всего осуждено 2047 лиц. Наказание в виде лишения свободы применяется в подавляющем большинстве случаев – в 99,66 %. Практически, 72 % осужденных приговорены к его реальному отбыванию на срок от 1 года до 5 лет; в 96,41 % приговоров назначено лишение свободы на срок от 1 года до 8 лет; каждый десятый осужденный (10,61 %) изолируется от общества на срок от 1 года до 2 лет. Применение лишения свободы на срок свыше 8 лет встречается крайне редко – 1,95 %.

Не хотелось бы повторяться, однако, вновь заметим, что результаты судебной практики попирают основополагающие уголовно-правовые принципы. Стоит напомнить правоприменителю, что одним из альтернативных особо квалифицирующих признаков является умышленное причинение тяжкого вреда здоровью двух или более лиц. Осознавая общественную опасность деяния, законодатель отнес его к категории особо тяжких преступлений. Однако на практике мы видим, что сроки лишения свободы в ч. 3 ст. 111 УК РФ коррелируются со сроками в ч. 2 статьи, что недопустимо. Очевидно, что необходимо внесение частичных изменений в пределы санкции.

Учитывая то, что различие в характере и степени общественной опасности преступлений всегда должно быть связано с установлением различной наказуемости в санкциях, предлагаемые изменения необходимо вносить с учетом санкционной прогрессии. Мы солидарны с позицией Ю.Е. Пудовочкина и В.К. Андрианова, полагающих, что при переходе от «простого» к особо квалифицированному составу санкционная прогрессия должна выражаться в первую очередь в

изменении категории преступления на более тяжкую [6]. Следовательно, верхний предел санкции ч. 3 ст. 111 УК РФ должен быть выше 10 лет. Считаем, что он должен оставаться на уровне 12 лет. Нижний же необходимо установить сроком на 8 лет.

Как было отмечено ранее, санкция ч. 3 ст. 111 УК РФ является кумулятивной. Частота назначения дополнительного наказания за это деяние выше практически в 2 раза (1,8) по сравнению с ч. 2 ст. 111 УК РФ и составляет 4,79 %. Учитывая возрастание общественной опасности преступления и правоприменительную практику, отметим целесообразность закрепления в санкции дополнительного наказания. В данном случае, оно может послужить реальной дополнительной превентивной мерой.

Таким образом, санкция за особо квалифицированный вид умышленного причинения тяжкого вреда здоровью должна содержать указание на лишение свободы на срок от 8 до 12 лет с ограничением свободы на срок до 1 года либо без такового.

Самая суровая санкция предусмотрена за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, осложненного последствием в виде неосторожного причинения смерти (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Преступление относится к категории особо тяжкого, за его совершение предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок до 15 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового. Она является единичной, кумулятивной и относительно-определенной.

Согласно статистическим данным за период с 2018 г. по 1-е полугодие 2021 г., по ч. 4 ст. 111 УК РФ всего осуждено 14205 лиц. Наказание в виде лишения свободы применяется практически всегда – 99,75 %. Каждому второму осужденному (55,18 %) назначается лишение свободы на срок от 5 до 8 лет, в 33,47 % случаев суд избирал срок от 8 до 15 лет. Примерно, в 1 из 10 случаев осужденный изолировался от общества на срок от 3 до 5 лет. Тем не менее, с каждым годом процент применения срока свыше 8 до 10 лет уменьшается. Так, по сравнению с 2018 г. за 1-е полугодие 2021 г. он сократился на 4,28 %. При этом противоположная картина наблюдается в отношении срока свыше 5 до 8 лет, который увеличился на 5,1 %.

Нельзя оставить без внимания позицию Ю.Е. Пудовочкина и В.К. Андрианова относительно целесообразности снижения верхней границы санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ [6]. Безусловно, корректировка позволит избежать ситуации, при которой является допустимым назначение одинакового максимального наказания за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, – 15 лет. В связи с этим, данную верхнюю границу необходимо снизить до 13 лет. Что касается нижней, то ее необходимо закрепить сроком в 9 лет.

Процент назначения дополнительного наказания по ч. 4 ст. 111 УК РФ увеличился – 7,43 %. Таким

образом, наблюдается закономерность его более активного применения – 2,7 % (по ч. 2 статьи); 4,79 % (по ч. 3); 7,43 % (по ч. 4). Исходя из того, что рассматриваемое преступное деяние характеризуется самым высоким уровнем общественной опасности, принимая во внимание сложившуюся судебную практику, мы считаем закрепление дополнительного наказания в санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ вполне оправданным.

Таким образом, за совершение указанного посягательства должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 9 до 13 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового.

В ст. 112 УК РФ регламентирована ответственность за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, установлена санкция как за основной состав (ч. 1 ст. 112), так и за квалифицированный его вид (ч. 2 ст. 112). Так, санкция ч. 1 статьи является альтернативной, простой и относительно-определенной. В ней помимо наказания в виде лишения свободы закреплены и другие его виды: ограничение свободы; принудительные работы и арест. Сроки лишения, ограничения свободы, а также принудительных работ равнозначны и имеют только верхние пределы – 3 года. Общественно опасное деяние отнесено к преступлениям небольшой тяжести.

Согласно судебной статистике, по ч. 1 ст. 112 УК РФ за период с 2018 г. по 1-е полугодие 2021 г. всего осуждено 20581 человек. Преобладающим наказанием является ограничение свободы, примененное к 12159 лицам (59,08 %). На втором месте лишение свободы, общий процент которого составляет 37,8 %. Из них, к лишению свободы на определенный срок приговорены 3242 лица (15,75 %), осуждены условно – 4539 (22,05 %). Что же касается сроков лишения свободы, то практически в 60 % приговоров фигурирует срок до 1 года.

Санкция за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью видится достаточно выверенной. Нижнее пределы предусмотренных ею наказаний, по нашему мнению, закреплять не стоит в связи с тем, что данное преступление относится к категории небольшой тяжести.

Санкция за квалифицированный вид деяния уже не столь разнообразна и ограничивает суд возможностью назначения лишения свободы на срок до 5 лет. По своему характеру она является единичной, простой и относительно-определенной.

По данным за период с 2018 г. по 1-е полугодие 2021 г., по ч. 2 статьи всего осуждено 9662 лица. Практически единственно возможным наказанием является лишение свободы (95,51 %). Однако в более чем половине случаев оно применялось условно – 65,56 % (6334 лиц). Как правило (83,31 %), наказание назначалось на срок от 2 месяцев до 2 лет. Почти каждый четвертый осужденный (23,39 %) отбывал наказание реально сроком до 1 года включительно.

В связи с увеличением общественной опасности деяния, отнесением его к категории средней тяжести возникает, на наш взгляд, необходимость в установлении нижней границы санкции. Как нам представляется, она должна составлять 2 года. Такой предел позволит избежать ситуации, при которой суд сможет приговаривать виновного к незначительным срокам лишения свободы (включая минимальный – 2 мес.), как и за преступление, предусмотренное ч. 1 статьи. Верхний предел предлагаем оставить без изменений – 5 лет. Таким образом, санкция за квалифицированный состав, по нашему мнению, должна быть в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет.

Стоит задуматься и об обособлении некоторых квалифицирующих преступное деяние обстоятельств, наличие которых значительно повышает общественную опасность последнего, дополнив ст. 112 УК РФ частью 3. Например, совершение посягательства в отношении двух или более лиц, организованной группой. Считаем, что нахождение указанных обстоятельств «по соседству» с иными, менее опасными, в рамках квалифицированного состава не вполне обосновано.

В отечественном уголовном законе криминализовано и умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ). Данная статья содержит две части, формулирующие основной состав преступления и квалифицированный его вид. Санкции за эти деяния являются альтернативными, простыми и относительно-определенными. Преступление отнесено к категории небольшой тяжести.

В случае совершения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, к виновному лицу возможно применение следующих видов основного наказания: штраф в размере до 40 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 месяцев; обязательные работы на срок до 480 часов; исправительные работы на срок до 1 года; арест на срок до 4 месяцев.

Всего за период с 2018 по 1-е полугодие 2021 гг. по ч. 1 ст. 115 УК осуждено 7036 лиц. К каждому второму применялось наказание в виде штрафа, оставшаяся часть распределена между обязательными и исправительными работами. Арест применялся лишь однажды.

Что же касается размера, отметим, что для большей части осужденных (70,14 %) штраф определялся в размере от 5 до 25 тыс. руб.; 26,6 % – до 5 тыс. руб.; 3,26 % – от 25 до 100 тыс. руб. При этом средний его показатель в 2018 г. составил 10708,8 руб., в 2019 г. – 10523,2 руб., в 2020 г. – 10583 руб., в 2021 г. – 9702,7 руб. Таким образом, исходя из достаточно небольших средних размеров штрафа, можно сделать вывод о том, что суды считают санкцию излишне строгой.

Более суровая санкция предусмотрена за совершение умышленного причинения легкого вреда здоровью, осложненного квалифицирующими признаками (ч. 2 ст. 115 УК РФ). Помимо лишения свободы на срок до 2 лет, предусмотрено

наказание в виде обязательных работ на срок до 360 час., исправительных работ на срок до 1 года, ограничение свободы на срок до 2 лет, принудительные работы на тот же срок.

Анализ судебной статистики показывает, что количество осужденных по ч. 2 ст. 115 УК превышает количество осужденных по ч. 1 статьи почти в 5 раз (34309 лиц). Ввиду повышенного уровня общественной опасности деяния достаточно часто назначалось лишение свободы. Так, за период с 2018 г. по 1-е полугодие 2021 г. оно фигурировало в 13948 приговорах (40,66 %). При этом к реальному наказанию приговорено 6250 лиц (18,22 %); осуждено условно – 7698 лиц (22,44 %). В отношении каждого третьего лица применены обязательные работы. Несмотря на то, что верхний предел лишения свободы составляет 2 года, подавляющему количеству осужденных (91,94 %) назначался срок до 1 года включительно.

Присутствие некоторых видов и размеров наказаний порождает ряд вопросов. Например, сравнивая санкции ч. 1 и ч. 2 статьи, можно увидеть, что в обеих присутствуют наказания в виде обязательных, исправительных работ, арест. Парадоксально, но в ч. 2 ст. 115 УК РФ размер первого вообще уменьшился на 120 часов, срок второго остался без изменений (до 1 года), а срок третьего увеличился на 2 месяца. И это на фоне включения в санкцию более суровых наказаний – ограничения свободы, принудительных работ и лишения свободы.

Мы полагаем, что в санкцию ч. 1 ст. 115 УК РФ необходимо внести изменение, исключив штраф как один из видов основного наказания. Необходимо учитывать, что возможными последствиями рассматриваемого деяния являются пусть и кратковременное, но расстройство здоровья, незначительная, однако всё же стойкая, утрата общей трудоспособности. Именно по этой причине штраф в данном случае не может являться

Литература:

1. Российское уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 113.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 09.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. The Stationery Office. Reform Of Offences Against The Person: Law Commission Report #361. Официальный сайт юридической комиссии Великобритании. URL : https://www.lawcom.gov.uk/app/uploads/2015/11/51950-LC-HC555_Web.pdf
4. *Кириченко Д.П.* Санкции за умышленное причинение вреда здоровью личности в УК РФ: общий анализ / Д.П. Кириченко // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 97–103.
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и

средством достижения такой цели, как восстановление социальной справедливости.

Таким образом, в санкции ч. 1 ст. 115 УК РФ должны быть предусмотрены обязательные работы на срок до 480 час., исправительные работы на срок до 2 года, ограничение свободы на срок до 1 года.

Из санкции ч. 2 ст. 115 УК РФ мы предлагаем исключить обязательные и исправительные работы как виды наказаний, не коррелирующие с уровнем общественной опасности деяния. Таким образом, санкция за квалифицированное умышленное причинение легкого вреда здоровью должна включать ограничение свободы на срок до 4 лет, принудительные работы на срок до 2 года, арест на срок до 4 месяцев, лишение свободы на срок до 2 лет.

Подводя итог, следует сделать акцент на том, что объем государственной кары, выражающейся в наказании, должен коррелировать с уровнем общественной опасности конкретного преступного посягательства. Представленные в настоящее время подходы к формированию санкций за причинение вреда здоровью не вполне ориентированы на достижение целей наказания, в недостаточной мере способствуют эффективности уголовного закона, порождают недоверие граждан к правовым институтам государства.

Полагаем, что предложенная в данной работе правовая модель в основном отвечает правилам и закономерностям построения уголовно-правовых санкций. При ее построении учитывался принцип санкционной прогрессии, проявляемой в том, что пределы санкций изменяются пропорционально увеличению общественной опасности преступного деяния, наличию тех или иных обстоятельств, отягчающих содеянное, что позволяет соблюдать основополагающие уголовно-правовые принципы, в том числе, принцип справедливости.

Literature:

1. Russian criminal law. General part: textbook for universities / Edited by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova. M., 2014. P. 113.
2. Criminal Code of the Russian Federation (ed. from 09.03.2022) // SPS «ConsultantPlus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
3. The Stationery Office. Reform Of Offences Against The Person: Law Commission Report #361. Official website of the Legal Commission of Great Britain. URL: https://www.lawcom.gov.uk/app/uploads/2015/11/51950-LC-HC555_Web.pdf
4. *Kirichenko D.P.* Sanctions for intentional harm to personal health in the Criminal Code of the Russian Federation: general analysis / D.P. Kirichenko // Society: politics, economics, law. 2022. № 2. P. 97–103.
5. Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for

мировых судей за 2018, 2019, 2020, 1-е полугодие 2021 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 16.03.2022).

6. Пудовочкин Ю.Е. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм / Ю.Е. Пудовочкин, В.К. Андрианов // Российский юридический журнал. 2018. № 5(122). С. 71–84.

7. Чепуров В.В. Построение санкций за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: законодательный и теоретический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2015. С. 107.

2018, 2019, 2020, 1st half of 2021 // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=79> (date of appeal 16.03.2022).

6. Pudovochkin Yu.E. Structural patterns and rules for the construction of sanctions of criminal law norms / Yu.E. Pudovochkin, V.K. Andrianov // Russian Law Journal. 2018. № 5(122). P. 71–84.

7. Chepurov V.V. Construction of sanctions for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: legislative and theoretical aspects : dis. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol, 2015. P. 107.

Куемжиева Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Гусева Ольга Николаевна
юрист
olga.gs313@gmail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ НА ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. Правовое регулирование оборота лекарственных средств, а также, механизмы и порядок осуществления защиты патентных прав на лекарственные средства предусмотрены законодательством Евразийского экономического союза. Например, согласно положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, правовое регулирование оборота лекарств и лекарственных средств осуществляется на основании единых принципов и правил обращения лекарственных средств. Данное Соглашение предусматривает обязательства, которые берут на себя страны-участники в отношении обеспечения функционирования рынка лекарств.

Ключевые слова: лекарственное средство, патент, регистрация, ЕАЭС, соглашение, страны-участники.

В последние годы в ЕАЭС был разработан и принят ряд нормативно-правовых актов, которые носят рекомендательный характер и предусматривают требования к качеству, эффективности и безопасности препаратов, которые находятся в обращении на территории Евразийского экономического союза. Для обеспечения применения единых методов исследования и контроля качества также предусмотрены рекомендации. Так, ряд Соглашений, действующих в рамках Евразийского экономического союза, предусматривают наличие единых требований в отношении качества, эффективности и безопасности лекарственных средств, находящихся в обороте на территории ЕАЭС [4].

Например, на территории ЕАЭС лекарственные средства реализуются на основании условия прохождения регистрации и их внесения по итогам такой регистрации в реестр лекарственных средств ЕАЭС. Отдельные аспекты, связанные с проведением регистрации и экспертизы лекарственных средств с целью введения их в

Elena G. Kuemzhieva
Candidate of Law
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure
Kuban State Agrarian University
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Olga N. Guseva
Lawyer
olga.gs313@gmail.ru

LEGAL REGULATION OF PATENT RIGHTS FOR MEDICINES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Annotation. The legal regulation of the turnover of medicines, as well as the mechanisms and procedure for the protection of patent rights for medicines are provided for by the legislation of the Eurasian Economic Union. For example, according to the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union, the legal regulation of the turnover of medicines and medicines is carried out on the basis of common principles and rules for the circulation of medicines. This Agreement provides for the obligations assumed by the participating countries in relation to ensuring the functioning of the drug market.

Keywords: medicinal product, patent, registration, EAEU, agreement, participating countries.

обращение, предусмотрены правилами ЕАЭС. Такие правила предусматривают наличие критериев проведения проверки в отношении структуры, формата, содержания, регистрации досье, к содержанию отчета о проведенных испытаниях лекарственного средства, а также содержат перечень оснований для отказа в регистрации удостоверения, а также, основания для приостановления или прекращения действия регистрационного удостоверения. При этом отказ в выдаче регистрационного удостоверения для лекарственного средства может быть обжалован в судебном порядке по законодательству, предусмотренном для оспаривания решения органов публичной власти [5, с. 29–36].

Соответственно, когда речь идет о допуске лекарственного средства на рынок ЕАЭС, такая регистрация проводится по общим правилам, а само соглашение имеет правовое значение для допуска лекарственных средств, то страны-участники не могут включать в свое законодательство дополнительные правила допуска в обращение

лекарственных средств. Кроме того, если регистрация лекарственного средства была проведена на основании положений законодательства ЕАЭС, то проведение повторной регистрации по внутреннему законодательству государства-участника не допускается [1, с. 43–54].

Положения российского законодательства не предусматривают наличие механизмов правовой защиты, которые позволили бы выявить незаконное использование в лекарственном препарате чужих изобретений. При нарушении исключительных прав предусмотрено судебное разбирательство, по результатам которого лекарственный препарат может быть запрещен к обороту или ограничен в выпуске. Законодательство Российской Федерации предусматривает, что уполномоченные органы вправе принять решение о приостановлении или отзыве, а также, об отказе в продлении срока действия регистрационного удостоверения. О принятом решении уполномоченные органы информируют других государств-участников Евразийского экономического союза.

Государства – участники Евразийского экономического союза вправе установить в национальном законодательстве положения об основаниях прекращения действия удостоверения. Однако устанавливаемые по внутреннем законодательстве правила не должны противоречить положениям Правилам регистрации, установленным в ЕАЭС. Нормативно-правовые акты ЕАЭС предусматривают регламентацию только вопросов взаимодействия уполномоченных органов государств-членов для обнаружения контрафактной лекарственной продукции [5, с. 29–36].

При обнаружении контрафактных лекарственных средств уполномоченные органы уведомляют экспертную комиссию и уполномоченные органы страны, а также, в пределах своей компетенции, принимают меры, которые могли бы позволили обеспечить оперативное изъятие контрафактных лекарственных средств из обращения, поскольку они могут представлять угрозу для безопасности жизни и здоровья. Меры оперативного характера по обнаружению и изъятию контрафактных лекарственных средств осуществляются на основании национального законодательства государств-участников.

Общие положения законодательства ЕАЭС предусматривают обязательное изъятие из оборота только тех контрафактных средств, которые представляют угрозу для жизни и безопасности населения. Порядок взаимодействия государств-членов ЕАЭС предусматривает, что если обнаруживается лекарственное средство, относящееся к группе контрафактных или фальсифицированных, либо установлено, что оно является недоброкачественным, то подобные сведения должны в течение 72 часов быть направлены уполномоченным органам ЕАЭС посредством единой интегрированной системы. Такие сведения должны быть внесены в общие информационные ресурсы [6].

Общими информационными ресурсами, которые применяются для исполнения указанных требований Соглашения, являются:

- единая информационная база лекарственных средств, признанных фальсифицированными или контрафактными;

- единая база лекарственных средств, действие удостоверения которых приостановлено, единый реестр лекарственных средств, а также их инструкции, упаковки и удостоверения.

Указанные базы данных формируются и ведутся на территории государств-участников Евразийского экономического союза [7].

При проведении регистрации лекарственного средства на территории Евразийского экономического союза должно быть обеспечено полное раскрытие информации для всех заинтересованных лиц в отношении поданных заявок и их содержания, а также, сведения о правилах использовании исключительных прав третьими лицами. Уполномоченные органы и экспертные организации должны обеспечивать конфиденциальность информации, которая содержится в досье лекарственного препарата, а также те, что применяются в процессе регистрации и экспертизы лекарственных препаратов. Речь идет о мастер-файле, в котором содержится активная фармацевтическая субстанция. Регистрирующие органы обязаны соблюдать конфиденциальность данной информации [2, с. 43–54].

Правила регистрации лекарственных средств, установленные законодательством Евразийского экономического союза, не включают в себя процедуру патентной увязки, а только ограничиваются внесением соответствующих сведений в приложение, где отмечается, что интеллектуальные права на лекарственные средства охраняются патентами, которые действуют на территории ЕАЭС. Если лекарственное средство имеет патент, то заявитель должен представить сведения о его владельце, сообщить номер и государство, в котором зарегистрирован патент, а также – дату начала действия и окончания действия патента.

При подаче заявки заявитель указывает сведения о заинтересованных лицах, которым принадлежат интеллектуальные права. Те же сведения должны быть указаны при проведении перерегистрации лекарственного средства или при внесении в лекарственное досье изменений. Указанные сведения должны быть включены в реквизиты электронных заявлений, которые подаются в органы государственной регистрации лекарственных средств. Если такие сведения не указаны, то заявление о регистрации лекарственного препарата может быть отклонено, а проведение регистрации прекращено [5, с. 29–36].

Если заявитель представил недостоверные сведения о проводимых испытаниях, то в регистрации лекарственного средства также может быть отказано. Регистрирующий орган проводит проверку сведений о лекарственном средстве только в части его безопасности, эффективности и качества. Сведения, связанные с использованием интеллектуальной собственности третьими лицами,

не проверяются. Если после регистрации будет обнаружено допущение нарушений охраняемых патентных прав, то, соответственно, будет установлено, что регистрационное досье содержит недостоверную информацию, а значит, действие регистрации будет приостановлено, а обращение лекарственного средства ограничено [8, с. 76–79].

Нормативно-правовые акты Евразийского экономического союза не предусматривают правовых последствий при наличии исключительных прав на лекарственное средство у третьих лиц, если заявитель представил данную информацию в надлежащем порядке. Законодательство Евразийского экономического союза не предусматривает каких-либо особенностей или отсрочки для вступления в законную силу регистрационных удостоверений, а также особенностей для введения такого удостоверения в оборот. Однако в праве Евразийского экономического союза имеются для этого предпосылки, согласно которым, единый реестр должен содержать сведения об особых условиях регистрации лекарственного препарата, а также о сроках действия [4].

Литература:

1. Александров Г. Подготовка обоснований при описании лекарственных препаратов / Г. Александров // Прогосзаказ.рф. 2019. № 5. С. 43–54.
2. Арабян М.С. Современные способы борьбы с производством и обращением фальсифицированных, контрафактных и незарегистрированных лекарственных препаратов в России / М.С. Арабян, С.Г. Николаев // Таможенное дело. 2020. № 4. С. 22–24.
3. Ворожевич А.С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты : монография. М. : Статут, 2020. 179 с.
4. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / А.А. Аюрова, О.В. Гутников, С.А. Сеницын [и др.]; Отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М. : ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. 208 с.
5. Мельникова О.А. Понятие фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных препаратов с позиции права / О.А. Мельникова // Медицинское право. 2020. № 2. С. 29–36.
6. О Порядке взаимодействия государств – членов Евразийского экономического союза по выявлению фальсифицированных, контрафактных и (или) недоброкачественных лекарственных средств: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03 ноября 2016 г. № 86 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL : <http://www.eaeunion.org>
7. Порядок формирования и ведения Единой информационной базы данных лекарственных средств, не соответствующих требованиям по качеству, а также фальсифицированных и (или)

Положения Договора о Евразийском экономическом союзе предусматривают, что государства-члены осуществляют сотрудничество и принимают совместные меры, связанные с пресечением и предотвращением оборота контрафактной продукции. Кроме того, государства – члены предусматривают нормы об обеспечении высокого уровня охраны интеллектуальных прав на лекарственные средства. Однако, несмотря на наличие данного положения в общих условиях договора о Евразийском экономическом союзе, оно не может быть реализовано, поскольку нет специальных положений о правах ЕАЭС об общем рынке и единых правилах обращения лекарственных средств [3].

Для обеспечения действия положений о защите патентных прав на лекарственные средства в рамках Евразийского экономического союза и для предотвращения нарушения данных прав третьими лицами, необходимо закрепить данные положения на стадии регистрации лекарственного средства, а также ввести в законодательство всех государств ЕАЭС.

Literature:

1. Alexandrov G. Preparation of justifications for the description of drugs / G. Alexandrov // Progoszakaz.rf. 2019. № 5. P. 43–54.
2. Arabyan M.S. Modern methods of combating the production and circulation of falsified, counterfeit and unregistered drugs in Russia / M.S. Arabyan, S.G. Nikolaev // Customs business. 2020. № 4. P. 22–24.
3. Vorozhevich A.S. Protection of exclusive rights to patented objects : monograph. M. : Statute, 2020. 179 p.
4. Protection of exclusive rights to inventions used in medicines: problems of legal regulation and directions for improving legislation : monograph / A.A. Ayurova, O.V. Gutnikov, S.A. Sinityn and [et al.]; editor-in-chief O.V. Gutnikov, S.A. Sinityn. M. : IZISP, KONTRAKT, 2019. 208 p.
5. Melnikova O.A. The concept of falsified, counterfeit and substandard drugs from the position of law / O.A. Melnikova // Medical Law. 2020. № 2. P. 29–36.
6. On the Procedure for Interaction between the Member States of the Eurasian Economic Union to Identify Counterfeit, Counterfeit and (or) Substandard Medicines: Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission dated November 03, 2016 № 86 // Official website of the Eurasian Economic Union. URL : <http://www.eaeunion.org>
7. The procedure for the formation and maintenance of the Unified Information Database of medicines that do not meet the quality requirements, as well as counterfeit and (or) counterfeit medicines identified in

контрафактных лекарственных средств, выявленных на территориях государств - членов Евразийского экономического союза: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03 ноября 2016 года № 84 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL : <http://www.eaeunion.org>

8. *Шевырев Д.Н.* Безопасность обращения лекарственных средств: сущность и содержание / Д.Н. Шевырев // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 76–79.

the territories of the Member States of the Eurasian Economic Union: Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission dated November 03, 2016 № 84 // Official website of the Eurasian Economic Union. URL : <http://www.eaeunion.org>

8. *Shevyrev D.N.* Safety of drug circulation: essence and content / D.N. Shevyrev // Administrative law and process. 2020. № 2. P. 76–79.

Некоз Аркадий Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

Arkadii S. Nekoz

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Department of Criminal Law,
East Siberian branch of the Russian
State University of Justice
89832494011@mail.ru

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ
СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ:
ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ**

**CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION
OF THE RIGHT TO FREEDOM
OF CONSCIENCE AND RELIGION: ISSUES
OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Аннотация. Автором рассматривается проблематика установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На основе диалектического, общенаучного и историко-правового методов автор формулирует некоторые предложения по совершенствованию правоприменительной практики в указанной сфере уголовно-правового регулирования.

Annotation. The author examines the problem of establishing criminal responsibility for a crime under Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation). On the basis of dialectical, general scientific and historical-legal methods, the author formulates some proposals for improving law enforcement practice in this area of criminal law regulation.

Ключевые слова: совесть, вероисповедание, светское государство, судебная практика, наказание, квалифицирующие признаки.

Keywords: conscience, religion, secular state, judicial practice, punishment, qualifying signs.

Проблематика обеспечения права на свободу вероисповедания в современных условиях развития государства и общества приобретает все большее и большее значение. Подтверждение нашим словам мы можем найти в последних изменениях в Конституции РФ, где было особо отмечено, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, пере давших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ч. 2 ст. 67.1).

В целом же, вопрос о защите прав граждан в области отправления религиозных обрядов и свободы вероисповедания поднимался в работах виднейших ученых как дореволюционного периода [1; 2; 3; 4], так и современных авторов [5; 6; 7].

Обратимся к данным судебной статистики. Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [8], общая картина, связанная с количеством привлеченных к уголовной ответственности, складывается следующим образом:

Таблица 1

Данные о количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 148 УК РФ за период 2011–2021 (I кв.)

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (I кв.)
0	0	0	1	2	5	5	2	2	1	8

Несмотря на крайне незначительно количество случаев привлечения лиц к уголовной ответственности, все же стоит отметить следующие моменты.

Во-первых, вызывает сомнение об удачности нынешней редакции нормы. Изначально, на момент

принятия УК РФ¹, норма получила наименование «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», что, следуя общей логике построения главы 19 представляется более удачным, т.к. отражает именно сущность преступления, которое предполагает совершение со стороны виновного лица максимально широкого круга действий, которые направлены именно на воспрепятствование реализации конституционного права на свободу отправления религиозных обрядов и образования религиозных организаций. Фактически, мы должны говорить об известной дискриминации по религиозному признаку, когда, к примеру, поставщик отказывает в передаче заказчику заказанное ранее оборудование, узнав, что оно предназначено для обеспечения деятельности религиозной организации (к примеру, осветительное оборудование).

Отсюда возникает вторая проблема, связанная с наличием в тексте уголовного закона весьма расплывчатой формулировки в виде цели действия

Литература:

1. *Сергеевский Н.Д.* К учению о преступлениях религиозных. СПб. : Сенатская Типография, 1906. 39 с. (Из «Журнала Министерства Юстиции» (Апрель 1906 г)).
2. *Познышев С.В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы: К реформе нашего законодательства о религ. Преступлениях. М., 1906. 313 с.
3. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Преступления против религии: ответ проф. И. Фойницкому. Ярославль, 1887. 16 с.
4. *Есипов В.В.* Грех и преступление. Святотатство и кража. СПб.; Варшава, 1894. 200 с.
5. *Андрощук В.В.* Преступления против религии по законодательству России (конец XIX – начало XX в.). М. : Юриспруденция, 2016. 208 с.
6. *Федотова Ю.Е.* Свобода совести и вероисповедания как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2018. 229 с.
7. *Курманов А.С.* Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 47 с.
8. Данные судебной статистики. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 11.04.2022).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в

«оскорбление религиозных чувств верующих». Как нам представляется, такая формулировка противоречит позиции Конституционного суда РФ, которая гласит о необходимости использования в тексте уголовного закона формулировок, исключающих противоречивое толкование в правоприменительной практике [9].

Во-вторых, следует обратить внимание также и на фигуру субъекта рассматриваемого преступления. В настоящее время, специальный субъект – лицо, использующее служебные полномочия – относится только к особо квалифицированному составу ст. 148 УК РФ (ч. 4). Отсюда возникает вопрос о целесообразности распространения действия ст. 148 на общего субъекта, достигшего 16-ти лет. Представляется, что верным шагом стал бы возврат к прошлой редакции ст. 148 с одновременным использованием конструкции ст. 149 УК РФ, что было бы верным в силу уголовно-правового наполнения рассматриваемой нормы [10].

Literature:

1. *Sergeevsky N.D.* To the doctrine of religious crimes. SPb. : Senate Printing House, 1906. 39 p. (From the «Journal of the Ministry of Justice» (April 1906)).
2. *Poznyshch S.V.* Religious crimes from the point of view of religious freedom: Towards a reform of our legislation on religion. Crimes. M., 1906. 313 p.
3. *Belogrits-Kotlyarevsky L.S.* Crimes against religion: the answer of prof. I. Foinitsky. Yaroslavl, 1887. 16 p.
4. *Esipov V.V.* Sin and crime. Sacrilege and theft. SPb.; Warsaw, 1894. 200 p.
5. *Androshchuk V.V.* Crimes against religion according to the legislation of Russia (late XIX – early XX century). M. : Jurisprudence, 2016. 208 p.
6. *Fedotova Yu.E.* Freedom of conscience and religion as an object of criminal law protection : dis. ... cand. legal Sciences. Yekaterinburg, 2018. 229 p.
7. *Kurmanov A.S.* State and prospects for the development of Russian criminal legislation on the protection of constitutional rights and freedoms of a person: a comparative theoretical and legal study : author. dis. ... d-r. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2008. 47 p.
8. Judicial statistics data. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (11.04.2022).
9. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2008 № 8-P «On the case of checking the constitutionality of the provision of the first part of Article 188 of the Criminal Code of the

¹ Далее по тексту – УК РФ – означает Уголовный кодекс Российской Федерации в актуальной редакции на дату написания статьи, если не указано иное.

связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Бимбинов А.А.* Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин // *Lex Russica*. 2017. № 11(132). С. 111–122.

Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.A. Aslamazyan» // SPS «Consultant Plus».

10. *Bimbinov A.A.* Criminal liability for violation of the right to freedom of conscience and religion under the laws of Russia and Germany / A.A. Bimbinov, V.N. Voronin // *Lex Russica*. 2017. № 11(132). P. 111–122.

Николаева Марина Игоревна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
mar_niko@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
9040315660@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗАКОННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся проблем процессуальной деятельности, допустимой при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Важность обозначенной проблемы проявляется также в том, что закон, регламентирующий процессуальную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела настолько противоречив и неконкретен, что позволяет каждому отдельно взятому правоприменителю трактовать его по-своему усмотрению, при этом могут быть применены меры, нарушающие основные конституционные права и свободы личности.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, конституционные права и свободы личности, обыск и выемка, процессуальная деятельность, следственные действия, судебная практика.

Пристальное внимание к проблеме возбуждения уголовного дела обусловлено наличием ряда проблем, имеющих существенное значение для уголовного судопроизводства в целом, для его принципов и основ. Поскольку стадия возбуждения уголовного дела традиционно характеризуется отсутствием точной и исчерпывающей информации о совершенном преступлении, следовательно, не могут быть при этом применены те или иные меры, нарушающие конституционные права и свободы личности.

В последние годы законодателем неоднократно расширялся объем процессуальной деятельности, допустимой в рассматриваемой стадии, в частности, разрешено производство отдельных

Marina I. Nikolaeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor
of Criminal Legal Disciplines,
Vladimir branch of the Russian
Academy of National Economy
and Public Service
under the President of the Russian Federation
mar_niko@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov

Assistant Professor
of Public Legal Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
9040315660@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE LEGALITY OF THE SEIZURE BEFORE THE INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Annotation. The article deals with certain issues concerning the problems of procedural activity permissible when deciding on the initiation of a criminal case. The importance of this problem is also manifested in the fact that the law regulating procedural activities at the stage of initiating a criminal case is so contradictory and vague that it allows each individual law enforcement officer to interpret it at his discretion, while measures may be applied that violate the basic constitutional rights and freedoms of the individual.

Keywords: initiation of a criminal case, constitutional rights and freedoms of the individual, search and seizure, procedural activity, investigative actions, judicial practice.

следственных действий до возбуждения уголовного дела (осмотра места происшествия, осмотра предметов, осмотра документов, освидетельствования, осмотра трупа).

Федеральным законом от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ при проверке сообщения о преступлении, следовательно, до возбуждения уголовного дела дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа разрешено получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, **изымать их в порядке, установленном УПК РФ.** Практически сразу в научной литературе появились мнения о расширении процессуальных средств в стадии возбуждения

уголовного дела за счет отнесения к их числу обыска и выемки.

Так, М.П. Перякина считает, что «недостаточная регламентация изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела порождает массу противоречивых мнений как среди ученых процессуалистов и криминалистов, так и среди практических работников. Во многих ведомственных подразделениях регулярно производятся выемки до возбуждения уголовного дела. Кроме того, такие уголовные дела ряд прокуратур пропускает с обвинительным заключением или обвинительным актом, а суды выносят обвинительные приговоры» [4].

Профессор А. Халиков полагает, что «в случае производства изъятия предметов и документов в порядке, установленном УПК РФ, нет какого-либо указания на поисковый характер, то речь идет о правилах, аналогичных производству выемки, которые изложены в ст. 183 УПК РФ» [7].

А. Каретников и С. Коретников утверждают, что благодаря изменениям ч. 1 ст. 144 УПК РФ, «обыск и выемка могут стать обыденными следственными действиями для стадии возбуждения уголовного дела». Кроме того, они считают, что указание законодателя «изымать в порядке, установленном УПК РФ», «предполагает возможность производства выемки и обыска не только в тех местах, где не требуется судебное решение, но и в местах, где оно необходимо, либо без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательств» [3].

О.Л. Васильев считает, что под процессуальное действие «изъятие предметов и документов» законодатель замаскировал такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование, обыск, личный обыск и выемку, т.е. напрашивается вывод о возможности производства этих следственных действий до возбуждения уголовного дела [1].

Авторы согласны с мнением, высказанным А.А. Суминым в том, что «не может идти речь об отождествлении законодателем следственного действия «выемка» и непонятого «изъятия» [5].

Н.В. Карагодин также считает, что закон не позволяет проводить на стадии возбуждения уголовного дела обыски и выемки [2].

Свою позицию о недопустимости подобных действий сформулировали в 2014 году Генеральная прокуратура РФ [10] и руководство Следственного комитета РФ [9].

Однако отдельные судебные инстанции заняли иную позицию. Так, Апелляционным постановлением Суда Еврейской автономной области № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12 июля 2018 г. по делу № 22-301/2018 было признано законным производство выемки документов, произведенной следователем до возбуждения уголовного дела [8].

По утверждению прокурора отдела по надзору за исполнением законодательства в сфере оборота наркотических и психотропных веществ прокуратуры Санкт-Петербурга, в Санкт-Петербурге

наработана практика применения положений гл. 25 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, основанная на том, что изменения в ст. 144 УПК были внесены позже и фактически должностное лицо, осуществляющее проверку сообщения о преступлении, наделено полномочиями по изъятию документов и предметов в том числе в порядке, установленном гл. 25 УПК РФ [6].

Нет единства по рассматриваемому вопросу и в среде надзирающих органов. Так, на официальном сайте прокуратуры Липецкой области содержится утверждение о том, что «действующий УПК РФ предусматривает производство обыска и выемки до возбуждения уголовного дела» [11].

Нет ответа на поставленный вопрос и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

Таким образом, законодатель, используя в ч. 1 ст. 144 УПК РФ формулировку «...изъятие в порядке, установленном кодексом», не уточняет при этом, что это за порядок, иными словами, правовая природа такого изъятия не определена и не ясна. Эта неопределенность позволяет правоприменителям радикально различным образом трактовать положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ в части возможности либо невозможности производства выемки и обыска до возбуждения уголовного дела. В результате складывается парадоксальная ситуация: до возбуждения уголовного дела, когда не установлен факт совершения преступления, еще нет ни одного процессуального статуса: ни подозреваемого, ни обвиняемого, ни свидетеля в конце концов, любой человек может быть подвергнут обыску при наличии оснований для изъятия предметов и документов.

Конституционные права и свободы человека могут быть ограничены только на основании федерального закона, но что делать, если этот самый закон, в данном случае, УПК РФ, настолько противоречив и неконкретен, что позволяет каждому отдельно взятому правоприменителю трактовать его по-своему, соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ по таким важным вопросам нет до сих пор, а имеющиеся также неконкретны и расплывчаты.

Рассматриваемая проблема не является исключительно теоретической проблемой – как трактовать ту или иную норму, речь идет о нарушении прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации и международных актах. Сейчас сложилась ситуация, при которой в одном регионе прокуратура считает, что выемка и обыск до возбуждения уголовного дела возможны, а конкретно взятый суд первой инстанции – нет, Генеральная прокуратура РФ полагает такую практику незаконной, а у прокуроров на местах – иное мнение. В результате, практика защиты граждан от необоснованного нарушения его конституционных прав всецело зависит от того, как ту или иную норму уголовно-процессуального закона трактуют прокурор, судья, руководитель следственного органа в конкретном районе, области, какая практика сложилась именно в этом суде.

В завершении публикации мы предлагаем, исключить неоднозначные толкования и привести правоприменительную практику к единообразию, что возможно только посредством внесения

Литература:

1. *Васильев О.Л.* Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. / О.Л. Васильев // Закон. 2013. № 8. С. 100–108.
2. *Карагодин В.Н.* Осмотр места происшествия, обыск или выемка? / В.Н. Карагодин // Рос. юрид. журнал. 2013. № 5. С. 128–132.
3. *Каретников А.* Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении / А. Каретников, С. Каретников // Законность. 2014. № 7. С. 39–43.
4. *Перякина М.П.* Некоторые процессуальные вопросы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела / М.П. Перякина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД РФ. 2014. № 4(71). С. 22–25.
5. *Сумин А.А.* Некоторые проблемы применения статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / А.А. Сумин // Адвокат. 2013. № 4. С. 22–25.
6. *Тарасенко Е.А.* Изъятие документов и предметов в ходе проведения проверки сообщения о преступлении путем ограничения охраняемых законом прав граждан. URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/97725-izyatie-dokumentov-predmetov-khode-provedeniya-proverki-soobshheniy>
7. *Халиков А.* Собираание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении / А. Халиков // Законность. 2013. № 12. С. 52–56.
8. Апелляционное постановление № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12 июля 2018 г. по делу № 22-301/2018. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/5es90px6mwoZ>
9. Информационное письмо первого заместителя Председателя Следственного комитета РФ от 30 декабря 2014 г. № 214-51098-14 «О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении» (документ официально опубликован не был).
10. О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела: информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 20 августа 2014 г. № 36-11-2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Официальный сайт Прокуратуры Липецкой области. URL : https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_48/activity/legal-education/explain?item=52017899

соответствующих изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ и недопустимости подобных формулировок в дальнейшем.

Literature:

1. *Vasiliev O.L.* A new stage of the reform of the pre-trial stages of the criminal process. Critical analysis of novellas 2013 / O.L. Vasiliev // Law. 2013. № 8. P. 100–108.
2. *Karagodin V.N.* Inspection of the scene, search or seizure? / V.N. Karagodin // Russian Jurid. journal. 2013. № 5. P. 128–132.
3. *Karetnikov A.* Investigative actions as ways to verify a crime report / A. Karetnikov, S. Koretnikov // Legality. 2014. № 7. P. 39–43.
4. *Peryakina M.P.* Some procedural issues of the seizure of objects and documents before the initiation of a criminal case / M.P. Peryakina // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2014. № 4(71). P. 22–25.
5. *Sumin A.A.* Some problems of application of Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / A.A. Sumin // Lawyer. 2013. № 4. P. 22–25.
6. *Tarassenko E.A.* Seizure of documents and objects during the verification of a crime report by restricting the rights of citizens protected by law. URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/97725-izyatie-dokumentov-predmetov-khode-provedeniya-proverki-soobshheniy>
7. *Khalikov A.* Collecting evidence during the verification of a crime report / A. Khalikov // Legality. 2013. № 12. P. 52–56.
8. Appeal Resolution № 22-301/2018 22K-301/2018 of July 12, 2018 in case № 22-301/2018. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/5es90px6mwoZ>
9. Information letter of the First Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation dated December 30, 2014 № 214-51098-14 «On the procedure for obtaining information about notarial actions performed during the verification of a crime report» (the document was not officially published).
10. On the inadmissibility of the seizure of objects and documents outside the scope of investigative actions envisaged before the initiation of a criminal case: information letter of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated August 20, 2014 № 36-11-2014. Access from help.- the legal system «ConsultantPlus».
11. The official website of the Prosecutor's Office of the Lipetsk region. URL : https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_48/activity/legal-education/explain?item=52017899

Павлов Руслан Юрьевич
аспирант Московской академии СК РФ,
заместитель руководителя,
Шенталинский межрайонный
следственный отдел
следственного управления
Следственного комитета РФ
по Самарской области
ruslanpavlov@myrambler.ru

Ruslan Yu. Pavlov
Graduate Student at the Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Deputy Head,
Shenthalinsky of the Interministerial
Investigation Department of the Investigations
Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation
in the Samara region
ruslanpavlov@myrambler.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE INVESTIGATOR'S INTELLECTUAL ACTIVITY (INTERNATIONAL EXPERIENCE)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы иностранных учёных-криминалистов и практиков касающиеся определения интеллектуальной деятельности следователя и такой новой научной категории как криминалистическое мышление. Проанализирована сущность и развитие данных понятий, являющихся важным элементом профессионализма работников следствия. Приведены мнения авторов и учёных о форме и содержании криминалистического мышления. Изложенные выводы послужат основой для новых научных положений по исследованию интеллектуальной деятельности следователя в будущем.

Ключевые слова: следователь, криминалистическое мышление, интеллектуальная деятельность, профессиональное мышление следователя, интеллект следователя.

Annotation. The paper describes approaches of foreign criminalist scientists and practitioners to definition of intellectual activity of an investigator and such new scientific category as forensic thinking. The essence and development of these concepts, which are an important element of professionalism of employees of investigation, is analyzed. Opinions of authors and scientists about form and contents of forensic thinking are presented. The stated conclusions will serve as a basis for new scientific views on research of intellectual activity of an investigator in future.

Keywords: investigator, forensic thinking, intellectual activity, professional thinking of an investigator, intelligence of an investigator.

Реальности современного мира позволяют констатировать, что преступность, особенно организованная, приобретает транснациональный характер и проникает во все сферы жизнедеятельности социума. Изменение её структуры путём расширения географических границ требует качественного изменения способов борьбы с ней, в том числе разработки новых приёмов и методов, а также повышения интеллектуальных способностей следователей (под этим термином понимается и дознаватель).

Одним из предлагаемых криминалистами средств улучшения эффективности работы следователей, является «криминалистическое мышление» – особый тип мышления, которому всё больше уделяется внимание на страницах научных журналов.

В отечественной криминалистике имеются определённые исследования в данной тематике, но в настоящей статье мы попробуем разобрать

именно зарубежный опыт, касающийся изучения интеллектуальной стороны следственной деятельности с целью объективного и комплексного подхода к рассматриваемому феномену.

Одними из первых «структурированных» работ по борьбе с преступностью можно назвать труды французских специалистов Демеля (1604 г.) и Ревено (1665 г.) об исследовании подложных документов. В 1828 году вышли в свет мемуары руководителя управления национальной безопасности Франции Э. Видока, который называл дело по поимке воров – наукой. Исходя из личного опыта и мнения автора, сотрудники уголовного сыска должны обладать способностями прогнозирования действий преступников, умениями поставить себя на место злодея. Из личных качеств, которые должны быть у следователя, Э. Видок выделял терпение, неустрашимость, пронзительность, волю и сообразительность, а также, способность позаимствовать ряд особенностей

самих преступников – инстинкты, проворство пальцев, ловкость руки, верность глаза, испытанную храбрость, осторожность, хладнокровие, плутовство и «непроницаемую маску истинного злодея» [1].

Основоположник традиционной криминалистики Ганс Гросс в своей работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», опубликованной в 1892 году, отмечал особенный тип мыслительной деятельности следователя, изучать которую необходимо для достижения большей эффективности раскрытия и расследования преступлений. В частности, Г. Гросс отмечал, что в основу мышления следователя необходимо включить: широкий спектр юридических знаний, умение мыслить и анализировать, выявлять и работать с любой криминалистически значимой информацией, в том числе и с побочными, кажущимися на первый взгляд случайными и не важными фактами. Развитие следственного мышления должно происходить за счёт навыков и умений использовать законы логики, психологии, чувственно-рациональные средства познания, позволяющие выявлять и изучать различные следы преступления, осмыслить их логически, после чего выяснить все обстоятельства совершённого преступления, установить виновных в нём лиц [2].

Термин «криминалистическое мышление» впервые ввёл в обиход немецко-австрийский криминалист Ганс Валдер в своей одноимённой книге выпущенной в 1955 году [3]. Объясняя сущность интересующего нас понятия, указанный автор сводит его к интуиции, описать которую невозможно, т.к. появившаяся в ходе расследования задача может быть разрешена интуитивно, при этом следователь не смог бы точно обосновать свои предположения.

Позже, в 1970-х годах, также австрийские и немецкие учёные сделали вывод, что криминалистическое мышление является неотъемлемой частью судебной тактики – ученья, с помощью которого разрабатываются рекомендации и способы расследования и предупреждения преступлений [4].

У. Пфистер описывает такое мышление как интеллектуальную деятельность, которая необходима для расследования преступлений [5].

В соответствии с мнением Р. Леонхарда, сущность интеллектуальной деятельности следователя заключается в моделировании, осуществляемом при расследовании преступления, результаты которого могут быть проанализированы с учётом законов логики, психологии и соответствующими методами [6].

Взгляды Э. Листа, который не приводит собственного понятия «криминалистическое мышление», позволяют сделать вывод о том, что с помощью мышления следователь охватывает весь объём рефлексивных мероприятий, отвечающих за принятие решений [7]. Из рассуждений автора следует, что к принятию решений следователя

подводят такие операции, как анализ, синтез, индукция, дедукция и аналогия.

Тем, кто интересуется криминалистическим мышлением, должен быть известен американский частный детектив и репортёр Д. Рей. Последний использует термин «investigative mindset», а в содержательную часть интеллектуальной деятельности следователей включает опыт работы. С помощью опыта следователь создаёт в уме инструкции (проверочные метки) с подсказками, догадками либо тактиками, которые применимы в расследовании. Суждения и умозаключения могут образоваться и инстинктивно, но, всё же, грамотные следователи, в первую очередь, отталкиваются от своего опыта, имеющихся навыков, полученных знаний, тренировок и даже самообучения для урегулирования информационных трудностей [8].

П. Робертс и А. Цукерман используют в своей работе термин «forensic thinking», что можно перевести как криминалистическое мышление, по большей части к судебным экспертам [9].

Канадские исследователи Р. Гель и Д. Пликас по отношению к работе следователя применяют термины – «investigative mindset» и «investigative thinking». Интеллектуальная деятельность в расследовании преступлений – это осознано сформированный навык, которому присущи сформированные способности самоанализа и критического отношения к диагностике сложившейся ситуации [10].

С содержательной точки зрения, интересен подход Д. Джоффри и его коллег, которые для изучения особенностей криминалистического мышления, провели профилирование и эмпирическую оценку различных стилей мышления среди сотрудников полиции разных стран. Полученные результаты подтверждают существование особого типа мышления полицейских, которые представлены в различных комбинациях по определённым факторам. В целях детализации каждый из этих трёх факторов, представляющих основные аспекты, связанные со сложными явлениями интеллектуальной деятельности в расследовании, обозначен и описан следующим образом:

- фактор 1 – измерение «сложной проактивности» (сочетание мотивации и риска);
- фактор 2 – измерение «процедурной методологии» (исключительно методический стиль);
- фактор 3 – измерение «процедурного профессионализма» (сочетание методов и навыков).

Первый фактор заключается в мотивации и последующих действиях. Следователи руководствуются личной заинтересованностью в раскрытии преступлений и поимке преступников, чтобы достичь чувства удовлетворения для себя и для жертв. Следовательно, неудивительно, что, будучи столь «увлечёнными», следователи склонны идти на «риск». По определению, люди, принимающие риск, должны обладать независимым мышлением (обладать собственной

интуицией, волей и уверенностью, любопытством и моральной стимуляцией). Путём создания идеи они придумывают новые способы с целью расследования и получения информации. Конечно, степень такого «принятия риска» будет варьироваться от одного отдельного взятого расследования к другому, но что удивительно, так это степень, в которой первый фактор иллюстрирует преобладание этого предпочтения в сочетании сложной мотивации с действиями, связанными с риском.

Измерение «процедурной методологии» (2 фактор) – отражает укоренённость предшествующей полицейской подготовки и наличие понимания того, что доказательства по делу, которое, скорее всего, попадёт в суд, будут подвергнуты суровой проверке, а свидетели перекрестному допросу. Таким образом, существует острая необходимость в том, чтобы полиция строго соблюдала процедуру получения доказательств.

Измерение «процедурного профессионализма» (3 фактор), как следует из названия, зависит от процедурного характера полицейской работы по тем же причинам, что и в отношении второго фактора, но имеет дополнительное измерение особого проявления профессионализма с точки зрения поддержания баланса объективности и

Литература:

1. Видок Э. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. Public Domain. 1877. С. 7–8.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
3. Walder H. Kriminalistisches Denken. Heidelberg, 2009. 679 p.
4. Geerds F. Kriminalistik. Lübeck, 1980. P. 33
5. Pfister W. Von der Intuition bis zur Logik. Zum kriminalistischen Denkprozeß. Teil. 2. Kriminalistik. 1980. P. 63.
6. Leonhard R. Kriminalistische Tatortarbeit / R. Leonhard, H. Roll, F.R. Schurich. Heidelberg, 1995. P. 33.
7. Liszt E. Richtliche Beurteilung. Kriminalistische Monatshefte. 1927. P. 61.
8. Ray D. Information-gathering Strategies: The Investigative Mindset. URL : <http://www.donray.com/Invest-mindset.html>
9. Roberts P. Criminal evidence / P. Roberts, A. Zuckerman. 2-nd edit. Oxford : Oxford University Press Inc., 2010. P. 122.
10. Gehl Rod. Introduction to Criminal Investigation: Processes, Practices and Thinking / Gehl Rod, Plecas Darryl. New Westminster, BC: Justice Institute of British Columbia, 2016. P. 122.

работы с иными субъектами, участвующими в расследовании. Эмоциональная сторона взаимодействия с жертвами, свидетелями и подозреваемыми в серьёзных и сложных делах может быть очень значимой для следователей в личном плане. Поэтому следователям крайне необходимо соблюдать надлежащую профессиональную дистанцию, чтобы они не были чрезмерно эмоционально вовлечены в дело не только для того, чтобы, сохраняя объективную позицию, насколько это возможно, но и для эмоциональной самозащиты и самосохранения [11].

Таким образом, сопоставление рассмотренных подходов к изучению интеллектуального содержания расследования преступлений позволяет выявить общие черты интересующего нас явления. Прежде всего, это умение, понимание и осознание следователем сущности своей работы, использование для этого когнитивных и умственных способностей. Отмеченные авторы считают криминалистическое мышление источником профессионализма и соответственно, его можно определить, как форму профессионального мышления, обеспечивающую эффективность решения следственных задач, как процесс мышления, включающий наборы установок, навыков и схем, а также комплексный анализ ситуации.

Literature:

1. Vidocq E. Notes of Vidocq, chief of the Paris secret police. Public Domain, 1877. P. 7–8.
2. Gross G. Handbook for forensic investigators as a system of forensic science. M. : LexEst, 2002. 1088 p.
3. Walder H. Kriminalistisches Denken. Heidelberg, 2009. 679 p.
4. Geerds F. Kriminalistik. Lübeck, 1980. P. 33
5. Pfister W. Von der Intuition bis zur Logik. Zum kriminalistischen Denkprozeß. Teil. 2. Kriminalistik. 1980. P. 63.
6. Leonhard R. Kriminalistische Tatortarbeit / R. Leonhard, H. Roll, F.R. Schurich. Heidelberg, 1995. P. 33.
7. Liszt E. Richtliche Beurteilung. Kriminalistische Monatshefte. 1927. P. 61.
8. Ray D. Information-gathering Strategies: The Investigative Mindset. URL : <http://www.donray.com/Invest-mindset.html>
9. Roberts P. Criminal evidence / P. Roberts, A. Zuckerman. 2-nd edit. Oxford : Oxford University Press Inc., 2010. P. 122.
10. Gehl Rod. Introduction to Criminal Investigation: Processes, Practices and Thinking / Gehl Rod, Plecas Darryl. New Westminster, BC: Justice Institute of British Columbia, 2016. P. 122.

11. *Dean Geoffrey*. In search of police investigative thinking styles: an exploratory study of detectives in Norway and Singapore / Dean, Geoffrey & Fahsing, Ivar & Gottschalk, Petter // International Journal of Learning and Change. 2. 2007. Issue 1. 2. URL : <https://www.inderscienceonline.com/doi/pdf/10.1504/IJLC.2007.014893>

11. *Dean Geoffrey*. In search of police investigative thinking styles: an exploratory study of detectives in Norway and Singapore / Dean, Geoffrey & Fahsing, Ivar & Gottschalk, Petter // International Journal of Learning and Change. 2. 2007. Issue 1. 2. URL : <https://www.inderscienceonline.com/doi/pdf/10.1504/IJLC.2007.014893>

Пилюгина Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт
(филиал) Российского университета
кооперации, Россия
pilyugina_tv@mail.ru

Яковенко Ирина Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт
(филиал) Российского университета
кооперации, Россия
irshasal@mail.ru

Сидоренко Таисия Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт
(филиал) Российского университета
кооперации, Россия
taisianik@yandex.ru

Тараканова Любовь Андреевна

преподаватель кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт
(филиал) Российского университета
кооперации, Россия
tla1710@mail.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА
В КОНТЕКСТЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ
ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ
ПРОТИВ МИРА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. Анализ основных точек зрения на проблему обеспечения безопасности позволяет выделить и определить несколько уровней изучения этой проблемы. В статье проанализированы результаты универсальности форм международных преступлений. Рассмотрен ряд вопросов, связанных с причинностью и детерминацией военных конфликтов, направленных против мира и безопасности человечества. Раскрыты основные понятия и признаки таких преступлений. Дана правовая характеристика международных отношений субъектов-государств, в рамках концепции использования военной силы. Предложены превентивные меры обеспечения безопасности государства.

Tatiana V. Pilyugina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
of the Russian University
of Cooperation Russia
pilyugina_tv@mail.ru

Irina A. Yakovenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
of the Russian University
of Cooperation Russia
irshasal@mail.ru

Taisiya N. Sidorenko

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar cooperative institute (branch)
of the Russian University
of Cooperation Russia
taisianik@yandex.ru

Lyubov A. Tarakanova

Lecturer of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar cooperative institute (branch)
of the Russian University
of Cooperation Russia
tla1710@mail.ru

**ENSURING THE NATIONAL SECURITY
OF THE STATE IN THE CONTEXT
OF SUPPRESSION OF ILLEGAL ACTS
AGAINST THE WORLD AND HUMANITY:
CRIMINAL LAW ANALYSIS**

Annotation. The analysis of the main points of view on the problem of ensuring security allows us to identify and determine several levels of study of this problem. The article analyzes the results of the universality of forms of international crimes. A number of issues related to the causality and determination of military conflicts against the peace and security of mankind are considered. The main concepts and signs of such crimes are revealed. The legal characteristic of the international relations of the subjects-states, within the framework of the concept of the use of military force, is given. Proposed preventive measures to ensure the security of the state.

Ключевые слова: неофашизм, русофобия, геноцид, агрессия, военные конфликты, безопасность государства и человечества, пресечение международных преступлений.

Keywords: neo-fascism, Russophobia, genocide, aggression, military conflicts, security of the state and humanity, suppression of international crimes.

Современное мировое сообщество столкнулось с нарастанием неонацизма и русофобии, религиозных, экстремистских и террористических столкновений, государственных переворотов, политических, территориальных, экономических и иных противоречий. При этом существенным признаком современной действительности в разрешении внутренних спорных противоречивых вопросов становится использование военной силы, а последнее десятилетие «пестрит» какими вооруженными столкновениями как палестино-израильский конфликт на Ближнем Востоке, вооруженный конфликт на территории бывшей Югославии, в Сирии, Ливии, Ираке, на Украине, причины которых в XXI веке не связаны с провозглашением независимости государства, завоевание народом и народностями права на самоопределение. К сожалению, все эти потрясающие совесть человечества злодеяния, имеют особый характер цветных революций, разжигания расизм, неонацизма, геноцида. И все реже ответственные за них лица остаются безнаказанными, наслаждаясь неприкосновенностью в тени государственных суверенитетов, пытаясь забыть, что самый безобидный костерок в условиях засухи или безалаберности обывателей легко может перерасти в грандиозный пожар, который пожрёт и окружающую среду и своих создателей. Вторая мировая и кровавые тени Гитлера и Гимmlера наглядно это подтверждают.

Реальная политика современности, по правде говоря, поддерживает «готтентотскую мораль» [1], принимающую форму обвинения неугодных в нарушении принципов, конвенций, обязательств, нарушении прав человека, при демонстративном игнорировании совершенно аналогичных собственных

действий или действий союзников. Наличие таких двойных стандартов для мирового сообщества сегодня характерно. Европа, оценивая одно и тоже явление по принципу «для кого террорист, а для кого — борец за свободу» [2], в зависимости от отношения к субъекту-стране в отношении одних дает свою поддержку, а в отношении других предпринимаются санкции. Последние события это очень хорошо подтверждают.

Бесспорно, украинский кризис еще раз наглядно демонстрирует политику «двойных стандартов» западного мира. Видимо, Европа забыла факельные шествия и нацистские призывы фашизма, издевательства и эксперименты над людьми, истребление «нишей расы», геноцид. И эта просвещенная Европа, по истечении полувека, спокойно взирает на марши легионеров СС в Прибалтике, а позже — и на возвеличивание Бандеры, Шухевича и им подобных. Боевики «Правого сектора» и профашистских бандеровских организаций, которые громили и захватывали

правительственные здания, сжигали людей живьем, расстреливали из укрытий сотрудников милиции Донбаса и простых граждан, в одночасье превратились на Западе в «борцов за свободу и демократию» и опору нового режима. А какой это режим? Нарастание неофашизма и русофобии, запрет на национальную идентичность русскоязычного населения в Украине, восьмилетнее истребление жителей Донбасса?

Коротка же европейская память, а ведь тогда в 1945 году, весь цивилизованный мир благодарил Россию за избавление от «фашистской чумы», и в рамках принятия совместного международного трибунала в составе представителей Советского Союза, США, Великобритании и Временным правительством Французской Республики были осуждены фашистские преступники. Денацификация консолидированного решения Потсдамской конференции поставила точку над уничтожением тоталитарного государства — Третьего Рейха и, казалось бы, над фашизмом. Но сегодня это не так.

Новые облики и проявления современного фашизма выражаются в показной вседозволенности к соблюдению закона, фальсификации истории, проявлении агрессии и ненависти, унижению и преследованию ветеранов борьбы с фашизмом, осквернению могил и разрушению памятников тем, кто положил свою жизнь в борьбе с нацизмом.

Примечательно, что с 1949 года большинством международных документов ООН и Совета Безопасности ООН воплощен международно-правовой механизм обеспечения мира и безопасности человечества, при этом установлены правовые превентивные меры предупреждения насилия в области прав человека. К сожалению, мировое сообщество не может до конца понять цену правового нигилизма, создавая нестабильную обстановку в мире, создавая сложность причинной связи выражается в наличии в ней многочисленных звеньев, особенно когда речь идет о преступной деятельности государства.

Понятно, что политизированные субкультуры привержены к крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила. Такие политические экстремистские формы и порождают фашизм, расизм, терроризм, а следствие этого одновременное сознательное использование широкомасштабных и систематических нападений на любых гражданских лиц, порождая условия международной преступности, связанной против мира и безопасности человечества (п. 1 ст. 7 Римского статута МУС) [3].

В этом случае, обращает на себя внимание тот факт, что признаки состава преступлений в сфере обеспечения мира и безопасности человечества,

устанавливаются только правовой нормой, и каждая диспозиция конкретного преступления содержит его описание. Специфичность правовых норм таких преступлений предопределяется их конструкцией как объективной, так и субъективной стороны преступления.

Безусловно, учитывая серьезность преступлений против мира и безопасности человечества, вызывающие озабоченность всего международного сообщества (ст. 5 Римского Статута) позволили законодателю объединить их в одну группу, включив в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года (раздел XII, глава 34 УК РФ). Это и планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК), и разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК), геноцид (ст. 357 УК), экоцид (ст. 358 УК), характерны наемничество (ст. 359 УК), акт международного терроризма (ст. 361 УК), реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК).

Анализ этой группы преступлений показал, что все они неразрывно связаны с преступлениями против мира, вместе с тем такая связь до настоящего времени в научном мире не нашла единого подхода по их разграничению и классификации, что связано с двумя обстоятельствами. Прежде всего, ряд международных документов (конвенции, уставы договоров) положил начало кодификации международных преступлений, нормы которых были имплементированы в материю российского уголовного законодательства, не содержащего единой классификации данной группы преступлений. Кроме того законодатель не провел разграничения по главам распределив в них конкретные преступления, тем самым позволил широкий простор для научных дискуссий.

Мнения ученых юристов, конечно, разделились, однако все едины в одном, что это преступления, непосредственно посягающие на отношения, обеспечивающие мирное сосуществование и развитие государств. Ведь преступления этой категории не только ущемляют права и свободы человека, влекут за собой негативные последствия развития общества, но и нарушают жизненно необходимую гармонию в мире, представляют собой угрозу для безопасности всего человечества [4].

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что непосредственным объектом этих преступлений выступают различные элементы мирного сосуществования всех государств планеты [5]. Соответственно, с учетом особенностей этих элементов можно различать их на классифицирующие группы. Это преступления, посягающие на мир (ст. 353–356 УК РФ), против человечества (ст. 357, 358 УК РФ), деяния, посягающие на принципы правового регулирования вооруженных конфликтов (ст. 359 УК РФ) и посягательства на лица

или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360 УК РФ).

Положив в основу классификации аналогичный критерий, М.Г. Янгаева и М.Г. Левандовская, тем не менее, предлагают иные классификационные группы:

- 1) преступления против мира (ст. 353–355 УК);
- 2) военные преступления (ст. 356 УК);
- 3) преступления против человечества (ст. 357, 358 УК);
- 4) посягательство на принципы правового регулирования вооруженных конфликтов (ст. 359 УК);
- 5) посягательство на неприкосновенность лиц и учреждений, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК) [6].

Преступные деяния против мира и безопасности человечества со стороны А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинского и А.Г. Кибальник представлены немного в другой группировке. Это – преступления против мира (ст. 353–355, 360 УК РФ); преступления против правил и обычаев ведения войны (ст. 356, 359 УК РФ), преступления против безопасности человечества (ст. 357, 358 УК РФ) [7].

Наиболее предпочтительной и более близкой нашему пониманию исследуемой группы преступлений представляется классификация, согласно которой преступления против мира и безопасности человечества разделены на две большие группы:

- 1) преступления против мира (ст. 353, 354, 359, 360, 361 УК);
- 2) преступления против безопасности человечества (ст. 355, 356, 357 и 358 УК) [8].

Определившись с кругом деяний, представляющих собой преступления против мира и безопасности человечества, мы считаем возможным перейти к анализу их общей характеристики и в итоге определиться с дефиницией.

Безусловно, характерные конструктивные элементы этой группы преступлений связаны с их объективными признаками, и, прежде всего, их групповым (видовым) объектом.

Заметим, в научной литературе термин «видовой объект» используется в двух значениях: видовым может называться непосредственный объект, а также – видовым объектом может признаваться часть однородных ценностей, входящих в состав более общего родового объекта. Здесь видовым объектом будут выступать все без исключения общественно опасные посягательства, те все социальные блага, признающиеся наиболее значимыми для общества в конкретном историческом периоде.

В некоторых случаях, видовой объект может совпадать и с родовым. Обратим внимание, мир и

безопасность человечества являются одновременно родовым и видовым объектом для исследуемых составов преступлений, так как название гл. 34 и разд. XII УК РФ совпадают, и здесь понятие «родовой объект» определяется как подсистема наиболее значимых социальных интересов. В нашем случае, это – обеспечение международного мира, безопасности человечества и мирное сосуществование государств. По сути, родовой объект и будет являться разграничительным критерием сходных преступлений при квалификации.

Краеугольным камнем в определении понятия «безопасность государства», с учетом уголовно-правовой охраны объекта, становятся общественные отношения защищенности мирного сосуществования социума, использования комплекса политических, экономических, социальных, военных и правовых мероприятий по защите существующего государственного и общественного строя.

Что касается объективной стороны преступлений против мира и безопасности человечества, то во всех четырех составах она выражена активными действиями (например, планирование, подготовка, развязывание, осуществление агрессивных войн, публичные призывы к их началу, производство, накопление, покупка оружия массового поражения, запрещенного международными договорами РФ). Составы преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 355 и ст. 356 УК РФ сконструированы как формальные, а ст. 357 и ст. 358 УК РФ – как формально-материальные [9]. Те преступления, которые связаны с преступным бездействием (принуждение к голодной смерти пленников или гражданского населения, экоцид).

Субъективная сторона преступлений против безопасности человечества характеризуется умышленной формой вины. Интеллектуальный момент прямого умысла в данном случае состоит в том, что субъект преступления сознает, что совершает общественно опасное деяние против безопасности человечества, а волевой момент заключается в желании субъекта его совершить. Это правоприменитель и устанавливает при виновности физического лица.

Сложнее установить виновность государства, особенно если оно руководит другим государством и осуществляет над ним контроль, покрывая преступные последствия международных преступлений. Сложно обвинить сегодня государства Европы в поддержке преступных деяний Украины и становления неонацизма. Хотя еще в Нюрнбергских документах заявлена ответственность за реабилитацию нацизма, а делегитимизированный нацистский режим вновь как «спрут» поглощает общество.

Российское уголовное законодательство особо относится, такого рода, преступлениям, поэтому нормами уголовного законодательства установлена ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ) [10], содержание которой не дает оснований оспаривать вывод о запрещении деяний, посягающих на общественные

отношения по охране исторической памяти России.

Понятно, что видовой объект преступного деяния будет немного отличаться от остальных преступлений против мира и безопасности человечества. Однако распространение последствий пересмотра исторических фактов, относящихся к периоду Второй мировой войны, оценки искажения истории затрагивают мир и мирное сосуществование государств, посягающего на безопасность человечества становится основным. Фактически преднамеренное искажение исторических событий, при оправдании нацизма, как нечто иное, скрытый призыв к развязыванию агрессии, способной совершать и иные преступления международного характера. И в России, и за ее пределами признано, что значение Нюрнбергского трибунала не ограничивается осуждением нацистских преступников [11].

Характеристика объективной стороны этого преступления, по нашему мнению немного размыта. Законодатель определил ее как совершение публичного распространения выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, осквернение символов воинской славы России, связанные с защитой Отечества, установлены федеральным законом, то «выражающие явное неуважение к обществу сведения» о таких днях и памятных датах. Здесь наверное уместнее было бы более конкретизировать понятием « публичное оправдание нацизма и его распространения». Этого же мнения придерживается и Н.А. Егорова [12].

Особое внимание нужно уделять и цели преступления и его мотива, в ожидаемом результате достигнутого. Порой, очень сложно отличить их, поскольку это общие элементы характеристики преступного деяния. Следует не забывать и о способе совершения преступления, о тех методах, порядке, приемах применения при совершении преступных действий, а иногда их невозможно между собой разделить.

События, которые составляют объективную сторону международного преступления, могут совершаться на территориях государств и в разное время, пример тому агрессивная война, планируемая одним государством, а непосредственно преступные действия совершаются на территории другого. И, как правило, эти действия, длящиеся и продолжительные, поскольку действуют непрерывно (например, захват и удержание заложников, незаконной оккупации чужой территории) и состоят из нескольких элементов (акты разбоя среди мирного населения или же издевательства над военнопленными).

Отметим, что последнее время в отношении представителей, находящиеся под международной защитой, совершено множество инцидентов насилия, в основном, это акты экстремизма и терроризма, и число убитых и раненых значительно возросло.

Исторический опыт показывает, что экстремизм в любой форме захватывает общество постепенно. Определить основные тенденции его трансформации вооруженного насилия очень сложно. Трудно и осмыслить преступления против мира и безопасности человечества до конца законодателями и криминологами [13].

С точки зрения криминологического анализа, отметим, военные конфликты являются неотъемлемой частью объективной реальности, в которой существуют современные государства. География очагов напряженности в пространстве и времени определяется особенностями регионов по уровню, составу, динамике, где постоянно происходят военные действия, а границы государств являются формальными и зачастую неустойчивыми (Афганистан, Ирак, Камбоджа, Ливия и Украина). Во всех этих случаях неоспоримым становится факт заинтересованности более крупных государств, региональных и глобальных державы либо сверхдержав в победе одной из сторон, вмешиваясь в военные конфликты. И маловероятно, что такие конфликты не перерастут в глобальную войну военно-политических блоков [14].

С точки зрения криминологов, юристов, да и экономистов, такая рискованная ситуация военной обстановки всегда определяется двумя параметрами - вероятностью наступления и потенциального размера ущерба. Безусловно, ущерб от преступных посягательств в отношении мира и безопасности человечества всегда неизмерим, а вот вероятность изменения военной обстановки всегда зависит от перевешивания противоположных оснований возможности совершенных в действительности событий, положительных над отрицательными основаниями и наоборот.

Решимся говорить «языком числа, веса и меры, доказательств, постигающих внешними чувствами» [15] и отметим причины очевидности лежащих в плоскости военных конфликтов, и выйдем их постоянство в статистике. В связи с этим идя по пути включения предикторов, отражающих современную политическую действительность, и при этом используем целый комплекс статистических исследований [16].

Известно, что в различных регионах одни и те же причинные комплексы действуют по-разному: в одном случае они несут криминогенную нагрузку, в другом – нейтральную, в третьем – позитивную. Согласимся с мнением Н.Ф. Кузнецовой о том, что территориальная неравномерность преступности представляет собой специфическую черту этого социального явления, показывая связь между причинами и условиями преступности, неодинаково интенсивно распределяющимися территориально, и демографическими факторами [17].

Разумеется, используя логико-математические знаковые формулы, попробуем создать модель военных конфликтов, учитывая состояние, динамику и тенденции, территорию распространения и их территорию. В совокупности всех показателей криминологических факторов, можем вывести формулу: $Y = F(X)$, где F – правило

преобразования причины X в следствие Y . Это и есть математическая модель. Назовем F оператором модели [18].

При этом абстрагируемся от мелких и несущественных свойств явления и сосредотачиваем внимание на самых важных признаках военного конфликта. Имеется в виду, что обусловленная формула связи конфликтности с различными факторами, указывает на взаимозависимость обеспечения возможности управления параметрами конфликтов через регулирование значений факторов [19], а оценка математического деления позволяет определить состояние международной преступности, ее коэффициенты и относительные величины степени и сравнения [20].

Итак, используя метод математического анализа военных конфликтов XX–XXI вв., попробуем выделить основные характеристики преступности в сфере безопасности мира и человечества, которая не может быть адекватно отражена лишь одним или несколькими показателями и установить зависимости вида:

$$\Psi = \Psi(\zeta_1; \zeta_2; \dots; \zeta_n; t),$$

где $\zeta_1, \zeta_2, \dots, \zeta_n$ – статистические и социально-демографические параметры, влияющие на ее уровень; Ψ – функция динамики преступности. Определение социальных и правовых факторов, описываемых количественными переменными $\zeta_1, \zeta_2, \dots, \zeta_n$, влияющих на статистическую кривую преступности, необходимо для реалистической оценки действительных изменений в ее динамике и прогнозе [21].

Здесь обращает на себя внимание компонента колебаний динамических рядов снижения и роста локальных конфликтов современности. Характерным становится их динамическая цикличность. Сразу после окончания «холодной войны» в конце XX века в мире мы наблюдаем значительный рост военных конфликтов, достигших до 50 в год, затем, рост напряженности сменяется спадом и кривая конфликтности значительно упала в результате правовых изменений в законодательной характеристике круга уголовно наказуемых деяний, связанных с безопасностью мира и человечества. Однако в XXI веке, с учетом неровности циклических процессов и динамических колебаний локальной конфликтности напряженного противостояния, наблюдаем всплеск военных конфликтов, количество которых превышает в предыдущем периоде.

Речь идет о феномене конфликтов между негосударственными игроками (без участия государства), где базовыми количественными параметрами становится агрессия, насилие, геноцид, ставшей доминирующей формой диалога в международных общениях между государствами, да и внутри их. Именно поэтому в противодействии этому решающую роль должны играть меры раннего предупреждения насилия, особенно неонацизма, экстремизма и терроризма.

Несомненно, правовой основой здесь становятся, установленные уголовно-правовые запреты в сфере преступлений против мира и безопасности человечества не только в национальном, но и в международном уголовном праве. Несмотря на то, что международные нормативно-правовые акты (уставы, конвенции, протоколы, соглашения, договора) установили основания и условия ответственности за особо опасные для человеческой цивилизации группы преступлений против мира и безопасности человечества, сегодня в сложившейся ситуации не используются, международное сообщество не осуждает политике Украины, поддерживает реабилитацию фашизма.

В противовес этому, Следственный комитет Российской Федерации осуществляет досудебное производство по фактам совершенных на Украине преступных деяний, направленных против мира и безопасности человечества. Такими становятся применение силовыми структурами Украины тяжелого наступательного вооружения неизбирательного действия при обстрелах населенных пунктов самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик в попытке уничтожить русскоязычных лиц (геноцид). При этом происходит осуществление прицельных артиллерийских обстрелов жилых районов, объектов инфраструктуры, повлекших гибель людей, среди которых дети (ведение агрессивной войны), а также применение пыток, проведение биологических опытов над гражданами (производство оружия массового поражения) и ряд других.

Понятно, жизнь показала, что бороться за мир и его безопасность можно и нужно всем миролюбивым государствам, в том числе, с помощью права, его общепризнанных норм и принципов, которые способствуют укреплению отношений дружбы и сотрудничества между государствами и народами, ставят правовые барьеры силам агрессии. Однако единства и гармонии со стороны Запада

Литература:

1. *Душенко К.В.* Религия и этика в изречениях и цитатах. М. : Эксмо, 2022.
2. *Сеймур Джераль д Harry's Game* (Игра Гарри). 1975.
3. Римский Статут Международного Уголовного Суда для вынесения приговора лицам, совершившим самые тяжелые преступления. Международный договор от 17/07. 1998 г.
4. *Каболов В.В.* Преступления против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2002. С. 3.
5. *Прохоров Л.А.* Российское уголовное право. Особенная часть / Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова. М., 2015. С. 834.
6. *Янгаева М.Г.* Преступления против мира и безопасности человечества / М.Г. Янгаева; Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова // Уголовное право России. Особенная часть. М., 1996. С. 535; *Левандовская М.Г.* Преступления против мира и

в вопросах уголовной ответственности за военные преступления не наблюдается.

Хотя, в большей степени, признание противоправными действий вооруженных неправительственных организаций необходимо для предъявления официальных обвинений руководителям данных организаций и для принятия соответствующих мер со стороны государств-членов ООН, санкционированных Советом Безопасности ООН, а те сегодня ввергнуты в пучину двойных стандартов.

Итак, история постоянно учит, сохраняющиеся очаги терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды и иных проявлений экстремизма способствуют наращиванию информационно-психологическое воздействие на население России, прежде всего, на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, дестабилизации внутривнутриполитической и социальной обстановки [22]. Поэтому государство в реализации своей политики в сфере противодействия экстремизму, прежде всего, определило защиту общества от экстремистских угроз, путем разработанных государственных программ стратегического планирования методом взаимодействия общества и государства, а также, путем прогнозирования ситуаций, мониторинга и, усиления превентивных мер профилактики и предупреждения экстремизму, неонафашизму и терроризму. И здесь немаловажным элементом становится использование средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Таким образом, формирование в обществе, особенно среди молодежи, атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятия экстремистской идеологии любой формы.

Literature:

1. *Dushenko K.V.* Religion and ethics in sayings and quotations. M. : Eksmo, 2022.
2. *Seymour Gerald d Harry's Game* (Harry's Game). 1975.
3. The Rome Statute of the International Criminal Court for Sentencing Persons who have Committed the Most Serious Crimes. International Treaty of 17/07. 1998.
4. *Kabолоv V.V.* Crimes against the peace and security of mankind : dis... cand. jurid. sciences'. Ros-tov-on/D., 2002. P. 3.
5. *Prokhorov L.A.* Russian criminal law. Special part / L.A. Prokhorov, M.L. Prokhorova. M., 2015. P. 834.
6. *Yangaeva M.G.* Crimes against the peace and security of mankind / M.G. Yangaeva; Ed. by prof. B.V. Zdravomyslova // Criminal law of Russia. Special part. M., 1996. P. 535; *Levandovskaya M.G.* Crimes against the peace and security of mankind /

безопасности человечества / М.Г. Левандовская; Под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, проф. А.И. Рарога, А.И. Чуцаева // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник. М., 2004. С. 709.

7. Мельниченко А.Б. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие для студентов юридических факультетов и специальностей вузов / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский. Ростов-н/Д., 2002. С. 434–435. (Серия «Юридическое образование»); Кибальник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник; Под общ. ред. Р.А. Адельханяна; Под науч. ред. А.В. Наумова // Уголовное право России. Практический курс. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 698–699.

8. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 834.

9. Костенко Н.И. Квалифицирующие признаки состава международного преступления в международном уголовном праве / Н.И. Костенко // Международное право в XXI веке.

10. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ от 25.03.2022 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 25.03.2022. URL : <http://www.pravo.gov.ru>

11. Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности / С.В. Розенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 80–85.

12. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ / Н.А. Егорова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 494–503.

13. Maier-Katkin D. Towards a criminology of crimes against humanity / D. Maier-Katkin, D.P. Mears, T.J. Bernard // Theoretical Criminology. 2009. Vol. 13. № 2. P. 227–255.

14. Симонов П.М. Статистический анализ временных характеристик локальных конфликтов и военных расходов (на примере России и США) / П.М. Симонов, М.В. Прудский // Вестник Пермского университета 2017. Т. 12. № 1.

15. Cattell R.B. A dynamic model of physical influences demonstrating the necessity of oblique simple structure / R.B. Cattell, K. Dickman // Psychological Bulletin. 1962. Vol. 59. P. 389–400.

16. Пилюгина Т.В. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения / Т.В. Пилюгина, Д.А. Натура // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 61–70.

17. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.

M.G. Levandovskaya; Ed. by prof. L.V. Inogamova-Hegai, prof. A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva // Criminal law of the Russian Federation. Special Part : Tutorial. M., 2004. P. 709.

7. Melnichenko A.B. Criminal law. Special part: A textbook for students of law faculties and specialties of universities / A.B. Melnichenko, S.N. Radachinsky. Rostov-on-Don, 2002. P. 434–435. (Series «Legal education»); Kibalnik A.G. Crimes against the peace and security of mankind / A.G. Kibalnik; Under the general editorship of R.A. Adelkhanyan; Under the scientific editorship of A.V. Naumov // Criminal Law of Russia. Practical course. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2004. P. 698–699.

8. Russian criminal law. Special part: textbook for universities / Ed. by V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. M., 2015. P. 834.

9. Kostenko N.I. Qualifying signs of the composition of an international crime in international criminal law / N.I. Kostenko // International law in the XXI century.

10. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ of 03/25/2022 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. St. 2954; Rossiyskaya Gazeta. 2022. 03.25. URL : <http://www.pravo.gov.ru>

11. Rozenko S.V. Rehabilitation of Nazism: new grounds of criminal responsibility / S.V. Rozenko // Legal science and law enforcement practice. 2014. № 3. P. 80–85.

12. Egorova N.A. Rehabilitation of Nazism: criminal law analysis / N.A. Egorova // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. № 3. P. 494–503.

13. Maier-Katkin D. Towards a criminology of crimes against humanity / D. Maier-Katkin, D.P. Mears, T.J. Bernard // Theoretical Criminology. 2009. Vol. 13. № 2. P. 227–255.

14. Simonov P.M. Statistical analysis of time characteristics of local conflicts and military expenditures (on the example of Russia and the USA) / P.M. Simonov, M.V. Prudsky // Bulletin of Perm University 2017. Vol. 12. № 1.

15. Cattell R.B. A dynamic model of physical influences demonstrating the necessity of oblique simple structure / R.B. Cattell, K. Dickman // Psychological Bulletin. 1962. Vol. 59. P. 389–400.

16. Pilyugina T.V. Using the method of mathematical modeling in forecasting regional crime in matters of its prevention / T.V. Pilyugina, D.A. Natura // All-Russian Criminological Journal. 2017. Vol. 11. № 1. С. 61–70.

17. Kuznetsova N.F. Crime and criminality / N.F. Kuznetsova. M. : Publishing House of Moscow University, 1969. 232 p.

18. *Пилюгина Т.В.* Математические методы прогнозирования преступности / Т.В. Пилюгина, Е.А. Пичкуненко, А.А. Вендина // ASPECTUS. 2015. № 1. С. 98–103.

19. *Сторубленкова Е.Г.* Изучение статистической зависимости преступности от криминогенных факторов : дис. канд. юрид. наук. М., 2006. С. 282.

20. *Утаров К.А.* Математические методы в криминологии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2004. 165 с.

21. *Пилюгина Т.В.* Математические методы прогнозирования преступности / Т.В. Пилюгина, Е.А. Пичкуненко, А.А. Вендина // ASPECTUS. 2015. № 1. С. 98–103.

22. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». URL : <http://www.pravo.gov.ru>

18. *Pilyugina T.V.* Mathematical methods of crime forecasting / T.V. Pilyugina, E.A. Pichkurenko, A.A. Vendina // ASPECTUS. 2015. № 1. P. 98–103.

19. *Storublenkova E.G.* The study of the statistical dependence of crime on criminogenic factors : dis. ... cand. of legal sciences M., 2006. P. 282.

20. *Utarov K.A.* Mathematical methods in criminology : dis. ... cand. jurid. Sciences : 12.00.08. M., 2004. 165 p.

21. *Pilyugina T.V.* Mathematical methods of crime forecasting / T.V. Pilyugina, E.A. Pichkurenko, A.A. Vendina // ASPECTUS. 2015. № 1. P. 98–103.

22. Decree of the President of the Russian Federation № 344 dated 29.05.2020 «On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025». URL : <http://www.pravo.gov.ru>

Рахимов Артем Ибрагимович

аспирант Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
старший специалист
отдела криминалистики,
следственное управление
Следственного комитета
Российской Федерации
по Самарской области,
подполковник юстиции
RahimovArtem@yandex.ru

Artem I. Rakhimov

Graduate Student of the Moscow Academy
Investigative Committee
of the Russian Federation,
Senior Specialist
Department of Forensic Science,
Investigation Department
Investigative Committee
of the Russian Federation
in the Samara region,
Lieutenant Colonel of Justice
RahimovArtem@yandex.ru

**ПОЛИГРАФ КАК ЭЛЕМЕНТ
ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье показана возможность использования метода психофизиологических исследований с применением полиграфа как структурного элемента тактической операции, направленной на получение и проверку информации, содержащейся в идеальных следах преступления. Автором описано психологическое состояние человека, возникающее в результате сделанного ему предложения пройти проверку на полиграфе, и использование данного состояния в сочетании с проведением оперативно-разыскных мероприятий в интересах следствия. Приведён алгоритм действий тактической операции.

Ключевые слова: идеальные следы, полиграф, тактика получения и проверки информации, тактическая операция, признаки идеальных следов преступления, классификация идеальных следов.

В современных условиях трудно себе представить эффективное решение задач, стоящих перед правоохранительными органами, без интеграции новых знаний и внедрения достижений науки и техники в их практическую деятельность. Именно криминалистика призвана аккумулировать современные достижения науки и техники, обеспечивать их внедрение в следственную практику. «Криминалистика как прикладная наука является проводником достижений науки и техники в практику борьбы с преступностью» [1], а её развитие, «немыслимо без заимствования передовых идей, решений и технологий различных отраслей современного научного знания» [2].

В настоящее время активно разрабатываемые и совершенствуемые технические средства оценки достоверности информации, содержащейся в идеальных следах преступления, вызывают оживлённые дискуссии об их применении в следственной деятельности. Среди них можно выделить следующие: видео-комплекс высокого разрешения, который позволяет дистанционно

**POLYGRAPH AS AN ELEMENT
OF A TACTICAL OPERATION**

Annotation. The article reveals the possibility of using the method of psychophysiological research with the use of polygraph as a structural element of tactical operation aimed at obtaining and verification of information contained in the ideal traces of the crime. The possible psychological condition of the person, arising as a result of the offer made to him to pass check on the polygraph, and use of the given condition in combination with carrying out of operative-search actions in interests of investigation is described. Algorithm of tactical operation based on the mechanism of psychological influence of the offer to a person to pass a polygraph examination is given.

Keywords: ideal traces, polygraph, tactics for obtaining and verifying information, tactical operation, signs of ideal traces of crime, classification of ideal traces.

оценивать эмоциональное состояние человека, полиграф, айтрекер, термограф, анализатор голоса и т.д.

Все эти средства имеют различия в методике их применения и различную чувствительность к выявлению скрываемой информации. Так, например, О.В. Жбанковой и В.Б. Гусевым экспериментально установлена точность, применении «Айтрекера», которая составляет чуть более 80 % [3]. Проведённые исследования по применению «Термографа» показали точность выявления скрываемой человеком информации в 81,25 % [4], а точность применения полиграфа, по различным источникам, в зависимости от применяемых методик, колеблется от 80 до 95 % [5].

Одним из успешно вошедших в отечественную криминалистическую практику технических средств является полиграф, который с 1993 года стал легально использоваться в рамках оперативно-разыскной деятельности, а уже в 1994 году был создан первый прецедент его

процессуального применения [6]. В настоящее время метод психофизиологического исследования с применением полиграфа активно применяется всеми правоохранительными органами. Согласно проведённому нами опросу, 84,5 % следователей привлекают специалистов-полиграфологов в ходе расследования преступлений. Включают результаты таких исследований в обоснование виновности лица 51,7 % следователей и 25,6 % следователей используют результаты применения данного метода только как ориентирующую информацию.

Вместе с тем, возможности полиграфа не ограничиваются получением и проверкой информации только посредством его непосредственного применения. Сама возможность проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа и его результаты могут быть использованы в качестве тактического приёма, направленного на изменение занятой человеком позиции противодействия следствию, на получение дополнительной информации либо в качестве одного из элементов оперативно-тактической операции.

Предложение пройти проверку на полиграфе оказывает на человека сильное психологическое воздействие, которое может быть использовано в интересах следствия. Так, лицо, получившее такое предложение, в большинстве случаев, оказывается в состоянии неопределённости, при котором ему необходимо принять единственное, верное решение. С одной стороны, его отказ от тестирования на полиграфе может быть воспринят со стороны следствия как косвенный признак причастности к преступлению и вызвать дополнительное подозрение и соответствующие проверочные мероприятия, с другой он испытывает страх быть разоблачённым либо необоснованно обвинённым в ходе данного мероприятия. Для одних сам факт предложения пройти проверку на полиграфе, равно как и предъявление изобличающих результатов исследования, становится тем самым ключевым аргументом, который заставляет сменить позицию и дать правдивые показания, а для других это повод к активному поиску способов избежать, противодействовать либо «обмануть» полиграф, не вызывая при этом каких-либо подозрений в свой адрес. Для большинства людей такие способы не известны, что вызывает у них массу вопросов, требующих разрешения. Пытаясь выйти из сложившейся ситуации, человек испытывает потребность в получении дополнительных сведений о самой процедуре тестирования и способах противодействия ей, получении совета в принятии решения, согласования своего решения с другими лицами, в том числе соучастниками. В результате этого, возникает необходимость встречаться, списываться или созваниваться со своим окружением (родственниками, друзьями, адвокатами, возможными соучастниками и т.д.) для обсуждения сложившихся обстоятельств, что даёт возможность зафиксировать интересующую следствие информацию. Кроме того, в случае согласия человека на проведение в отношении него психофизиологического исследования с применением полиграфа, для него можно создать условия, при которых он будет

уверен в успешности прохождения им процедуры тестирования. С этой целью также могут быть использованы и сами результаты тестирования с применением полиграфа, содержащие сведения в его пользу. Такая убеждённость вызывает у человека чувство гордости и превосходства, которыми он может поделиться со своим окружением, а также снижает его бдительность и осторожность, что способствует совершению им ошибочных действий.

Таким образом, с целью получения и проверки информации, содержащейся в идеальных следах преступления, эффективной может стать следующая тактическая операция, состоящая из нескольких этапов.

1. Анализ имеющихся материалов уголовного дела в целях получения сведений о ближайшем окружении объекта тактической комбинации используемых средств связи и определения круга лиц, имеющих возможность оказать ему содействие в разрешении сложившейся ситуации;

2. Направление в орган дознания поручения с заданием установить ближайшее окружение объекта и используемых средств связи, установления потенциальных лиц, имеющих возможность оказать ему содействие в разрешении сложившейся ситуации;

3. Направление в орган дознания поручения с заданием провести в отношении объекта тактической комбинации и его связей оперативно-разыскные мероприятия: негласное наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации;

4. Допрос объекта тактической комбинации с предложением ему пройти проверку на полиграфе с целью активизации его деятельности;

5. Анализ полученных в ходе оперативно-разыскных мероприятий материалов, по результатам которых возможны следующие ситуации и действия:

– при получении оперативных данных о предстоящей консультативной встрече объекта операции с специалистом-полиграфологом – рассмотреть вопрос о возможном привлечении данного специалиста в целях оказания содействия в негласном опросе объекта с применением технических средств негласной аудио-, видеофиксации;

– при получении достаточных сведений об информированности объекта об обстоятельствах преступления – допрос всех лиц, обсуждавших с ним обстоятельства преступления и вопросы прохождения тестирования на полиграфе, с последующим допросом самого объекта операции с использованием рекомендуемых тактических приёмов при конфликтной ситуации;

– при отсутствии значимых результатов необходимо повторно активизировать деятельность объекта посредством допроса, в ходе которого создать у него убеждённость в успешности

процедуры тестирования на полиграфе и повторно оценить полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий сведения. При этом недопустимо использовать ложные сведения и прибегать к обману.

Вместе с тем, отсутствие значимой информации по результатам проведения оперативно-разыскных мероприятий также могут свидетельствовать о правдивости показаний ранее данных объектом операции.

Кроме того, при нахождении объекта тактической операции в условия изоляции (например, избрана

мера пресечения в виде заключения под стражу), необходимо направить в орган дознания поручение с заданием на проведение негласного опроса объекта тактической операции с применением технических средств негласной аудио-, видеофиксации.

На наш взгляд своевременно спланированная и грамотно проведённая описанная тактическая операция позволит эффективно получать и проверять информацию, содержащуюся в идеальных следах преступления, в ходе расследования преступлений.

Литература:

1. *Волынский А.Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики / А.Ф. Волынский // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 64–69.
2. *Бессонов А.А.* Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминалистики / А.А. Бессонов // Сетевое издание «Академическая мысль». 2019. № 3(8). С. 22–27.
3. *Жбанкова О.В.* Опознание лиц с применением айтрекера фирмы SMI / О.В. Жбанкова, В.Б. Гусев // Материалы конференции Нейронауки и благополучие общества: технологические, экономические, биомедицинские и гуманитарные аспекты. М. : РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. С. 52–53.
4. *Kamatchi A.* Detecting Deception Using Thermal Imaging. Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). 2017. Vol. 3. Iss. 2. URL : <https://www.semanticscholar.org/paper/Detecting-Deception-Using-Thermal-Imaging-Kamatchi> (дата обращения 05.01.2022).
5. Полиграф в России: 1993–2008: Ретроспект / Авт. сост. Ю.И. Холодный // Сб. статей. М. : МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. С. 37.
6. *Холодный Ю.И.* О доказательственном значении результатов экспертизы с применением полиграфа. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы / Ю.И. Холодный // Материалы IV международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 628–637.

Literature:

1. *Volynsky A.F.* Criminological support of detection and investigation of crimes as a form of realization of social functions of criminalistics / A.F. Volynsky // Legal science and law enforcement practice. 2008. № 3(6). P. 64–69.
2. *Bessonov A.A.* Some promising directions of further development of Russian criminalistics / A.A. Bessonov // Academic Thought Network Edition. 2019. № 3(8). P. 22–27.
3. *Zhbankova O.V.* Identification of persons using iTracker SMI / O.V. Zhbankova, V.B. Gusev // Proceedings of the conference Neuroscience and the welfare of society: technological, economic, biomedical and humanitarian aspects. M. : RIC M.A. Sholokhov Moscow State University, 2015. P. 52–53.
4. *Kamatchi A.* Detecting Deception Using Thermal Imaging. Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). 2017. Vol. 3. Iss. 2. URL : <https://www.semanticscholar.org/paper/Detecting-Deception-Using-Thermal-Imaging-Kamatchi> (date of appeal 05.01.2022).
5. Polygraph in Russia: 1993–2008: Retrospect / Yu.I. Kholodny. M. : Bauman Moscow State Technical University, 2008. P. 37.
6. *Kholodny Y.I.* On evidentiary value of polygraph examination results. Debatable questions of the theory and practice of forensic expertise / Y.I. Kholodny // Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. M., 2021. P. 628–637.

Редько Александр Александрович

кандидат юридических наук,
профессор кафедры теории
и истории права и государства,
Волгоградская академия МВД России
aredko3@mvd.ru

**СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМА
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ПРАВА**

Аннотация. В современном правовом государстве механизм права является неотъемлемой частью общества, так как именно он обеспечивает эффективное функционирование нормативно-правовой базы государства и существование государства в целом. Именно в процессе реализации норма права формируется правоприменительная и судебная практики, которые в свою очередь отражают вектор формирования правовой и правозащитной политики. До настоящего времени в современной юридической науке не существует единого и однозначного понятия механизма права в силу того, что данный термин может включать в себя различные друг от друга элементы. Кроме того, трактовка данного понятия напрямую зависит от субъективного мнения ученого-правоведа, его опыта, наблюдения и интереса. Механизм российского права постоянно развивается, как и общество, однако, процесс его реализации имеет целый ряд существенных недостатков и отрицательных элементов в силу отсутствия активной волевой деятельности граждан и общественных организаций в области выявления пробелов в праве, юридических коллизий отдельных норм права. Совокупность множественных проблем в сфере механизма права неминуемо приводит к снижению общего уровня эффективности правового регулирования общественных отношений, снижению качества правосознания и правовой культуры общества в целом, правоприменения и реализации норм права.

Ключевые слова: механизм права, правовая инициатива, гражданское общество, право, реализация права, исполнение, использование, соблюдение.

Механизм современного российского права представляет собой многоуровневый и многоэтапный элемент государственной правовой политики. В современной юридической науке не существует единого и однозначного понятия «механизм права» в силу того, что данный термин может включать в себя различные друг от друга элементы. Кроме того, трактовка данного понятия напрямую зависит от субъективного мнения ученого-правоведа, его опыта, наблюдения и интереса.

Aleksandr A. Redko

Candidate of Legal Sciences,
Professor of the Department of Theory
and History of Law and State,
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
aredko3@mvd.ru

**THE CONTENT OF THE MECHANISM
OF MODERN RUSSIAN LAW**

Annotation. In a modern legal state, the mechanism of law is an integral part of society. It ensures the effective functioning of the legal framework of the state and the existence of the state as a whole. It is in the process of implementing the rule of law that law enforcement and judicial practices are formed, which in turn reflect the vector of formation of legal and human rights policy. Until now, in modern legal science there is no single concept of the mechanism of law, since this term can include various elements. In addition, the interpretation of this concept depends on the subjective opinion of the scientist (his life experience, observation and interest). The mechanism of Russian law is constantly evolving, as is society. However, the process of its implementation has a number of significant shortcomings due to the lack of active volitional activity of citizens and public organizations in the field of identifying problems in law. The combination of which leads to a decrease in the overall level of effectiveness of the legal regulation of social relations, the quality of legal awareness and the legal culture of society as a whole, the processes of law enforcement and the implementation of the rule of law.

Keywords: mechanism of law, legal initiative, civil society, law, realization of law, execution, use, observance.

Механизм права представляет собой многоуровневую и неоднородную субстанцию. Наиболее удачным способом разобраться во всех его аспектах представляется возможным с помощью анализа всех элементов механизма, то есть, его составных частей.

Рассматривая механизм права и механизм реализации права, что называется, «под микроскопом» и в различных интерпретациях, была выявлена некоторая логическая ошибка, которая не

позволяет правоведам подойти к единой точке зрения.

Из-за особенностей произношения самих сочетаний «механизм права», «правовой механизм», «механизм реализации права» возникает некоторая нестыковка. В одном случае ученые-правоведы подразумевают, что путь нормы права от момента возникновения, следуют всем инстанциям и административно-управленческим этапам до юридического факта прекращения. Проследить его относительно не сложно:

- законодатель принимает норму права (корректирует, изменяет, дополняет, обнародовывает);
- далее, например, следователь (любой другой правоприменитель) применил необходимую норму;
- прокурор проверил на обоснованность и законность принятого решения;
- судья озвучил свой вердикт исходя из предельно возможных нижних и верхних санкционных дозволений;
- судебный пристав доставил осужденного до изолятора временного содержания и проконтролировал начало реализации ответственности, одновременно завел исполнительное производство (если речь идет еще и о материальной форме ответственности в совокупности с основным видом наказания);
- сотрудник службы исполнения наказаний поместил в колонию-поселение;
- после освобождения участковый уполномоченный полиции по месту жительства отмечает ранее осужденного до полного погашения судимости. Таким образом, право реализовано от идеи или диспозиции нормы до юридического факта прекращения правоотношений «преступник-государство».

Следующий подход к механизму реализации права – это подход, когда смысловая нагрузка акцентирует ударение на правах человека и гражданина, и задача ученого – установить каким, образом происходит и что из себя представляет этот механизм. Другими словами, в этом контексте механизм – совокупность всесторонних материальных и процессуальных элементов, а не алгоритм действий. Право – неотъемлемые возможности и притязания человека и гражданина. Реализация – в первую очередь, обеспечение.

Вот почему одна научная школа, рассуждая о механизме права, обосновывает те этапы, по которым проходит право и то, как оно работает, а другая, высказываясь о том же явлении, уверено интерпретирует механизм права как способ обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Рассуждая именно о составе механизма права приходим к выводу о том, что он представляет из себя несколько активных, пассивных и содержательных компонентов. «Правовой механизм следует определить как совокупность правовых

норм, правоотношений и юридических актов, участвующих в правовом воздействии, и существующих в виде динамической, внутренней единой системы, элементы которой приобретают новые свойства именно в результате своего взаимодействия».

Первым компонентом механизма права выступает «статистический компонент» он включает в себя законодательство российской федерации во все его объеме от законов и подзаконных нормативных правовых актов до исполнительно-распорядительных документов, постановлений, указов и определений. Следующим звеном статистического компонента выступает правовая доктрина, которая все чаще и чаще встречается в правовой действительности. Сюда же можно отнести судебную и правоприменительную практику в стране, в целом, и в каждом регионе дифференцировано. Наконец, последним звеном, на наш субъективный взгляд, статического компонента правовой системы выступают ратифицированные международные договоры, соглашения и программы о сотрудничестве.

Следующим компонентом будет являться деятельность уполномоченных субъектов по реализации взятых на себя государством обязательств, таких как защита прав и свобод личности, основ конституционного строя, различных форм собственности, обеспечение социальных гарантий, безопасность, окружающая среда и много другое. Именно процессуальный или динамический компонент механизма права чаще всего называют механизмом реализации права. Он включает в себя правоприменение, правотворчество, правовое воспитание, контроль, надзор и справедливое правосудие. Р.Б. Гюльвердиев [2] первый и второй компоненты механизма права обоснованно именует как «структурный» и «функциональный компоненты». «В доктрине права и государства их важнейшие характеристики выражаются через категорию «механизм», как структурной и функциональной взаимосвязи их элементов, образующих опорную конструкцию и служащей их устойчивости и целеустремленному воздействию на различные процессы, протекающие в обществе (политические, экономические, социальные)».

Следующим наиболее важным компонентом механизма права выступает «волевой компонент». Он наполняет механизм права смыслом, определяет необходимость принятия тех или иных норм права. Выступает катализатором начала, прекращения или изменения любых правоотношений. Между строк о волевой составляющей в механизме права говорили Н.Н. Тарасов [5], Н.Л. Гранат [1], В.В. Лазарев [4], С.А. Кузнецова [3] и некоторые другие авторы. В.В. Лазарев [4] в своих трудах указывает на взаимосвязь нормы права с волевым компонентом сознания субъекта инициативы необходимости урегулирования общественных отношений.

Волевой компонент будет включать в себя несколько взаимосвязанных звеньев таких как: правовая инициатива, саморегуляция, усмотрение, социальный мониторинг отношения граждан к

принимаемым нормативным правовым актам и к политической элите.

Сегодня в качестве чуть ли не центральной проблемы механизма права выступает ее перенасыщенность нормативными правовыми актами. Это обусловлено тем, что при разработке нового законопроекта, как правило, законодатель не обращается за помощью к гражданам и специалистам, что значительно повышает степень вероятности принятия неточного, не отражающего объективные потребности нормативно-правового акта, снижается уровень юридической техники, что в дальнейшем, сказывается на эффективности правового регулирования общественных отношений, в целом. Граждане, специалисты, практики необходимы законодателю для проведения сравнительного анализа правовой базы государства, предоставления качественной правовой оценки конкретной нормы права, проведения научного и юридического консультирования органов, имеющих право законодательной инициативы, по вопросам использования новейших информационных технологий, разъяснения существующего законодательства.

Последним компонентом механизма права, в нашем понимании, выступает цель самого политико-правового явления, а также краткосрочные и долгосрочные задачи, помогающие достигнуть такую цель. Основопологающей целью правового механизма выступает построение правового государства и гражданского общества.

Современный механизм права абсолютно невозможно представить в виде обособленного, абстрагированного от каких-либо явлений, элементов и факторов явления, напротив, он представляет собой деятельность и функционирование взаимосвязанных элементов и факторов, оказывающих, как положительное, так и отрицательное влияние на процесс создания норм, алгоритмов формирования правовой политики, научных разработок, судебной и правоприменительной практики.

Кроме того, механизм современного российского права подвержен воздействию целого ряда факторов, под которыми принято понимать совокупность конкретных жизненных обстоятельств и условий, препятствующих или содействующих его развитию, статике или деградации. Условно, данные факторы можно подразделить на экономические, политические, внешнеполитические, идеологические, религиозные, культурные (нравственные), социальные и волевые, учитывая особенности каждого вида факторов, определяя характер их воздействия.

Механизм современного российского права в XXI веке находится под сильнейшим влиянием процессов глобализации и цифровизации. Трансформацию всех сфер общественной жизни можно условно приравнять к промышленной революции, которая проникает во все виды общественных отношений населения, изменяя их суть, структуру и побуждая государственные органы к широкой и активной модернизации системы законода-

тельства и права в целом. Данные изменения в системе механизма права лишь набирают обороты. Причем многие ученые убеждены, что такое объемное понятие как правовой механизм под влиянием цифровизации, полностью изменит свой образ, границы своего регулирования и действия, цели и задачи, функции и т.д. Соответственно, современное законодательство не в полной мере отвечает цифровым реалиям общества, система законодательства, а равно и способы ее реализации и контроля в современных условиях значительно отстают от постоянно развивающихся социально-экономических условий.

Содержание механизма российского права будущего – это, в первую очередь, законы, представленные в цифровом формате. Нормативно-правовые акты должны стать интерактивными, включая, при этом систему общественных отношений в сфере цифровизации, новейших технологий. Причем, для осуществления данного процесса необходимо разработать четкую систему гибких механизмов, первой из которых в Российской Федерации стала технология «блокчейн». Суть блокчейна в процессе правотворчества заключается в заключении смарт-контрактов, позволяя разрешать споры и применять нормы права для регулирования экономических отношений. Кроме того, учитывая процесс цифровизации, активно применяется в процессе правотворчества система электронного документооборота, позволяющая качественно осуществлять электронно-цифровые операции с документами, в том числе с нормативно-правовыми актами, обеспечивая их сохранность, быстроту создания и возможность беспрепятственного доступа к правовой базе государства. Таким образом, на данный момент существуют значительные пробелы в сфере цифровизации механизма права, однако, именно дальнейшая разработка и правовое принятие цифровых систем: блокчейн, Big Data, биткойн, электронного документооборота – позволят всецело обеспечить переход механизма права в электронный формат с максимальными показателями качества и эффективности.

Рассмотрев некоторые внешние и внутренние аспекты состава механизма современного российского права, нам представляется возможным сформулировать его определение.

Содержание механизма современного российского права – это совокупность взаимосвязанных статистического, динамического и волевого компонентов в деятельности коллективных и индивидуальных субъектов, позволяющие формировать правовую политику современного российского государства таким образом, чтобы целью стратегического развития страны выступало построение правового государства и гражданского общества. Дальнейшая теоретико-правовая, а также, законодательная разработка обозначенных проблем помогут в преодолении многих политико-правовых нестыковок. Стоит отметить и особую важность цифровизации в составе механизма права, так как именно она существенным образом и в ближайшее время трансформирует его содержание.

Литература:

1. *Гранат Н.Л.* Психологические основы обеспечения социалистической законности в деятельности органов внутренних дел / Гранат Н.Л. // Обеспечение социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Сборник тезисов лекций. М., 1977. С. 62–72.
2. *Гюльвердиев Р.Б.* Механизм юридической конвергенции в сфере внешнеэкономической деятельности: понятие и основные элементы / Р.Б. Гюльвердиев // State and Law: theory and practice. 2016. № 3(4). С. 63–69.
3. *Кузнецова С.А.* К вопросу об определении понятия «правовой механизм» / С.А. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1(57). С. 10–12.
4. *Лазарев В.В.* Социально-психологические аспекты применения права. Казань : Издательство Казанского университета, 1982.
5. *Тарасов Н.Н.* Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.

Literature:

1. *Granat R.B.* Psychological foundations for ensuring socialist legality in the activities of the internal affairs bodies / R.B. Granat // Ensuring socialist legality in the activities of the internal affairs bodies. Collection of lecture theses. M., 1977. P. 62–72.
2. *Gulverdiyev R.B.* Mechanism of legal convergence in the field of foreign economic activity: concept and basic elements / R.B. Gulverdiyev // State and Law: theory and practice. 2016. № 3(4). P. 63–69.
3. *Kuznetsova S.A.* To the question of the definition of the concept of «legal mechanism» / S.A. Kuznetsova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 1(57). P. 10–12.
4. *Lazarev V.V.* Socio-psychological aspects of the application of law. Kazan: Kazan University Press, 1982.
5. *Tarasov N.N.* The role of socio-psychological factors in legal regulation : author. dis. ... cand. legal Sciences. Sverdlovsk, 1979.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Семенов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА РЕЦИДИВА В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Рецидив, в том виде, в котором в рамках законодательства мы наблюдаем его сейчас, прошел длинный путь своего формирования, уходя своими корнями в глубокое историческое прошлое. Проблема повторности тождественных преступлений являлась актуальной как среди ученых правоведов, так и у юристов-правоприменителей. У понятия «рецидив» есть несколько значений, таких как медицинский и юридический. Учитывая направление нашей статьи, интерес для нас представляет второй термин.

Ключевые слова: закон, преступление, повторность, рецидив.

Впервые понятие «рецидив преступления» встречается в 1397 году в грамотах Псковской судной и в Двинской уставной. В них рецидив значит как «повторение преступления» и учитывается в отношении не всех преступлений, а лишь воровства (татьбы), так как в то время усиливалась ответственность только за повторную кражу.

Следующими нормативными актами, в которых говорится о «повторении преступлений» стал Судебник 1497 года и Уставная книга разбойного приказа. Согласно им предусматривалось ужесточение наказания за совершение преступления ведомым лихим человеком в качестве своего основного занятия и лица, участвовавшего в трех и более разбоях.

Свое историческое развитие рецидив преступлений нашел и в Соборном уложении 1649 года. Здесь, больше всего велась речь о краже, а

Andrey A. Savin
Senior Lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute Federal
Penitentiary Service
Aasavin33@mail.ru

Sergei A. Semenov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor
of Public Legal Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
kurlak09@rambler.ru

FORMATION OF THE INSTITUTE OF RELAPSE IN ITS HISTORICAL ASPECT

Annotation. Relapse, in the form in which we observe it now within the framework of legislation, has gone a long way in its formation. The problem of repetition of identical crimes was relevant both among legal scholars and law enforcement lawyers. The concept of "relapse" has several meanings, such as medical and legal. Considering the direction of our article, the second term is of interest to us.

Keywords: law, crime, repetition, recidivism.

именно о смертной казни за совершение кражи в третий раз, которая нередко применялась.

Эпоха правления Петра I ознаменовалась ужесточением ответственности практически за все виды противоправных деяний. Не обошло стороной это и рецидив, так «Указ от 10 ноября 1721 года признавал рецидивом лишь третье воровство, а второе подпадало под понятие «повторение» и не влекло за собой усиления наказания» [1]. Согласно Артикулу воинскому 1715 г., усиление наказания предусматривалось за третий и последующие рецидивы преступлений – от каторги до расстрела или повешения.

Известный публицист и философ конца XVIII века М.М. Щербатов в своем произведении под названием «Путешествие в землю Офирскую Г-на С. шведского дворянина» писал следующее относительно совершения повторных преступлений: «Всякое воровство и похищение ведет к

наказанию и обязанности воздать вдвое за взятое. На случай несостоятельности виновный должен тяжкою работою сие заработать, хотя бы она и по конец жизни продолжалась. Повторение ведет к вящему наказанию» [2].

До 19 века фактически не существовало нормативного регулирования рецидива преступлений, однако, это не являлось проблемой при назначении наказаний за уже ранее совершенные аналогичные преступления. Российские нормативно-правовые акты, принятые в период с XIX по XX века, оказали особо важное влияние на формирование нормативных положений о понятии рецидива преступлений и его видах в частности советском законодательстве. Так, в первые годы существования советского государства, была предусмотрена возможность применения дореволюционного отечественного законодательства, например, ст. 5 Декрета СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» устанавливала, что применение отдельных норм, касающихся рецидива, допускается в случае, если таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [3].

Столпом отечественного законодательства 19–20 веков стоял Свод законов Российской империи 1832 г., в котором, в одном из томов, устанавливалось две формы множественности преступлений: стечение преступлений и повторение преступлений. Под повторением преступлений подразумевалось, что «повторение одного и того же преступления умножает вину преступника. Повторением преступления считается то, когда преступник, будучи наказан за преступление, учинил то же самое в другой или третий раз» [4], при этом каких-либо законных сроков, исключающих повторность, предусмотрено не было.

В научной литературе взгляды на указанную трактовку разнились, так, по мнению Н.С. Таганцева: «повторение преступлений умножало вину преступника, но сама мера усиления предоставлялась усмотрению судьи, если только не содержалось по этому поводу прямых указаний. Обычно наказание за повторение удваивалось, или присоединялось к новому наказанию прежнее, или же допускался переход и к высшему роду, причем иногда размеры усиления были весьма велики; так, например, за тайный провоз товаров в первый раз назначалось легкое телесное наказание, а в третий – ссылка на каторгу» [5].

Отметим, что помимо действующего Свода законов, действовал и Сельский судебный Устав 1839 г., который, в свою очередь, усилил наказание за рецидив преступлений, так в ст. 90 Устава закреплено, что за «важнейшие проступки или за неоднократно повторенные проступки меньшей важности полагалось наказание розгами (от десяти до шестидесяти ударов)» [6].

С начала 19 века формировалось положение о формах множественности преступлений и более четко разделились понятия «совокупность преступлений» и «рецидив преступлений». В конце 19 века институт рецидива имеет самостоятельный вид и детальную проработку нормативно-

правовой базы. Имеется в виду то, что после издания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., было положено начало кодификации отечественного уголовного законодательства. Так, в Уложении выделялся рецидив преступлений как одна из четырех форм множественности преступлений. «Учинивший какое-либо преступление, хотя и без обдуманного заранее намерения или умысла, но в третий раз, наказывается столь же строго, как учиненное в первый раз с обдуманным заранее намерением или умыслом (ст. 113 Уложения)» [7]. Здесь нельзя не упомянуть, что в середине 19 века имел так же Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., по которому устанавливался срок, по истечению которого рецидивом уже не признавалось повторное преступление. Очевиден законодательный прогресс к середине 19 века, который формировал все более точные правовые термины, позволяющие точнее и законодательно обоснованнее разделять преступные деяния на более тяжкие и наоборот при рассмотрении уголовных дел и более точно индивидуализировать назначаемое виновному лицу наказание.

Начало XX века не стало исключением в формировании уголовного законодательства и, в частности, в вопросах исследования рецидива преступлений. На свет появилось Уголовное уложение от 22 марта 1903 г., которое в отличие от предшествующих источников включило нормы об усилении уголовной ответственности за совершение многократного (специального) рецидива преступлений. Еще больше внимания было уделено рассматриваемому институту в середине XX века, когда Указом Президиума Верховного Суда РСФСР от 14.11.1969 года в Уголовный кодекс РСФСР 1960 года была введена статья 24-1 – «Особо опасный рецидивист», которая не содержала определения рецидива преступлений и особо опасного рецидива, однако предусматривала условия признания виновного лица таковым» [8]. На фоне множящихся фактов хищения социалистической собственности, необходимы были действенные рычаги правоприменителя и, как раз, очень своевременно вышеуказанные изменения и были внесены в уголовный закон. Отличительной чертой судебного рассмотрения дел того времени являлась открытость и народное мнение при назначении наказания виновным лицам, однако вопросы определения принадлежности виновного к простому рецидиву или опасному, находилось в исключительном ведении судьи.

Новинкой для уголовного законодательства в России к началу XX в. стало введение нормы о дополнительных мерах по наказанию рецидивиста. Теперь целью являлось исправление такого лица, путем назначения к основному наказанию за совершение специального вида рецидива преступлений дополнительного вида наказания, чего не было предусмотрено до начала XX века в России. Можем предположить, что с введением данного новшества, законодатель тем самым усиленно боролся с профессиональными преступниками, которых, на фоне нестабильной политической обстановки, было немало, и такая борьба была крайне своевременной и актуальной.

Подводя итог, стоит отметить, что история становления института рецидива фактически начинается с 14 века и продолжается до настоящего времени.

Так, существуют свои особенности назначения наказания при рецидиве преступлений и выборе исправительного учреждения для подсудимого, но все эти действия суда должны быть направлены на исправление преступника, на стремление его к осознанию своих неправомерных действий. В современном мире, когда

Литература:

1. Южанин В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект) / В.Е. Южанин // Человек: преступление и наказание 2018. № 2. С. 57.
2. Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую Г-на С. шведского дворянина / М.М. Щербатов // Сочинение князя М.М. Щербатова. СПб., 1896. Т. I. С. 950.
3. Еранцева О.А. Развитие дореволюционного отечественного законодательства о рецидиве преступлений с XIX в. до начала XX в. / О.А. Еранцева // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2019 г.). СПб. : Свое издательство, 2019. С. 17; 18; 19.
4. Таганцев Н.С. О повторении преступлений: Исследование. СПб. : Журнал Министерства юстиции, 1867. С. 158.
5. Чистякова О.И. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М. : Юридическая литература, 1996. С. 196.
6. Меликов Э.М. Понятие, признаки и уголовно-правовое значение рецидива преступлений / Э.М. Меликов // Инновации в науке. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2017. С. 47–48.

законодательство нацелено на либерализацию уголовного законодательства, довольно частым завершением судебного процесса является назначение наказания лицу при рецидиве преступлений в тех же рамках, что и впервые привлеченному к уголовной ответственности, по сути стирая грань наличияотячающего обстоятельства. На наш взгляд, это не является справедливым, если сравнивать с другими странами, или хотя бы с наказаниями за рецидив в нашем недалеком прошлом.

Literature:

1. Yuzhanin V.E. Responsibility for multiple recidivism of crimes under the legislation of Russia (historical aspect) / V.E. Yuzhanin // Man: crime and punishment 2018. № 2. P. 57.
2. Shcherbatov M.M. Journey to the land of Ophir by Mr. S. Swedish nobleman / M.M. Shcherbatov // Essay by Prince M.M. Shcherbatov SPb., 1896. Vol. I. P. 950.
3. Erantseva O.A. Development of pre-revolutionary domestic legislation on recidivism from the XIX century to the beginning of the XX century / O.A. Erantseva // Law: History, theory, practice: materials of the IV International Scientific Conference (St. Petersburg, July 2019). SPb. : Its publishing house, 2019. P. 17; 18; 19.
4. Tagantsev N.S. On the repetition of crimes: A study. SPb. : Journal of the Ministry of Justice, 1867. P. 158.
5. Chistyakova O.I. Russian legislation of the X–XX centuries. M. : Legal Literature, 1996. Vol. 6. P. 196.
8. Melikov E.M. Concept, signs and criminal-legal significance of recidivism of crimes / E.M. Melikov // Innovations in science: collection of scientific works. Novosibirsk, 2017. P. 47–48.

Силкин Артем Михайлович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
timsil@ya.ru

РЕФОРМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПКАХ КАК КАТАЛИЗАТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ СТАТЕЙ 200.4 И 200.5 УК РФ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции законодательного подхода к регламентации ответственности за преступления в сфере государственных закупок представителями заказчика в рамках статей 200.4 и 200.5 УК РФ в соотношении с реформой законодательства о государственных и муниципальных закупках как катализатора совершенствования государственной политики в целом. Обосновывается вывод о необходимости корректировки рассматриваемых составов с использованием уголовно-правового инструментария, направленной на оптимальное правоприменение в целях пресечения финансовых махинаций с государственными средствами при государственных и муниципальных закупках.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, должностные лица, муниципальные закупки, трансформация законодательных подходов, криминализация, законодательная регламентация, преступления коррупционной направленности.

Современные тенденции развития общества повышают запрос со стороны граждан на прозрачность и подотчетность правительства, а также усиливают стремление к большей вовлеченности в их деятельности. Подобный запрос неразрывно связан с необходимостью повышения эффективности управления бюджетными средствами. В этой связи система государственных закупок становится объектом пристального внимания общества.

Прозрачность и хорошо организованная система государственных закупок выгодна всем заинтересованным сторонам процесса: государственному сектору (правительству, органам государственной власти, государственным предприятиям),

Artem M. Silkin
Associate Professor
of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
timsil@ya.ru

THE REFORM OF LEGISLATION ON STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT AS A CATALYST FOR IMPROVING THE NORMS OF CRIMINAL LEGISLATION UNDER ARTICLES 200.4 AND 200.5 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

Annotation. The article examines the trends of the legislative approach to the regulation of liability for crimes in the field of public procurement by the customer's representatives within the framework of Articles 200.4 and 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the reform of legislation on state and municipal procurement as a catalyst for improving public policy in general. The conclusion is substantiated that it is necessary to adjust the compositions under consideration using criminal law tools aimed at optimal law enforcement in order to prevent financial fraud with public funds in state and municipal procurement.

Keywords: public procurement, contract system, officials, municipal procurement, transformation of legislative approaches, criminalization, legislative regulation, corruption crimes.

частному бизнесу и гражданам. Эффективное функционирование сферы государственных закупок становится обязательным условием для экономического роста и результативного государственного инвестирования. И наоборот, ненадлежащее управление неизбежно приводит к растрате бюджетных средств, дополнительным расходам и затруднениям в достижении поставленных целей.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в числе стратегических национальных интересов страны, а также, стратегических национальных приоритетов указано укрепление законности и искоренение коррупции [1].

Согласно положениям Федерального закона от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», государственные закупки представляют собой совокупность действий, осуществляемых в установленном настоящим Федеральным законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд [2]. Согласно данным Всемирного банка, в 2018 г. на государственные закупки пришлось 11 трлн. долл. США, что эквивалентно 12 % от общего объема мирового ВВП в 90 трлн. долл.

В рамках реализации Федерального закона от 23.04.2018 № 99-ФЗ была установлена ответственность за преступления в сфере государственных закупок как для работников заказчика, руководствующегося при закупках Законом № 44-ФЗ, так и для лиц, которые подкупают таких работников в своих интересах. Целью нового закона стало усиление ответственности за нарушения в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [3]. Таким образом, Уголовный кодекс РФ пополнился новыми статьями 200.4 и 200.5.

Однако законодательный подход к регламентации ответственности за указанные преступления в сфере государственных закупок представителями заказчика, получивший реализацию в законе вряд ли можно назвать оптимальным.

Криминализация и декриминализация соответствующих деяний являются неотъемлемыми составляющими процессами в осуществляемой любым государством уголовно-правовой политике [4]. По нашему мнению, процесс криминализации рассматриваемых деяний принципиально в большей степени логичен и объективно обоснован. В то же время, законодательская техника, используемые технические средства, терминология вызывают критические оценки проделанной работы. Современные тенденции трансформации законодательных подходов к конструированию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере государственных закупок представителями заказчика, а также определению ее в системе преступлений в сфере экономической деятельности нуждаются в теоретическом осмыслении и серьезной корректировке.

Неоспоримым является введение новых норм уголовного закона, отвечающее требованиям сегодняшнего дня, когда деятельность государства и стоящих перед ним задач тесно связана с расходованием огромных сумм бюджетных средств, а эта сфера нуждается в особой уголовно-правовой охране. Но сегодняшняя реальность, при которой Россия вынуждена противостоять стремлению стран Запада сохранить свою гегемонию в условиях кризиса современных моделей и инструментов экономического развития, усиления диспропорций в развитии государств, требует своевременного и рационального использования всех законодательных инструментов в борьбе с коррупцией. В том числе и в сфере государственных закупок.

Рассматриваемые составы преступлений, согласно Указания Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 г. «О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», были включены в Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности [5].

Согласно Перечня, данные деяния являются исключениями, которые хотя и не отвечают указанным признакам коррупционных, перечисленным в п. 1 Перечня, но относятся к таковым в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также, связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды.

Для обеспечения прозрачности процедур государственной закупки, расширения конкуренции, снижения издержек потенциальных поставщиков законодателем принят Федеральный закон от 31.12.2017 г. № 504-ФЗ, в рамках которого было предложено перевести закупки в электронную форму с начала 2019 года [6].

Следуя по пути дальнейшего совершенствования закона о государственных закупках, Президентом РФ В.В. Путиным был подписан Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 360-ФЗ являющийся оптимизационным, призванным усовершенствовать закупки, осуществляемые в рамках Федерального закона № 44-ФЗ [7]. Таким образом, можно говорить о том, что система государственных закупок динамично совершенствуется и реформируется.

Новые вызовы, с которыми столкнулась страна, должны рассматриваться как возможность реальных и фундаментальных изменений, а сама реформа государственных закупок – как катализатор совершенствования государственной политики и привлечением гражданского общества и других заинтересованных сторон, в том числе, с использованием уголовно-правового инструментария.

Учитывая данные статистики, рассмотренных судами уголовных дел, возбужденных по ст. 200.4 и 200.5 УК РФ, можно заключить, что таковых решений практически нет за весь период с момента их появления в уголовном законе и по настоящее время. Но это совершенно не говорит о том, что данные преступления искоренены, и что система, так называемых, «откатов» не действует. По нашему мнению, это лишь свидетельствует о том, что правоприменитель сталкивается с реальными проблемами при квалификации деяний, предусматривающих уголовную ответственность за нарушения в рамках рассматриваемых статей, что напрямую связано с законодательной конструкцией данных составов. Об указанной проблеме, выступая на вебере ФПА, заявляла и

Людмила Букалерева, отмечая, что на практике принятые статьи не применяются, что вызвано несовершенством их конструкции, приводящим к конкуренции норм, а это неправильно и усложняет работу правоприменителей [8].

Учитывая важное значение государственных закупок для достижения экономических результатов и рационального государственного управления, правительство использует закупки в качестве стратегического инструмента для достижения дополнительных политических целей, направленных на преодоление экологических, экономических и социальных вызовов, в соответствии с национальными приоритетами. Государственные закупки имеют ключевое значение для повышения эффективности функционирования государственного сектора и повышения доверия граждан. Все чаще государственные закупки рассматриваются в качестве рычага стимулирования экономического роста.

Закупки в сфере государственного сектора позволяют оказывать базовые услуги, например, в сфере здравоохранения, инфраструктуры или энергетики. Здравоохранение является второй по величине областью расходов для правительств (более 9 % ВВП). При этом коррупционные риски в области здравоохранения выше, чем во многих других областях. Уровень коррупции в данной сфере может быть снижен за счет комплекса мер, к которым можно отнести как повышение транспарентности формирования цен на лекарства, разработки единых требований или осуществления совместных государственных закупок двумя или более организациями-заказчиками, так и за счет правильно выстроенной структуры уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере государственных закупок всеми участниками. В сфере инфраструктуры и энергетики государственные закупки носят комплексный характер и также отличаются уязвимостью к коррупционным рискам.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>
2. Ч. 1 п. 3 ст. 3 Федерального закона от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>
3. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>

Поэтому требуется самый серьезный подход к унификации и гармонизации принимаемых важнейших нормативных правовых актов и согласованности проводимых организационных мероприятий.

Значительно усугубляют ситуацию принимаемые странами Европейского союза и США экономические и политические санкции. Перекрытие государственных и таможенных границ наносит колоссальный материальный ущерб странам, импортируемым и экспортируемым продукцию различного вида. В условиях сложной сначала эпидемиологической обстановки затем сложившейся геополитической ситуацией в России и с немыслимым давлением на страну стран ЕС и США не только западный производитель товаров, но и в первую очередь российский изыскивают способы их сбыта, нередко криминального характера. Кроме того, в современных условиях, связанных со сложной геополитической обстановкой, еще более обострилась сложившаяся в России масштабная диспропорция между импортом и экспортом, что поставило российского производителя в весьма невыгодное положение, который вынужден искать варианты сбыта товаров, нередко криминальных [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложившаяся в мире геополитическая ситуация, при которой экономика России подверглась беспрецедентному давлению, может способствовать увеличению количества совершаемых преступлений в сфере экономической деятельности в целом и сфере государственных закупок в частности. И вполне естественно, что в противодействии отмеченным деяниям важнейшую роль выполняют уголовно-правовые средства. В современных условиях требуется корректировка уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за рассматриваемые деяния, направленная на оптимальное правоприменение в целях пресечения финансовых махинаций с государственными средствами при государственных закупках, особенно при реализации национальных проектов.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>
2. Part 1, paragraph 3, Article 3 of Federal Law № 44-FZ dated 05.04.2013 «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to Ensure state and municipal needs». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>
3. Explanatory Note to the Draft Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>

4. *Агапов П.В.* Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 33–35.

5. Указания Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 г. «О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности. URL : <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korrupsionnoi>

6. Федеральный закон от 31.12.2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>

7. Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47053>

8. Адвокатам рассказали о теоретических и правоприменительных проблемах ст.200.4 и 200.5 УК. Адвокатская газета 20 ноября 2020г. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam-rasskazali-o-teoreticheskikh-i-pravoprimeritelnykh-problemakh-st-200-4-i-200-5-uk>

9. *Скачко А.В.* Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: стратегические направления уголовно-правовой политики и противодействие им в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 5.

4. *Agapov P.V.* Fundamentals of countering organized criminal activity : abstract. dis. ... dr. law. M., 2013. P. 33–35.

5. Instructions of the Prosecutor General's Office of Russia № 35/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia № 1 dated 24.01.2020. «On the entry into force of the list of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting». List № 23 of corruption-related crimes. URL : <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korrupsionnoi>

6. Federal Law № 504-FZ dated 31.12.2017 «On Amendments to the Federal Law «On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, services for State and Municipal Needs». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>

7. Federal Law № 360-FZ of 02.07.2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47053>

8. The lawyers were told about the theoretical and law enforcement problems of pages 200.4 and 200.5 of the Criminal Code. Advocate newspaper November 20, 2020. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam-rasskazali-o-teoreticheskikh-i-pravoprimeritelnykh-problemakh-st-200-4-i-200-5-uk>

9. *Skachko A.V.* Smuggling and customs evasion: strategic directions of criminal law policy and countering them in modern Russia : dis. ... d-r. law. Krasnodar, 2017. P. 5.

Скрипниченко Дмитрий Александрович
ведущий специалист,
ООО Юридическое агентство «ТАН»
dmitriy@vip-civilist.ru

Куемжиева Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
kuemzhieva-elena@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ОБЖАЛОВАНИЯ ЗАОЧНОГО РЕШЕНИЯ СУДА

Аннотация. Институт заочного производства регулируется гл. 22 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ). Заочное производство, в самом общем виде, можно определить как порядок рассмотрения и разрешения дел по существу с вынесением соответствующего решения в отсутствие ответчика (соответчиков). В статье рассмотрены вопросы обжалования заочного решения в суде апелляционной инстанции, сроки для обжалования такого решения в вышестоящий суд, выявлены пробелы, существующие на практике при установлении сроков на обжалование заочного решения, как не вступившего в законную силу, так и вступившего.

Ключевые слова: заочное производство, заочное решение суда, обжалование, сроки, суд, истец, ответчик.

Институт заочного производства регулируется гл. 22 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [1]. Заочное производство в самом общем виде можно определить как порядок рассмотрения и разрешения дел по существу с вынесением соответствующего решения в отсутствие ответчика (соответчиков) [2].

Заочное решение суд может вынести только при соблюдении императивно закрепленных в ст. 233 ГПК РФ условий, без которых решение не может быть заочным.

В качестве первого условия законодатель устанавливает неявку в судебное заседание ответчика с определенной оговоркой. В качестве таковой выступает надлежащее уведомление ответчика о времени и месте судебного заседания и отсутствие со стороны ответчика информации об уважительности причин невозможности явиться в судебное заседание, а также отсутствие просьбы

Dmitry A. Skripnichenko
Leading Specialist,
LLC Legal Agency «TAN»
dmitriy@vip-civilist.ru

Elena G. Kuemzhieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
kuemzhieva-elena@yandex.ru

ON THE ISSUE OF TIME LIMITS FOR APPEALING A COURT DECISION IN ABSENTIA

Annotation. The institute of absentee proceedings is regulated by Chapter 22 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Civil Procedure of the Russian Federation). Proceedings in absentia, in the most general form, can be defined as the procedure for considering and resolving cases on the merits with the issuance of an appropriate decision in the absence of the defendant (co-defendants). The article deals with the issues of appealing a decision in absentia in a court of appeal, the time limits for appealing such a decision to a higher court, and reveals the gaps that exist in practice when setting deadlines for appealing a decision in absentia, both that have not entered into force and have entered into force.

Keywords: proceedings in absentia, court decision in absentia, appeal, terms, court, plaintiff, defendant.

рассмотреть дело в его отсутствие. На практике, не получение ответчиком повестки, направленной ему надлежащим образом по известному суду адресу регистрации, трактуется как надлежащее уведомление.

В качестве второго обязательного условия для вынесения заочного решения выступает согласие истца на рассмотрение дела в порядке заочного производства. Как правило, истец лично или через представителя подает в судебном заседании заявление о рассмотрении дела в порядке заочного производства, в котором указывает, что не возражает против рассмотрения дела без участия ответчика или оглашает свою позицию, что заносится в протокол судебного заседания. В случае, если истец против заочного рассмотрения дела, суд обязан отложить судебное заседание и снова надлежащим образом отправить в адрес ответчика извещение о времени и месте нового судебного заседания.

Только при соблюдении данных императивных условий у суда возникает право на вынесение заочного решения. Необходимо отметить, что в связи с возрастающей нагрузкой на суды общей юрисдикции, практика вынесения заочных решений получает всё большее распространение, так как дает возможность рассматривать дела в установленные процессуальным законодательством сроки, тем самым соблюдая один из основных принципов гражданского судопроизводства – разумный срок судопроизводства.

Более того, при вынесении заочного решения, законодатель, с целью большей защиты прав ответчика, предусмотрел дополнительные меры для отмены такого решения.

Во-первых, в возможности обжаловать заочное решение в течении семи дней с момента вручения (получения) ответчиком копии решения. Ответчик направляет в адрес суда, принявшего заочное решение, заявление об отмене заочного решения. Суд назначает в рамках поданного заявления об отмене заочного решения судебное заседание, по результатам которого выносит определение об отмене заочного решения или об отказе в отмене. В случае отмены заочного решения рассмотрение дела начинается с самого начала по правилам искового производства.

Во-вторых, у ответчика, в случае вынесения судом определения об отказе в удовлетворении заявления об отмене заочного решения, возникает право на обжалование заочного решения в апелляционном порядке в течении одного месяца со дня вынесения определения об отказе.

Обжалование заочного решения носит двухступенчатый характер, где обе ступени неразрывно связаны между собой. Само обжалование заочного решения в апелляционном порядке напрямую без подачи заявления об отмене заочного решения в суд первой инстанции и вынесения определения об отказе в отмене заочного решения невозможно в принципе. На наш взгляд, необходимо обратить внимание на вопрос, связанный с установлением сроков, как на обжалование заочного решения суда путем подачи заявления об отмене такого решения, так и обжалования заочного решения в апелляционном порядке.

Как отмечалось ранее, ответчик имеет право подать в суд, принявший заочное решение, заявление об отмене заочного решения в течении семи дней со дня вручения ему копии этого решения (ч. 1 ст. 237 ГПК РФ). Но как правило, о таком решении ответчик узнает значительно позже, так как по адресу своего места жительства и (или) регистрации он не получал не то, что заочного решения, но и высылаемых в его адрес повесток о вызове в качестве ответчика в суд. В случае получения корреспонденции из суда, ответчик, как правило, является в суд и, соответственно, у суда уже не возникает права на вынесение заочного решения. Как правило, о вынесенном заочном решении, ответчик узнает или от истца, или от судебных приставов-исполнителей, третьих лиц, на которых возложено исполнение в рамках принятого заочного решения.

Законодатель императивно закрепил, что после вынесения заочного решения оно должно высылаться ответчику не позднее трех дней со дня его принятия. Но в силу загруженности судебной системы, заочное решение суда очень часто отправляется значительно позже даты его вынесения в адрес ответчика, а также, полный текст заочного решения суды не всегда успевают подготовить в трехдневный срок с даты оглашения резолютивной части.

И, таким образом, ответчик, узнает о вынесенном в отношении него заочном решении чаще всего спустя не один месяц с момента вынесения решения судом. Получив копию заочного решения суда, ответчик направляет в адрес суда, вынесшего решение, заявление об отмене заочного решения. На наш взгляд, необходимо предусмотреть разумные сроки на подачу такого заявления, ведь если начинать отсчет от срока, когда ответчик узнал или получил копию заочного решения, то семидневный срок на подачу заявления в суд ещё не истек, так как начинает течь с момента получения заочного решения. В свою очередь, при возможности подачи заявления об отмене заочного решения суда в течении семи дней с момента, когда ответчик узнал о вынесенном в отношении себя заочном решении (получил копию такого решения) в значительной степени нарушаются права истца, который считает, что срок на подачу заявления со стороны ответчика истек и заочное решение не может быть отменено.

В ГПК РФ отсутствует правовая определенность по части сроков для обжалования заочного решения путем подачи заявления об отмене, если у суда отсутствует информация о получении ответчиком такого решения. Другими словами, когда заочное решение окончательно вступает в законную силу, и, соответственно, отменить его в случае подачи заявления со стороны ответчика уже невозможно. Ведь, в противном случае, смысл вынесенных заочных решений сводился бы на нет, при возможности отменить их со стороны ответчика по истечению любых сроков, с уведомлением подачи заявления об отмене в течении семи дней с момента получения копии или получения информации о таком решении.

На помощь законодателю в этом вопросе приходит судебная практика, которая вроде бы должна поставить однозначную точку в вопросе сроков подачи заявления об отмене заочного решения.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в Обзоре судебной практики за второй квартал 2015 г., утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2015 г. (вопрос № 14) [3], заочное решение вступает в законную силу по истечении сроков на его обжалования, предусмотренных ст. 237 ГПК РФ. В обзоре указывается, что в случае отсутствия у суда сведений о получении ответчиком копии заочного решения такое решение вступает в законную силу по истечении совокупности сроков. Иными словами, после истечения данных сроков заочное решение вступает в законную силу и не может быть отменено путем подачи заявления о его отмене со стороны ответчика. Во-первых, это касается срока на отправку

копии заочного решения в адрес ответчика, во-вторых, это семидневный срок, который предоставлен ответчику на подачу заявления об отмене заочного решения, с момента получения отправленной в его адрес копии решения, и, в-третьих, месячный срок на обжалование заочного решения в апелляционном порядке.

В совокупности, данный срок на обжалование заочного решения суда составляет один месяц и десять дней. По истечению настоящего срока заочное решение суда вступает в законную силу и не подлежит отмене путем направления заявления об отмене со стороны ответчика. Но если ответчик узнал о вынесенном заочном решении по истечении сроков, возможно ли обратиться с ходатайством о восстановлении сроков на подачу заявления об отмене заочного решения суда со ссылкой на ст. 112 ГПК РФ, которая дает возможность лицам, пропустившим срок по уважительным причинам, его восстановить? ГПК РФ не дает ответа на этот вопрос, но в Обзоре судебной практики за второй квартал 2015 г. отражена возможность подачи заявления о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу заявления об отмене заочного решения суда и указывается, какими сроками ограничен ответчик при подаче такого заявления в суд.

В случае, если ответчик получил копию заочного решения после истечения срока для подачи заявления о его отмене, но до истечения срока на подачу апелляционной жалобы, срок для подачи заявления об отмене заочного решения суда может быть восстановлен судом. Дополнительным условием для восстановления срока выступает подача ответчиком заявления о восстановлении срока и заявления об отмене заочного решения в пределах срока на апелляционное обжалование.

Соответственно, если ответчик получил копию заочного решения после сроков на апелляционное обжалование и подал вместе с заявлением об отмене заочного решения заявление о восстановлении пропущенных сроков за пределами сроков на апелляционное обжалование, суд не должен восстанавливать пропущенный срок и отменять заочное решение. Ведь, по логике правоприменителя, за истечением сроков на апелляционное обжалование заочное решение считается вступившим в законную силу.

Необходимо отметить, что в судах общей юрисдикции, в последнее время, данный подход нашел свое широкое применение и отменить заочное решение суда, просто, подав заявление об отмене с заявлением о восстановлении срока за истечением установленных сроков, становится все сложнее. Делается это, в первую очередь, для защиты истца, чтобы не вызывать дополнительных злоупотреблений, затягивания процессуальных сроков со стороны ответчика.

Помимо этого, презюмируется, что суд при принятии заочного решения проверяет обоснованность заявленных требований истца, доказательства, на которых последний основывает свою позицию. Другими словами, не просто удовлетворяет искивые требования в связи с тем, что по ним отсутствуют возражения со стороны ответчика.

Вынесенное заочное решение соответствует тем же требованиям, что и обычное решение суда: оно должно быть законным и обоснованным.

Но как же защитить свои права ответчику, если он считает, что заочное решение суда вынесено с существенными нарушениями норм материального и (или) процессуального права, а сроки на отмену пропущены, так как необходимо повторить, что, чаще всего, ответчик узнает о вынесенном заочном решении значительно позже, как правило, на стадии исполнения решения уполномоченными органами?

Законодатель в ч. 2 ст. 237 ГПК РФ закрепил право ответчика на обжалование заочного решения в апелляционном порядке в течении одного месяца со дня вынесения определения суда об отказе в удовлетворении заявления об отмене заочного решения. Таким образом, у ответчика есть право подачи апелляционной жалобы в суд апелляционной инстанции в течении одного месяца, когда суд первой инстанции вынес определение об отказе в отмене заочного решения суда.

В этом случае, можно наблюдать защиту прав ответчика путем предоставления права на апелляционное обжалование заочного решения суда, но, в то же время, предоставление такого права в существенной мере, как мы считаем, нарушает права истца на разумный срок судопроизводства, так как законодатель предоставил ответчику право обратиться с апелляционной жалобой на заочное решение в течении одного месяца с момента вынесения судом определения об отказе в отмене заочного решения.

Первоначально, ответчик должен в любом случае подать заявление об отмене заочного решения суда в суд, вынесший такое решение, за пропуском установленного срока суд должен отказать ответчику в удовлетворении его заявления, даже, если подано заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока.

Таким образом, заочное решение суда в момент подачи заявления об отмене со стороны ответчика за истечением сроков на обжалование считается вступившим в законную силу. В момент вынесения определения об отказе в удовлетворении заявления ответчика об отмене заочного решения, решение так же считается вступившим в законную силу.

Однако после вынесения данного определения судом, у ответчика возникает право в тридцатидневный срок подать апелляционную жалобу не на определение суда об отказе в удовлетворении заявления об отмене заочного решения, а на само заочное решение, которое уже вступило в законную силу.

В соответствии с ч. 1 ст. 320 ГПК РФ, в апелляционной инстанции подлежат обжалованию решения судов первой инстанции, не вступившие в законную силу. В свою очередь, у ответчика при подаче апелляционной жалобы на заочное решение возникает право на обжалование в апелляционном порядке вступившего в законную силу решения суда первой инстанции, что требует дополнительного регулирования поскольку у ответчика по

сути возникают неограниченные сроки именно на подачу апелляционной жалобы на уже вступившее в законную силу заочное решение суда.

Из буквального толкования ч. 2 ст. 237 ГПК РФ невозможно определить, подается ли апелляционная жалоба на не вступившее в законную силу заочное решение суда или вступившее. Главным условием выступает момент вынесения судом первой инстанции определения об отказе в удовлетворении заявления об отмене заочного решения. После вынесения определения у ответчика возникает право обратиться в суд апелляционной инстанции с жалобой. В свою очередь, ст. 237 ГПК РФ не ставит в зависимость право ответчика на подачу апелляционной жалобы на заочное решение суда от вступления такого решения в законную силу или не вступления. Главное условие, как было отмечено ранее, наличие определения об отказе в отмене заочного решения.

На практике это приводит к следующим действиям со стороны ответчика. Узнав, спустя продолжительное время, о вынесенном заочном решении, он подает заявление об отмене решения. Получив определение об отказе, у ответчика возникает право на подачу апелляционной жалобы, а значит происходит разбирательство в суде апелляционной инстанции и заочное решение суда, которое давно вступило в законную силу может быть отменено вышестоящим судом.

Для истца это чревато тем, что, спустя длительный срок, когда истец обосновано считает заочное решение вступившим в законную силу, по нему идет, а возможно и прошло исполнение (в независимости от заявленных и удовлетворенных судом требований), такое заочное решение может быть пересмотрено в апелляционном порядке и отменено, или изменено судом. А, соответственно, могут возникнуть все правовые последствия у истца, а также, у третьих лиц, связанные с отменой заочного решения суда, в связи с чем, у истца, даже по прошествии значительных сроков со дня вступления заочного решения в законную силу, остаются значительные риски отмены такого решения.

Нормы главы 22 ГПК РФ, как мы считаем, содержат много противоречий. С одной стороны, законодатель предоставляет право суду принять заочное решение с целью скорейшего

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. *Осокина Г.Л.* Заочное производство: сущность и значение / Г. Л. Осокина // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 133–141.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 10, октябрь, 2015 (извлечение).

рассмотрения спора по существу, соблюсти закрепленные сроки на судебное производство, защитить права истца, в случае их нарушения со стороны ответчика. С другой стороны, нормы о заочном производстве дают дополнительные права в части сроков на обжалование заочного решения со стороны ответчика. Необходимо помнить, что в судебной практике, отменяются заочные решения, которые вступили в законную силу, не только путем подачи апелляционных жалоб в вышестоящий суд, но и в порядке подачи одного лишь заявления об отмене заочного решения суда, где в качестве единственного основания отменитель указывает на неполучение извещений о вызове его в суд, а также, о не своевременной отправке копии заочного решения.

Всё это приводит к ещё большему затягиванию рассмотрения дела в суде первой инстанции. По заявлению ответчика об отмене заочного решения суда проводится судебное заседание с вызовом сторон. В случае отмены заочного решения, часто вступившего в законную силу, суд выносит определение об отмене такого решения, переходит к рассмотрению дела с самого начала и, как правило, откладывает судебное заседание. И вместо разумных сроков на судебную защиту, в первую очередь, истец, по сути, получает рассмотрение своего искового заявления в рамках искового производства два раза подряд: в первый раз до вынесения заочного решения судом и второй раз, после отмены заочного решения и рассмотрения дела по существу с самого начала с участием ответчика.

В свою очередь, в случае установления четких пресекающих сроков на обжалование вступившего в законную силу заочного решения суда со стороны законодателя, а также, аннулирования прямой возможности обжалования заочного решения суда, вступившего в законную силу, с момента вынесения определения об отказе в отмене заочного решения, у судов возникла бы четкая определенность в части сроков, а также, прекратились злоупотребления, связанные с правом суда отменить заочное решение спустя значительный период времени с момента вступления решения в законную силу.

Literature:

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 № 138-FZ // SZ RF. 2002. № 46. Art. 4532.
2. *Osokina G.L.* Correspondence production: essence and meaning / G.L. Osokina // Bulletin of the Tomsk State University. Right. 2014. № 4(14). P. 133–141.
3. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 2 (2015) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, № 10, October, 2015 (extract).

Трахов Аслан Исмаилович

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Zarema_b2008@mail.ru

Бешукова Зарема Муратовна

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Адыгейский государственный университет
Zarema_b2008@mail.ru

**БЛАНКЕТНОСТЬ
АНТИЭКСТРЕМИСТСКИХ НОРМ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: КАК РЕШИТЬ
УРАВНЕНИЕ С НЕИЗВЕСТНЫМ
КОЛИЧЕСТВОМ ПЕРЕМЕННЫХ
(НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ 280 УК РФ)?**

■ ■ ■

Аннотация. Цель работы состоит в анализе проблем квалификации деяний, ответственность за которые регламентирована в ст. 280 УК РФ, обусловленных содержанием в ее диспозиции такого бланкетного понятия как экстремистская деятельность. Установлено, что высокая степень бланкетности ст. 280 УК РФ привела к содержательному усложнению ее диспозиции, несмотря на лаконичное текстуальное изложение. Выявлены внутриотраслевая и межотраслевая коллизии, возникающие при применении данной уголовно-правовой нормы. Сделан вывод, что данные коллизии целесообразно окончательно разрешить. Это возможно сделать только на законодательном уровне. В связи с этим, предложены следующие решения: необходимо, во-первых, внести в диспозицию ч. 1 ст. 280 изменения, носящие конкретизированный характер, во-вторых, исключить из закрепленного в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понятия «экстремистская деятельность» словосочетание «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность».

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, терроризм, бланкетная норма права, оправдание терроризма, возбуждение вражды, квалификация, публичные призывы.

■ ■ ■

1. Введение

В конце 2019 г. мир столкнулся с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Пандемия коронавирусной инфекции

Aslan I. Trakhov

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Zarema_b2008@mail.ru

Zarema M. Beshukova

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Adyghe State University
Zarema_b2008@mail.ru

**BLANKET NATURE OF ANTI-EXTREMIST
NORMS OF THE CRIMINAL LAW:
HOW TO SOLVE AN EQUATION WITH
AN UNKNOWN NUMBER OF VARIABLES
(ON THE EXAMPLE OF ARTICLE 280
OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)?**

■ ■ ■

Annotation. The purpose of the work is to analyze the problems of qualification of acts, the responsibility for which is regulated in Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the content in its disposition of such a blanket concept as extremist activity. It has been established that a high degree of blankety of Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation led to a meaningful complication of its disposition, despite the laconic textual presentation. Identified intra-industry and inter-industry conflicts arising from the application of this criminal law norm. It is concluded that it is advisable to finally resolve these collisions. This can only be done at the legislative level. In this regard, the following solutions are proposed: it is necessary, firstly, to introduce Part 1 of Art. 280 amendments of a specific nature, secondly, to exclude the phrase «public justification of terrorism and other terrorist activities» from the concept of «extremist activity» enshrined in the Federal Act of the Russian Federation of 25 July 2002, № 114-FZ «On Counteracting Extremist Activity».

Keywords: extremism, extremist activity, terrorism, blanket norm of law, justification of terrorism, incitement of hatred, qualification, public appeals.

■ ■ ■

нанесла серьезный ущерб мировой экономике, экономическому развитию значительного числа отдельно взятых государств, масштабным потрясениям подверглись также социальная сфера и

культура многих стран. Не осталась в стороне от влияния пандемии и преступность. Введение ограничительных мер, связанных с предотвращением распространения новой коронавирусной инфекции, привело к снижению количества преступлений в ряде стран мира, вместе с тем серьезные изменения произошли в структуре преступности. Впрочем, это вполне логично и было вполне прогнозируемо. Так, например, ограничение свободного передвижения закономерно привело к снижению уличной преступности, количеству краж из жилых помещений, а также преступлений, совершаемых лицами без гражданства и иностранными гражданами, и др. Существенный рост числа преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет», в условиях ограничительных мер, также был неизбежен. Вспышка нового коронавируса, ставшая мировой проблемой, явилась причиной роста числа преступлений, являющихся проявлениями экстремистской и террористической деятельности. В обозначенный период отмечается усиление присутствия экстремистских и террористических сообществ в сети «Интернет». Лидеры и члены данных преступных объединений активизировали свою деятельность с целью расширения сферы своего влияния, используя, во-первых, возникшую социальную напряженность, во-вторых, ограничения, заставившие людей в подавляющем большинстве стран мира проводить длительное время в виртуальном пространстве. Резюмируя изложенное, следует констатировать, что во время пандемии проявления экстремизма получили новое дыхание [1].

В условиях всеобщей цифровой трансформации особую актуальность приобретает проблема противодействия экстремизму в киберпространстве [2, с. 1–20]. Уголовный закон России включает ряд норм, которыми предусмотрена ответственность за проявления экстремизма, совершенные в виртуальном пространстве. В их число входит статья 280 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), высокий предупредительный потенциал которой неоспорим. Вместе с тем в правоприменительной практике возникают проблемы, связанные с включением в законодательное описание состава данного преступления бланкетных понятий.

Бланкетный способ изложения нормативных правовых предписаний является широко востребованным практически во всех отраслях российского права, и уголовное право, конечно, не является исключением. Преимущества данного способа [3, с. 139–143], как, впрочем, и его недостатки, достаточно детально освещены на страницах юридической печати [4, с. 4–10], поэтому позволим себе оставить их за рамками настоящего исследования, и уделим свое внимание поиску ответа на вопрос, вынесенный в названии настоящей статьи.

2. Методология исследования

Прежде всего, отметим, что если не оговорено иное, в настоящем исследовании, слова «экстремистская деятельность» и «экстремизм» используются в качестве синонимов, и имеют тоже значение, что и в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии

экстремистской деятельности» (ред. от 01.07.2021) (далее по тексту – Закон № 114-ФЗ).

Методологической основой работы является диалектический метод познания явлений и процессов. Также при проведении исследования были использованы методы моделирования, обобщения, системно-структурного анализа, а также формально-юридический метод.

3. Обсуждение и результаты

3.1 Легальное понятие экстремизма (экстремистской деятельности): содержание и объем понятия

Несмотря на то, что мы находимся на пороге 20-летнего юбилея Закона № 114-ФЗ, на страницах юридической печати по сей день не теряет актуальности вопрос относительно содержания понятия «экстремистская деятельность» (экстремизма), в том числе, и в контексте включения определения рассматриваемого понятия в уголовный закон. Однако верной представляется позиция, что «его законодательное закрепление может оказать негативное воздействие на практику» [5, с. 3–5]. Главная причина и, по сути, единственная, по которой легальное определение понятия «экстремистская деятельность» подвергается серьезной критике со стороны большинства исследователей, остается неизменной – его чрезмерная широта и включение в его объем ряда деяний, которые, сложно назвать экстремизмом.

На страницах периодической печати представлен ряд авторских классификаций деяний, объединенных законодателем в понятие «экстремизм». Одним из авторов настоящего исследования разработана модель системы преступных проявлений экстремизма [6, с. 41–74]. Она построена на основе данных, полученных в результате анализа соотносимых положений федеральных законов от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и УК РФ. Все преступные деяния, входящие в объем легального понятия экстремизма (экстремистской деятельности), согласно данной модели, образуют трехзвенную систему, которая представлена ниже.

Первое звено образует система преступлений, связанных с экстремистской деятельностью. Она включает достаточно обширное число уголовно-наказуемых деяний. Учет, так называемого, критерия «концентрированности» экстремизма, а главное – содержание легального понятия «преступления экстремистской направленности», позволили разделить эту систему на две группы. Первая группа объединяет все преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности. К таковым автором отнесены деяния, уголовная ответственность за которые регламентирована в статьях 280, 280.1, 280.2, 282, 282.1, 282.2, 282.3. Вторую группу образуют преступления экстремистской направленности. Такой критерий, как отсутствие либо наличие мотива ненависти или вражды по обозначенным в уголовном законе признакам в законодательной конструкции состава преступления, выступил своеобразным

водоразделом для преступлений экстремистской направленности. Иными словами, он позволил их разделить на две подгруппы. В первую подгруппу «Константные преступления экстремистской направленности» включены преступления, в составе которых этот мотив присутствует, то есть, является обязательным признаком основного либо квалифицированного состава. Разумеется, данная подгруппа аккумулирует преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244, ст. 282.1 УК РФ. Логично, что преступления, в составе которых мотив ненависти или вражды вообще не содержится, автор отнес ко второй подгруппе. Последняя, по вполне понятной причине, получила название «вариативные преступления экстремистской направленности». В силу этого же обстоятельства, перечень уголовно-наказуемых деяний, включенных в эту подгруппу, остается неопределенным. Таким образом, вариативным преступлением экстремистской направленности является любое преступление, в случае его совершения по «экстремистскому» мотиву [6, с. 73–74].

Второе звено, согласно авторской модели, образовано системой преступлений, связанных с террористической деятельностью. Они представлены в следующих уголовно-правовых нормах: 205, 205.1–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361.

Третье звено включает систему преступлений, обозначенных автором, как иные, условно связанные с экстремистской деятельностью. Это – деяния, предусмотренные статьями 1281, 136, 141, 148, 294, 298.1, 315, 317, 320 УК РФ [6, с. 74].

Таким образом, как следует из представленной модели, легальное понятие «экстремизм» (экстремистской деятельности), во-первых, носит конкретизированный характер, выражающийся во включении в его объем четкого перечня деяний. Во-вторых, – абстрактный, поскольку экстремизмом признается любое уголовно-наказуемое деяние в случае его совершения по мотиву ненависти или вражды по определенным в уголовном законе признакам.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 1 Закона № 114-ФЗ, в объем легального понятия «экстремистская деятельность» входят отдельные деяния, являющиеся административными правонарушениями. Это, во-первых, деяния, корреспондирующие нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в которых содержатся составы исковых административных правонарушений, то есть деяния, предусмотренные статьями 20.3 и 20.29 КоАП РФ.

Во-вторых, деяния, которым корреспондируют нормы КоАП РФ, регламентирующие ответственность за деяния, получившие статус административных правонарушений в результате частичной декриминализации деяний, предусмотренных

статьями 280.1 и 282 УК РФ. Это – статьи 20.3.1 и 20.3.2 КоАП РФ.

Таким образом, получается, что деяния, с так называемым, приобретенным статусом административных правонарушений, фактически получили двойную прописку – в качестве как административно наказуемого, так и уголовно наказуемого деяния, в перечне деяний, входящих в объем легального определения экстремизма. Объясняется это тем, что каждое из этих деяний признается преступлением, если совершено лицом повторно в течение одного года.

3.2 Бланкетность уголовно-правового предписания в составе публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ): вопросы квалификации

В современный период развития общества проблема противодействия экстремистской деятельности в сети «Интернет» относится к числу архиважных. Развитие процессов, связанных с всеобщей цифровизацией и цифровой трансформацией, происходит с молниеносной скоростью. С такой же скоростью распространяется и экстремистская идеология. Лидеры и члены преступных объединений, используя возможности современных информационно-телекоммуникационных технологий, ежедневно увеличивают свою аудиторию, растет количество потенциальных рекрутов для участия в различных экстремистских и террористических группах. При этом арсенал представителей экстремистских групп для оказания манипулятивного воздействия на психику достаточно широк. В ход идут различные средства, начиная от самых простых – откровенно фейковых сообщений, заканчивая использованием более сложных технологий, таких как методы геймификации, а также рекламы и маркетинга. В связи с этим, в последние годы достаточно широкую распространенность в рамках научной парадигмы получило такое словосочетание как вербальный экстремизм. Оно используется одновременно (а порой и синонимично) с такими терминами как «речи ненависти», «экстремистские нарративы», «поведения ненависти» и «язык вражды».

Особая опасность экстремизма, в том числе, и вербального, в Российской Федерации была осознана не сегодня, а более 20 лет назад. Так, ещё в 2002 г., как ответ на возникшую угрозу, была установлена, среди прочего, уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Здесь сразу следует уточнить, что в уголовный закон не была введена новая норма, а кардинальным изменением подверглась действующая – статья 280. Полностью была изменена не только редакция, но и наименование названной уголовно-правовой нормы.

Действующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 280 УК РФ сформулирована лаконично и представляет собой текст, полностью воспроизводящий название самой уголовно-правовой нормы. Соответственно, и действия, образующие объективную сторону преступления, выражаются только в публичных призывах к осуществлению

экстремистской деятельности. Существенным недостатком подобной законодательной формулировки является высокая степень бланкетности уголовно-правового предписания. Для того, чтобы определить какие призывы подпадают под действие обозначенной нормы, необходимо обратиться к ст. 1 Закона № 114-ФЗ. Выводы, сделанные в предыдущем разделе настоящего исследования, относительно содержания легальной дефиниции экстремизма, позволяют констатировать, что применение анализируемой уголовно-правовой нормы может вызвать как внутритраслевую, так и межотраслевую коллизию.

3.2.1 Межотраслевая коллизия

Буквальное толкование уголовного закона, зачастую к которому склоняется правоприменитель, означает, что уголовно-наказуемыми должны признаваться публичные призывы к совершению абсолютно всех действий, подпадающих под легальное понятие экстремистской деятельности. Это предполагает, что уголовной ответственности должны подлежать, в том числе, и лица, призывающие к совершению действий, предусмотренных статьями 20.3 и 20.29 КоАП РФ, а с декабря 2018 г. и статьей 20.3.1 КоАП РФ. Таким образом, возникает ситуация при которой нормы уголовного права выполняют обслуживающую, и более того подчиненную, роль по отношению к институту административной ответственности. В связи с этим полагаем возможным, с определенной степенью условности, вести речь о межотраслевой коллизии. Причем, еще с одной важной оговоркой – коллидирующие нормы не согласованы только содержательно, они не находятся в отношениях контрадикторности.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее по тексту – Постановление № 11) решения данного вопроса не содержится, хотя он рассматривался при обсуждении его проекта. За время своего действия данный документ трижды подвергался изменениям, однако Пленум свою позицию в контексте данного вопроса до сих пор не обозначил. Вместе с тем, отсутствие правовой позиции высшего судебного органа означает, что данная коллизия должна разрешаться правоприменителем в каждом конкретном случае по своему усмотрению.

В п. 5 Постановления № 11 Пленум обратил внимание судов, что «статьей 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. *Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления*» (курсив – авт.). Данная рекомендация частично помогает преодолеть возникшую коллизию и позволяет исключить из списка коллидирующих норм ст. 20.3.1 КоАП РФ.

Однако вопрос о квалификации публичных призывов к совершению действий, являющихся проявлениями экстремизма, и образующих состав административных правонарушений (обозначенных нами ранее как исконно административные правонарушения), до сих пор остается без ответа. В доктрине уголовного права в качестве рекомендации правоприменителю высказано мнение о целесообразности в подобных случаях прибегать к ограничительному толкованию положений ст. 280 УК РФ [7, с. 8], и, тем самым, сужать круг деяний, на которые распространяется действие данной уголовно-правовой нормы. Однако наиболее оптимальным решением данного вопроса является окончательное разрешение обозначенной коллизии, то есть ее устранение. Последнее возможно только на законодательном уровне путем внесения соответствующих изменений в диспозицию ч. 1 ст. 280 УК РФ. В связи с этим оптимальной видится следующая законодательная формулировка диспозиции ч. 1 ст. 280 УК: «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, за которую предусмотрена уголовная ответственность, – наказываются ...».

3.2.2 Внутритраслевая коллизия

В июле 2006 г. уголовный закон России был дополнен нормой, которой устанавливалась ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Этой новеллой статус преступлений придавался деяниям, которые, по сути, и ранее были признаны уголовно наказуемыми. Иными словами, новой уголовно-правовой нормой они были выведены из-под действия статьи 280 УК РФ. Теперь, ответственность за них регламентировалась в отдельной правовой норме – ст. 205.2. Следует отметить, что специальная криминализация отдельных видов преступлений является одной из тенденций (пусть и не самых ярких, но, тем не менее, она обозначена) развития современного уголовного законодательства. Такое дробление общих норм уголовного закона получает достаточно часто низкую оценку в уголовно-правовой науке. Так, в свое время, критически оценено было и введение в уголовный закон статьи 282.3. Вместе с тем, именно специальная криминализация отдельных видов преступлений наиболее полно отражает характеристические признаки каждого вида преступлений, что позволяет, в свою очередь, правильно дифференцировать уголовную ответственность.

Таким образом, с введением новой уголовно-правовой нормы, согласно правилам квалификации, изложенным в ч. 3 ст. 17 УК РФ, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности подлежат квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. В Постановлении № 11 изложена аналогичная позиция Пленума Верховного Суда. И, на первый взгляд, действительно, все просто, коллизия отсутствует. Вместе с тем, исследование материалов конкретных уголовных дел позволило сделать вывод о том, что публичные призывы могут содержать наряду с призывами к осуществлению террористической

деятельности, и призывы к осуществлению иных деяний, входящих в объем легального понятия экстремистской деятельности [8, с. 78–81]. И тогда, особую актуальность обретает следующий вопрос: имеет ли место быть в подобных случаях совокупность преступлений, предусмотренных статьями 280 и 205.2 УК РФ, или таковая отсутствует? В Постановлении № 11 ответ на него не содержится. Не имеется он и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Для правильного ответа на поставленный выше вопрос, необходимо рассмотреть Постановление № 11 с точки зрения ретроспективы. Полагаем, что в рассматриваемом нами случае ключевое значение имеет правовая позиция Пленума, содержащаяся в первоначальной редакции пункта 19 данного документа. Тогда, в 2011 г., ввиду отсутствия самостоятельного уголовно-правового запрета, ныне сформулированного в ст. 205.5 УК, Пленум указал, что «при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 282.2 УК РФ, к общественным или религиозным объединениям либо к иным организациям, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, следует относить организации, указанные в специальных перечнях (списках) в соответствии со статьей 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статьей 24 Федерального закона от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Этот вывод основывался на закреплённом в законодательстве понятии, а именно, что террористическая деятельность есть разновидность экстремистской деятельности. На данное обстоятельство Пленум Верховного Суда сделал прямое указание.

В ноябре 2013 г. в результате очередной реформы в уголовный закон были внесены изменения (введена статья 205.5), которые сделали процитированное выше разъяснение Пленума неприменимым. Впоследствии изменениям в соответствующей части подверглась и редакция пункта 19 Постановления. Получается, что в настоящее время данное разъяснение высшей судебной инстанции утратило силу. Однако, несмотря на это, в контексте рассматриваемого нами вопроса оно имеет важное практическое значение, поскольку обозначенные выше положения ст. 1 Закона № 114-ФЗ *остались неизменными*.

Обобщение полученных выводов позволяет сформулировать следующее предложение *de lege lata*: «При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьями 205.2 и 280 УК РФ, следует учитывать, что террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности. Публичные призывы, содержащие одновременно призывы к осуществлению, как террористической деятельности, так и к осуществлению иных форм проявления

экстремистской деятельности, не образуют совокупности преступлений, предусмотренных статьями 205.2 и 280 УК РФ. Данные деяния охватываются статьей 280 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по статье 205.2 УК РФ» [8, с. 79–80].

Другим вариантом (и, впрочем, наиболее перспективным) решения обозначенной проблемы является разделение на законодательном уровне экстремистской деятельности и террористической деятельности, несмотря на их «генетическую» связь. В связи с этим полагаем целесообразным из п. 1 ст. 1 Закона № 114-ФЗ исключить словосочетание «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность». Практическая реализация данного предложения устранил не только имеющиеся проблемы квалификации, но и повысит эффективность противодействия как экстремистской, так и террористической деятельности.

4. Заключение

Диспозиция ст. 280 УК РФ является одной из самых лаконичных в уголовном законе России. К слову, она состоит всего из шести слов, одно из которых является словом служебной части речи (предлог «к»). Однако высокий уровень бланкетности данной уголовно-правовой нормы приводит к содержательному усложнению ее диспозиции, вследствие чего затрудняются ее толкование и применение.

Бланкетность диспозиции ст. 280 УК РФ требует обращения к положениям п. 1 ст. Закона № 114-ФЗ, а они, в свою очередь, возвращают правоприменителя вновь к уголовно-правовым предписаниям, либо обращают его взгляд на соответствующие нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях. В связи с этим полагаем возможным обозначить диспозицию ч. 1 ст. 280 УК РФ как имеющую двойной уровень бланкетности.

Аккумулируя все ранее изложенное, можно сделать вывод о том, что внутриотраслевую и межотраслевую коллизии, возникающие при применении названной уголовно-правовой нормы, целесообразно окончательно разрешить. Это можно сделать только на законодательном уровне.

В связи с этим, предложены возможные законодательные решения:

- 1) представлен авторский проект диспозиции ч. 1 ст. 280 УК РФ;
- 2) сформулировано предложение об исключении из объема деяний, входящих в легальное определение экстремизма, публичного оправдания терроризма и иной террористической деятельности.

Таким образом, на вопрос, вынесенный в наименовании настоящей статьи, можно ответить следующим образом: в настоящий момент в данном уравнении решений, соответствующих букве и духу уголовного закона, не имеется.

Литература:

1. *Burchill R.* Extremism in the Time of COVID-19 (July 15, 2020). Bussola Research Paper № 6. Available at SSRN. URL : <https://ssrn.com/abstract=3693293> (accessed 12 February 2022).
2. Online extremism: Research trends in internet activism, radicalization, and counter-strategies / C. Winter, P. Neumann, A. Meleagrou-Hitchens, M. Rantorp, L. Vidino, & J. Fürst // *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. № 14(2). P. 1–20.
3. Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права / М.С. Жук // *Общество и право*. 2010. № 4(31). С. 139–143.
4. Пикуров Н.И. Надо ли разрубать гордиев узел бланкетности? / Н.И. Пикуров // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2013. № 2. С. 4–10.
5. Мацкевич И.М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме / И.М. Мацкевич // *Юридическое образование и наука*. 2014. № 2. С. 3–5.
6. Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 632 с.
7. Хлебущкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.
8. Трахов А.И. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения / А.И. Трахов, З.М. Бешукова // *Общество и право*. 2013. № 2 (44). С. 78–81.

Literature:

1. *Burchill R.* Extremism in the Time of COVID-19 (July 15, 2020). Bussola Research Paper № 6. Available at SSRN. URL : <https://ssrn.com/abstract=3693293> (accessed 12 February 2022).
2. Online extremism: Research trends in internet activism, radicalization, and counter-strategies / C. Winter, P. Neumann, A. Meleagrou-Hitchens, M. Rantorp, L. Vidino, & J. Fürst // *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. № 14(2). P. 1–20.
3. *Zhuk M.S.* Blanket norm of law as a reflection of Criminal Law's interbranch connections / M.S. Zhuk // *Society and Law*. 2010. № 4(31). P. 139–143.
4. *Pikurov N.I.* Is it necessary to cut the Gordian knot of blanketness? / N.I. Pikurov // *Library of Criminal Law and Criminology*. 2013. № 2. P. 4–10.
5. *Matskevich I.M.* On proposals aimed at further improvement of legislation on extremism / I.M. Matskevich // *Legal education and science*. 2014. № 2. P. 3–5.
6. *Beshukova Z.M.* The mechanism of criminal law counteraction to extremist activity: content, structure, main directions of optimization : dis. ... of d-r. of legal sciences. Krasnodar, 2020. 632 p.
7. *Khlebushkin A.G.* Criminal extremism: concept, types, problems of criminalization and penalization : abstract dis. ... of cand. of legal sciences. Saratov, 2007. 27 p.
8. *Trakhov A.I.* Crimes of an extremist orientation: problems legislative regulation and right application / A.I. Trakhov, Z.M. Beshukova // *Society and Law*. 2013. № 2(44). P. 78–81.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Тонышев Александр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
alben2011@mail.ru

Шеянов Константин Валентинович

старший преподаватель
кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
5fu-k1965@mail.ru

**НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ
В РЯДАХ НАРОДНОЙ ПОЛИЦИИ КИТАЯ**

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных нормативных положений, определяющих существенные основы дисциплинированности и нравственно выверенного варианта поведения личного состава народной полиции Китая. Представленный авторами обзор «Положения о народной полиции Китайской Народной Республики» и указание на некоторые иные источники нормативного правового регулирования служебной дисциплины и профессиональной этики в рядах отмеченной национальной полиции, позволяют более предметно ознакомиться с зарубежным опытом некоторых сторон функционирования представленной правоохранительной институции.

Ключевые слова: право, полиция, служебная дисциплина, этико-правовые основы, мораль, кодекс поведения, присяга.

Ф актор обращения к зарубежному опыту функционирования полиции способствует не только расширению профессионального

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Alexander V. Tonyshev

Candidate of of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg university of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
alben2011@mail.ru

Konstantin V. Sheyanov

Senior Lecturer of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
5fu-k1965@mail.ru

**NORMATIVE LEGAL REGULATION
OF SERVICE DISCIPLINE
AND PROFESSIONAL ETHICS
IN THE RANKS OF THE PEOPLE'S
POLICE OF CHINA**

Annotation. The article presents an analysis of individual regulations that determine the essential foundations of discipline and morally verified behavior of the personnel of the People's Police of China. The review of the «Regulations on the People's Police of the People's Republic of China» presented by the authors and an indication of some other sources of normative legal regulation of service discipline and professional ethics in the ranks of the noted national police make it possible to get acquainted with the foreign experience of some aspects of the functioning of the represented law enforcement institution.

Keywords: law, police, service discipline, ethical and legal foundations, morality, code of conduct, oath.

кругозора отечественных полицейских, но и содействует пониманию ими общепринятых стандартов требований к деятельности отмеченной

правоохранительной институции. В этой связи, мы считаем правомерным апеллировать к осмыслению отдельных аспектов парадигмы требований к личности полицейского, в части нормативного правового регулирования служебной дисциплины и профессиональной этики в рядах народной полиции Китайской Народной Республики (кит. «中華人民共和國人民警察»). На наш взгляд, указанное предметное поле в значительной степени предопределяет достижение полицией необходимого уровня признания со стороны общества обширного ареала функционала правоохранителей. Отмеченный тезис коррелирует выводам британского государственного деятеля Р. Пиля (1788-1850 гг.), сформулировавшего 9 принципов, которыми должна руководствоваться полиция. В соответствии с формулой второго принципа указанного полицейиста, «способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, ее действиям и поведению» [6, с. 33]. Указанное универсальное правило в полной мере нашло свое отражение в нормативных документах, регламентирующих пределы профессионального поведения служащих народной полиции Китайской Народной Республики (далее-полиция Китая). При этом следует отметить, что общий порядок действий полиции коррелирует:

во-первых, замыслу политического руководства страны, ориентирующего все государственные структуры и обширные слои населения на безусловное соблюдение стратегических установок ЦК Коммунистической партии Китая (далее-КПК) в отношении защиты диктатуры пролетариата и дальнейшего упрочения в стране социалистического строя [5, с. 41];

во-вторых, положениям Присяги народной полиции органов общественной безопасности КНР [4].

В концептуальном плане, требования к служебной дисциплине, в китайской вариации, именуемой как профессиональной, и профессиональной этике полиции Китая закреплены в «Положении о народной полиции Китайской Народной Республики» [3]. В соответствии со ст. 3 этого Положения, основная задача народной полиции состоит в том, чтобы строго регламентировать порядок работы, учебы и жизни, выковать лояльный и бдительный дух, воспитывать в себе бдительность, строгую дисциплину и правила поведения, повышать профессиональные качества, создавать хороший имидж и обеспечить свою концентрацию на ковке «железных идеалов» и «железного» исполнения обязанностей. В соответствии с нормативными установлениями ст. 22 Положения, начальствующие лица и их подчиненные должны относиться к друг другу с взаимными уважением, заботой и поддержкой, выстраивая при этом внутренние отношения единства, братства, гармонии и чистоты. Непосредственно вопросам служебной дисциплины и этики поведения посвящена глава 4 «Внешний вид и дисциплина полиции» отмеченного Положения. Следует заметить, что эта глава состоит из двух разделов: раздела 1 «Форма одежды» (ст. 32–45) и раздела 2 «Кодекс поведения» (ст. 46–58). Как следует из положения

ст. 33, форма одежды полицейских должна соответствовать предъявляемым требованиям в течение всего рабочего времени, за исключением:

- 1) выполнения специальных задач (проведение расследования, решение вопросов безопасности, участие в иностранных дела, и др.);
- 2) выходных дней;
- 3) женщин-полицейских во время их беременности;
- 4) других ситуаций, когда одеваться по установленной форме неуместно.

В соответствии со ст. 37 Положения, полицейские должны носить стандартную кожаную обувь, кроссовки или другую черную кожаную обувь, темные носки и не должны носить обувь на босую ногу. Каблук обуви мужчины-полицейского не должен превышать 3 см, а каблук женщины-полицейского – 4 см. Кроме того, введен запрет на использование сильного макияжа, длинных или окрашенных ногтей, нестандартных шарфов, мобильных телефонов, ключей и аксессуаров на открытом ремне, серег, ожерелий, колец, наручных аксессуаров, татуировок, прокалывания ушей (кроме женщин-полицейских), пирсинга на лице, тонирования стекол на очках (кроме случаев подтвержденного заболевания глаз), ношение не установленной форменной полицейской одежды и знаков отличия. Без разрешения органов общественной безопасности на уровне округа или выше, не разрешается ношение полицейской формы для участия в различных телевизионных или онлайн-приглашениях на брак, шоу талантов и других развлекательных программах. На основании требований ст. 38 Положения, полицейским запрещено красить или сохранять явно преувеличенный по отношению к естественному цвет волос прически. Полицейским-мужчинам не разрешается иметь длинные волосы, большие бакенбарды, вьющиеся волосы (кроме натуральных вьющихся волос) и бороды. За исключением патологических факторов, полицейским не разрешается брить голову. Женщины-полицейские с длинными волосами должны носить волосы завязанными, а косы не должны спускаться на плечи.

Конкретизация правового характера профессионально-этических требований к поведению народной полиции Китая представлена в разделе 2 «Кодекс поведения» главы 4 Положения. Исходя из установлений ст. 46, каждый полицейский должен образцово соблюдать законы КНР, постановления КПК и сознательно следовать основным социалистическим ценностям своей страны. На основании ст. 47, полицейские должны быть полны энергии, иметь достойную внешность и цивилизованные манеры. При нахождении в общественных местах полицейским в форменной одежде запрещено курить, смеяться и демонстрировать оскорбительный тон общения, издавать громкие звуки (ст. 49). В соответствии с предписаниями ст. 50 Положения, в случае своего участия в организованном собрании, митинге или вечеринке, полицейские должны прибыть к месту проведения мероприятия в установленные время и порядок,

занять указанное место, соблюдать порядок проведения мероприятия и не уходить раньше времени его завершения, а по окончании мероприятия выходить по очереди. На основании ст. 51 Положения, полицейские должны соблюдать общественный порядок и общественную мораль, сознательно оберегать имидж и репутацию народной полиции Китая. В соответствии с положением ст. 52, во всех случаях угрозы безопасности жизни и имущества людей полиция должна активно спасать людей и имущество, привлекая для этого силу общественной поддержки. Согласно требованиям ст. 53, полицейским запрещено употребление алкоголя в рабочее время, а также с оружием. Наряду с отмеченным и в соответствии со ст. 54, полицейским запрещено занятие порнографией, азартными играми и наркотиками, участие в феодальных суевериях и деятельности религиозных организаций.

В рабочее время, за исключением служебной необходимости, полицейским запрещено посещать для своего развлечения места пения и танцев. Руководствуясь предписанием ст. 55 Положения, полицейские не должны распространять высказывания, наносящие ущерб авторитету Конституции, репутации КПК и страны, а также, не должны участвовать в незаконных организациях, а также организовывать или участвовать в митингах, парадах, демонстрациях и др., направленных против Конституции, руководства КПК и страны. При этом во время проведения мероприятий не допускается копирование, размещение или сокрытие незаконных печатных материалов, организация или участие в забастовках, а также, предоставление каких-либо несогласованных

Литература:

1. Закон о народной полиции Китайской Народной Республики (Пересмотренный проект). URL : <http://gaj.gxhz.gov.cn/dczj/W020200314601200801593.doc> (дата обращения 12.04.2022).
2. Объявление Министерства общественной безопасности от 16 марта 2020 г. О комментариях общественности к «Закону о народной полиции Китайской Народной Республики» (пересмотренный проект)». URL : <http://gaj.gxhz.gov.cn/dczj/t1653949.shtml> (дата обращения 12.04.2022).
3. Положение о народной полиции Китайской Народной Республики. (Обнародовано приказом Министерства общественной безопасности от 28.10.2021 № 161. Официальный сайт «Ministry of Public Security of the People's Republic of China». URL : <https://app.mps.gov.cn/gdnps/zc/content.jsp?id=8280075> (дата обращения 15.04.2022).
4. Присяга народной полиции органов общественной безопасности Китайской Народной Республики. URL : http://www.gov.cn/xinwen/2021-11/18/content_5651770.htm (дата обращения 15.04.2022).
5. *Решетников И.В.* Становление и развитие полиции Китая / И.В. Решетников // Юрист-Правоведь. 2011. № 2. С. 38–42.

высшим руководством интервью для СМИ. В ст. 56 зафиксированы запреты на использование дополнительных источников заработка, а в ст. 57–58 закреплены запреты и ограничения на использование сети «Интернет». Подводя итог изложенному, следует указать на то обстоятельство, что изложенные вопросы служебной дисциплины и профессиональной этики полицейских получили свое правовое закрепление с учетом мнения китайского общества на миссию и пределы компетенции народной полиции Китая, которые отражены в комментариях общественности к «Закону о народной полиции Китайской Народной Республики» [1; 2].

Резюмируя изложенное, мы считаем необходимым сформулировать следующие выводы.

Во-первых, рассмотренные этико-правовые основы полицейской деятельности в Китайской Народной Республике возведены на уровень нормативного правового закрепления, что, безусловно, повышает их действенность и глубину осознания каждым полицейским сущностных основ своей правоохранительной миссии во благо дальнейшего процветания своего общества.

Во-вторых, фактор закрепления в национальном законодательстве Китайской Народной Республики правовых ориентиров, в части моральных пределов допустимого поведения, способствует дальнейшему укреплению полицейских рядов страны и создает необходимые предпосылки для упрочения доверия к народной полиции со стороны китайского общества.

Literature:

1. The Law on the People's Police of the People's Republic of China (Revised draft). URL : <http://gaj.gxhz.gov.cn/dczj/W020200314601200801593.doc> (date of appeal 12.04.2022).
2. Announcement of the Ministry of Public Security dated March 16, 2020 On public Comments on the «Law on the People's Police of the People's Republic of China» (revised draft). URL : <http://gaj.gxhz.gov.cn/dczj/t1653949.shtml> (date of appeal 12.04.2022).
3. Regulations on the People's Police of the People's Republic of China. (Published by Order of the Ministry of Public Security № 161 of 10/28/2021. Official website of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China. URL : <https://app.mps.gov.cn/gdnps/zc/content.jsp?id=8280075> (date of appeal 04/15/2022).
4. Oath of the People's Police of the public security bodies of the People's Republic of China. URL : http://www.gov.cn/xinwen/2021-11/18/content_5651770.htm (date of appeal 04/15/2022).
5. *Reshetnikov I.V.* Formation and development of the Chinese police / I.V. Reshetnikov // Jurist-Pravoved. 2011. № 2. P. 38–42.

6. *Чимаров С.Ю.* К вопросу о «принципах право-применения» Роберта Пиля в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.

6. *Chimarov S.Yu.* On the question of Robert Peel's «principles of law enforcement» in police activity / S.Yu. Chimarov // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(75). P. 33–34.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Душкина Екатерина Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоведения,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
egorova1809@inbox.ru

Ekaterina V. Dushkina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Law,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia Affairs of Russia
egorova1809@inbox.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ
АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА
В КОНТЕКСТЕ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА
И ПОЗНАНИЯ ИМ МИРА**

**THEORETICAL AND LEGAL
FOUNDATIONS OF CONCEPTUAL
JUDGMENTS ARTHUR SCHOPENHAUER
IN THE CONTEXT OF THE WILL OF MAN
AND HIS KNOWLEDGE OF THE WORLD**

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных воззрений немецкого философа Артура Шопенгауэра на проблему генезиса права и его оценки в контексте презентации мира как воли и представления. Выявляя ряд наиболее значимых теоретических суждений указанного мыслителя по вопросам общего понимания права, содержания естественного и государственного права, а также, справедливости и миссии государства, авторы акцентируют внимание на уточнении значения морализующего фактора на область юриспруденции и необходимости учета в процессе правоприменения нравственной и психологической сторон поведения индивида: как мотива проявления им своих волевых качеств, так и степени его представления относительно последствий совершенного.

Annotation. The article presents an analysis of individual views of the German philosopher Arthur Schopenhauer on the problem of the genesis of law and its assessment in the context of the presentation of the world as will and representation. Revealing a number of the most significant theoretical judgments of this thinker on the issues of a general understanding of law, the content of natural and state law, as well as justice and the mission of the state, the authors focus on clarifying the meaning of the moralizing factor in the field of jurisprudence and the need to take into account the moral and psychological aspects of an individual's behavior in the process of law enforcement: as a motive for the manifestation of his volitional qualities, and the degree of his representation regarding the consequences of the perfect.

Ключевые слова: теория права, правовой концепт, справедливость, закон, государство, мораль, воля.

Keywords: theory of law, legal concept, justice, law, state, morality, will.

В кругу видных представителей зарубежной философии особое место занимает личность немецкого мыслителя, иррационалиста и мизантропа Артура Шопенгауэра (1788–1860 гг.), жизненная миссия которого была посвящена размышлению над «вечно тревожащей загадкой существования», а также, выяснению смысла жизни в мире, наполненном несправедливостью, порождающей страдания людей и насилие в обществе. Философия Шопенгауэра обращена к

осмыслению проблем, возникающих под воздействием всеобщего импульса воли к жизни, а выдвинутой им идея мира как представления способствует более предметному естественно-правовому пониманию отдельных сторон современной действительности, с позиции справедливости и законности, в их неразрывной связи с областью морали. Кроме того, отдельные концептуальные суждения данного мыслителя предвосхищают подлинный смысл правового явления,

именуемого «правом принуждения чужой воли», глубинный смысл которого составляет отрицание неправды. По нашему пониманию, отмеченное:

– во-первых, свидетельствует об актуальности темы нашего исследования;

– во-вторых, позволяет наиболее подробно проанализировать некоторые научные положения учения А. Шопенгауэра в их преломлении к теории права.

С учетом того, что вся палитра философских взглядов А. Шопенгауэра на вопросы права рассредоточена по различным его трудам, представляется оправданным провести некоторую их реконструкцию [1, с. 141].

Как следует из учения отмеченного философа, дихотомия мира предполагает наличие следующих половин:

а) объекта в виде форм пространства и времени, порождающих множественность;

б) субъекта, пребывающего вне отмеченных двух форм и принадлежащего каждому представляющему существу.

Неразрывность указанных половин мира имеет прочное сопряжение с действием механизма их взаимного ограничения: «где начинается объект кончается субъект» [4, с. 5]. отождествляя объект с материей, А. Шопенгауэр заключает о его представлении исключительно для субъекта, а само представление возводит в разряд познавательной способности [4, с. 11]. Наряду с отмеченным, философ оценивает «субъективный коррелят материи» суть причинность в качестве рассудка, единственным предназначением которого выступает познание причинности. Наиболее распространенным проявлением рассудка выступает «воззрение окружающего мира: оно всецело познание причины из действия, поэтому всякое воззрение интеллектуально» [4, с. 12]. По мысли А. Шопенгауэра, рассудок находится на службе у воли и определяет содержание дефиниции «ум» [4, с. 22].

Отмеченные выводы немецкого философа имеют важное методологическое значение для понимания сущностных основ триады «право, правосознание и законность». По нашему представлению, указанный тезис корреспондирует следующему утверждению А. Шопенгауэра: «Недостаток рассудка в собственном смысле называется глупостью; это – именно тупость в применении причинного закона, неспособность к непосредственному восприятию сочетаний между причиной и действием, мотивом и поступком» [4, с. 23]. Что касается воли, то данное слово означает свойство характера субъекта познания, наделяющее последнего правом выступить в качестве индивида. Именно воля «дает ему ключ к собственному явлению, открывает ему смысл, показывает ему внутренний механизм его существа, его деятельности и движений» [4, с. 104].

Концентрированное понимание теоретико-правовых аспектов концептуальных суждений

А. Шопенгауэра в контексте воли человека и познания им мира зафиксировано в § 62 книги 4 «О мире как воле» его основной работы «Мир как воля и представление». Несомненным вниманием заслуживает научная позиция указанного мыслителя к отношению такой правовой категории как «справедливость», содержание которой он наиболее обстоятельно анализирует посредством исследования категории «несправедливость». Как следует из логики размышлений философа, фактор вторжения воли одного индивида в чужую волю другого приводит к порождению явления, именуемого «несправедливость». С правовой точки зрения и в соответствии с выводом А. Шопенгауэра, для индивида понятие несправедливости как «ужасного образа величайшего раздора воли с самой собой» сводится к явлению социального каннибализма [4, с. 345]. Развивая свою мысль в части справедливости надления индивида правом владения какой-либо вещи, А. Шопенгауэр обращает внимание на целесообразность учета затраченных усилий индивида во имя первоначального существования этой вещи [4, с. 347]. При этом морально-обоснованное право собственности, по своей природе, предоставляет своему владельцу неограниченную власть на обладание, по аналогии с правом индивида на свое тело. Отмеченное утверждение приемлемо, к примеру, к государству в виде договора на общежитие, которое получает обширную область прав в отношении своих граждан, в обмен на те услуги, которые оно им обязуется предоставлять [4, с. 348]. Развивая далее свое учение о несправедливости, А. Шопенгауэр выделяет два основных пути несправедливости: насилие и хитрость. Первый путь ориентирован на достижение несправедливости посредством «физической причинности» (например: убийство). Несправедливость второго пути обеспечивается посредством реализации технологии мотивации манипулирования чужой волей с применением ложных мотивов (например: обман, нарушение договора, коварство, измена). В данном случае, мотив действия индивида обусловлен действием чужих воли, мотива и познания, с одновременным отрицанием своего мира, то есть своих воли и представления [4, с. 348]. Акцентируя внимание на понятии «несправедливость», А. Шопенгауэр приравнивает его к понятию «неправда», которое само по себе, исходя из хода суждений философа, является первичным. Употребляемое первое понятие «неправда» находится в «парной связке» с противоположным ему вторым понятием «право», являющимся производным от первого. Призывая к пониманию индивидом мира как представления, А. Шопенгауэр отдает приоритет понятиям, а не словам: «На самом деле никогда нельзя было бы говорить о праве, если бы не существовало неправды. Ибо понятие права заключается в себе только отрицание неправды, и под него возводится всякое деяние, которое не представляет собой перехода за указанную границу» [4, с. 350]. В случае сопротивления отрицанию своей воли индивид или иная сторона социального взаимодействия совершают отрицание чужого вторжения в пределы своей воли, то есть отрицание неправды. В данном случае, указанные субъекты обретают законное право принуждения

неправедной чужой воли, что свидетельствует о феномене отрицания неправды как первоисточнике понятия права [4, с. 351]. Любой факт неправды сопровождается генерированием моральной боли, допустимой для любого индивида вне зависимости от степени интегрирования его в социум: «Этот чисто-моральный смысл есть единственный, который право и неправда имеют для человека как для человека, а не как для гражданина» [4, с. 353]. Как следует из дальнейшего понимания А. Шопенгауэром соотношения между правом и неправдой, отмеченный «чисто-моральный смысл» есть квинтэссенция всего того, что именуется естественным правом, наиболее правильное понимание которого должно быть сведено к термину «нравственное право» [4, с. 353]. Данный вывод основан на объективной принадлежности индивиду естественного стремления к автономии своей воли. Иллюстрацией к врожденной естественно-правовой сущности индивида выступает замечание философа о первенстве дара природы над даром счастья. Указанное соотношение этих «даров» базируется на наличии у всего врожденного метафизического основания, покоящегося на праве высшего порядка и именуемого «Божьей милостью» [2, с. 211].

Определяя общий контур «чистого учения о праве», А. Шопенгауэр сводит его к «главе из этики», посвященной исключительно действию, а не пассивности. В данном случае, его аргументация построена на признании действия как проявления воли, что выступает предметом изучения этики. Что касается таких понятий как пассивность или страдание, то они относятся к области фактов, являющихся последствием конкретных действий [4, с. 354]. Проводя анализ субъективно понимаемого им процесса разлада в социуме воли к жизни, А. Шопенгауэр свидетельствует о предопределенности общественного стремления к минимизации масштаба переносимых социальных настроений и переносимых страданий каждого индивида в отдельности от несправедливости чужой неправедной воли. Отмеченное сопровождается стремлением разума к принятию общественного договора или закона, что приводит к появлению и существованию государства как такового на основе достижения общего соглашения. Степень совершенства любого государства коррелирует степени его приверженности анархии (республика), деспотии (монархия) или господству партий (конституционная монархия) [4, с. 355–356]. По нашему представлению, важным фрагментом учения А. Шопенгауэра о праве является особое понимание им роли государства как института защиты права. Именно в этом качестве государство обеспечивает:

– во-первых, внешнюю защиту от других людей и народов, поскольку злейшим врагом человека является человек (лат. «*homo homini lupus*»). При организации этой защиты государство часто обращается к положениям международного права: в большей степени на словах, чем на деле;

– во-вторых, внутреннюю защиту своих граждан от друг друга, то есть обеспечивает «частное право посредством поддержания правового состояния»;

– в-третьих защиту от защитника, то есть «от того или тех, кому общество поручило осуществление защиты, следовательно обеспечение публичного права» [5, с. 640–641].

Рассуждая о соотношении государственного права (законодательства) и морали, А. Шопенгауэр приходит к следующей констатации: изначально, этическое понятие неправды и ее отрицания в виде права совершило эволюцию в сторону юридического и трансформировалось в своем предмете от активного действия к пассивному. По этой причине, также как историк реализует свою миссию в качестве «обратного пророка», так и правовед выступает в роли «обратного моралиста». Другими словами, если мораль устанавливает пределы дозволенного со стороны поведения индивида, то право определяет укрепленные законом границы ненарушимых прав с пассивной стороны [4, с. 357]. Вместе с тем, А. Шопенгауэр уточняет, что нормативные положения любого закона не должны вдаваться в излишнюю детализацию, поскольку «закон не занимается мелочами» [3, с. 271].

Обобщая содержание теоретико-правовых концептов А. Шопенгауэра, американский профессор права Р.Б. Марчин отмечает их очевидную прагматичность и стремление к систематизации поведения людей: «метафизическая основа шопенгауэровской теории справедливости придает концепциям права и юридической ответственности бихевиористский характер» [7, р. 814]. Представляя свое нарративное восприятие теоретико-правовых замечаний А. Шопенгауэра в отношении мира как репрезентации, зарубежные ученые Т. Баптиста, С. Туччи и Ф. Анхелес отмечают выявленный немецким философом фактор ошеломленности современного рефлексивного ума (англ. «*the present-day reflexive mind*») противоречиями между «Законом», «Моралью», «Этикой» и «Справедливостью», как правило, связанными с эгоистичными действиями индивида. Как следует из учения А. Шопенгауэра, разрешение данных противоречий заключается в отрицании воли, что приводит к утверждению «Вечной Справедливости», метафизически свободной от указанных противоречий [6, р. 9]. Подводя итог изложенному, нам представляется необходимым сформулировать некоторые выводы.

1. Общее понимание концепции А. Шопенгауэра заключается в осознании мира, пребывающего в двух сосуществующих измерениях: первое – «Воля», которая является метафизической, идеальной и конечной реальностью, где не существует изолированных существ; второе – «Репрезентативная сторона», в которой обитает волевой и эгоцентричный индивидуальный феномен.

2. В любом обществе, которое подчинено императиву воли, проявляется временная справедливость, направленная исключительно на блокирование любых действий недоброжелательного характера по отношению к индивидам и социуму в целом. Каждый индивид достигает своей абсолютной свободы при достижении им метафизического уровня изначальной воли. Данному уровню

корреспондирует наличие вечной справедливости, при которой поступки жертвы и преступника (злоумышленника) сбалансированы, в силу принадлежности данных субъектов социального взаимодействия к единой сущности. По мысли А. Шопенгауэра, единственным связующим элементом между временной и вечной справедливостью является самоотречение, основанное на признании единства всех живых существ и сводимое к

Литература:

1. *Слесарев А.А.* Политико-правовые концепции Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше / А.А. Слесарев // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 4. С. 141–146.
2. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы. СПб. : Издание А.С. Суворина. 1886. 362 с.
3. *Шопенгауэр А.* Афоризмы о житейской мудрости (Parerga und Paralipomena). СПб. : Издание Н. Зинченко, 1902. 344 с.
4. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М. : Типо-литография И.Н. Кушнерева и К, 1900. Т. I. 552 с.
5. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Дополнения к первым четырем книгам. М. : Академический проект, 2019. 733 с.
6. *Baptista T.* Justice and law in the thought of Arthur Schopenhauer (1788–1860) / T. Baptista, S. Tucci, F. Angeles // Forensic Science International: Mind and Law. 2021. Vol. 2. P. 1–11.
7. *Marcin R.B.* Schopenhauer's theory of justice / R.B. Marcin // Catholic University Law Review. 1994. Vol. 43. Iss. 3. P. 813–865.

переводу индивида в состояние сострадания и аскетизма.

3. Идея справедливости в отмеченных двух ее измерениях (временного и вечного) предопределяет возникновение и последующую эволюцию права как феномена отрицания неправды суть стремления к посягательству на волю индивида или государства со стороны чужой воли.

Literature:

1. *Slesarev A.A.* Political and legal concepts of Arthur Schopenhauer and Friedrich Nietzsche / A.A. Slesarev // Bulletin of NSU. Series: Philosophy. 2010. Vol. 8. Iss 4. P. 141–146.
2. *Shopengauer A.* Aphorisms and maxims. SPb. : Edition of A.S. Suvorin, 1886. 362 p.
3. *Shopengauer A.* Aphorisms of everyday wisdom (Parerga und Paralipomena). SPb. : Izdanie N. Zinchenko, 1902. 344 p.
4. *Shopengauer A.* Peace as will and representation. M. : Typo-lithography I.N. Kushnereva and K. 1900. 552 p.
5. *Shopengauer A.* Peace as will and representation. Additions to the first four books. M. : Academic project, 2019. 733 p.
6. *Baptista T.* Justice and law in the thought of Arthur Schopenhauer (1788–1860) / T. Baptista, S. Tucci, F. Angeles // Forensic Science International: Mind and Law. 2021. Vol. 2. P. 1–11.
7. *Marcin R.B.* Schopenhauer's theory of justice / R.B. Marcin // Catholic University Law Review. 1994. Vol. 43. Iss. 3. P. 813–865.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры публично-правовых
дисциплин факультета
права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ**

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовой охране института интеллектуальной собственности в России. Продукты интеллектуального труда появились уже достаточно давно. Но юридическое закрепление, регулирование и охрана результатов интеллектуального труда появилось далеко не у истоков интеллектуальной деятельности человека. Правовые нормы разрабатываются и совершенствуются, по сей день. В настоящее время происходит активное развитие социальных сетей, в связи с чем, наиболее остро встает вопрос интеллектуальной собственности, связанной с фото и видео материалами. Авторы того или иного контента не всегда четко понимают, каким образом необходимо публиковать плоды своего творчества в мировом пространстве, чтобы сохранить на него права. Интеллектуальная собственность представляет собой некоторую границу, которая отделяет права авторов. Существование этой категории важно для формирования защиты от посягательств третьих лиц.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, уголовно правовая охрана, авторское право, право автора, третьи лица.

Авторское право возникло в Древней Греции. Законы этого государства имели в себе истоки экономического и социального понимания продуктов творчества людей. Предметы искусства не поддавались преобразованиям, они сохранялись в первоизданном виде и передавались читателям и слушателем в том виде, в котором их придумал автор. Оплата за творческий труд

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of the Department
of Financial Law and Customs,
Vladimir State
University named after
Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletovs
Milena.555@mail.ru

**CRIMINAL LAW PROTECTION
OF INTELLECTUAL
PROPERTY IN RUSSIA**

Annotation. The article is devoted to the criminal law protection of the Institute of intellectual property in Russia. Intellectual labor products have appeared for a long time. But the legal consolidation, regulation and protection of the results of intellectual labor appeared far from the origins of human intellectual activity. Legal norms are being developed and improved to this day. Currently, there is an active development of social networks, in connection with which the issue of intellectual property related to photo and video materials is most acute. The authors of a particular content do not always clearly understand how it is necessary to publish the fruits of their creativity in the world space in order to preserve their rights to it. Intellectual property represents a certain boundary that separates the rights of authors. The existence of this category is important for the formation of protection against third-party encroachments.

Keywords: intellectual property, criminal protection, copyright, author's right, third parties.

также имела место быть, ее истоки лежат в римском праве.

Экономическая сторона вопроса интеллектуальной собственности не представляла особой важности, поскольку «продавать творчество» люди стали не сразу. Произведения искусства были вне экономики.

Термин «интеллектуальная собственность» существовал долгое время лишь на уровне теоретических рассуждений, так было вплоть до конца XX века. В 1967 году в Стокгольме сформировали Всемирную организацию интеллектуальной собственности, которая и дала толчок понятию интеллектуальной собственности как научной и правовой категории [1].

Появление данного термина некоторые исследователи связывают с законодательством Франции XVIII века. Об интеллектуальной собственности писали известные философы и ученые – Руссо, Вольтер и другие.

Под интеллектуальной собственностью, как правило, понимается правовое благо, которое определяет правовой статус авторов и правообладателей права собственности на продукты интеллектуальной деятельности [2]. Соответственно, законодательные акты государства должны содержать определенные положения, защищающие интеллектуальную собственность, а также регулирующие отношения в сфере интеллектуальной собственности.

Интеллектуальная собственность представляет собой некоторую границу, которая отделяет права авторов. Существование этой категории важно для формирования защиты от посягательств третьих лиц.

Законодательство Российской Федерации (а именно – Гражданский кодекс РФ, ст. 1225) содержит в себе следующее определение интеллектуальной собственности: «охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [3].

Также в гражданском кодексе содержатся признаки интеллектуальной собственности, которые стоит рассмотреть, чтобы понимать, что конкретно можно отнести к данной категории:

1. Нематериальность. Важно понимание того, что, если вещь существует – она материальна и право собственности регулируется государством. Но владение нематериальными объектами отличается от классического понимания.
2. Абсолютность. Автор имеет преимущественные права. Отсутствие запрета не позволяет владеть предметом интеллектуальной собственности другим людям.
3. Нематериальное воплощается в материальное. К примеру, задумку можно реализовать в виде изобретения, музыка может выражаться материально в виде носителя, на котором она записана. Если человек владеет материальной формой интеллектуальной собственности, он не всегда владеет самой собственностью.
4. Объект должен быть отнесен к этому виду собственности на уровне закона.

Различают охрану прав на интеллектуальную собственность и защиту этих прав. Важно

понимать отличие этих двух явлений. Охрана прав включает в себя правовой порядок в сфере интеллектуальной собственности, отражающийся в законодательстве и осуществляемый в судебном и внесудебном порядке. Внесудебная форма включает в себя самозащиту. Судебная форма включает в себя три вида защиты:

- Гражданско-правовую;
- Административно-правовую;
- Уголовно-правовую.

Исследователи права спорят о необходимости охраны интеллектуальной собственности уголовным правом. Ряд правоведов считает, что в сфере интеллектуальной собственности достаточной защитой будет уголовное наказание за присвоение авторства. Например, Л.Г. Мачковский говорил следующее: «Потребности объединять потенциальную уголовную ответственность за присвоение авторских прав и общественно опасные действия нет. Действия такого характера являются посягательством на человеческие ценности, что изначально несет в себе опасность» [4]. В настоящее время уголовное законодательство нашей страны содержит в себе нормы, направленные на охрану интеллектуальной собственности (ст. 146, 147). Они находятся в 19 главе «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» раздела VII «Преступления против личности».

Часть 1 ст. 44 Конституции РФ также содержит в себе значимость права на творчество. Огромное количество правоведов утверждают, что такое положение проявляется не только в признании свободы самовыражения автора, его правом решать, как поступать с объектом собственного производства, но и в предоставлении целого ряда гарантий.

Статья 146 УК РФ состоит из 3 частей, которые содержат в себе описание нарушений интеллектуального права и наказания за эти правонарушения. Так, например, за плагиат предусмотрен штраф до 200 тыс. рублей, такой же штраф можно получить за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности.

Стоит сказать, что действующим УК РФ интеллектуальная собственность в своем первоначальном смысле не охраняется. Отсутствует логичная и четкая концепция правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. Не учтено большое количество инноваций и технических новшеств, которые зачастую в корне меняют представления об интеллектуальной собственности.

Уголовное законодательство должно гарантировать ответственность за любое посягательство на объекты интеллектуальной собственности, защищать права автора в той сфере, где заканчивается сфера действия гражданского и административного права.

Литература:

1. *Ярыш В.Д.* Защита прав изобретателей в России до XIX века / В.Д. Ярыш // Журнал российского права. 2020. № 1.
2. *Перельгин К.Г.* О месте интеллектуальной собственности в системе уголовного законодательства / К.Г. Перельгин. URL : <http://www.zonazakona.ru/law/comments/397>
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // Справочная правовая система «Консультант плюс».
4. *Мачковский Л.Г.* Интеллектуальная собственность: уголовноправовая охрана / Л.Г. Мачковский // Законодательство. 2019. № 11.

Literature:

1. *Yarysh V.D.* Protection of the rights of inventors in Russia before the XIX century / V.D. Yarysh // Journal of Russian Law. 2020. № 1.
2. *Perelygin K.G.* On the place of intellectual property in the system of criminal legislation / K.G. Perelygin. URL : <http://www.zonazakona.ru/law/comments/397>
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. of 29.12.2020) (with amendments and additions. from 06.08.2021) // Legal reference system «ConsultantPlus».
4. *Machkovsky L.G.* Intellectual property: criminal legal protection / L.G. Machkovsky // Legislation. 2019. № 11.

Шкабин Геннадий Сергеевич

доктор юридических наук,
доцент,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
uprzn@ya.ru

Gennady S. Shkabin

Doctor of Law,
Associate Professor,
Chief Research Officer,
Research Institute
Federal Service
Execution of Punishments
uprzn@ya.ru

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ВЛАСТИ В СТРАНАХ СНГ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**CRIMINAL LIABILITY FOR INSULTING
A REPRESENTATIVE OF AUTHORITY
IN THE CIS COUNTRIES:
A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

Аннотация. В статье проанализировано современное уголовное законодательство стран СНГ об ответственности за оскорбление представителя власти. Компаративное исследование УК Армении, Азербайджана, Беларуси, Молдовы, Киргизии, Казахстана, Таджикистана, России и Узбекистана позволило автору прийти к выводу, что отсутствует единый подход в конструировании норм об ответственности за оскорбление представителя власти. Автор указывает, что сложилось четыре подхода к законодательной регламентации ответственности за данное деяние. Кроме диспозиций указанных норм, в статье исследуются санкции. Автор приходит к выводу о том, что уголовное законодательство большинства стран СНГ содержит более строгие виды и размеры наказаний по сравнению с УК РФ.

Annotation. The article analyzes the modern criminal legislation of the CIS countries on responsibility for insulting a representative of the authorities. A comparative study of the Criminal Code of Armenia, Azerbaijan, Belarus, Moldova, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Tajikistan, Russia and Uzbekistan allowed the author to come to the conclusion that there is no unified approach in the construction of norms on responsibility for insulting a representative of the authorities. The author points out that there are four approaches to the legislative regulation of responsibility for this act. In addition to the dispositions of these norms, the article examines sanctions. The author comes to the conclusion that the criminal legislation of most CIS countries contains stricter types and sizes of punishments compared to the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: оскорбление, представитель власти, преступление, страны СНГ, уголовная ответственность.

Keywords: insult, representative of the authorities, crime, CIS countries, criminal liability.

Страны-участницы СНГ объединены общей историей народов и сложившимися тесными связями. Ежегодно сотни тысяч граждан стран СНГ приезжают в Россию с различными целями [2]. Решение задачи обеспечения законности и правопорядка в государствах СНГ во многом зависит от единообразия в законодательном подходе к регламентации противоправных деяний, одним из которых является оскорбление представителя власти.

исследуя данную тему, отметил, что уголовное законодательство стран СНГ имеет максимальную схожесть с УК РФ в вопросах защиты чести и достоинства представителей власти [3, с. 52]. Нынешнее состояние законодательной регламентации ответственности за оскорбление представителя власти требует научного анализа.

В Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ, принятом на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года содержалась как общая рекомендованная норма об оскорблении личности (ст. 144), так и специальная об оскорблении представителя власти (ст. 312) [6]. В первоначальных редакциях уголовных законов всех стран СНГ законодатели закрепили данные положения, однако в последующем внесли ряд изменений. В 2013 г. С.С. Киселев,

В уголовном законодательстве Киргизии и Молдовы уголовной ответственности за оскорбление вообще не предусмотрено [9; 12]. В Молдове указанные деяния относятся к разряду административных правонарушений. Н.Н. Кутаков объясняет отсутствие в Киргизии ответственности за оскорбление положениями ст. 33 Конституции, согласно которым никто не может быть подвергнут уголовному преследованию за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности [5, с. 53].

В настоящее время Республика Казахстан остается единственной страной СНГ, в уголовном законе которой имеется как общая норма об

оскорблении (ст. 131 УК Казахстана), так и специальная, устанавливающая ответственность за оскорбление представителя власти (ст. 378 УК Казахстана). При этом казахский законодатель не ставит публичность в число обязательных признаков рассматриваемого состава преступления, как это сделано в УК РФ, а относит его к квалифицирующему. Интерес представляет установление уголовной ответственности за публичное оскорбление отдельных представителей власти – Президента Республики Казахстан (ст. 375 УК Казахстана), Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы (ст. 373 УК), а также оскорбление депутата Парламента Республики Казахстан (ст. 376 УК). Не ясно, в связи с чем, казахский законодатель придал большую общественную опасность оскорблению депутатов по сравнению с представителями других ветвей власти, особенно законодательной и судебной. Стоит отметить, что, в целом, в Казахстане нормы об ответственности за оскорбление представителя власти устанавливают относительно строгое наказание: наряду со штрафом, привлечением к общественным работам, применяются такие виды наказания, как исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на срок до 5 лет.

Заметим, что в УК Казахстана есть отдельная норма-примечание, которая конкретизирует, что публичные выступления, содержащие критические высказывания о служебной деятельности представителя власти, не влекут уголовной ответственности (ст. 378) [11]. Такая оговорка подчеркивает, что установление уголовной ответственности за оскорбление представителя власти не ограничивает свободу слова и не запрещает критику власти, если она не носит характер унижения.

В уголовных законах Таджикистана и Республики Беларусь сохранились лишь специальные нормы об ответственности за оскорбление представителя власти. В ст. 330 УК Таджикистана закреплена норма, аналогичная по содержанию ст. 319 УК РФ (публичное оскорбление представителя власти при исполнении его должностных обязанностей или в связи с их выполнением). То же оскорбление, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации или сети интернет, образует квалифицирующий признак данного состава преступления [13]. Однако в отличие от ст. 319 УК РФ, строгость наказания за данное деяние, существенно выше, поскольку санкция ст. 330 УК Таджикистана включает лишение свободы на срок до 2 лет.

В ст. 269 УК Республики Беларусь закреплена ответственность за оскорбление представителя власти или его близких в связи с выполнением им служебных обязанностей, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет [10]. В рассматриваемой норме расширен круг потерпевших, так как к ним относятся близкие представителю власти лица.

Санкция данной нормы показывает, что белорусский законодатель относит рассматриваемое деяние к опасным, так как кроме штрафа, ареста, ограничения свободы оно может быть наказуемо лишением свободы на срок до 3 лет со штрафом.

Как верно отмечено в литературе, защита чести и достоинства представителей власти иногда обеспечивается даже не одной, а несколькими статьями уголовного кодекса [7, с. 83]. С этих позиций важно отметить, что в законодательстве Беларуси и Таджикистана есть специальные нормы об ответственности за оскорбление президента (ст. 137 УК Таджикистана, ст. 368 УК Республики Беларусь).

Особая ситуация сложилась в Армении. Норма об оскорблении представителя власти была декриминализована – 19 мая 2008 года, а об оскорблении гражданина 18 мая 2010 года. Однако в 2012 году армянский законодатель предпринял попытку установить административную ответственность за публичное оскорбление служащего полиции или военнослужащего в связи с выполнением им своих обязанностей по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности (ст. 172.3 Кодекса об административных правонарушениях Армении) [4]. Однако 30 августа 2021 года вступила в силу ст. 137.1 УК Армении, устанавливающая ответственность за нанесение лицу тяжкого оскорбления, ругательства или тяжкого оскорбления человеческого достоинства в крайне неприличной форме. Квалифицирующим признаком данного деяния стало распространение материалов, содержащих тяжкое оскорбление лица, с использованием информационных или коммуникационных технологий, или в иной публичной форме [1]. Как сообщается в СМИ, новый состав стал чрезвычайно востребованным на практике: с сентября до конца 2021 года было возбуждено более двухсот уголовных дел по данной статье [1].

В уголовном законодательстве Азербайджана и Узбекистана имеются только общие нормы об оскорблении. В соответствии со ст. 148 УК Азербайджана, наказуемо вплоть до лишения свободы публичное оскорбление другого лица [8]. Особый интерес представляет ст. 148-1 УК Азербайджана, в котором предусмотрена ответственность за оскорбление или клевету в информационном интернет-ресурсе путем массового распространения, с использованием поддельных имен пользователя, профилей или учетных записей. Законодатель, по-видимому, исходит из того, что подобные действия сложнее выявляются и требуют дополнительной подготовки от виновного.

По ч. 1 ст. 140 УК Узбекистана уголовно наказуемо оскорбление с административной преюдицией. В ч. 2 этой же статьи наказуемо публичное оскорбление личности, а в ч. 3 – оскорбление в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или гражданского долга [14]. По существу в последнем случае речь идет о специальном оскорблении. Под признаки такого потерпевшего вполне подпадает представитель власти.

Изучение законодательной регламентации ответственности за оскорбление представителя власти в странах СНГ позволяет сформулировать следующие выводы. В настоящее время в уголовных законах стран СНГ отсутствует единый подход в формулировании норм об ответственности за оскорбление представителя власти. Фактически сложилось четыре подхода к законодательной регламентации ответственности за данное деяние:

1) уголовная ответственность за оскорбление представителя власти наступает по специальной норме при наличии в УК общей нормы об ответственности за оскорбление личности другого лица;

Литература:

1. «Обматерил Пашиняна за состояние транспорта: в Армении вынесен первый судебный приговор за нанесение тяжкого оскорбления». URL : <https://newsarmenia.am/news/armenia/obmateril-pashinyana-za-sostoyanie-transporta-v-armenii-vynesen-pervyy-sudebnyy-prigovor-za-naneseni>

2. Въезд иностранных граждан в РФ. ЕМИСС государственная статистика. URL : <https://feds.tat.ru/indicator/38479>

3. *Киселев С.С.* Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Киселев Сергей Сергеевич. Омск, 2013. 175 с.

4. Кодекс Республики Армения об административных правонарушениях. URL : <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=138078>

5. *Кутаков Н.Н.* Уголовно-правовая охрана сотрудника пенитенциарного учреждения: зарубежный опыт государств – участников СНГ и современное отечественное законодательство / Н.Н. Кутаков // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. № 2(41). С. 48–59.

6. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.04.2022).

7. *Сулейманова И.Е.* О защите чести и достоинства представителей власти в сфере порядка управления / И.Е. Сулейманова // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1(43). С. 82–85; С. 83.

8. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.12.2021 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353

2) уголовная ответственность наступает по соответствующей норме при отсутствии отдельной нормы об ответственности за оскорбление личности;

3) уголовная ответственность наступает по общей норме при отсутствии специальной нормы;

4) оскорбление представителя власти не является уголовно наказуемым деянием.

Кроме того, следует отметить, что санкции рассматриваемых норм уголовного законодательства в большинстве рассмотренных стран СНГ существенно строже, чем в Российском.

Literature:

1. «I swore at Pashinyan for the state of transport: the first court verdict was passed in Armenia for inflicting a grave insult». URL: <https://newsarmenia.am/news/armenia/obmateril-pashinyana-za-sostoyanie-transporta-v-armenii-vynesen-pervyy-sudebnyy-prigovor-za-naneseni>

2. Entry of foreign citizens to the Russian Federation. EMISS state statistics. URL : <https://fedstat.ru/indicator/38479>

3. *Kiselev S.S.* Criminal-legal protection of honor and dignity of employees of internal affairs bodies : dis. ... cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / Sergey Sergeevich Kiselyov. Omsk, 2013. 175 p.

4. The Code of the Republic of Armenia on Administrative Offences. URL : <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=138078>

5. *Kutakov N.N.* Criminal law protection of a penitentiary institution employee: foreign experience of the CIS member states and modern domestic legislation / N.N. Kutakov // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2021. № 2(41). P. 48–59.

6. Model Criminal Code for the member States of the Commonwealth of Independent States. Recommendation legislative act (Adopted in St. Petersburg on 17.02.1996 by Resolution 7-5 at the 7th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) // SPS «ConsultantPlus» (date of appeal 01.04.2022).

7. *Suleymanova I.E.* On the protection of the honor and dignity of government officials in the field of governance / I.E. Suleymanova // The rule of law: theory and practice. 2016. № 1(43). P. 82–85; P. 83.

8. The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan № 787-IQ of December 30, 1999) (with amendments and additions as of December 27, 2021). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353

9. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями от 18.01.2022 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.01.2022 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252

12. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.11.2021 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923

13. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.12.2021 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325

14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.03.2022 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110

9. Criminal Code of the Kyrgyz Republic № 127 dated October 28, 2021 (as amended on January 18, 2022). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065

10. Criminal Code of the Republic of Belarus № 275-Z of July 09, 1999 (with amendments and additions as of 05.01.2022). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984

11. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V (with amendments and additions as of 02.03.2022). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252

12. Criminal Code of the Republic of Moldova № 985-XV of April 18, 2002 (with amendments and additions as of 11.11.2021). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923

13. Criminal Code of the Republic of Tajikistan № 574 dated May 21, 1998 (with amendments and additions as of December 23, 2021). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325

14. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 № 2012-XII) (with amendments and additions as of 03/14/2022). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондаренко Наталья Алексеевна
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
bonna5@mail.ru

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Аннотация. Миграционный отток населения оказывает негативное влияние на численность и состав населения многих российских регионов. В статье рассмотрены проблемы трудовой миграции, на основе анализа концептуальных подходов определены причины внутренней и внешней миграции, рассмотрены положительные и отрицательные эффекты миграции для экономики, принимающей и отдающей стран, проведен анализ показатели напряженности на рынке труда Российской Федерации по федеральным округам.

Ключевые слова: миграционные процессы, иностранная рабочая сила, квота, внешняя и внутренняя миграция, региональный рынок труда, эффекты трудовой миграции, сбалансированность рынка труда.

Миграционные процессы в России стали одной из актуальных социально-экономических проблем. Негативные последствия социально-экономических преобразований привели в регионах Российской Федерации к развитию противоположных по своей направленности миграционных процессов, что отразилось на эффективности использования трудового потенциала. Перераспределение трудовых ресурсов неизбежно оказывает воздействие на социально-экономическое развитие каждого региона. В этой связи, встает проблема поиска альтернативных вариантов решения данной проблемы.

Проблемы внешней и внутренней миграции рассматриваются через призму социально-экономического развития национальной экономики. С одной стороны, она способствует экономическому развитию принимающих рынков труда, с другой – снижает уровень человеческого потенциала страны исхода трудовых мигрантов. Поэтому изучение протекающих миграционных процессов является основой для выработки рекомендаций по их регулированию и усилению роли государственных институтов.

Сегодня, по мнению многих исследователей, международная трудовая миграция является отражением процесса глобализации, который можно охарактеризовать как выстраивание прочных экономических, социокультурных, истори-

Natalia A. Bondarenko
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economic Theory
and the National Economy,
Pacific Public University
bonna5@mail.ru

LABOR MIGRATION AS A SOCIO-ECONOMIC PHENOMENON

Annotation. The migration outflow of the population has a negative impact on the size and composition of the population of many Russian regions. The article deals with the problems of labor migration, on the basis of the analysis of conceptual approaches, the causes of internal and external migration are determined, the positive and negative effects of migration for the economy of the receiving and sending countries are considered, the analysis of tension indicators in the labor market of the Russian Federation by federal districts is carried out.

Keywords: migration processes, foreign labor force, quota, external and internal migration, regional labor market, effects of labor migration, labor market balance.

ческих и геополитических связей между странами. В то же время, глобализация мировой экономической системы привела к серьезным изменениям в миграционных процессах, изменила их масштабы и структуру. Это связано с появлением нового разделения труда, в котором важную роль начинают играть трудовые мигранты [3].

Анализ концептуальных подходов к исследованию миграционных процессов, свидетельствует о том, что большинство ранее разработанных традиционных школ опираются на экономический метод, определяющий, что причинами миграционных процессов является неравенство между странами (регионами) в уровне социально-экономического развития. Но в последнее время все большую значимость приобретают и другие теории, в которых рассматриваются демографические, географические, социологические, культурные причины миграции населения [1; 4].

При различных определениях в официальной трактовке «трудовой миграции» ее понятие основывается на пространственном перемещении трудоспособного населения для занятия трудовой деятельностью на территории прибытия, при этом функции трудовой миграции могут быть различными [5].

Важной экономической функцией трудовой миграции является ее регулирующее воздействие

на соотношение спроса и предложения рабочей силы в зоне приема мигрантов. Применительно к внешней трудовой миграции, данная функция должна выполняться за счет сбалансированности диспропорций на рынке труда на основе регламентированного приема и трудоустройства иностранных трудовых мигрантов. Таким образом, трудовая миграция представляет собой социально-экономическое явление, при котором происходит добровольное пространственное

перемещение трудоспособного населения на определенный срок, установленный принимающим государством, без смены постоянного места жительства с целью получения дохода [2].

Как для стран (регионов) принимающих мигрантов, так и для стран (регионов) из которых трудовые мигранты выезжают, характерны как положительные, так и отрицательные эффекты, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Эффекты трудовой миграции

	Страны выезда (доноры)	Страны въезда (реципиенты)
Положительные эффекты	1. Приток капитала в страну 2. Снижение безработицы и социальной напряженности. 3. Бесплатное для страны повышение квалификации рабочей силы	1. Экономия на зарплате иностранной рабочей силы. 2. Экономия затрат на обучение и профессиональную подготовку квалифицированных трудовых мигрантов. 3. Поддержание социальных программ на более высоком уровне
Отрицательные эффекты	1. Экономический ущерб от потери части трудоспособного населения. 2. Потеря затрат на общеобразовательную и профессиональную подготовку эмигрантов	1. Усиление тенденции к снижению цены рабочей силы в связи с ростом предложения на рынке труда. 2. Возникновение национально-этнических конфликтов между коренным населением и иммигрантами

Трудовая миграция рассматривается в двух градациях – подвидах, которые считаются наиболее важными: внутренняя и внешняя. Оба подвида очень сложны и сильно отличаются друг от друга, поэтому их часто изучают по отдельности, но оба имеют огромное влияние на экономику в целом, рабочую силу и рынок труда.

Миграционный учет в России все годы показывает положительную динамику миграционного движения. За исследуемый период общие объемы прибытия в страну мигрантов, в т.ч. внешних, превышали объемы убытия, причем годовые тренды обоих показателей по направленности идут параллельно (рис. 1) Тем не менее, активность и количество мигрантов в РФ снижается, что возможно связано с пандемией COVID-2019.

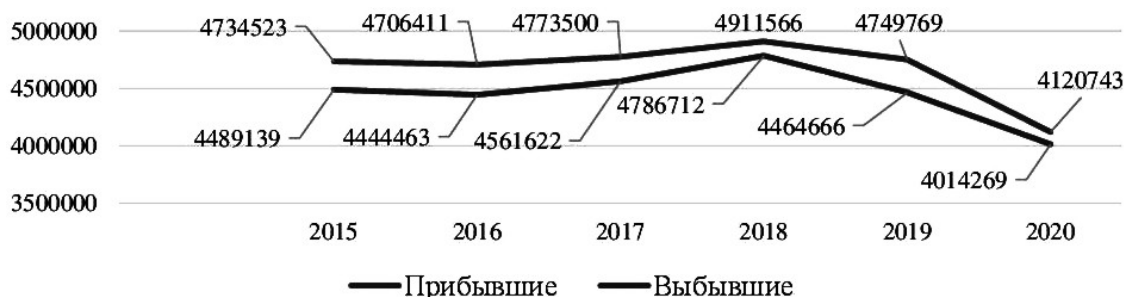

Рисунок 1 – Динамика показателей миграционного движения людей

В составе миграции преобладает внутренняя миграция (рис. 2), доля иностранных мигрантов относительно невелика.

Рисунок 2 – Структура внутренней и внешней миграции РФ в составе показателей миграционного движения, %

Для российского рынка труда характерны значительные различия по показателям напряженности на рынке труда (табл. 2).

Таблица 2

Показатели напряженности на рынке труда РФ в 2020 гг.

Субъекты рынка труда	Среднемес. зарплата, тыс. руб.	Уровень безработицы		Средняя продолжит. поиска работы, мес.	Коэффициент напряженности, чел.
		всего, %	регистрируемая %		
РФ	51,344	5,8	3,7	6,3	2,7
По Федеральным округам					
Центральный	65,319	3,9	2,2	5,7	2,2
Северо-Западный	57,162	5,0	3,6	5,3	2,5
Южный	36,620	6,1	4,1	6,0	3,2
Северо-Кавказский	31,799	13,9	10,7	7,9	17,1
Приволжский	36,975	5,2	3,2	6,0	2,5
Уральский	54,603	5,5	4,2	6,0	2,7
Сибирский	44,226	7,3	4,3	6,7	2,4
Дальневосточный	60,358	6,5	3,2	7,3	1,4

Как видно из таблицы, потребность в рабочей силе, заработная плата и социально-экономические условия жизни территориально дифференцированы. Это приводит к разной миграционной привлекательности регионов.

Внутренняя миграция воздействует на рынок труда через механизм мобильности рабочей силы в пределах ограниченных совокупного спроса и предложения в Российской Федерации. Внешняя иммиграция оказывает внешнее давление на рынок труда Российской Федерации. Механизм непосредственного воздействия на него иностранных мигрантов, прибывающих в РФ, заключается в увеличении предложения рабочей силы, а также, добавление ее качественной

профессионально-квалификационной составляющей, в пределах имеющегося ограниченного спроса со стороны работодателей.

Баланс внешней миграции с потребностями рынка труда вряд ли возможен, но существующие диспропорции могут быть смягчены при определенных условиях, прежде всего при перетекании миграционных потоков в регионы с неудовлетворенным спросом со стороны работодателей; при использовании трудовых мигрантов в зонах уникального производства, где необходимы специфические знания и умения, высокопрофессиональный опыт и навыки; когда иностранные мигранты готовы заниматься предпринимательством, инвестировать и создавать рабочие места.

Литература:

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г.С. Беккер; Под ред. Р.И. Капелюшников; Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
2. Внешняя трудовая миграция как фактор достижения сбалансированности рынка труда территории. URL : <http://www.science.vsu.ru/dissertations/8557> (дата обращения 23.03.2022).
3. Воробьева О.Д. Миграционные процессы населения. Вопросы теории и государственной миграционной политики / О.Д. Воробьева // Аналитический вестник. 2003. № 9
4. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации / И.В. Ивахнюк // Век глобализации. М., 2015. № 1. С. 36-51.
5. Ротко Н.В. Проблемы дефиниции понятия «трудовая миграция». URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=27535399&> (дата обращения 23.03.2022).

Literature:

1. Becker G.S. Human Behavior: An Economic Approach. Selected works on economic theory / G.S. Becker; Ed. R.I. Kapelyushnikov; Transl. from English. M.: GU VSHE, 2003. 672 p.
2. External labor migration as a factor in achieving a balance in the labor market of the territory. URL : <http://www.science.vsu.ru/dissertations/8557> (date of appeal 23.03.2022).
3. Vorobieva O.D. Migration processes of the population. Questions of theory and state migration policy / O.D. Vorobieva // Analytical Bulletin. 2003. № 9(202). P. 9–22.
4. Ivakhnyuk I.V. Development of migration theory in the context of globalization / I.V. Ivakhnyuk // Age of globalization. M., 2015. № 1. P. 36–51.
5. Rothko N.V. Problems of the definition of the concept of «labor migration». URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=27535399&> (date of appeal 23.03.2022).

Гурунян Татьяна Валентиновна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
экономики и инвестиций,
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
taniagur64@mail.ru

Tatyana V. Gurunyan

Candidate of Economy Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Economies and Investments,
Siberian Institute of Management – branch
Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President
of the Russian Federation
taniagur64@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ФРАНЧАЙЗИНГОВОЙ
ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА
В РОССИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ
ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МСП**

**DEVELOPMENT OF A FRANCHISING
FORM OF BUSINESS ORGANIZATION
IN RUSSIA, INCLUDING FOR SMES**

Аннотация. Во всем мире начало бизнеса в форме франшизы рассматривается как удачный старт бизнеса, в том числе для малого и среднего предпринимательства. Это объясняется выгодами франчайзинговой формы организации бизнеса для предпринимателей-франчайзи. Но в России существуют ограничения институционального характера в регулировании взаимоотношений франчайзеров и франчайзи. В статье анализируются основные теоретические подходы к франчайзинговой модели организации бизнеса. Делается вывод о значительной роли развития франчайзинговой модели организации бизнеса, в том числе для развития импортозамещения. Предлагается принять закон «О франчайзинге».

Annotation. All over the world, starting a business in the form of a franchise is regarded as a successful business start, including for small and medium-sized businesses. This is due to the benefits of the franchising form of business organization for franchisee entrepreneurs. But in Russia there are institutional restrictions in regulating the relationship between franchisors and franchisees. The article analyzes the main theoretical approaches to the franchising model of business organization. The conclusion is made about the significant role of the development of the franchising model of business organization, including for the development of import substitution. It is proposed to adopt a law «On franchising».

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, франчайзинг, интеллектуальная собственность, коммерческая концессия, лицензионный договор, импортозамещение.

Keywords: small and medium business, franchising, intellectual property, commercial concession, license agreement, import substitution.

В технологически ведущих и быстроразвивающихся странах франчайзинговая форма организации бизнеса рассматривается в качестве эффективного старта для малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), в том числе для микропредприятий в различных отраслях.

используют франчайзинговую модель бизнеса [3]. Это во многом связано с «провалами» во взаимоотношениях франчайзеров и франчайзи, крайней сложностью привлечения финансовых ресурсов для начала и развития бизнеса.

По данным Международной ассоциации франчайзинга, в настоящее время в мире насчитывается 16,5 тыс. франчайзеров и более 1,2 млн франчайзи; объем продаж сетей составляет почти \$1,5 трлн занятость – около 12 млн чел. [5].

Многочисленные работы в научной и научно-популярной литературе посвящены тематике конкурентоспособности франшиз, продвижению франшиз, развития франчайзинговой предпринимательской сети, и адресованы франчайзерам. Совершенно недостаточно освещены вопросы взаимодействия франчайзеров и франчайзи, основные причины закрытия франшизных точек.

Российский сектор МСП пока не полностью использует возможности франчайзинговой формы организации бизнеса. Начало бизнеса по франшизе во всем мире считается удачным стартом со значительными возможностями успешного развития. Исследования, выполненные в Сибирском институте управления-филиале РАНХиГС, показывали, что только 3 % предпринимателей

Рассмотрим подробнее современные теоретические подходы к понятию «франчайзинг». Определение термина «франчайзинг» формулирует автор общеэкономического словаря Л.И. Лопатников: «**Франчайзинг** (*franchising*) – система, при которой один экономический объект (например, фирма или даже государство) предоставляет

другому экономическому объекту право действовать на рынке от его имени» [6].

Многие авторы рассматривают франшизу в качестве объекта договорных отношений, комплекса прав, охватывающих чаще всего средства индивидуализации. В терминах маркетинга, франшиза – это возможность вести бизнес под товарным знаком, который является брендом, и получать содействие в вопросах организации и управления бизнесом.

Франчайзи должен заплатить франчайзеру **паушальный** взнос при покупке франшизы в форме твердой суммы вознаграждения за передачу товарного знака, лицензии, ноу-хау и других объектов ИС. Франчайзинговая модель организации бизнеса предусматривает постоянные выплаты (**роялти**).

Коммерциализация прав ИС через систему франчайзинга даёт значимые преимущества для франчайзера. Прежде всего, это доход от масштабирования бизнеса, повышение узнаваемости бренда. Франчайзи в свою очередь вовлекается во франшизную сеть с известным торговым знаком, или знаком обслуживания, другим объектом ИС. Кроме того, франчайзер получает консалтинговые услуги от франчайзера, передовую технологию производства, обучение успешным методам ведения бизнеса.

В российском законодательстве отношения франчайзинга регулируются различными видами договоров. По договору **коммерческой концессии** франчайзер обязуется предоставить франчайзеру на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав за вознаграждение. Кроме того, в соответствии с законодательством, используется деловая репутация, коммерческий опыт франчайзера в определённом объёме и на определенной территории.

К договору коммерческой концессии предъявляется ряд требований:

1. Товарный знак правообладателя (франчайзера) и другие объекты ИС, как и сам договор, должны пройти регистрацию в Федеральном институте промышленной собственности (РОСПАТЕНТ).
2. Обязанности франчайзера по оказанию информационного, консультационного и технического обеспечения франчайзи обязательно указываются в договоре.
3. Обязательства франчайзи по выполнению требований франчайзера в сфере стандартов производства и сервиса; сохранения коммерческой тайны должны быть прописаны в договоре [1].

Отметим, что ряд исследователей не ставят знак равенства между договором концессии и отношениями в сфере франчайзинга.

В ряде случаев отношения франчайзинга оформляются **лицензионными договорами (соглаше-**

ниями). Лицензия может предоставляться на использование патента, полезной модели, промышленного образца (патентная лицензия). В этом случае лицензиат имеет право на использование изобретения, которое легло в основу регистрации патента. И изготавливать на основе патента продукт, а затем продавать его. Владелец зарегистрированного в РОСПАТЕНТе товарного знака (франчайзер) может передать франчайзи право на использование товарного знака. Такой договор тоже регистрируется в РОСПАТЕНТе. Приобретать товарный знак для франчайзи имеет смысл, если товарный знак узнаваем, и продукция с этим товарным знаком занимает значительную долю рынка.

В случае заключения лицензионного договора для франчайзи не гарантируется консалтинговое сопровождение в сфере бизнес-модели, сервиса, консультационных услуг. Для получения этих благ надо заключать дополнительные соглашения с лицензиаром (при его согласии). Отметим, что в случае заключения лицензионного договора, франчайзи пользуется объектами ИС на законных основаниях. Коммерческая эффективность франшизы зависит от маркетинговых исследований рынка, которые должен провести франчайзи перед заключением соглашения.

В российской практике отношения франшизы иногда формируются в рамках **договоров купли-продажи, поставки, договора предоставления услуг, агентского договора**. Это происходит, чаще всего, когда объекты ИС не зарегистрированы в соответствии с законодательством, например товарный знак не зарегистрирован РОСПАТЕНТе. Скорее всего, этот товарный знак не относится к брендам. К такой форме договорных отношений предпринимателей подталкивает и долгий срок регистрации товарного знака, договора коммерческой концессии, лицензии (до 8 месяцев). Для малого бизнеса имеют значение и расходы по регистрации. Поэтому в случае заключения подобных договоров большое значение будут иметь неформальные отношения, договорённости между франчайзером и франчайзи.

Одной из самых распространенных форм взаимодействия франчайзера и франчайзи в мире стал «деловой франчайзинг». Деловой франчайзинг позволяет предприятиям-франчайзи стать более устойчивым к кризисным явлениям. Ведь франчайзер с устоявшимся бизнесом «раскрывает секреты» формирования апробированной бизнес-модели. Однако при «прямом франчайзинге» франчайзи может открыть только одну франшизную точку. Для открытия новых франшизных точек необходимо заключать новые договоры с компанией-франчайзи, и оплачивать паушальный взнос. Это недостаток «прямого франчайзинга» практически не служит препятствием для российских франчайзи. Дело в том, что российский бизнес в основном представлен малыми, и даже микробизнесами. Бюджет покупателей франшиз, например, в Новосибирской области, в основном до 1 млн рублей, поэтому на начальном этапе развития бизнеса одной франшизной точки бывает достаточно.

Часть франчайзеров поощряет масштабирование бизнеса самими франчайзи в рамках мультифраншизы: «например, одна из надёжных сетей предоставляет франчайзи 15 % скидки на товар при открытии одной точки, 20 % при запуске двух и 25 % – трёх точек» [2]. Несколько франшизных точек открывается обычно в сфере общественного питания.

По сферам деятельности франчайзи-субъекты МСП чаще всего участвуют в товарных и сервисных франшизах. В рамках современного тренда на импортозамещение требуются меры поддержки производственных франшиз со стороны государства.

Официальные статистические данные по показателям, характеризующим развитие рынка франшизы, в России отсутствуют. Поэтому приходится ориентироваться в основном на экспертные оценки. Это связано с тем, что пока отношения между экономическими субъектами в сфере франчайзинга регламентируются различными видами договоров, нет единой нормативно-правовой базы. При оценке рынка франчайзинга в России можно опираться на исследования ассоциаций франчайзинга, и на отдельные научные исследования, связанные с тематикой франчайзинга. По данным сайта franshiza.ru, в сфере франчайзинга в 2021 году было занято 1,14 млн человек [4]. Это составляет 1.6 % от общего количества занятых в экономике России. Франчайзинг вносит вклад в обеспечение занятости, следовательно, в укрепление экономической безопасности.

Литература:

1. Кулеева И.Ю. Теоретические и практические проблемы соотношения договора коммерческой концессии и франчайзинга / И.Ю. Кулеева // Современное право. 2021. № 2.
2. Ляшевский В. Франшиза на 360: от покупки готовой до создания собственной: практическое руководство. М. : Альпина ПРО, 2022. 472 с. URL : <https://znanium.com/catalog/product/1842389> (дата обращения 06.08.2021).
3. Модель инвестиционно-инновационного лифта для малого и среднего предпринимательства : монография / Т.В. Гурунян, О.Ю. Щербина, В.В. Завадовский, Н.Ю. Каменская; РАНХиГС, Сиб.ин-т упр. Новосибирск : Изд-во СИБАГС, 2017. 306 с.
4. Российский франчайзинг 2022 – статистика от franshiza.ru. Сайт franshiza.ru. URL : https://franshiza.ru/article/read/statistica_rynka_franshizinga_2022
5. Статистика. Все о франчайзинге. Сайт Российской Ассоциации Франчайзинга. URL : <https://www.rusfranch.ru/franchising/statistics> (дата обращения 01.04.2022).
6. Словарь Лопатникова. Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь. URL : <https://lopatnikov.pro/slovar/f/franchizing> (дата обращения 08.04.2022).

По состоянию на начало 2022 года в России насчитывается 3095 франшиз (по данным сайта franshiza.ru). Количество франшиз на российском рынке увеличивалось даже в период пандемии. Это в основном небольшие региональные концепции. Многие из вновь созданных франшиз получили поддержку от местных администраций [4].

Не смотря на меры поддержки, по основным показателям, характеризующим уровень развития франчайзинга, Россия пока значительно отстаёт от технологически ведущих и быстроразвивающихся стран.

Таким образом, франчайзинг представляет собой особую форму возмездной передачи интеллектуальных прав, прежде всего, на средства индивидуализации, для масштабирования деятельности франчайзера и организации бизнеса франчайзи. Франчайзинговая форма организации бизнеса демонстрирует устойчивость, даже в условиях макроэкономической нестабильности. В России существуют проблемы институционального регулирования франшизных рынков, которые требуют решения. Необходимо принять закон «О франчайзинге», который четко регулирует права и обязанности франчайзеров и франчайзи.

Вовлечение во франчайзинговую форму организации бизнеса субъектов МСП, особенно в сфере производства, позволит ускорить импортозамещение, повысить конкурентоспособность российских предприятий, и в конечном итоге приведет к ускорению социально-экономического развития страны.

Literature:

1. Kuleeva I.Yu. Theoretical and practical problems of the relationship between the contract of commercial concession and franchising / I.Yu. Kuleeva // Modern law. 2021. № 2.
2. Lyashevsky V. Franchise at 360: from buying a ready-made one to creating your own: a practical guide / V. Lyashevsky. M. : Alpina PRO, 2022. 472 p. URL : <https://znanium.com/catalog/product/1842389> (date of appeal 06.08.2021).
3. Model of investment and innovation elevator for small and medium business : monograph / T.V. Gurunyan, O.Yu. Shcherbina, V.V. Zavadovsky, N.Yu. Kamenskaya; RANEPА, Siberian Institute of Management. Novosibirsk : SibAGS Publishing House, 2017. 306 p.
4. Russian franchising 2022 – statistics from franshiza.ru. Site franshiza.ru. URL : https://franshiza.ru/article/read/statistica_rynka_franshizinga_2022
5. Statistics. All about franchising. Website of the Russian Franchising Association URL : <https://www.rusfranch.ru/franchising/statistics> (date of appeal 04/01/2022).
6. Dictionary of Lopatnikov. General economic and economic-mathematical explanatory dictionary. URL : <https://lopatnikov.pro/slovar/f/franchizing> (date of appeal 08.04.2022).

Домбровский Александр Николаевич

доктор технических наук,
доцент кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Сенин Иван Сергеевич

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Котенкова Ирина Николаевна

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Миронова Мария Петровна

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Alexander N. Dombrovsky

Doctor of Technical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Transport
Processes and Technological Complexes,
Kuban State University of Technology
sofi008008@yandex.ru

Ivan S. Senin

Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Irina N. Kotenkova

Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Maria P. Mironova

Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

**Влияние городской
мобильности на устойчивое
развитие территорий**

Аннотация. В статье рассматривается влияние городской транспортной мобильности на устойчивое развитие территорий. В период развития агломераций устойчивое развитие территорий рассматривается как сочетание экономическо-социального развития, инновационного прогресса и охраны окружающей среды. В этой связи, транспорт рассматривается как индикатор точек роста экономики современного города. Внедрение инновационных способов обеспечения городских транспортных перемещений на основе концепции «новая городская мобильность» позволит повысить безопасность, экологичность, доступность и связность города, а также стимулировать развитие общественных пространств и способствовать экономии пространственных ресурсов города.

Ключевые слова: городская мобильность, транспорт, транспортная система, городской транспортный комплекс, устойчивое развитие территорий.

**THE IMPACT OF URBAN MOBILITY
ON THE SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF TERRITORIES**

Annotation. The impact of urban mobility on the sustainable development of territories. During the development of agglomerations, the sustainable development of territories is considered as a combination of economic and social development, innovative progress and environmental protection. In this regard, transport is considered as an indicator of the points of growth of the economy of a modern city. The introduction of innovative ways to ensure urban transport movements based on the concept of «new urban mobility» will improve the safety, environmental friendliness, accessibility and connectivity of the city, as well as stimulate the development of public spaces and contribute to the saving of spatial resources of the city.

Keywords: urban mobility, transport, transport system, urban transport complex, sustainable development of territories.

Развитие городского транспортного комплекса сегодня связано со сменой подхода к городской транспортной мобильности. Новая городская мобильность является отражением современных процессов транспортной интеграции населения в жизнь агломерации и способствуют появлению новых эффектов для города. Поэтому развитие городской среды, в частности – совершенствование системы городского пассажирского транспорта, должно учитывать перспективные направления цифровизации отраслей экономики. Можно выделить основные направления развития городской транспортной среды:

1. Цифровая трансформация городских транспортных систем.
2. Внедрение технологий «умный транспорт» для «умного города».
3. Внедрение технологий интегрированной мобильности.

Цифровая трансформация городских транспортных систем. Повсеместное усложнение транспортных систем городов нуждается в «умном» управлении. Оно включает сложную аналитику и обеспечивает взаимодействие разных элементов транспортной инфраструктуры – дорог и светофоров, систем освещения и транспортных средств, пешеходных потоков, формируя единую цифровую платформу управления городом. Оптимизация управления транспортной системой города осуществляется на основе внедрения систем ESG, IOT-решений на транспорте.

Внедрение технологий «умный транспорт» для «умного города». «Умный город» можно определить, как интерактивную информационную среду, которая рассматривает влияние транспорта на системном уровне. Комплекс «умный транспорт» способен выполнять функции ситуационного и оперативного координирования взаимодействий всех участников дорожного движения, спецслужб и ведомств, что, в свою очередь, повышает безопасность городских транспортных систем.

Внедрение технологий интегрированной мобильности. Растущие требования пользователей к удобству, скорости и предсказуемости транспортного трафика, определяют направления внедрения инноваций интегрированной мобильности. К технологиям интегрированной мобильности можно отнести:

- средства микромобильности;
- использование мультимодальных пассажирских перевозок в городах;
- «зеленые зоны передвижения»;
- МaaS-мобильность, как услуга;
- беспилотные технологии на пассажирском транспорте.

Повышение качества транспортного обслуживания территорий может достигаться за счет трех групп факторов:

- формирование маршрутной сети на основе территориального анализа транспортного спроса;
- планирование транзитно-ориентировочного развития городских территорий;
- повышение социальной ответственности участников транспортного процесса.

Эффективность внутригородских транспортных перемещений с точки зрения пользователей определяется издержками на их осуществление и уровнем комфорта этих перемещений.

По результатам исследования агентства ООО «Агентство ЭС ДЖИ ЭМ» (SUSTAINABLE GROWTH MANAGEMENT AGENCY) был составлен рейтинг уровня устойчивого развития городов Российской Федерации в 2020 году [1–2]. В рейтинге использовалась система показателей оценки индекса устойчивого развития (ИУР):

- демография и население;
- социальная инфраструктура;
- экономическое развитие;
- городская инфраструктура;
- экология.

По критерию транспорт и связь можно выделить следующие точечные индикаторы уровня устойчивого развития территорий:

- Значение индекса цифровизации городского хозяйства «IQ городов»;
- Значение Индекса качества городской среды по блоку «уличнодорожная сеть»;
- Число пострадавших в ДТП;
- Число пользователей интернета;
- Число подключенных устройств мобильной связи.

Для построения ИУР показателям присваивается частный индекс от 0 до 1, и определяется относительное место того или иного города среди других городов.

Результаты расчета рейтинга устойчивого развития городов РФ за 2020 год представлено на рисунке 2.

По результатам исследования ИУР в России в 2020 г. в пятерку лидеров входят города: Москва (0,680) с численностью населения 12655,1 тыс. чел., Ханты-Мансийск (0,671) – 101,5 тыс. чел., Тюмень (0,655) – 816,7 тыс. чел., Калининград (0,651) – 493,3 тыс. чел., Краснодар (0,643) – 1037,9 тыс. чел.

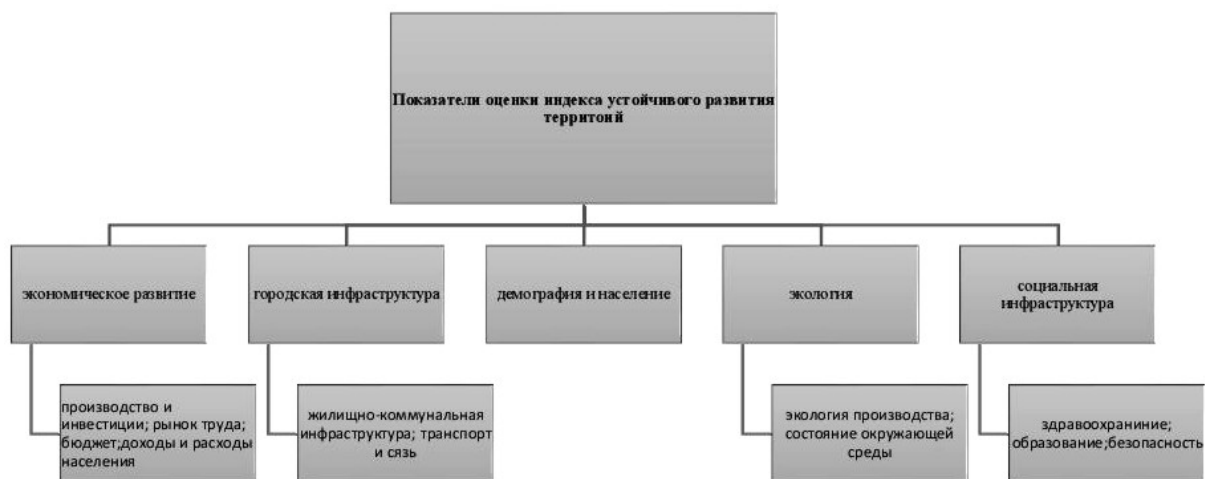

Рисунок 1 – Показатели оценки индекса устойчивого развития территорий

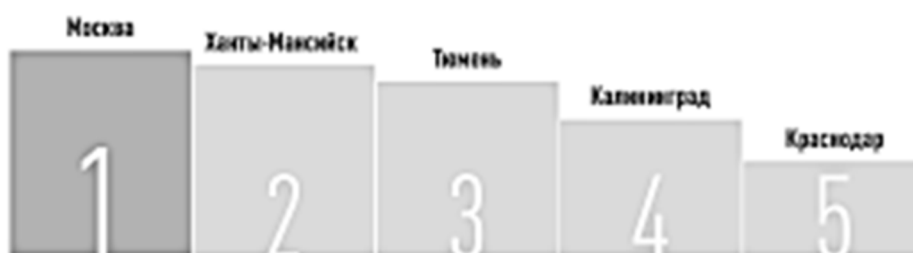

Рисунок 2 – Рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2020 г.

Неравномерность пространственного распределения городов-лидеров Рейтинга УР по территории страны связано с неравномерностью экономического, социального и экологического развития, которые привлекают население из других

городов и регионов. Как видно из географического распределения, в Центральном, Уральском и Приволжском федеральных округах их больше, чем в южных, северо-западных и восточных регионах страны.

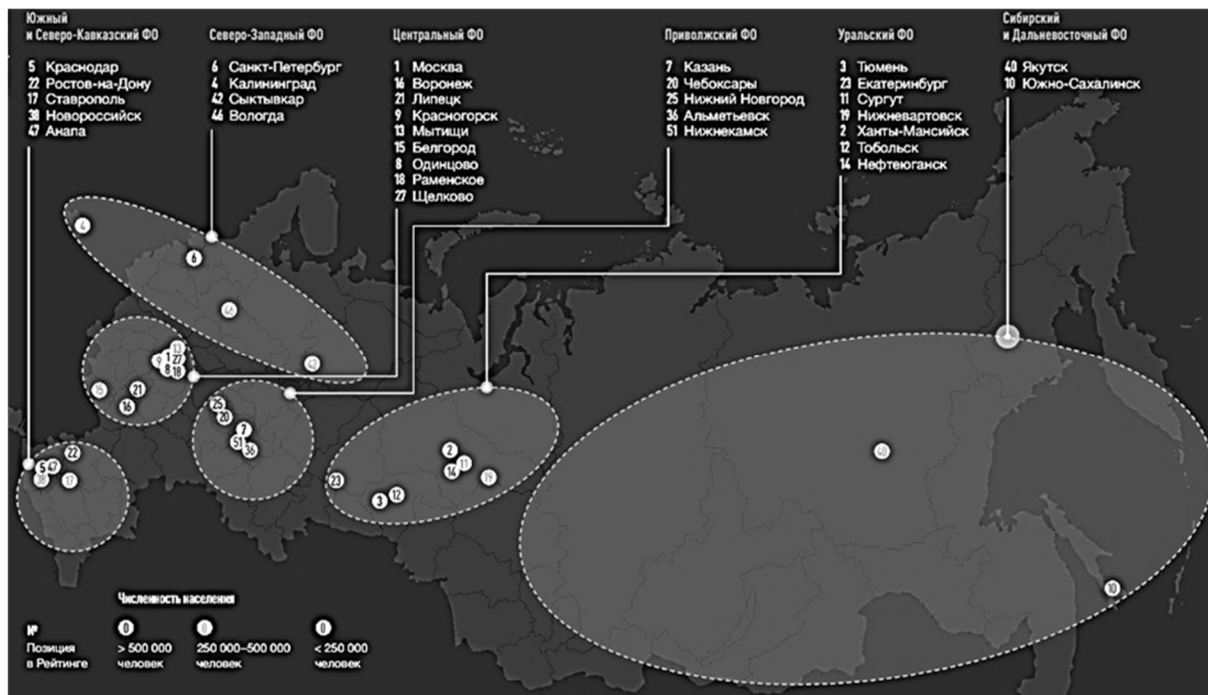

Рисунок 3 – Распределение городов-лидеров Рейтинга УР по федеральным округам

Устойчивое социально-экономическое развитие территорий зависит от бесперебойного функционирования городской транспортной системы и определяется на основе ее текущего пространственно-технологического развития. Сейчас в России в крупнейших городах при планировании

транспортных систем важно обеспечение приоритета мобильности, в малых и средних городах – в сила остаётся приоритет обеспечения условий эффективного и безопасного движения автотранспорта.

Рисунок 4 – Соотношение пользователей услугами транспорта и уровня автомобилизации в РФ

Изменение парадигмы транспортной политики и транспортного планирования от «обеспечения мобильности» на «обеспечение доступности» может позволить снизить удельный транспортный спрос (пасс.-км на чел. в год) на величину порядка 28 % к 2050 году по сравнению с ожидаемыми результатами традиционной городской транспортной политики [3–4].

Рассматриваемые направления управления городской мобильностью положительно влияют на устойчивое развитие территорий и могут существенно повысить безопасность, экологичность, доступность и связность города, а также, стимулировать развитие общественных пространств и способствовать экономии пространственных ресурсов города.

Литература:

1. Рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2020 г. // ООО «АГЕНТСТВО ЭС ДЖИ ЭМ» SUSTAINABLE GROWTH MANAGEMENT AGENCY, 2021. 17 с.
2. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 324 с.
3. Оценка эффективности международных перевозок в транспортно-логистических системах региона : монография / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 180 с.
4. Коновалова Т.В. Совершенствование методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово- транспортно-логистических системах / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.П. Миронова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 197–199.

Literature:

1. Rating of sustainable development of cities of the Russian Federation for 2020 // ООО «AGENCY S.G. M». SUSTAINABLE GROWTH MANAGEMENT AGENCY, 2021. 17 p.
2. Strategic and innovative management in road transport / T.V. Konvalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.
3. Evaluation of the efficiency of international transportation in the transport and logistics systems of the region : monograph / T.V. Konvalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 180 p.
4. Konvalova T.V. Improvement of methods of optimization of transport and logistics costs in trade, transport and logistics systems / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan, M.P. Mironova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 9. P. 197–199.

Е Лю
аспирант,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
loya.ee.91@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КИТАЕ

Аннотация. Человеческий капитал является источником долгосрочного развития инновационных предприятий, а рост корпоративной прибыли и человеческий капитал неразрывно связаны. В статье обсуждается важность и влияние человеческого капитала на долгосрочное развитие инновационных предприятий в Китае. На первом этапе в основном анализировался глобальный инновационный индекс Китая за период с 2013 по 2021 год, а также изучались тенденции и состояние инновационного развития Китая. На втором этапе были проанализированы общая ситуация и тенденции развития человеческого капитала предприятий в наукоёмких отраслях с 2000 по 2020 год, а также проведён анализ временных рядов и регрессионный анализ с использованием программы SPSS 23.0. В ходе исследования определяется степень влияния независимых переменных на зависимые переменные и выводится будущая тенденция развития человеческого капитала на предприятиях в наукоёмких отраслях. Результаты этого исследования показывают, что в наукоёмких отраслях общие инвестиции в физический капитал в отрасли год от года снижаются, а инвестиции в человеческий капитал демонстрируют тенденцию к увеличению с каждым годом. Влияние человеческого капитала на эффективность предприятий превышает влияние физического капитала. Человеческий капитал является важным фактором долгосрочного развития инновационных предприятий в Китае.

Ключевые слова: глобальный инновационный индекс, человеческий капитал, регрессионный анализ, анализ временных рядов, долгосрочное развитие.

Введение.
С повторяющимися промышленными и технологическими революциями глобальная экономика опирается на постоянно совершенствующиеся технологии и новые инновационные технологии, способствующие непрерывному развитию национальной экономики. В инновационной экономике рост прибыли в основном зависит от человеческого капитала, а не от материала. Американский экономист Ирвинг Фишер впервые предложил концепцию человеческого

Ye Lyu
Graduate Student,
St. Petersburg Polytechnic
Peter the Great University
loya.ee.91@mail.ru

HUMAN CAPITAL AS A FACTOR OF LONG-TERM DEVELOPMENT OF INNOVATIVE ENTERPRISES IN CHINA

Annotation. Human capital is the source of long-term development of innovative enterprises, and the growth of corporate profits and human capital are inextricably linked. The article discusses the importance and impact of human capital on the long-term development of innovative enterprises in China. At the first stage, China's global innovation index for the period from 2013 to 2021 was mainly analyzed, as well as trends of China's innovative development were studied. At the second stage, the general situation and trends in the development of human capital of enterprises in knowledge-intensive industries from 2000 to 2020 were analyzed, as well as time series analysis and regression analysis using the SPSS 23.0 program. In the course of the analysis, the degree of influence of independent variables on dependent variables is determined and the future trend of human capital development at enterprises in knowledge-intensive industries is deduced. The results of this analysis show that in knowledge-intensive industries, total investments in physical capital in the industry are decreasing from year to year, and investments in human capital show a tendency to increase every year. The impact of human capital on the efficiency of enterprises exceeds the impact of physical capital. Human capital is an important factor in the long-term development of innovative enterprises in China.

Keywords: global innovation index, human capital, regression analysis, time series analysis, long-term development.

капитала и включил её в теоретическую основу экономического анализа в 1906 году [1].

Китайские предприятия в инновационной экономике, статус человеческого капитала и роль, которую они играют в корпоративной эффективности и прибыли, находятся в центре внимания нашего исследования.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать человеческий капитал как фактор долгосрочного развития инновационных пред-

приятий в Китае. Объектом исследования являются различные финансовые показатели на наукоёмких предприятиях. В качестве предмета анализа рассматривается роль человеческого капитала на наукоёмких инновационных предприятиях, долгосрочное влияние человеческого капитала на предприятия и долгосрочная тенденция развития человеческого капитала в наукоёмких отраслях.

Материалы и методы исследования.

На первом этапе глобальный инновационный индекс Китая с 2013 по 2021 год используется для анализа основных тенденций инновационной экономики Китая. На втором этапе были проанализированы финансовые данные 338 зарегистрированных компаний в наукоёмких отраслях Китая за период с 2000 по 2020 год, определены показатели независимых и зависимых переменных, а также проведён регрессионный анализ и анализ временных рядов с использованием программы SPSS 23.0. В процессе исследования все финансовые данные переменных, используемых в исследовании, берутся из базы данных CSMAR.

Анализ этой статьи разделён на два измерения: поперечное и вертикальное. Компании, отобранные в этом исследовании, относятся к индустрии программного обеспечения и услуг в области информационных технологий, то есть к высокотехнологичным отраслям. В данной статье исследуется текущее состояние человеческого капитала и будущие тенденции развития человеческого капитала предприятий в наукоёмких отраслях. В этом исследовании были отобраны 338

зарегистрированных предприятий в наукоёмких отраслях. Требования к выбору компании: все акции А; акции, не относящиеся к ST (non-special treatment stocks); в соответствии с отраслевой классификацией 2012 года Госкомитета КНР по регулированию рынка ценных бумаг. Валютой в этом исследовании является юань. Этот материал является продолжением публикации [2, 3]. Наши исследования в основном сосредоточены на следующих аспектах:

- Глобальный инновационный индекс Китая с 2013 по 2021 г.
- Общая ситуация и тенденции развития человеческого капитала предприятий в наукоёмких отраслях с 2000 по 2020 г.
- Регрессионный анализ влияния человеческого капитала на корпоративную эффективность 338 компаний в наукоёмких отраслях в 2020 году.
- Анализ временных рядов влияния человеческого капитала (отдельная выборка предприятия) на корпоративную эффективность в наукоёмкой отрасли с 2000 по 2020 г.

Результаты исследования и их обсуждение.

Согласно Глобальному инновационному индексу (Global Innovation Index), опубликованному Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Китай поднялся с 35-го места в 2013 году на 12-е место в 2021 году. За последние восемь лет Китай постепенно вошёл в число инновационных стран мира [4].

Глобальный инновационный индекс Китая 2013-2021 гг

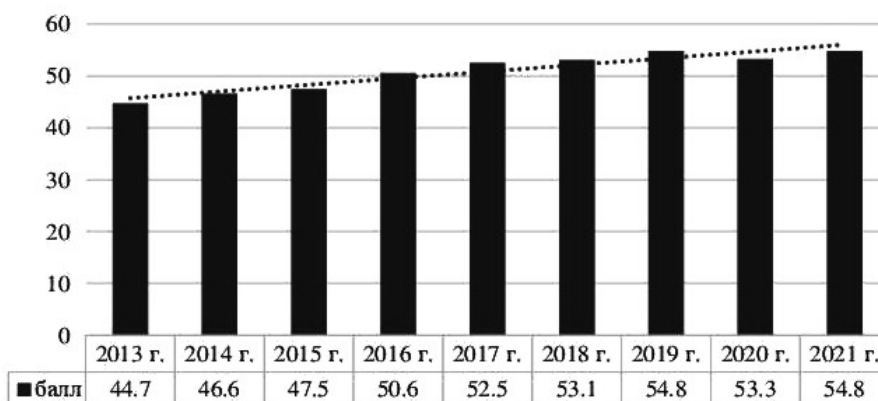

Рисунок 1 – Глобальный инновационный индекс Китая 2013–2021 гг.

Китай развил свою экономику с помощью ряда пятилетних планов и создал инновационную страну. Китай начал разрабатывать и осуществлять свой первый пятилетний план в 1953 году и завершил в общей сложности 13 пятилетних планов к 2021 году. В период 13-й пятилетки Китай развернул и построил ряд крупных национальных научно-технических инфраструктур. Он также поддержал строительство 20 национальных научных центров обработки данных [5].

В контексте инновационной экономики в рамках этого исследования были целенаправленно отобраны 338 зарегистрированных компаний в наукоёмких отраслях.

Беккер Г. определяет человеческий капитал так: это имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него могут быть образование, накопление профессионального опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации [6]. В этом исследовании

довании для определения стоимости человеческого капитала использовался метод дисконтирования будущих доходов. Инвестиции в человеческий капитал создадут ценность человеческого капитала. Поэтому мы используем заработную плату для представления человеческого капитала. Для представления физического капитала мы используем сумму фиксированных активов и запасы.

Нил и Джеффри (2004) в ходе эмпирических исследований обнаружили, что для предприятий

устойчивое конкурентное преимущество в основном зависит от улучшения человеческого капитала [7].

Первым шагом является проведение описательной статистики, чтобы интуитивно понять общую ситуацию в отрасли. Результаты описательного статистического анализа 338 зарегистрированных предприятий в наукоёмких отраслях с 2000 по 2020 г. по SPSS 23.0 подробно приведены в таблице 1 ниже.

Таблица 1

Результаты описательного статистического анализа.

Название	Количество кейсов	Минимум	Максимум	Среднее	Средне квадратичное отклонение
Инвестиции в человеческий капитал	2874	-1,76E + 06	6,62E + 10	3,17E + 08	2,39E + 09
Инвестиции в физический капитал	2874	0,00E + 00	3,82E + 11	2,42E + 09	2,32E + 10
Прибыль на акцию (Earning Per Share)	2874	-9,57	18,53	0,35	0,94
Соотношение активов и обязательств (Asset Liability Ratio)	2874	1,10 %	825,64 %	36,64 %	37,50 %

Из описания и анализа наукоёмкой отрасли выше (табл. 1) видно, что максимальное и минимальное значения прибыли на акцию, которые представляют стоимость предприятия, сильно различаются. Среднее соотношение активов и обязательств в 36,64 % ниже, чем средний уровень риска – от 40 % до 60 %, что указывает на то, что отрасль находится в здоровом и безопасном состоянии, что способствует устойчивому развитию наукоёмкой отрасли.

Чтобы избежать огромных различий между предприятиями в наукоёмких отраслях, которые приводят к неточностям в описании и анализе отрасли, мы рассчитали среднее отношение человеческого капитала к общему капиталу и среднее отношение физического капитала к общему капиталу 338 предприятий, зарегистрированных на бирже, в период с 2000 по 2020 год для каждой компании. Результаты приведены на диаграмме разброса следующим образом на рисунке 2.

Точечная диаграмма

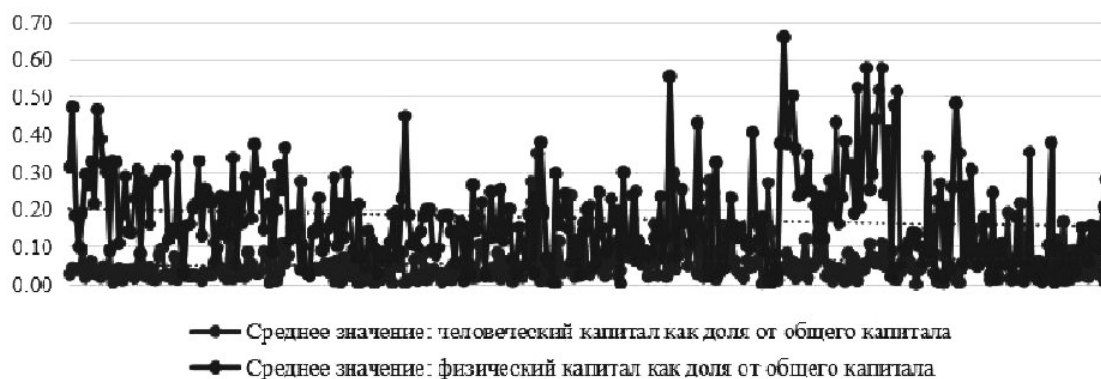

Рисунок 2 – Точечная диаграмма среднего человеческого капитала как доли от общего капитала и среднего физического капитала как доли от общего капитала

Опираясь на приведённый выше рисунок 2, можно подтвердить огромные значения стандартного отклонения в таблице 1, которые показывают огромные колебания и изменения между выборками из 338 предприятий. Видно, что в наукоёмких отраслях между предприятиями происходят огромные изменения. И среди 338 компаний, включённых в список, большинство из них имеют более высокое отношение физического капитала к общему капиталу, чем отношение человеческого капитала к общему капиталу. Далее, анализируем диаграммы тенденций среднего

отношения человеческого капитала к общему капиталу и среднего отношения физического капитала к общему капиталу из временных рядов, как показано на рисунке 3 ниже.

Судя по диаграмме тенденций, в период с 2000 по 2020 год физический капитал в наукоёмких отраслях год от года уменьшался, а человеческий капитал постепенно увеличивался. В долгосрочной перспективе развитие человеческого капитала превысит развитие физического капитала.

Диаграмма тенденций

Рисунок 3 – Диаграмма тенденций среднего человеческого капитала как доли от общего капитала и среднего физического капитала как доли от общего капитала 2000–2020 гг.

С точки зрения отрасли, в целом, средние инвестиции в человеческий капитал меньше, чем инвестиции в физический капитал. Причины следующие:

во-первых, китайские предприятия быстро развились после реформ и открытости Китая в 1978 году, и человеческий капитал привлёк к себе больше внимания только в последние годы.

Во-вторых, когда мы отбирали образцы, физический капитал был выбран из фиксированных активов и запасов.

Из-за большого размера выборки многие предприятия не могут собирать данные о расходах на обучение, медицинское обслуживание, страхование и других расходах, поэтому человеческий капитал отбирается только для расчёта заработной платы.

На следующем этапе мы выберем соответствующие экспериментальные показатели из 338 наукоёмких отраслей в 2020 году для регрессионного анализа.

Регрессионный анализ (*regression analysis*) – набор статистических методов исследования влияния одной или нескольких независимых переменных X_1, X_2, \dots, X_r на зависимую переменную Y . Математическая модель: $Y = \beta_0 + \beta_1 * X + \epsilon_i$. Соответственно, созданная регрессионная модель выглядит следующим образом.

$$\text{Модель 1: } Y_{ti} = \beta_0 + \beta_1 HC_{ti} + \beta_2 PC_{ti} + \epsilon_i.$$

Среди них Y_{ti} – корпоративные показатели прибыли на акцию предприятия i за t лет, которая представляет стоимость предприятия; HC_{ti} – инвестиции в человеческий капитал; PC_{ti} – инвестиции в физический капитал; t представляет год (2020-й).

Таблица 2

Регрессионный анализ

Модель 1 (EPS)	Прибыль на акцию						
	Нестандартизованный коэффициент		Коэффициент стандартизации	Тест	Статистическая значимость	Мультиколлинеарная статистика	
	Beta	Standard error	Beta	T	Sig.	Tolerance	VIF
Константа	-0,33	1,09		-0,30	0,76		
Инвестиции в человеческий капитал	0,18	0,06	0,18	2,79	0,01	0,73	1,38
Инвестиции в физический капитал	-0,13	0,05	-0,15	-2,43	0,02	0,73	1,38
R2 = 0,02, DW = 1,90							

Как видно из результатов регрессионного анализа в таблице 2, приведённой выше, $DW = 1,90$ и $VIF < 10$ указывают на отсутствие мультиколлинеарности. $Sig < 0,05$, то есть Т-критерий является значимым. Из значения Beta видно, абсолютное значение коэффициента стандартизации человеческого капитала больше, чем физического капитала, что указывает на то, что влияние человеческого капитала на прибыль на акцию намного превышает влияние физического капитала. В конце исследования мы отобрали отдельную выборку предприятия для анализа

временных рядов человеческого капитала с 2000 по 2020 год.

Как видно из результатов регрессионного анализа временных рядов в таблице 3, приведённой выше, $DW = 1,88$ и $VIF < 10$ указывают на отсутствие мультиколлинеарности. Значение Sig близко к 0,05, то есть Т-критерий является значимым. Как видно из значения Beta, абсолютные инвестиции в человеческий капитал коэффициента стандартизации в 1,16 раза превышают инвестиции в физический капитал, что указывает на то,

что долгосрочное влияние человеческого капитала на прибыль на акцию намного превышает влияние физического капитала. В сочетании с результатами регрессионного анализа, приведёнными в таблице 2, это ещё раз подтверждает

тезис нашего исследования: человеческий капитал является фактором долгосрочного развития инновационных предприятий в Китае.

Таблица 3

Анализ временных рядов

Модель 1 (EPS)	Прибыль на акцию						
	Нестандартизованный коэффициент		Коэффициент стандартизации	Тест	Статистическая значимость	Мультиколлинеарная статистика	
	Beta	Standard error	Beta	T	Sig.	Tolerance	VIF
Константа	-3,42	1,32		-2,59	0,02		
Инвестиции в человеческий капитал	0,16	0,07	0,51	2,37	0,029	0,85	1,17
Инвестиции в физический капитал	0,06	0,03	0,44	2,03	0,058	0,85	1,17
R2 = 0,20, DW = 1,88							

Заключение.

На основе изучения глобального инновационного индекса Китая и тенденций развития человеческого капитала предприятий в наукоёмких отраслях с 2000 по 2020 год, а также регрессионного анализа и анализа временных рядов влияния человеческого капитала 338 предприятий в наукоёмких отраслях на эффективность предприятий можно сделать следующие выводы:

1. С 2013 по 2021 год глобальный инновационный индекс Китая увеличивался из года в год, и инновационная мощь страны развивается.
2. В наукоёмких отраслях – 338 предприятий с 2000 по 2020 год, физический капитал занимал

важное положение, но он год от года уменьшался, а тенденция развития человеческого капитала увеличивалась год от года.

3. Перехватив финансовые данные за 2020 год 338 предприятий в наукоёмких отраслях и проанализировав их, можно увидеть, влияние человеческого капитала на прибыль на акцию превышает влияние физического капитала.
4. Анализ отдельных выборок, взятых из наукоёмких отраслей с 2000 по 2020 год, показывает, что влияние человеческого капитала на прибыль на акцию превышает влияние физического капитала в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Fisher I. The nature of capital and income [M]. Macmillan and Cie, 1906.
2. Е Лю. Человеческий капитал в Китае в инновационной экономике / Е Лю, Фу Юаньюань // Сборник научных трудов «Система знаний: процессы развития современной научной мысли». Общество Науки и Творчества. Казань, 2021. С. 7–11.
3. Е Лю. Анализ национального человеческого капитала в Китае в контексте эпидемии коронавируса / Е Лю, Фу Юаньюань; Редколлегия: Л.К. Гурьева [и др.] // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 236–240.
4. Глобальный инновационный индекс // Группа Всемирного банка (THE WORLD BANK). URL : <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (дата обращения 01.04.2022.04.01).
5. Китай вступает в число инновационных стран // Интернет-версия «Жэньминь жибао». URL : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1681836795617568623&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 2022.04.02).

Literature:

1. Fisher I. The nature of capital and income [M]. Macmillan and Cie, 1906.
2. Ye Lyu. Human capital in China in the innovative economy / Ye Lyu, Fu Yuanyuan // Collection of scientific papers «Knowledge system: processes of development of modern scientific thought». Society of Science and Creativity. Kazan, 2021. P. 7–11.
3. Ye Lyu. Analysis of national human capital in China in the context of the coronavirus epidemic / Ye Lyu, Fu Yuanyuan; Editorial Board: L.K. Gurieva [et al.] // Actual problems of science and education in the context of modern challenges. Collection of materials of the VIII Scientific and Practical International Conference. M., 2022. P. 236–240.
4. Global Innovation Index // World Bank Group (WORLD BANK). URL : <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (date of appeal 2022.04.01).
5. China is joining the number of innovative countries // People's Daily. URL : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1681836795617568623&wfr=spider> (date of appeal 2022.04.02).

6. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, N.Y., 1964.

7. *Nile W. Hatch.* Human capital and learning as a source of sustainable competitive advantage [J] / Nile W. Hatch, Jeffrey H. Dyer // Strategic Management Journal. 2004. № 25(12):15.

6. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, N.Y., 1964.

7. *Nile W. Hatch.* Human capital and learning as a source of sustainable competitive advantage [J] / Nile W. Hatch, Jeffrey H. Dyer // Strategic Management Journal. 2004. № 25(12):15.

Коновалова Татьяна Вячеславовна
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Лебедев Евгений Александрович
доктор технических наук,
профессор кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Леоновна
старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Миронова Мария Петровна
старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКОГО АУТСОРСИНГА ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ

Аннотация. Эффективность коммерческой деятельности является определяющим условием существования любой компании. В данной статье авторами рассмотрены основные направления для повышения эффективности логистического аутсорсинга торговой компании. Компания АО «Тандер» имеет свое собственное производство, а именно 13 пищевых и 4 агропромышленных предприятий. Ежемесячно на РЦ Магнит доставляется 42000 паллет собственного производства. Для оптимизации данного процесса был взят в аутсорсинг склад ООО «ТД-Холдинг».

Ключевые слова: логистика, менеджмент, транспортно-логистическая деятельность, транспорт, аутсорсинг.

Компания АО «Тандер» имеет свое собственное производство, а именно 13 пищевых и 4 агропромышленных предприятий. Ежемесячно на РЦ Магнит доставляется 42000 паллет

Tatyana V. Konovalova
Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of Transport
Processes and Process Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Evgeny A. Lebedev
Doctor of Technical Sciences,
Professor of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan
Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Maria P. Mironova
Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

THE MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF LOGISTICS OUTSOURCING OF A TRADING COMPANY

Annotation. The efficiency of commercial activity is a determining condition for the existence of any company. The main directions for improving the efficiency of logistics outsourcing of a trading company In this article, the authors consider the main directions for improving the efficiency of logistics outsourcing of a trading company. The company JSC «Thunder» has its own production, namely 13 food and 4 agro-industrial enterprises. 42,000 pallets of own production are delivered to the Magnet RC monthly. To optimize this process, the warehouse of «TD-Holding» LLC was outsourced.

Keywords: logistics, management, transport and logistics activities, transport, outsourcing.

собственного производства. Для оптимизации данного процесса был взят в аутсорсинг склад ООО «ТД – Холдинг».

Схема доставки:

- доставка от производителя на склад ТД-Холдинг полными машинами;
- хранение продукции 1–7 дней;
- склад оснащен учетной системой адресного хранения, контролирует сроки годности;

- сборка заказов сети Магнит осуществляется на складе ТД Холдинг согласно заявок EDI;
- современная доставка со склада по всей географии РФ.

Схема доставки изображена на рисунке 1.

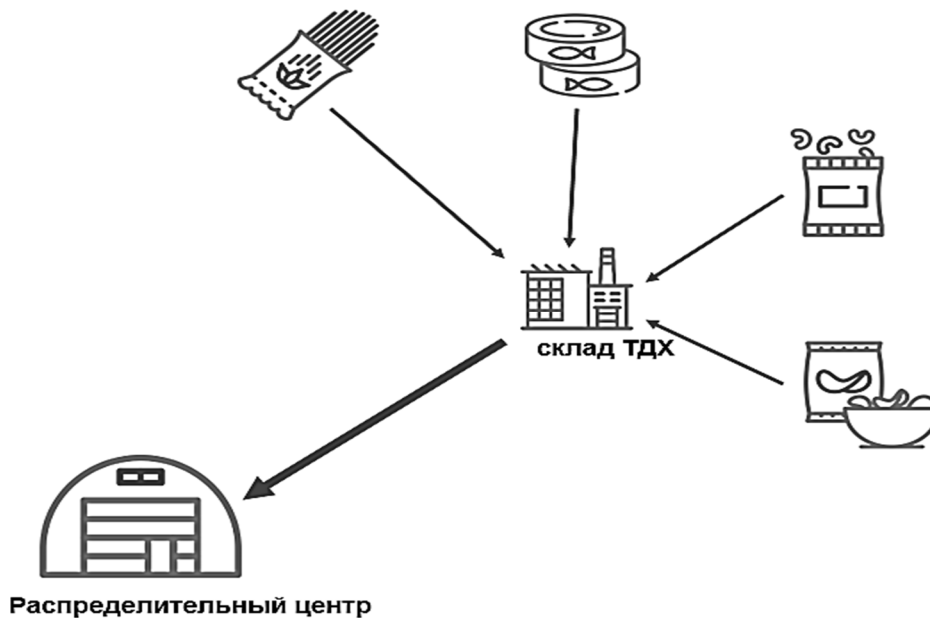

Рисунок 1 – Схема доставки

Пример формирования заказов на доставку выглядит следующим образом:

- формирование заказа доставляемых пулинг операторами наполняет паллет всего на 63 % от общей вместимости. Пример формирования доставки пулинг операторами изображен на рисунке 2.

Рисунок 2 – Доставка пулинг операторами

– в то время, как совместная доставка продукции ТД Холдинг с заказами поставщиков партнеров формирует микс паллет с наполняемостью 86 %. Партнеры ТД Холдинг предоставляют скидку в цене на единицу продукции на логистику,

соответственно объем заказа не влияет на затраты на логистику [1–3].

Пример формирования совместной доставки изображен на рисунке 3.

Рисунок 3 – Формирование совместной доставки

Также рассмотрим уровень сервиса в сравнении с пулинг операторами в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение уровня сервиса

Показатели	Доставка через пулинг операторов	Доставка через ТД Холдинг
DIF	95,7 %	98,4 %
DIFOT дни	92,4 %	95,7 %
Доля своевременных заявок тайм-слот	76,2 %	93,5 %
Среднее опоздание от исходной даты, дни	1,7	1

Рост уровня сервиса партнеров, присутствия продукции на полке торговой сети после перехода на совместную доставку с ТД Холдинг. При переходе на совместную доставку партнеры ТД Холдинг не участвуют в доставке товара на РЦ торговой сети, соответственно в случае отклонений не получают штрафы за опоздания от ТС Магнит.

Преимущества работы через склады ТДХ:

- экономия от 1 % стоимости продукции;
- минимальный квант доставки – 1 короб;

- возможность формировать микспаллеты;
- фиксированная скидка в цене на логистику, вне зависимости от размера заказа или заполнения а/м;
- уровень сервиса свыше 97 %;
- сокращение отсрочки оплаты;
- повышения УС поставок и присутствия продукции на полке.

Литература:

1. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 324 с.
2. Оценка эффективности международных перевозок в транспортно-логистических системах

Literature:

1. Strategic and innovative management in road transport / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.
2. Evaluation of the efficiency of international transportation in the transport and logistics systems of the

региона : монография / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 180 с.

3. *Коновалова Т.В.* Совершенствование методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово-транспортно-логистических системах / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.П. Мирнова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 197–199.

region : monograph / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 180 p.

3. *Konovalova T.V.* Improvement of methods of optimization of transport and logistics costs in trade, transport and logistics systems / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan, M.P. Mironova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 9. P. 197–199.

Кузьмина Марина Анатольевна

кандидат технических наук,
доцент кафедры транспортных
процессов и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Левоновна

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Сенин Иван Сергеевич

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Котенкова Ирина Николаевна

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
и технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА
НА АВТОТРАНСПОРТНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ**

Аннотация. В настоящее время есть много компаний, фирм и предприятий, которые имеют разные формы собственности, типы деятельности и структуры. Трудовые отношения – важнейшее звено между работниками и работодателем, от которого напрямую зависит функционирование социального организма, называемого организацией. Только хорошие трудовые отношения могут служить залогом квалифицированного персонала организации, от которого зависит вся деятельность.

Ключевые слова: безопасные условия труда, водитель, квалифицированный персонал, транспорт, транспортные предприятия.

В настоящее время есть много компаний, фирм и предприятий, которые имеют разные формы собственности, типы деятельности и структуры. Хотя все они разные, их объединяет

Marina A. Kuzmina

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryayn

Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Ivan S. Senin

Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Irina N. Kotenkova

Senior Teacher of the Department
of Transport Processes
and Technological Complexes,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

**ON THE ISSUE OF INCREASING
LABOR PRODUCTIVITY AT MOTOR
TRANSPORT ENTERPRISES**

Annotation. Nowadays there are many companies, firms and enterprises that have different forms of ownership, types of activities and structures. Labor relations are the most important link between employees and the employer, which directly affects the functioning of the social organization called the organization. Only good labor relations can guarantee qualified personnel of the organization, on which all activities depend.

Keywords: safe working conditions, driver, qualified personnel, transport, transport companies.

одно общее свойство: залогом их успешного функционирования являются высококвалифицированные с хорошим уровнем подготовки по своим обязанностям, которые полностью

довольны следующими факторами: условиями своей трудовой деятельности, материальным и социальным обеспечением. Если, хотя бы один из перечисленных пунктов не выполняется, то организация остается без ценных кадров и ее деятельность приходит в упадок, что влечет за собой различные проблемы: нехватка кадров, экономические потери, потеря клиентов, снижение уровня конкурентоспособности и т.п.

Так как время не стоит на месте, то происходит развитие многих сфер жизни и появляются новые науки, что непосредственно связаны с деятельностью организаций, поэтому работодателям всегда следует быть заинтересованным в принятии в свой штат на работу квалифицированных кадров. Однако следует помнить, что каждый высококлассный специалист старается найти не просто место работы, а именно достойную его работу. Достойная работа – понятие довольно субъективное для каждого человека, но имеет несколько общих черт: отличное материальное и социальное обеспечения, безопасные условия труда, благоприятная атмосфера в коллективе [1–2].

Рассмотрим понятие «достойная работа» на примере самой важной и самой многочисленной должности любого автотранспортного предприятия (АТП) – водителей.

Любой работник АТП обязан иметь определенный уровень профессиональной подготовки в сфере своей деятельности. Исключение составляют лишь работники, выполняющие низкоквалифицированные функции: уборщик, курьер, грузчик и т.п.

При устройстве на работу потенциальный водитель обязан иметь водительское удостоверение требуемой категории в зависимости от транспорта, на котором он планирует осуществлять свою деятельность. Если у кандидата нет требуемого удостоверения, то работодатель имеет полное право отказать ему в приеме на работу на законных основаниях. Однако, заинтересованный в данном претенденте работодатель, может посодействовать ему в получении требуемого документа путем организации ему обучения в учебном центре.

Для определения качества рабочей силы в нашей стране введен квалификационный разряд, с помощью которого определяется квалификационный уровень любого работника. У каждого водителя есть свой разряд, который зависит от типа эксплуатируемого автомобиля, характеристики работы и требуемых знаний. Водитель может иметь от 4 до 6 разряда. Чем больше число, тем выше разряд, следовательно, больше ответственности, требований и выше заработная плата работника.

Также, еще со времен СССР во многих транспортных организациях используется понятие «класс», которое дает право водителю получать надбавку к заработной плате. Всего у водителей 3 класса, которые зависят от категории водительских удостоверений водителя и продолжительности работы на одном месте. В отличие от разряда в

классе водителей наоборот: чем ниже число, тем выше класс. Таким образом, самым высоким считается 1 класс водителя, а разряд – 6, а самым низким – 3 класс и 4 разряд.

Создание условий для повышения квалификации водителей и других работников транспорта – одно из требований по обеспечению безопасности движения. Позаботиться о квалификации персонала перевозчиков обязывают лицензионные условия, соблюдение которых является необходимым для осуществления деятельности в рамках закона. Кроме того, транспортные предприятия нередко сталкиваются с дефицитом профессиональных кадров.

Необходимость профессиональной подготовки и повышения квалификации для собственных нужд определяет работодатель. Обучение работников проводится исходя из конкретных задач организации, перспектив их развития, совершенствование существующих и создания новых рабочих мест. Если повысить квалификацию своих работников, организация сможет достигнуть многих целей: получить новые знания и овладение навыками работниками, повысить мотивацию и стимулирование, внедрить инновационных технологий, создать собственные кадры, уменьшить уровень текучки.

Основным способом получения профессиональной подготовки и повышения квалификации является обучение в Центре профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров (ЦППК). Здесь проходят обучение по различным программам и направлениям:

- повышение квалификации;
- повышения квалификации водителей по организации перевозок крупногабаритных и тяжеловесных грузов;
- переподготовка водителей транспортных средств для работы на газобаллонных автомобилях;
- подготовка водителя-наставника;
- ежегодные занятия с водителями автотранспортных организаций;
- программа «зимнее вождение»;
- специальная подготовка и стажировка водителей, впервые назначаемых для работы на автобусах;
- подготовка водителей, осуществляющих эксплуатацию контрольных устройств, устанавливаемых на транспортных средствах.

Также, пройти обучение можно в университетах, центрах дополнительного образования, частных образовательных учреждениях, на курсах и специальных семинарах-лекциях. После окончания обучения организациям рекомендовано провести собственное штатное тестирование, даже если тестирование такое проводилось на обучении. По итогам тестирования следует сопоставить те

цели, которые были поставлены, с результатами прохождения тестирования.

Материальное обеспечение представляет собой систему мер, которые направлены на материальное обеспечение работников в достижении определенных результатов труда. В него входит: заработная плата, премии и поощрения за достижения в работе, доплаты, материальная помощь, надбавки и компенсации. Средний уровень заработной платы водителей грузовых автомобилей РФ показан на рисунке 1. Проанализировав данные на

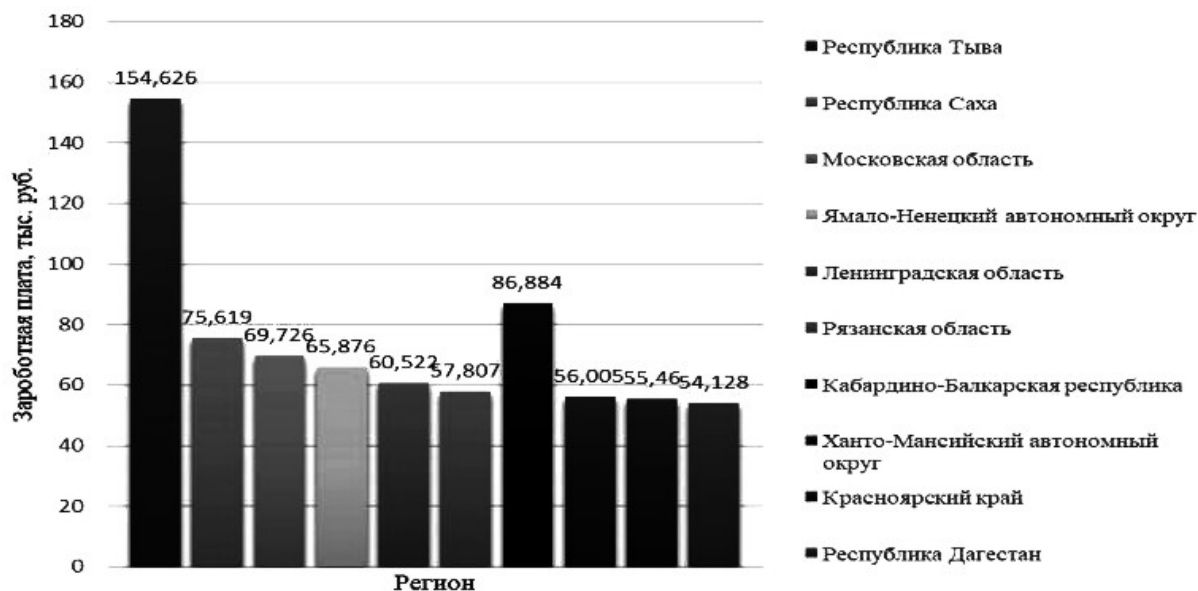

Рисунок 1 – Средний уровень заработной платы водителей грузовых автомобилей

Социальное обеспечение, производимое организациями в отношении персонала, может осуществляться по следующим видам: питание, жилье, спорт, медицинское обслуживание, социально-культурные мероприятия, медицинское страхование, дети. Вкладывая значительные средства в социальное обеспечение своих работников, организации многое выигрывают.

Безопасные условия труда – комплекс производственных факторов и рабочих процессов, влияющих на сохранение работоспособности и заботу о здоровье сотрудника, которые являются ключевым фактором стабильности трудовой деятельности. К ним относят:

- обязательные предрейсовые медицинские осмотры;

Литература:

1. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 324 с.
2. Оценка эффективности международных перевозок в транспортно-логистических системах региона : монография / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2021. 180 с.

рисунке 1, можно сделать вывод, что самый высокий уровень зарплаты у водителей грузовых автомобилей в Республике Тыва, а самый маленький – у водителей Республики Дагестан. Средняя зарплата по РФ у водителей грузовых автомобилей равна 73665 руб.

К числу вопросов, относящихся к сфере трудового права и регулируемых организационно, относится и установление определенных льгот в области социального обеспечения. Этим правом пользуются многие работники предприятий.

- соблюдение режима труда и отдыха и законодательства РФ в области безопасности дорожного движения и охраны труда;

- выдача водителям только технически исправных транспортных средств;

- обязательное обучение и регулярная проверка знаний водителей;

- проведение инструктажей по безопасности дорожного движения.

Соблюдение безопасных условий труда, достойное материальное и социальное обеспечение, высокая квалификация и подготовка работника – все эти факторы являются залогом успешной организации, так как именно от действий работников в целом зависит успешность функционирования того или иного предприятия.

Literature:

1. Strategic and innovative management in road transport / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.
2. Evaluation of the efficiency of international transportation in the transport and logistics systems of the region. monograph / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 180 p.

Лыженков Александр Викторович
заместитель директора,
Национальный медицинский
исследовательский центр
психиатрии и неврологии
имени В.М. Бехтерева
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
9055034@gmail.com

Alexander V. Lyzhenkov
Deputy Director,
National Medical Research Center
Psychiatry and Neurology
named after V.M. Bekhterev
Ministries of Health
of the Russian Federation
9055034@gmail.com

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДОТАЦИОННЫХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ASSESSMENT OF MODERN ECONOMIC PROBLEMS OF SUBSIDIZED REGIONS IN THE CONTEXT OF ENSURING THEIR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Аннотация. Экономические системы регионов, не обладающих высоким промышленным потенциалом, при функционировании должны быть обеспечены трансфертной поддержкой федерального бюджета для выравнивания бюджетной обеспеченности. Объектом исследования выступает бюджетная обеспеченность дотационных регионов России. Предметом исследования является устойчивое развитие экономических систем дотационных регионов России. Целью исследования является выявление проблем экономического характера с позиции устойчивого развития регионов. Методологией исследования выступает экстраспективный подход изучения предметной области исследования, базирующийся на общепризнанных методах научного познания. Результатом исследования является детекция экономических проблем устойчивого развития дотационных регионов.

Ключевые слова: дотация, трансферт, бюджет, устойчивый рост, бюджетная обеспеченность.

Annotation. The economic systems of regions that do not have high industrial potential, when functioning, should be provided with transfer support from the federal budget to equalize budget security. The object of the study is the budgetary provision of subsidized regions of Russia. The subject of the study is the sustainable development of the economic systems of subsidized regions of Russia. The purpose of the study is to identify economic problems from the perspective of sustainable development of the regions. The methodology of the research is an extraspective approach to the study of the subject area of research, based on generally recognized methods of scientific cognition. The result of the study is the detection of economic problems of sustainable development of subsidized regions.

Keywords: subsidy, transfer, budget, sustainable growth, budget security.

Основная часть.

Устойчивое развитие регионов предполагает формирование социально – экономической политики способной обеспечить развитие общественного пространства, социально-экономического потенциала и «...сохранением резистентного гомеостаза экосистемы» [1, с. 38] региона. Дотационные регионы национальной

экономической системы представляют собой структурные элементы народного хозяйства, которые собственным бюджетным обеспечением не в состоянии покрыть региональные расходы. В таблице 1 представим список субъектов Российской Федерации, дотационная поддержка которых превышает двадцать процентов величины внутреннего валового продукта.

Таблица 1

Объем трансфертов федерального бюджета в виде дотаций регионам на выравнивание бюджетной обеспеченности, по данным [2]

Наименование субъекта Российской Федерации (муниципального образования)	Показатели (основные показатели), используемые для расчета на 2021 год					Объем межбюджетного трансферта на 2021 год
	Трансферт 1	Трансферт 2	Расчетный объем в части распределения 70 % дотаций на 2021 год	Утверждено на 2020 год Ф3 от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О ФБ на 2020–2022 годы»	Утверждено на 2021 год Ф3 от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О ФБ на 2020–2022 годы»	
1	2	3	4	5	6	7
1	3	4	5 = 3 + 4	6	7	8 = макс (6; 7)

1	2	3	4	5	6	7
Республика Адыгея (Адыгея)	1424235,30	1571127,30	2995362,60	4504223,10	2964206,80	4504223,10
Республика Алтай	4311425,30	1594684,30	5906109,60	9374943,90	9106684,50	9374943,90
Республика Бурятия	12853887,70	5456234,70	18310122,40	21862377,90	16803852,50	21862377,90
Республика Дагестан	50172083,60	11732154,50	61904238,10	72892420,50	64214855,60	72892420,50
Республика Ингушетия	9367365,00	1876842,50	11244207,50	11181480,20	10202005,10	11181480,20
Кабардино-Балкарская Республика	10227953,70	3070031,10	13297984,80	14023197,70	13047936,30	14023197,70
Республика Калмыкия	481673,60	975348,50	1457022,10	3733383,40	3251440,80	3733383,40
Карачаево-Черкесская Республика	7223744,80	1893501,90	9117246,70	10061698,40	8206405,80	10061698,40
Республика Карелия	1218641,50	3352945,60	4571587,10	7709643,60	4960574,00	7709643,60
Республика Крым	4401299,90	6379793,80	10781093,70	21453663,90	20418974,30	21453663,90
Республика Марий Эл	2555195,50	2561989,50	5117185,00	7225506,00	4853090,40	7225506,00
Республика Саха (Якутия)	21459009,10	18246231,70	39705240,80	51597946,80	42088314,50	51597946,80
Республика Северная Осетия – Алания	5179043,90	2478578,40	7657622,30	10492847,00	8259596,20	10492847,00
Республика Тыва	13127105,70	2679137,30	15806243,00	18625857,60	16544393,90	18625857,60
Чеченская Республика	24009176,30	5633194,30	29642370,60	33484644,40	30599138,40	33484644,40
Чувашская Республика – Чувашия	4717042,90	4438647,00	9155689,90	12226345,10	8197075,70	12226345,10
Алтайский край	9062040,10	8962357,70	18024397,80	29521598,30	20661072,30	29 521 598,30
Камчатский край	25554637,50	6993962,70	32548600,20	41128793,60	34481825,80	41128793,60
Ставропольский край	8754058,50	9765669,90	18519728,40	24291427,80	17887429,10	24291427,80
Брянская область	4010145,40	4343316,30	8353461,70	13382003,40	9184088,10	13382003,40
Ивановская область	3956177,80	3588936,40	7545114,20	12917549,00	8461903,90	12917549,00
Кировская область	3204044,50	4886951,30	8090995,80	12659146,00	8391869,70	12659146,00
Курганская область	4734717,20	3472870,60	8207587,80	13249667,90	9151459,60	13249667,90
Орловская область	1675568,20	2732168,80	4407737,00	5987895,00	3222706,70	5987895,00
Пензенская область	791968,30	4421088,80	5213057,10	8014880,60	4582450,70	8014880,60
Тамбовская область	4377915,40	3630959,40	8008874,80	9522931,20	6169987,70	9522931,20
Еврейская автономная область	420717,80	850575,20	1271293,00	1974804,90	768145,20	1974804,90
Чукотский автономный округ	3853580,00	2485122,50	6338702,50	12364176,90	12782544,10	12782544,10
Всего	243124454,50	130074422,00	373198876,50	495465054,10	399464027,70	495883421,30

Согласно Организации объединённых наций, устойчивое развитие определяется шестью

предметными сферами приложения человеческой активности [6]:

- возобновление энергии;
- социально – экономический потенциал;
- устойчивость транспортных систем;
- контроль водных ресурсов и экосистем;
- циркулярность производственных процессов;
- эффективное управление земельными территориями.

Таким образом, устойчивое развитие региона предполагает реализацию совокупного механизма шести взаимосвязанных сфер приложения общественных усилий, которые в результате исполнения определяют достижение целевых

показателей устойчивого развития территорий (региона). Рассматривая проблематику предметной области, следует отметить о достаточной интенсивной реализации государством программ устойчивого развития территорий регионов в России. Тем не менее, возникает ряд современных экономических проблем, связанных с особенностью дотационных регионов, как субъектов экономических отношений.

1. Отсутствие механизмов самостоятельного бюджетного обеспечения региона не позволяет сформировать внутренние источники роста, что приводит к диспропорции развития региона. Так, дотационная активность федерального центра не покрывает полностью пространство между наличием трудоспособного населения и производственными мощностями – рисунок 1.

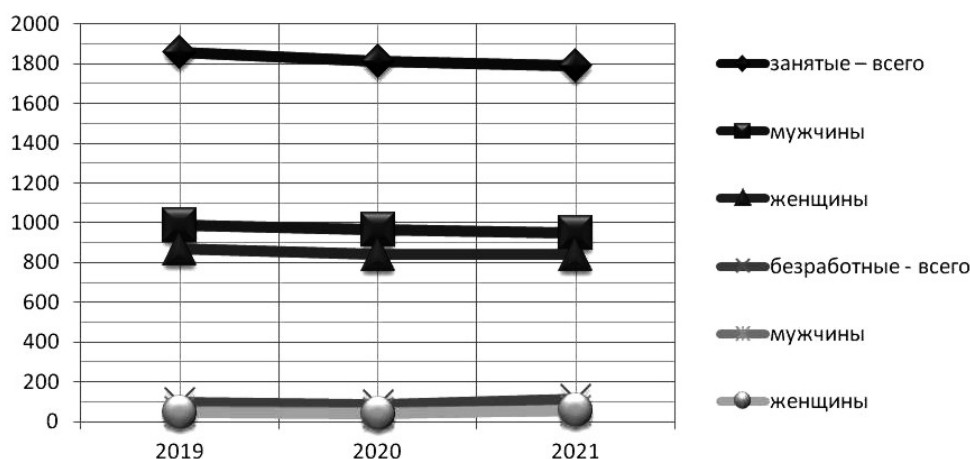

Рисунок 1 – Диспропорции в части населения (занятого) и в части населения (безработного), по данным [2]

Из рисунка 1 прослеживается тенденция снижения части населения (занятых) и роста числа населения (безработных), что является закономерным следствием реализации федеральных программ устойчивого развития. Повышение технологичности и автоматизации производственных процессов неизбежно увеличивает долю механизации рабочего процесса, что высвобождает

долю ручного труда (наиболее явно это проявляется в сельском хозяйстве), где увеличение технологичности процесса уменьшает долю ручного труда в значительной степени. Эта ключевая проблема при увеличении доли основных фондов в высокотехнологичных видах деятельности отражена в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициент обновления основных фондов по видам экономической деятельности по данным органов государственной статистики, в процентах

Показатели/год	2018	2019	2020	2021
Все основные фонды	8,1	8,6	8,8	8,0
в том числе по уровню технологичности:				
– высокотехнологичные виды деятельности	14,9	12,1	11,3	12,8
– среднетехнологичные высокого уровня виды деятельности	7,5	8,8	13,8	14,3
– среднетехнологичные низкого уровня виды деятельности	10,1	9,1	8,5	8,1
– низкотехнологичные виды деятельности	9,7	12,1	9,8	8,4

По данным таблицы 2 наглядно видна следующая тенденция: среднетехнологичные высокого уровня деятельности за 4 года выросли практически в два раза при одновременном снижении низкотехнологичных видов деятельности.

2. Инерционность между уровнями иерархии экономических и социальных систем. То есть, при

реализации программ устойчивого развития возникает сопротивление между элементами высокого и низкого уровня, то есть, наблюдается т.н. «экономическая инерция» [4, с. 99] и «социальная инерция» [4, с. 96]. То есть, возникает, своего рода, структурная инерция устойчивого развития, что является естественным состоянием экономических и социальных систем, но при этом

является значительной экономической проблемой, так как устранение данных противоречий требует мер экономического стимулирования.

3. Последней ключевой экономической проблемой дотационных регионов при реализации программ устойчивого развития рост цикличности и циркулярности производственных процессов и экологическое благополучие территорий. При

росте производственных мощностей происходит экспоненциальный рост отходов производства и загрязнения земли, поверхностных и подземных вод. При этом в структуре затрат на охрану окружающей среды доля затрат на обращение с отходами, и реабилитацию земельных территорий и площадей незначительная в общей массе (рис. 2).

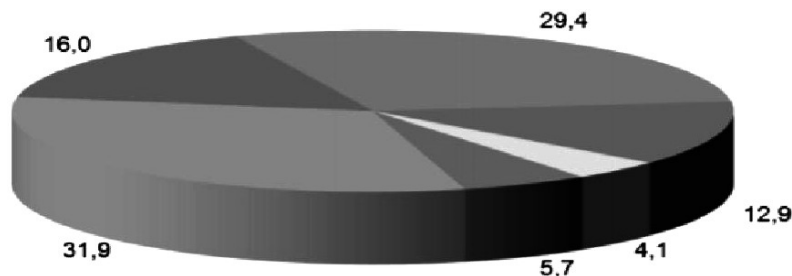

Рисунок 2 – Структура затрат на охрану окружающей среды

Как видно из рисунка 2, доля затрат на обращение с отходами, и реабилитацию земельных территорий и площадей – 12,9 процентов и 4,1 процента соответственно. Как мы видим, обращение с отходами производства составляет около тринадцати процентов от общей массы затрат, что явно недостаточно при устойчивом росте производственных мощностей.

Заключение.

Экономические проблемы дотационных регионов при создании предпосылок устойчивого развития

Литература:

1. *Шарафуллина Р.Р.* Зелёная экономика и устойчивое развитие: обзор настоящего и перспективы в России / Р.Р. Шарафуллина, Р.М. Хакимов, А.А. Нурутдинов // *Дискуссия*. 2021. № 6 (109). С. 38–48.
2. Результаты распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 годов. URL : [https:// minfin.gov.ru/ru](https://minfin.gov.ru/ru)
3. United Nations Environmental Programmed. URL : http://greenlogic.by/content/files/GREENTRANSPO RT/UNEP90_RUS.pdf
4. *Хайруллин В.А.* Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В.А. Хайруллин, С.В. Макар, Э.Н. Ямалова // *Дискуссия*. 2021. № 5(108). С. 88–104.

территорий, исходят, прежде всего, из-за фактора отсутствия бюджетного обеспечения собственными средствами региона. При этом программы устойчивого развития регионов, реализуемые федеральным центром, в полной мере обеспечивают формирование среды устойчивого развития, и непреодолимых проблем экономического характера, которые выступают фактором противодействием устойчивому развитию дотационных регионов, в настоящее время не существует, поэтому все перечисленные проблемы могут быть эффективно решены при наличии политической и общественной воли.

Literature:

1. *Sharafullina R.R.* Green economy and sustainable development: an overview of the present and prospects in Russia / R.R. Sharifullina, R.M. Khakimov, A.A. Nurutdinov // *Discussion*. 2021. № 6(109). P. 38–48.
2. The results of the distribution of subsidies to equalize the budgetary provision of the subjects of the Russian Federation for 2021 and the planning period of 2022 and 2023. URL : <https://minfin.gov.ru/ru>
3. United Nations Environment Programme. URL : http://greenlogic.by/content/files/GREENTRANSPO RT/UNEP90_RUS.pdf
4. *Khairullin V.A.* Inertia in socio-economic systems: theoretical and heuristic analysis of the phenomenon / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E.N. Yamalova // *Discussion*. 2021. № 5(108). P. 88–104.

Нехайчук Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук,
доцент,
заместитель директора по научной работе,
Севастопольский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
dimchikn@mail.ru

Михалин Артем Юрьевич

ООО «ТД Михалин»
dimchikn@mail.ru

**ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ
КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ**

Аннотация. В научной статье рассмотрены актуальные вопросы управления составом и структурой капитала современной организации. Показан процесс преобразования денежной формы капитала в производительную и товарную формы. На примере ООО «Монблан Крым» показаны методики исследований основные финансовых результатов деятельности компании. Выполнен горизонтальный и вертикальный анализ пассива баланса организации. Рассчитан ряд показателей ликвидности, финансовой независимости и сделаны выводы о типе финансовой устойчивости, а также о рентабельности капитала исследуемой организации. Показано, что развитие механизма управления капиталом организаций обуславливается потребностью выявления резервов стабильного развития. В условиях современной рыночной экономики успех любого предприятия во многом обуславливается правильным выбором источников формирования, направлений распределения и использования собственного капитала. Исходя из цели настоящего исследования, по итогу проведения комплексного анализа состава и структуры капитала предприятия, проведена оценка эффективности его формирования, а также разработаны предложения по оптимизации структуры капитала предприятия.

Ключевые слова: капитал предприятия, оптимизация капитала, финансовая устойчивость и платежеспособность, оптимальная структура.

Процесс управления структурой капитала осуществляется путем применения методологии оптимизации капитала.

На основании вышесказанного можно заключить, что целью управления капиталом организации

Dmitry V. Nekhaychuk

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Deputy Director for Scientific Work,
Sevastopol branch
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
dimchikn@mail.ru

Artem Yu. Mikhaylin

LLC «TD Mikhaylin»
dimchikn@mail.ru

**OPTIMIZATION OF THE STRUCTURE
OF CAPITAL OF THE ORGANIZATION IN
MODERN CONDITIONS OF ECONOMY**

Annotation. The scientific article deals with topical issues of managing the composition and structure of the capital of a modern organization. The process of transformation of the monetary form of capital into productive and commodity forms is shown. On the example of «Monblan Crimea LTD», the methods of researching the main financial results of the company's activities are shown. A horizontal and vertical analysis of the company's balance sheet liability has been carried out. A number of indicators of liquidity, financial independence are calculated and conclusions are drawn about the type of financial stability, as well as the return on capital of the organization under study. It is shown that the development of the organization's capital management mechanism is conditioned by the need to identify the reserves of stable development. In the conditions of a modern market economy, the success of any enterprise is largely determined by the correct choice of sources of formation, directions of distribution and use of equity capital. Based on the purpose of this study, based on the results of a comprehensive analysis of the composition and structure of the capital of an enterprise, an assessment was made of the effectiveness of its formation, as well as proposals were developed to optimize the capital structure of an enterprise.

Keywords: enterprise capital, capital optimization, financial stability and solvency, optimal structure.

является обеспечения его оптимальной структуры, так как структура капитала оказывает прямое влияние на финансовые результаты предприятия и определяет многие аспекты его деятельности.

Целью исследования является комплексный анализ состава и структуры капитала предприятия, оценка эффективности его использования, а также разработка предложений по оптимизации структуры капитала предприятия.

В экономической теории, а также в предпринимательской практике термин «Капитал» применяется довольно часто и не имеет однозначного определения.

Как правило, все то, что приносит доход или способно его приносить можно назвать капиталом. Данный термин может употребляться в отношении зданий (сооружений), материалов, определенной суммы денег, оборудования и так далее. Иными словами, капитал является основным элементом любого производства, который может, проявляется во всевозможных формах.

Карл Маркс определял капитал, как экономические отношения, возникающие между людьми в процессе производства материальных благ, оказания услуг в условиях ограниченности ресурсов. В экономической литературе термин капитал имеет множество определений различных

авторов, но ведущие экономисты так и не смогли прийти к единому мнению по этому поводу [1].

В целях работы следует остановиться на следующем определении, так как оно наиболее полно раскрывает сущность понятия определения капитала. Капитал определяют как совокупность всех долгосрочных источников средств, направленных на финансирование активов предприятия и его операций, которые включают долгосрочную и краткосрочную задолженность, привлеченные средства в виде акций, иными словами капитал – это все то что способно приносить прибавочную стоимость.

В ходе непрерывного оборота капитала совершается преобразование его денежной формы в производительную (оборотные и необоротные активы), далее производительный капитал в процессе производства товара, или услуг трансформируется в товарную форму. В процессе реализации произведенной продукции происходит постепенный переход в денежный капитал. По мере изменения форм, движения капитала изменяется и его суммарной стоимостью.

Кругооборот капитала представлен на рисунке 1.

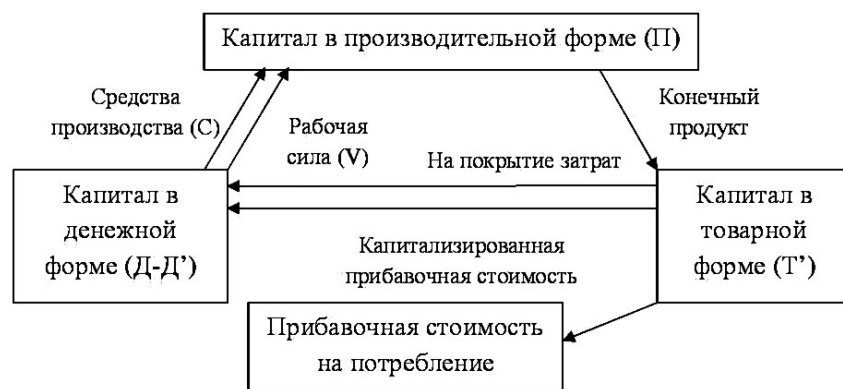

Рисунок 1 – Кругооборот капитала

При оценке и анализе капитала предприятия используется множество показателей. Необходимо отметить, что капитал имеет сложную экономическую природу, и его показатели напрямую не отражены в финансовой отчетности предприятия. Исходя из этого, анализ возможен только с применением расчетных и аналитических методов, существует острая необходимость в разработке и использовании системы показателей, наиболее полно характеризующих состояние и эффективность использования капитала.

Большинство методик анализа эффективности использования капитала предприятия предполагает расчет следующих групп индикаторов: ликвидности и платежеспособности, финансовой независимости и устойчивости, классификации типа финансовой устойчивости, деловой активности, рентабельности. Однако оценку капитала предприятия следует начать с анализа его состава и структуры капитала, а также отследить динамику его изменений.

Бухгалтерский баланс организации является важнейшим документом финансовой отчетности. Баланс предприятия отражает состав и структуру имущества организации, наличие собственного капитала и обязательств, ликвидность и оборачиваемость оборотных средств, состояние дебиторской и кредиторской задолженности, данные сведения служат основой для оценки эффективности будущих вложений капитала, размер финансового риска, основой для принятия взвешенных управленческих решений [2].

Вертикальный и горизонтальный анализ баланса используется при определении финансовых результатов предприятия. Анализ горизонтального и вертикального анализа финансовой отчетности призван наглядно отразить основные статьи баланса и стать обоснованием управленческих решений.

Горизонтальный анализ является отражением всех статей пассива, а также позволяет выявить тенденции изменения отдельных статей пассива

баланса, абсолютном и относительном выражении на конец анализируемого периода по сравнению с предыдущим периодом [3].

Анализируя финансовые показатели капитала предприятия, необходимо в первую очередь отметить основные результаты работы ООО «МОНБЛАН КРЫМ» за 2018–2020 года на основании Бухгалтерского баланса, Отчета о прибылях и убытках, Отчета об изменении капитала, Отчета о движении денежных средств.

За анализируемый период времени в ООО «МОНБЛАН КРЫМ» наблюдается постоянное изменение показателя выручки от реализации

продукции. В 2019 по сравнению с 2018 годом данный показатель увеличился на 341736 тыс. руб. или 26,5 %, в 2020 году по сравнению с 2019 данный показатель увеличился на 618296 тыс. руб., или 37,8 %. Совокупно, данный показатель за анализируемый период вырос на 960032 тыс. руб. или 74,3 %.

Себестоимость реализованной продукции за анализируемый период постоянно изменяется. В 2019 году по сравнению с 2018 годом данный показатель увеличился на 290055 тыс. руб., а в 2020 году по сравнению с 2019 годом увеличился на 522202 тыс. руб., совокупно рост данного показателя увеличился на 812260 тыс. руб. или 69 %.

Таблица 1

Основные финансовые результаты деятельности за 2018–2020 гг., тыс. руб.

Наименования показателя	Ед. изм.	2018	2019	2020	Абсолютное изменение		Темп прироста	
					2019 - 2018	2020 - 2019	2019 к 2018	2020 к 2019
Выручка от реализации продукции	тыс. руб.	1 291 802	1 633 538	2 251 834	341736	618296	26,5	37,8
Себестоимость реализованной продукции	тыс. руб.	1 179 453	1 469 508	1 991 713	290055	522202	24,6	35,5
Прибыль от продаж	тыс. руб.	1 717	(12 267)	8 131	-13984	20398	-	-
Чистая прибыль	тыс. руб.	12 025	10 742	23 044	-1283	12302	-10,7	114,5
Чистая рентабельность продаж	%	0,9	0,66	1,0	-0,24	0,34	-	-
Запасы	тыс. руб.	112 040	104 170	201 850	-7870	97680	-7,1	93,3
Дебиторская задолженность	тыс. руб.	215 957	292 582	460 377	76625	167795	35,8	57,3
Кредиторская задолженность	тыс. руб.	318 649	379 716	615 247	61067	235531	19,2	61,8
Численность работников	чел.	353	355	352	2	-3		
Среднегодовая производительность труда 1-го работника	тыс. руб.	3659	4601	6397	942	1796	25,7	39,0
Фонд оплаты труда	тыс. руб.	143176,8	145019	147257	1842	2238	1,4	1,4
Среднегодовая заработная плата 1-го работника	руб.	405600	408504	418344	2904	9840	0,7	2,4
Среднемесячная заработная плата 1-го работника	руб.	33 800 Р	34 042 Р	34 862 Р	242	820	0,6	2,3

За анализируемый период прибыль от продаж постоянно изменялась, в 2019 году по сравнению с 2018 годом наблюдается убыток, т.к. резко возросли коммерческие расходы, в 2020 году по сравнению с 2019 годом наблюдается значительное увеличение уровня показателя. Чистая прибыль в анализируемый период совокупно увеличилась на ООО«МОНБЛАН КРЫМ» тыс. руб. или 91,7 %. В большей степени увеличение данного показателя пришлось на 2020 год.

Чистая рентабельность продаж ООО«МОНБЛАН КРЫМ» в анализируемый период постоянно изменяется, в 2020 по сравнению с 2018 годом данный показатель снизился на 0,24 п.п. В 2020 году по сравнению с 2019 годом произошло увеличение данного показателя на 0,34 п.п., и практически соответствует уровню 2020 года. Данные изменения обуславливаются изменением выручки от реализации в аналогичные периоды. Исходя из этого, можно сделать вывод, что расходные статьи в ООО «МОНБЛАН КРЫМ» росли меньшими темпами, чем доходы, полученные в результате осуществления своей деятельности в анализируемый период. Уровень запасов увеличивается. Совокупно данный показатель увеличился на 89810 тыс. руб. или 80,3 %.

Кредиторская задолженность постоянно увеличивается. Совокупно, в анализируемый период показатель увеличился на 296598 тыс. руб., или 93,4 %. Рост кредиторской задолженности объясняется тем, что предприятие относится к торговому и отмечается его развитие, о чем свидетельствует рост выручки. Значительное увеличение уровня дебиторской задолженности, а именно на 244420 тыс. руб., или 212,9 %, объясняется тем же.

Таким образом, необходимо отметить, что за 2018–2020 годы деятельность ООО «МОНБЛАН КРЫМ» была достаточно эффективной. Однако руководству необходимо обратить внимание на снижение уровня кредиторской задолженности, и как следствием увеличением прибыли от продаж.

Итак, увеличение уровня кредиторской задолженности в период с 2018 по 2020 годы на 296598 тыс. руб. или 92,8 %, что говорит о том, что на предприятии имеется большой уровень задолженности, однако это связано с отраслевой спецификой деятельности предприятия.

В отношении пассива баланса предприятию может быть рекомендовано снижение уровня кредиторской задолженности. Проведя вертикальный

анализ пассивов баланса ООО «МОНБЛАН КРЫМ», можно сделать вывод о том, что

изменение удельного веса произошли в наиболее значимых статьях баланса.

Таблица 2

Горизонтальный анализ пассива баланса предприятия за 2018–2020 гг., тыс. руб.

Наименование показателя	2018	2019	2020	Отклонение			
				Абсолютное изменение		Темп прироста, %	
				2019 к 2018	2020 к 2019	2019 к 2018	2020 к 2019
ПАССИВ							
III. КАПИТАЛ И РЕЗЕРВЫ							
Уставный капитал	10	10	10	0	0	0,00	0,00
Нераспределенная прибыль	19 559	30 302	53 346	10743	23044	54,6	75,9
ИТОГО по разделу III	19569	30 312	53 356	10743	23044	54,6	75,9
IV. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА							
V. КРАТКОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА							
Кредиторская задолженность	318 649	379 716	615 247	61067	235531	19,2	62,3
ИТОГО по разделу V	318 649	379 716	615 247	61067	235531	19,2	62,3
БАЛАНС	338 218	410 028	668 603	71810	258575	21,3	62,9

Удельный вес нераспределенной прибыли ежегодно увеличивается, составляя в общем итоге раздела 5,8 %, 7,4 % и 8,0 %, соответственно, в каждый из анализируемых периодов. Это свидетельствует о том, что денежные средства должным образом не участвуют в обороте и не приносят максимальный доход предприятию. Данный раздел, «Капитал и резервы», в общем итоге

баланса пассивов составляет 5,8 % в 2018 г., 7,4 % в 2019 г. и 8,0 % в 2020 г. Необходимо отметить, что удельный вес краткосрочной кредиторской задолженности в 2020 году по сравнению с 2018 годом снизился на 2,2 %. Итог раздела «Краткосрочных обязательств» в общем итоге баланса пассивов составляет 94,2 % в 2018 г., 92,6 % в 2019 г. и 92,0 % в 2020 г.

Таблица 3

Вертикальный анализ пассива баланса предприятия за 2018–2020 гг., %

Наименование показателя	2018	2019	2020	Изменение в удельном весе (+/-)	
	Удельный вес %	Удельный вес %	Удельный вес %	2019 к 2018	2020 к 2019
III. КАПИТАЛ И РЕЗЕРВЫ					
Уставный капитал					
Нераспределенная прибыль	5,8	7,4	8,0	1,6	0,6
ИТОГО по разделу III	5,8	7,4	8,0	1,6	0,6
ИТОГО по разделу IV	0	0	0		
Кредиторская задолженность	94,2	92,6	92,0	-1,6	-0,6
ИТОГО по разделу V	94,2	92,6	92,0	-1,6	-0,6
БАЛАНС	100%	100%	100%	-	-

Данные изменяющиеся факторы являются предпосылкой негативных изменений пассива баланса, так как при больших увеличениях, например, кредиторской задолженности, предприятие не сможет в полной мере реализовывать свой потенциал, вследствие этого, возможно значительное уменьшение рентабельности предприятия, а также привлекательности его для инвесторов и партнеров.

Основными характеристиками финансового состояния предприятия являются ликвидность и платежеспособность. Ликвидность предприятия – это достаточность имеющихся денежных средств для оплаты текущих долгов, а платежеспособность, в свою очередь, это способность погасить задолженность в конечном итоге. Перейдем к расчету соответствующих показателей за 2018–2020 гг.

По состоянию на 2020 год коэффициент текущей (общей) ликвидности не укладывается в норму и равен 1,086 при нормативном значении не менее 2. В тоже время, совокупно, за весь анализируемый период данный коэффициент года коэффициент увеличился с 1,061 в 2018 г. до 1,086 в 2020 г.

Коэффициент быстрой ликвидности за весь анализируемый период оказался ниже нормы, что свидетельствует о недостатке ликвидных активов (т.е. наличности и других активов, которые можно легко обратить в денежные средства) для погашения краткосрочной кредиторской задолженности.

Коэффициент быстрой ликвидности сохранял значение, не соответствующее нормальному в течении всего периода. Совокупно, за весь период показатель практически не увеличился.

Не соответствующим норме, как и два другие коэффициента, оказался коэффициент абсолютной ликвидности на конец 2020 года 0,010 (при норме

не менее 0,1). При этом совокупно за анализируемый период коэффициент снизился с 0,032 до 0,010.

Таблица 4

Анализ коэффициентов ликвидности за 2018–2020 гг.

Наименование	2018	2019	2020
1. Коэффициент текущей (общей) ликвидности	1,061	1,079	1,086
2. Коэффициент быстрой (промежуточной) ликвидности	0,710	0,804	0,758
3. Коэффициент абсолютной ликвидности	0,032	0,034	0,010
4. Коэффициент собственной платежеспособности	0,058	0,073	0,080
5. Коэффициент обеспеченности собственными средствами	0,058	0,073	0,080

Проанализировав показатели ликвидности и платежеспособности предприятия ООО «МОНБЛАН КРЫМ», можно отметить, что все коэффициенты ниже нормативных значений в последнем периоде, это свидетельствует о том, что в 2018–2020 годах предприятие испытывает проблемы с ликвидными активами, также можно отметить то, что предприятие, в целом, являлось платежеспособным.

С целью определения эффективности формирования, распределения и использования финансовых ресурсов, необходимо оценить динамику показателей финансовой независимости предприятия [4].

Сущность финансовой независимости определяется эффективным формированием, распределением и использованием финансовых ресурсов.

Таблица 5

Анализ финансовой независимости предприятия за 2018–2020 гг.

Наименование	2018	2019	2020
1. Коэффициент автономии	0,06	0,07	0,08
2. Коэффициент концентрации заемного капитала	0,94	0,93	0,92
3. Коэффициент финансовой стабильности	0,06	0,07	0,08
4. Показатель финансового левериджа	15,9	12,6	11,6
5. Коэффициент устойчивого финансирования	0,06	0,07	0,08

Анализируя финансовую независимость предприятия можно сделать следующие выводы.

Во-первых, коэффициент автономии или коэффициент концентрации собственного капитала имеет устойчивую динамику, в 2019 году по сравнению с 2018 годом данный показатель увеличился на 0,01 п., а в 2020 году по сравнению с 2019 годом показатель вырос также на 0,01 п., составив на конец 2020 года 0,08, что составляет общее увеличение значения показателя на 0,02 п.п. Динамика данного показателя объясняется тем, что темп роста собственного капитала больше, чем темп роста совокупного капитала, который в свою очередь увеличился.

Во-вторых, коэффициент концентрации заемного капитала является обратным предыдущему коэффициенту, характеризует долю заемных средств в общей сумме средств, вложенных в имущество предприятия, данный коэффициент

имеет обратную динамику к коэффициенту автономии, то есть, в 2019 году по сравнению с 2018 годом данный показатель снизился на 0,01 п., а в 2020 по сравнению 2019 годом показатель снизился еще 0,01 п. Совокупно, показатель снизился на 0,02 п. Кроме того, коэффициент финансовой стабильности показывает соотношение собственного и заемного капитала. Данный показатель в рассматриваемый период соответствует по значениям коэффициенту автономии.

Рассчитав и проанализировав показатели финансовой независимости, можно определить тип финансовой устойчивости предприятия. В основе методики определения типа финансовой устойчивости лежит определение вида источника финансирования материальных оборотных средств предприятия. Классификация типа финансовой устойчивости, и динамика данных показателей за 2018–2020 гг. представлены в таблице 6.

Таблица 6

Классификация типа финансовой устойчивости предприятия за 2018–2020 гг.

Наименование показателя	2018	2019	2020
Общая величина запасов	112040	104170	201850
Собственные оборотные средства	19569	29935	53207
Функционирующий капитал	19569	29935	53207
Общая величина источников формирования запасов	19569	29935	53207
Фс	-92471	-74235	-148643
Фт	-92471	-74235	-148643
Фо	-92471	-74235	-148643
Трехкомпонентный показатель финансовой устойчивости	S =(-, -, -)	S =(-, -, -)	S =(-, -, -)

Итак, показатель общей величины запасов постоянно увеличивается, в. Совокупно данный показатель в анализируемый период увеличился на 89810 тыс. руб. Увеличение запасов для предприятия ООО «МОНБЛАН КРЫМ» является абсолютно нормальным, так как это является особенностью торговых предприятий. Собственные оборотные средства в анализируемый период постоянно увеличиваются. Совокупно, данный показатель вырос на 33638 тыс. руб. Функционирующий капитал в анализируемом периоде имеет аналогичную динамику роста. Совокупно значение показателя увеличилось на 33638 тыс. руб. Это говорит о росте ликвидности и финансовой устойчивости. Общая величина источников формирования запасов в

анализируемом периоде совпадает с двумя предыдущими показателями.

Трехкомпонентный показатель финансовой устойчивости на протяжении всего анализируемого периода имеет вид $S = (-, -, -)$, это означает, что на предприятии наблюдается кризисное финансовое положение, такая ситуация характеризуется недостатком у предприятия источников для финансирования запасов. Однако это объясняется спецификой деятельности предприятия

Для более полного анализа использования оборотных средств ООО «МОНБЛАН КРЫМ» перейдем к расчету соответствующих показателей за 2018–2020 гг.

Таблица 7

Анализ коэффициентов деловой активности предприятия за 2018–2020 гг.

Наименование показателя	2018	2019	2020
1. Оборачиваемость дебиторской задолженности, об.	7,87	6,42	5,98
2. Продолжительность оборачиваемости дебиторской задолженности, дни.	46,4	56,8	61,0
3. Оборачиваемость запасов, об.	10,37	13,59	13,02
4. Продолжительность оборачиваемости запасов, предназначенных для производства, дни.	35,2	26,85	28,03
5. Оборачиваемость кредитной задолженности, об.	4,17	4,21	4,02
6. Продолжительность оборачиваемости кредиторской задолженности, дни.	87,5	86,7	91,2
7. Продолжительность операционного цикла, дни.	81,6	83,65	89,0
8. Оборачиваемость собственного капитала.	95,7	65,5	53,8
9. Продолжительность оборачиваемости собственного капитала, дни	3,81	5,57	6,78

Оборачиваемость дебиторской задолженности на предприятии ежегодно снижается, с 7,87 в 2018 г. до 5,98 в 2020 г., что естественно влечет за собой увеличение продолжительности оборачиваемости дебиторской задолженности с 46,4 дней в 2018 г. до 61,0 дней в 2020 г. Оборачиваемость запасов имеет различную динамику, в 2019 году по сравнению с 2018 годом данный показатель увеличился на 3,22 оборотов, в 2020 по сравнению с 2019 годом данный показатель снизился на 0,57 оборота.

Оборачиваемость кредиторской задолженности на предприятии ежегодно меняется, в 2019 году по сравнению с 2018 годом, показатель увеличился на 0,04 оборота, а в 2020 году по сравнению с 2019 годом снижение составило 0,21 оборота. В противовес данному показателю, продолжительность оборачиваемости кредиторской задолженности в аналогичные периоды снижается и увеличивается. Совокупно данный показатель увеличился на 3,7 дней. Продолжительность операционного цикла на предприятии ежегодно увеличивается с 81,6 дней в 2018 г. до 89 дней в 2020 г.

Оборачиваемость собственного капитала снижается с 95,7 оборота в 2018 г. до 53,8 оборота в 2020 г. Вследствие этого продолжительность оборачиваемости собственного капитала имеет обратную динамику. В целом продолжительность оборачиваемости собственного капитала увеличилась с 3,81 дней в 2018 г. до 6,78 дней в 2020 г.

Таким образом, показатели деловой активности предприятия ООО «МОНБЛАН КРЫМ» характеризуют общую деятельность предприятия, и его возможности при продвижении на соответствующем рынке, как удовлетворительную.

С целью оценки эффективности использования капитала предприятием ООО «МОНБЛАН КРЫМ» проведем анализ рентабельности капитала.

Рентабельность капитала характеризует его доходность, показывает, сколько предприятие имеет прибыли с каждого рубля капитала. Для более полного анализа эффективности использования капитала ООО «МОНБЛАН КРЫМ» перейдем к расчету соответствующих показателей за 2018–2020 гг.

Таблица 8

Показатели рентабельности капитала предприятия ООО «МОНБЛАН КРЫМ» за 2018–2020 гг., %.

Наименование показателя	2018	2019	2020
1. Рентабельность совокупного капитала	4,1	2,9	4,3
2. Рентабельность собственного капитала	89,0	43,0	55,0
3. Рентабельность продаж	0,1	-0,8	0,4

Итак, рентабельность совокупного капитала в анализируемый период постоянно изменяется. В

2019 году по сравнению с 2018 годом значение показателя снизилось на 1,2 п.п., в 2020 году по

сравнению с 2019 годом произошло увеличение значения показателя на 1,4 п. Совокупно показатель увеличился на 0,02 п.п., что явилось следствием изменения чистой прибыли предприятия, которая в данный период имеет аналогичную динамику. Показатель рентабельности собственного капитала также имеет аналогичную динамику, то есть, показатель снизился в 2019 году по сравнению с 2018 на 46 п.п., а в 2020 по сравнению с 2019 годом увеличился на 12 п.п., совокупно показатель снизился на 34 %.

Развитие механизма управления капиталом торговых предприятий обуславливается потребностью решения важнейшей проблемы российского предпринимательства – выявления резервов стабильного развития, как отдельных компаний, так и всего сектора экономики. Так как управление – это постоянный, целенаправленный процесс воздействия на объект управления, усовершенствование механизма управления невозможно без

соответствующего мониторинга, позволяющего предпринимать меры предупредительного характера по предупреждению проблемной ситуации.

В условиях современной рыночной экономики успех любого предприятия, вне зависимости от типа деятельности и формы собственности, во многом обуславливается правильным выбором источников формирования, направлений распределения и использования собственного капитала.

Наличие собственного капитала определяет возможности предприятия в области формирования требуемых основных и оборотных средств, что непосредственно оказывает большое воздействие на конкурентоспособность предприятия и позиции на рынке.

Процесс оптимизации структуры капитала предприятия осуществляется согласно следующим этапам, представленным на рисунке 2.

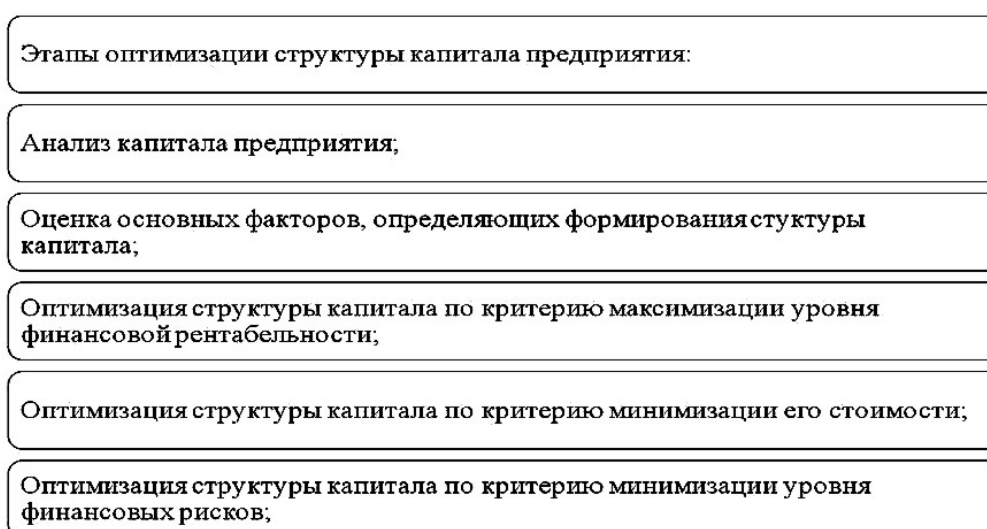

Рисунок 2 – Основные этапы процесса оптимизации структуры капитала

Таким образом, исходя из основных этапов оптимизации структуры капитала предприятия, далее следует определить негативные моменты в деятельности предприятия, с целью дальнейшего улучшения состояния предприятия [5; 6].

По результатам проведенного анализа, в управлении структурой капитала предприятия ООО «МОНБЛАН КРЫМ» выявлены существенные недочеты, повлекшие за собой следующие негативные изменения.

Продолжительность операционного цикла на предприятии ежегодно увеличивается с 81,6 дней в 2018 г. до 89 дней в 2020 г.

Оборачиваемость собственного капитала снижается с 95,7 оборота в 2018 г. до 53,8 оборота в 2020 г.. Вследствие этого, продолжительность оборачиваемости собственного капитала имеет обратную динамику. В целом, продолжительность оборачиваемости собственного капитала увеличилась с 3,81 дней в 2018 г. до 6,78 дней в 2020 г.

Оборачиваемость кредиторской задолженности на предприятии ежегодно меняется, в 2019 году по сравнению с 2018 годом, показатель увеличился на 0,04 оборота, а в 2020 году по сравнению с 2019 годом снижение составило 0,21 оборота. В противовес данному показателю, продолжительность оборачиваемости кредиторской задолженности в аналогичные периоды снижается и увеличивается. Совокупно, данный показатель увеличился на 3,7 дней.

Рентабельность совокупного капитала в анализируемый период постоянно изменяется. В 2019 году по сравнению с 2018 годом значение показателя снизилось на 1,2 п.п., в 2020 году по сравнению с 2019 годом произошло увеличение значения показателя на 1,4 п. Совокупно показатель увеличился на 0,02 п.п., что явилось следствием изменения чистой прибыли предприятия, которая в данный период имеет аналогичную динамику.

Показатель рентабельности собственного капитала также имеет аналогичную динамику, то есть показатель снизился в 2019 году по сравнению с 2018 на 46 п.п., а в 2020 по сравнению с 2019

годом увеличился на 12 п.п., совокупно показатель снизился на 34 %.

Говоря об управлении структурой капитала организации, нельзя не говорить о структуре активов и ее влиянии на капитал.

Для того чтобы оптимизировать структуру капитала ООО «МОНБЛАН КРЫМ» – необходимо, в первую очередь, рассмотреть возможность снижения объема запасов.

Следует отметить, то, что за последние несколько лет предприятие увеличивало запасы, что не является ошибкой менеджмента или следствием «затоваривания» предприятия с нейдевающей линией сбыта, накопление запасов для данной отрасли, в том числе для данного предприятия, является спецификой деятельности.

Удельный вес запасов в структуре активов составляет в среднем около 30 %. Можно порекомендовать предприятию только продолжение наращивания собственного капитала, посредст-

Литература:

1. *Дороган Н.Д.* Современные тенденции в российских исследованиях структуры капитала компаний / Н.Д. Дороган // Современные аспекты экономики. 2018. № 5(201). С. 76–81.
2. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия / Под ред. А.П. Гарнова. М. : Юрайт. 2017. 368 с.
3. *Hamdamov Sh.I.O.* Methods of managing the innovation potential of the region taking into account the key role of human capital in the transformation of resources into innovation / Sh.I.O. Hamdamov // Capital of Science. 2020. № 10(27). P. 40–45.
4. *Дьякова Ю.Н.* Проблемы формирования оптимальной структуры капитала / Ю.Н. Дьякова, А.П. Першина // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018.
5. *Муравьева Н.Н.* Разработка комплекса мер, направленных на достижение необходимого уровня финансовой устойчивости в коммерческих организациях / Н.Н. Муравьева // Проблемы экономики и менеджмента. 2018. № 2. С. 60–64.
6. *Лепешкина С.В.* Использование концепции транзакционных издержек в управлении структурой капитала / С.В. Лепешкина // Экономика. Профессия. Бизнес. 2020. № 1. С. 71–75.

вом увеличения сбыта продукции и как следствие увеличения роста чистой прибыли.

Удельный вес дебиторской задолженности в структуре оборотных активов составляет почти 70 %. При этом наблюдается резкое увеличение дебиторской задолженности.

В 2020 г. она составляла 460,4 млн руб. при показателе 216 млн руб. в 2018 г. Рост составляет 2,1 раза. Оборачиваемость дебиторской задолженности на предприятии ежегодно снижается, с 7,87 в 2018 г. до 5,98 в 2020 г., что естественно влечет за собой увеличение продолжительности оборачиваемости дебиторской задолженности с 46,4 дней в 2018 г. до 61,0 дней в 2020 г.

Исходя из цели настоящего исследования, по итогу проведения комплексного анализа состава и структуры капитала предприятия, проведена оценка эффективности его формирования, а так же разработаны предложения по оптимизации структуры капитала предприятия.

Literature:

1. *Dorogan N.D.* Modern trends in Russian studies of the capital structure of companies / N.D. Dorogan // Modern aspects of economics. 2018. № 5(201). P. 76–81.
2. Analysis and diagnostics of financial and economic activities of the enterprise / Edited by A.P. Garnov. M. : Yurait. 2017. 368 p.
3. *Hamdamov Sh.I.O.* Methods of managing the innovation potential of the region taking into account the key role of human capital in the transformation of resources into innovation / Sh.I.O. Hamdamov // Capital of Science. 2020. № 10(27). P. 40–45.
4. *Dyakova Yu.N.* Problems of formation of the optimal structure of capital / Yu.N. Dyakova, A.P. Pershina // Actual problems of economics and management. 2018.
5. *Muravieva N.N.* Development of a set of measures aimed at achieving the required level of financial sustainability in commercial organizations / N.N. Muravieva // Problems of Economics and Management. 2018. № 2. P. 60–64.
6. *Lepeshkina S.V.* Using the concept of transaction costs in capital structure management / S.V. Lepeshkina // Economics. Profession. Business. 2020. № 1. P. 71–75.

Проскуряков Иван Владимирович
аспирант,
Северо-Кавказский
федеральный университет
ivan.proskuryakov@icloud.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы частно-государственного партнерства и его развитие в социальной сфере Ставропольского края. В обстоятельствах пандемии и малого финансирования сфер жизнедеятельности человека, потери покупательской способности и экономического кризиса данный механизм позволит усилить слабые участки и укрепить экономику края. Именно проекты частно-государственного партнерства могут стать выходом из социально-экономического кризиса. Целью исследования является анализ возможности применения данных проектов в социальной сфере и разработка рекомендаций по их использованию.

Ключевые слова: частно-государственное партнерство, механизмы частно-государственного партнерства, социологическое исследование, анкетный опрос, частный сектор, государство, бизнес.

Введение.

В настоящее время, в условиях экономического кризиса и дефицита бюджетных средств, значительное число проблем – таких, как развитие социальной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, развитие дорожных сетей, развитие досуговой и оздоровительной структур и т.д., невозможно решить исключительно за счет федерального и муниципального бюджетов.

Использование механизмов частно-государственного партнерства (ЧГП) в Российской Федерации позволяют избежать недостатков в сфере государственного регулирования экономики, а также провалов со стороны рыночной экономики.

Частно-государственное партнерство – это партнерские отношения между государством и представителями предпринимательских структур на взаимовыгодных условиях, подкрепленные законодательной базой для достижения высокого экономического роста и удовлетворения потребностей общества, в целом, путем объединения материальных и нематериальных ресурсов всех участвующих в договоре сторон.

Несмотря на то, что данный метод исследован достаточно хорошо и подкреплен хорошей

Ivan V. Proskuryakov
Graduate Student,
North Caucasian
Federal University
ivan.proskuryakov@icloud.com

RESEARCH OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AT THE REGIONAL LEVEL

Annotation. The scientific article examines the mechanisms of public-private partnership and its development in the social sphere of the Stavropol Territory. In the circumstances of a pandemic and small financing of human activities, loss of purchasing power and economic crisis, this mechanism will strengthen weak areas and strengthen the economy of the region. It is public-private partnership projects that can become a way out of the socio-economic crisis. The purpose of the study is to analyze the possibility of using these projects in the social sphere and develop recommendations for their use.

Keywords: public-private partnership, mechanisms of public-private partnership, sociological research, questionnaire survey, private sector, government, business.

законодательной базой, реализация механизмов частно-государственного партнерства в социальной сфере не нашло широкого применения.

Материалы и методы.

Для выявления причин низкого уровня использования механизмов частно-государственного партнерства в социальной сфере на региональном уровне было проведено социологическое исследование на тему «Частно-государственное партнерство: использование, виды, проблемы».

Анкетный опрос с использованием авторской анкеты в период с 15.05.2021 по 25.07.2021 г. на территории с. Гофицкого, с. Сухая Буйвола и г. Ставрополя. Анкета состояла из трех блоков, а именно блока общих вопросов, блока компетенций публичного сектора и частного сектора, блока, касающегося информационной открытости и доступности информации о проектах ЧГП и блока вопросов, касающихся законодательной базы. Опросный лист состоял из 35 вопросов.

В анкетном опросе приняли участие 270 человек, 134 опрошенных из них являются представителями частного сектора, остальные 136 человек являются представителями государства.

Проведенное исследование будет способствовать решению следующих задач:

- привлечение внимания частного бизнеса и их капитала для решения государственных проблем в сфере социального обслуживания;
- использование мнение частного сектора при разработке проектных инициатив со стороны государства;
- выявление проблем и препятствий, возникающих при развитии ЧГП, и дальнейшая выработка решений этих препятствий и проблем;
- оценка эффективности взаимодействия власти и бизнеса;
- развитие законодательной базы на федеральном уровне.

Результаты и обсуждение.

Ознакомимся с некоторыми результатами, которые помогут сформировать несколько рекомендаций, по увеличению проектов ЧГП в

социальной сфере. Из 35 вопросов отобрали несколько из каждого блока для того, чтобы дать краткую характеристику и показать отношение к реализации частно-государственного партнерства на региональном уровне.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это законодательное регулирование и оценка эффективности взаимодействия частного сектора и государства по вопросам частно-государственного партнерства в социальной сфере.

Из 270 опрошенных человек, только 12 % считают его эффективным и 88 % говорят о том, что данного взаимодействия либо вообще нет, либо оно является малоэффективным (рис. 1).

Данные обстоятельства значительно тормозят развитие проектов ЧГП, так как ни государство, ни бизнес не готовы вкладывать средства в реализацию проектов, которые невозможно контролировать, а выстраивание доверительных отношений между партнерами занимает больше времени, чем сама реализация.

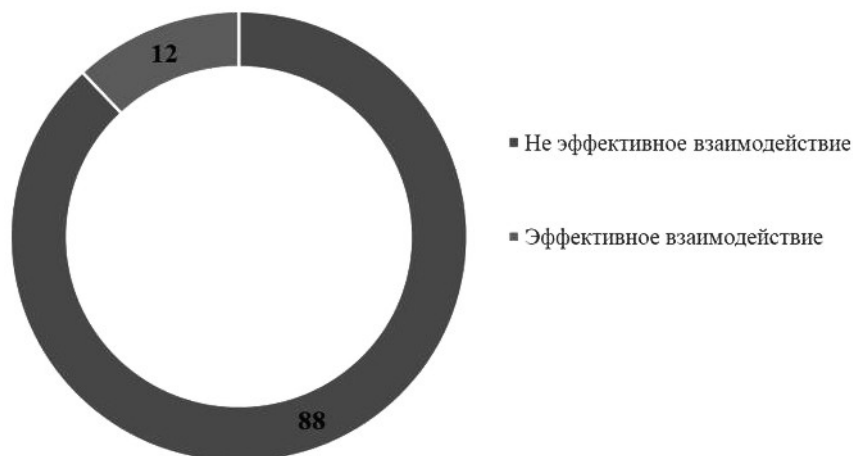

Рисунок 1 – Оценка эффективности взаимодействия частного сектора и государства

Также, удалось выделить основные проблемы взаимодействия частного сектора и государства при реализации механизмов ЧГП в социальной сфере.

Респонденты на первое место ставят отсутствие единого механизма взаимодействия между частными и публичными партнерами, а также, ограниченный перечень возможных форм ЧГП и отсутствие единого ведомства по регулированию отношений (рис. 2).

Полученные данные говорят нам о том, что для успешного внедрения проектов ЧГП необходимо создать новые механизмы взаимодействия, так как выработанные методики уже устарели и не включают в себя все особенности социальной сферы.

При анализе блока вопросов о профессиональном регулировании деятельности по внедрению механизмов ЧГП в практику выяснилось, что

необходимо создание независимой экспертизы для отбора частных инвесторов, дабы избежать коррупционной составляющей (рис. 3).

Частный сектор отмечает, что зачастую участие в конкурсной основе носит формальный характер. Бизнес с большим капиталом демпингует и выигрывает за счет низкой цены. Государственный партнер в большей части ориентируется именно на нее, а не на качество оказанных услуг или технологии, которые применяются в ходе реализации проектов.

При наличии сертификата на эксплуатацию, знаний о объекте и даже его строительстве конкурс выигрывает компания, которая предлагает меньшую стоимость за его обслуживание.

Поэтому для частного сектора так важен независимый орган, который будет обладать достаточной экспертизой, чтобы принять решение о том, ко именно в проекте станет частным партнером.

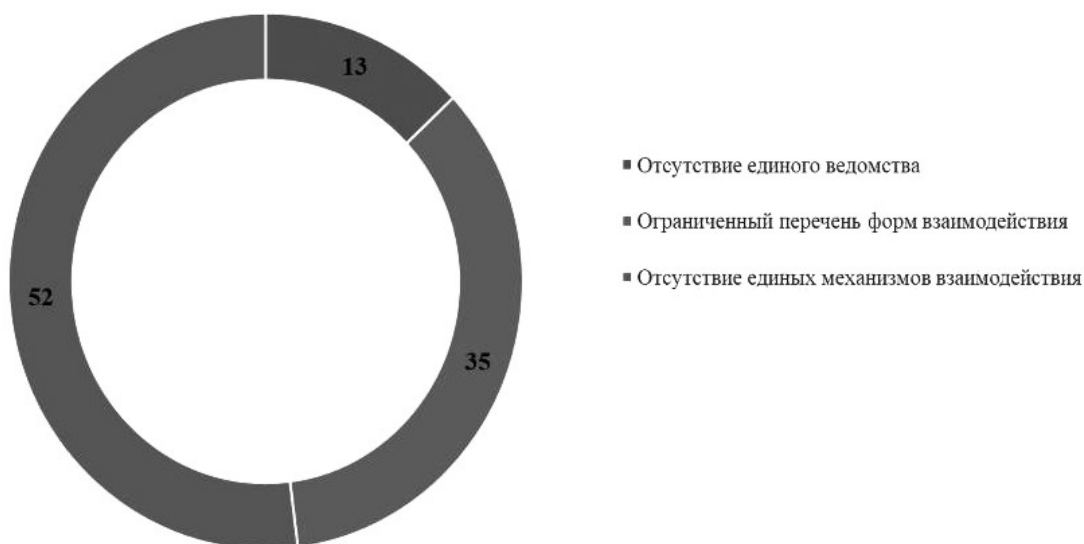

Рисунок 2 – Проблемы частного сектора и государственного при реализации механизмов ЧГП

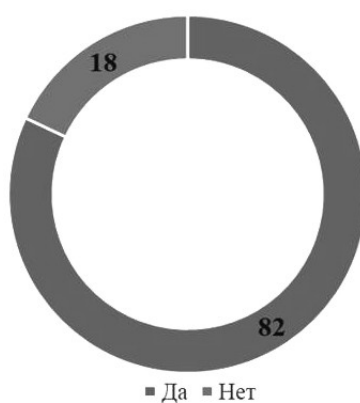

Рисунок 3 – Нужно ли внедрение независимой экспертизы при отборе проектов ЧГП?

Блок опроса, содержащий информационно-аналитическое сопровождение частно-государственного партнерства, показал то, что недостаточно в

открытых источниках информации о развитии и внедрении данного метода (рис. 4).

Рисунок 4 – Достаточно ли информации в открытых источниках о ЧГП?

В большинстве своем, собрать данные обо всех проектах, которые реализуются на территории РФ, довольно трудно. Осложняется это, в первую очередь, тем, что многие из них просто не

заключаются как ЧГП. Региональные СМИ не освещают их в новостях, а на экономических форумах им не уделяется достаточного внимания.

Заключение.

Таким образом, из проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что в настоящее время необходимо создавать нормативно-правовую базу. Нет определенных правил подачи проектных инициатив, нормативно-правовых документов, реестра объектов и проектов, направленных на улучшение социальной сферы, типовых форм договоров между частными лицами и государством, четкого распределения рисков при заключении договоров и возможности распределения полученной выгоды.

Также, необходимо постоянное информирование через СМИ о возможности заключения договоров между частным сектором и государством для решения социально-значимых проблем. Бизнес не

проинформирован о налоговых льготах и других преимуществах при вложении капитала на основании договора о ЧГП. И нужна разработка типовых механизмов для отбора частных партнеров для реализации проектов частно-государственного партнерства. При выборе частного партнера для реализации проектов ЧГП отсутствуют четкие критерии отбора, а процедура принятия решений сложна и бюрократизирована.

Таким образом, внедрение данных практических рекомендаций облегчит и ускорит процесс принятия проектных инициатив частного сектора, позволит разработать типовые формы договоров, повысит уровень информированности частного сектора и государства в сфере ЧГП, что приведет к росту уровня социальной и экономической жизни региона.

Литература:

1. *Алпатов А.А.* Государственно-частное партнерство: механизмы реализации / А.А. Алпатов, А.В. Пушкин, Р.М. Джапаридзе. М. : Альпина Паблишерз, 2016. 196 с.
2. *Варнавский В.Г.* Государственно-частное партнерство: теория и практика: учебное пособие / В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королев. М. : ГУ-ВШЭ, 2010. 165 с.
3. *Варнавский В.Г.* Управление государственно-частными партнерствами за рубежом / В.Г. Варнавский // Вопросы государственного и муниципального управления, 2012. № 2. С. 134–147.
4. *Кабашкин В.А.* Государственно-частное партнерство в регионах Российской Федерации: учебное пособие для профессионалов / В.А. Кабашкин; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. М. : Дело, 2011. 119 с.
5. *Delmon J.* Private Sector Investment in Infrastructure: Project Finance, PPP Projects and Risk. The World Bank and Kluwer Law International. 2009.
6. Why Russia Cannot Become the Country of Prosperity / V.F. Nitsevich [et al.] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2019.

Literature:

1. *Alpatov A.A.* Public-private partnership: mechanisms of implementation / A.A. Alpatov, A.V. Pushkin, R.M. Japaridze. M. : Alpina Publishers, 2016. 196 p.
2. *Varnavsky V.G.* Public-private partnership: theory and practice : textbook / V.G. Varnavsky, A.V. Klimenko, V.A. Korolev. M. : Higher School of Economics, 2010. 165 p.
3. *Varnavsky V.G.* Management of public-private partnerships abroad / V.G. Varnavsky // Issues of state and municipal management, 2012. № 2. P. 134–147.
4. *Kabashkin V.A.* Public-private partnership in the regions of the Russian Federation : textbook for professionals / V.A. Kabashkin; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. M. : Delo, 2011. 119 p.
5. *Delmon J.* Private Sector Investment in Infrastructure: Project Finance, PPP Projects and Risk. The World Bank and Kluwer Law International. 2009.
6. Why Russia Cannot Become the Country of Prosperity / V.F. Nitsevich [et al.] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2019.

Семенова Юлия Александровна
доцент,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
semenofa@gmail.com

Мохнаткина Ксения Владимировна
доцент,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
kse339@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к развитию социального предпринимательства в современных условиях. Установлено, что социальное предпринимательство является актуальным как в экономике, так и в социальной сфере, поскольку совмещает коммерческую и социальную цель. Определено, что социальное предпринимательство в полной мере является революцией бизнеса, ибо одновременно решает социальные проблемы и доходность в предпринимательстве. Доказано, что развитие социального предпринимательства идет намного медленнее и характеризуется рядом проблем. В основном, эти проблемы связаны с государственным регулированием. Выяснено, что создание социальных предприятий может являться важным не только для социальных предпринимателей или потребителей их услуг, но и для самого государства. Предложено сформировать четкий механизм социального предпринимательства и содействовать его развитию путем создания надлежащей среды, в которой смогут развиваться социальные предприятия.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, государство, эффективность, развитие, бизнес.

В последние годы в Российской Федерации все большую популярность приобретает социальное предпринимательство в рамках нового бизнеса, который может не только делать значительный вклад в развитие экономики страны, но и обеспечивать решение социальных проблем. Актуальность социального предпринимательства усиливается в контексте внедрения административно-территориальной реформы, поскольку оно может выступать инструментом решения социальных проблем общества.

При этом социальное предпринимательство играет важную роль в социально-экономическом

Julia A. Semenova
Associated Professor,
Saratov National Research
State University
named after N.G. Chernyshevsky
semenofa@gmail.com

Kseniya V. Mokhatkina
Associated Professor,
Saratov National Research
State University
named after N.G. Chernyshevsky
kse339@yandex.ru

DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN MODERN CONDITIONS

Annotation. The article considers approaches to the development of social entrepreneurship in modern conditions. It is established that social entrepreneurship is relevant both in the economy and in the social sphere, since it combines commercial and social goals. It is determined that social entrepreneurship is fully a business revolution, because it simultaneously solves social problems and profitability in entrepreneurship. It is proved that the development of social entrepreneurship is much slower and is characterized by a number of problems. These problems are mainly related to government regulation. It was found out that the creation of social enterprises can be important not only for social entrepreneurs or consumers of their services, but also for the state itself. It is proposed to form a clear mechanism of social entrepreneurship and promote its development by creating an appropriate environment in which social enterprises can develop.

Keywords: social entrepreneurship, state, efficiency, development, business.

развитии страны. Предприниматели выступают агентами изменений в обществе, благодаря использованию новых подходов при решении социальных проблем. Система социального предпринимательства вызывает много дискуссий в научных и экономических кругах, так как данное понятие и социальный предприниматель по-разному трактуется учеными и практиками.

Чтобы в полной мере осознать потенциал социального предпринимательства как силы экономического развития необходимо изменение понимания концепции социального предприятия. Отсутствие понимания такого явления тормозит его

развитие в нашей стране и снижает шансы на решение назревших социальных проблем, которые не решаются традиционным частным бизнесом и правительством.

Изучению вопросов, связанных с развитием системы предпринимательства, посвящены работы А. Атанасовой [1], Е.В. Мезенцевой [8], А.Ю. Москвиной [9], К.В. Мохнаткиной [10], О.А. Пястолова [11], Я.В. Шимановской [15], Е.Е. Юдашкиной [16] и др. Но вопрос социального предпринимательства и его роль в решении экономических проблем является не достаточно исследованным, а потому представляет научный интерес.

Понять популярность социального предпринимательства обеспечивает осознание того, что государственный и частный сектор не могут справиться с проблемами общества. Во время возникновения социальной деятельности во всем мире было выявлено три решающие макродинамики: замедление публичного предложения социальных услуг; существующее неравновесие в распределении уровня доходов, которое увеличило потребность в новых бизнес-стратегиях; усиление конкуренции в некоммерческом секторе за получение грантов.

Добровольный сектор уже давно является свидетелем предпринимательской динамики, которая привела к инновационным решениям для предоставления услуг или товаров лицам или сообществам, потребности которых не были удовлетворены ни частными компаниями, ни государством. В Европе понятие «социальное предприятие» впервые появилось в Италии, когда возникли новые инициативы, подобные кооперативам, чтобы реагировать на неудовлетворенные потребности. После этого, парламент Италии принял закон о создании новой правовой формы «социального кооператива», который оказался очень хорошо адаптированным для новаторских социальных предприятий. Это вдохновило другие страны. Правительство Великобритании ввело юридическую форму для социальных предприятий. Однако в Европе доминировал один из основных типов социальных предприятий – «социальные предприятия интеграции труда» (WISEs), основной целью которых была помощь низко квалифицированным безработным, которые находятся в группе риска, и привлечение этих людей к работе [2; 5; 7].

Социальное предпринимательство можно представить в виде инновационного подхода, благодаря которому индивиды могут решить серьезные социальные проблемы, с которыми сталкивается их сообщество. В отличие от бизнес-предпринимателей у социально ориентированных предпринимателей имеется социальная миссия, означающая улучшение мира.

В этих условиях они оценивают успех по двум позициям: получить прибыль и решить некоторые социальные проблемы. Но получение прибыли является средством для достижения цели – социальный предприниматель участвует в коммерческих предприятиях, направленных на получение прибыли только для того, чтобы использовать

полученную прибыль для создания ценных социальных программ для всей общины.

Кроме того, социальные предприниматели имеют общие характеристики с классическими бизнесменами. Они также сосредоточены на наилучшем способе использования возможностей, имеют цель и упорно движутся к ней. Но, в отличие от традиционного бизнеса, социальные предприниматели измеряют результативность деятельности не прибылью, а позитивными изменениями в обществе. Для социального предпринимателя коммерческая составляющая выполняет второстепенную роль.

Социальные предприниматели несут ответственность за свою деятельность не только перед собой, но и перед общинами и обществом. Они сосредотачиваются на первопричинах бедности, маргинализации, а не устраняют последствия. Поэтому для отражения экономических и предпринимательских аспектов нами выдвинуты четыре критерия:

- непрерывная деятельность по производству товаров;
- значительная степень автономии;
- высокий уровень экономического риска;
- минимальный объем оплачиваемой работы.

Чтобы отразить социальные аспекты инициативы, нами было предложено пять критериев:

- явная цель принести пользу обществу;
- инициатива группы граждан;
- право на принятие решений, основанное на владении капиталом;
- партисипативный характер, в котором участвуют различные стороны;
- ограниченное распределение прибыли.

Социальные предприятия могут распределять прибыль, но только в ограниченной степени, что позволяет избежать поведения, направленного на максимизацию прибыли.

При этом идея социального проекта не может считаться жизнеспособной, если она не осуществляет трансформацию – глубинную и длительную социальную смену. Под социальным предпринимательством следует понимать систематическую, в том числе, инновационную деятельность. Социальное предпринимательство может отличаться от корпоративной социальной ответственности и благотворительных организаций.

Корпоративная социальная ответственность частного бизнеса является второстепенной целью после принесения акционерам финансовой выгоды [3; 6; 14]. Благотворительные организации существуют за счет пожертвований, а

социальные предприятия осуществляют самостоятельную деятельность и стараются обеспечить устойчивость своих проектов. Социальное предпринимательство катализирует социальные трансформации с целью обеспечения социальных потребностей.

Основное внимание, в этом случае, уделяется социальной ценности, в то время как создание экономической ценности рассматривается как необходимое условие для обеспечения финансовой жизнеспособности. Можно подчеркнуть также

некоммерческий характер социальной деятельности как отличительной черты в рамках социального предпринимательства.

При этом социальное предпринимательство может осуществляться и на коммерческой основе. В социальном предпринимательстве создание общественного благосостояния является основной целью. Отличительная черта социального предпринимательства заключается в том, что рынок здесь представлен целевыми социальными группами (рис. 1).

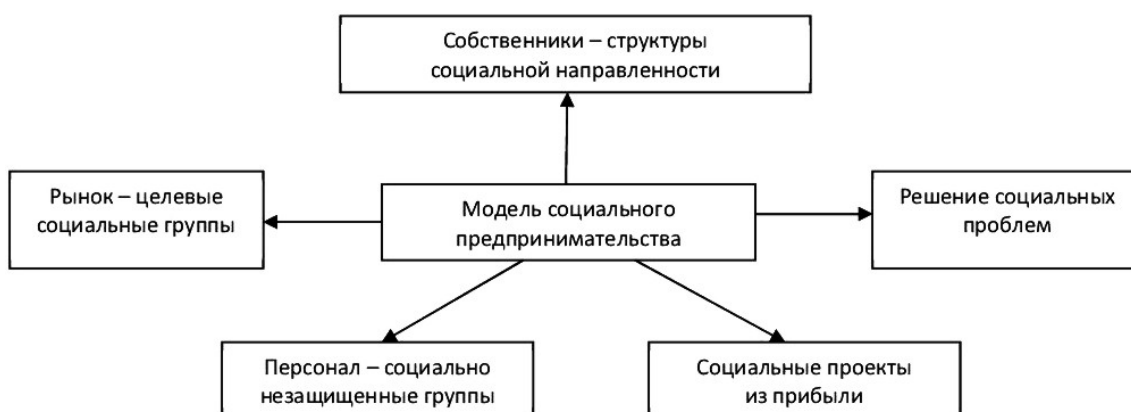

Рисунок 1 – Модель социального предпринимательства

Одной из важных целей организаций социального сектора является достижение устойчивости, которая определяется, как способность проекта поддерживать влияние на окружающие общины в долгосрочной перспективе. Влияние социальных предпринимательских проектов на сообщества оценивается с точки зрения четырех выявленных аспектов влияния: изменение отношения и поведения; расширение идеи; создание новых рабочих мест и влияние на национальную политику.

Определение ключевых факторов успеха социальных предприятий должно быть одной из основополагающих задач их управления. Эти вопросы особенно важны для социальных предприятий, которые сталкиваются со значительными трудностями в своей деятельности. Поэтому можно выделить несколько факторов, способствующих успеху социальных предприятий: сильное руководство; мотивация и преданность занятых людей; обеспечение правовой среды; привлекательность и ясность инновационной концепции; управленческий опыт; личные качества для предоставления услуг первой линии; эффективное сотрудничество с государственным сектором; социальный капитал; привлечение местного сообщества; ведение и распространение финансовой отчетности.

Кроме того, факторы, способствующие влиянию социальных предпринимательских проектов, можно разделить на две категории: характеристики социального предпринимательства и используемые ресурсы. Относительно мобилизованных ресурсов, важными факторами являются: знания, полученные человеком или группой; модели поведения, как самих социальных предпринимателей, так и лиц, на которые направлено

социальное предпринимательство; сети и коммуникации, то есть умение взаимодействовать с соответствующими партнерами и донорами также является важным фактором.

Как и любой другой фирме, социальным предпринимателям для существования нужны финансы [4; 12; 13]. Исследования показали, что они в значительной степени полагаются на государственные средства и поддержку, личные ресурсы и капитал, генерируемый внутри страны. Социальные предприниматели должны надеяться на улучшение отношения к социальному предпринимательству в целом, увеличение финансирования и расширение сотрудничества с муниципалитетами.

Эффективным путем стимулирования социального предпринимательства может быть наджинг. В современных условиях человеческий потенциал с ее моделями поведения является весомым фактором социально-экономических вопросов общества. Формирование социально-психологических качеств человеческого потенциала с учетом традиций, культурных ценностей и ожидаемой реакции может иметь значительный эффект на социальное предпринимательство. Наджинг является инновационным методом воздействия на поведение людей и должен активнее использоваться в нашем обществе. Осведомленность общества может свидетельствовать о том, что необходимо задуматься о ценностных ориентациях и возможностях помочь обездоленным.

Именно изменение системы ценностей и психологии членов общества может стать одним из составляющих механизма социального предпринимательства. Практика показала, что в Российской Федерации наблюдается усложнение обществен-

ных отношений. С одной стороны, это может быть связано с тем, что традиционный подход при решении социальных проблем уже не срабатывает, а с другой - с ухудшением экономического положения.

Учитывая это, возникает необходимость в применении новейших адаптивных инструментов в рамках государственной социальной политики. Одним из таких эффективных инструментов является социальное предприятие, которое приобретает популярность и признание во всем мире. Социальное предпринимательство наиболее полно соответствует элементам устойчивой экономики. Поэтому его применение в современных условиях хозяйствования на территории Российской Федерации является необходимыми целесообразным.

Исследования показали, что социальное предпринимательство является своеобразной революцией бизнеса, следствием генезиса хозяйственной деятельности, новейшим подходом к функционированию не только прибыльных, но и неприбыльных организаций.

Для характеристики категории «социальное предприятие» можно выделить основные признаки:

1. Характеризуется социальной целенаправленностью, то есть это деятельность, которая в конечном результате предполагает достижение социальной цели, а не экономической.
2. Это процесс создания экономической или социальной ценности, которые являются общественно полезной.
3. Социальное предпринимательство может выступать объективным процессом развития предпринимательства согласно системному подходу.
4. Соответствует постулатам устойчивого развития, то есть предпринимательская деятельность учитывает развитие будущих поколений.
5. Базой социального предпринимательства может выступать социальная ответственность, предусматривающая осознание роли экономического субъекта в развитии общественных отношений.
6. Сочетание экономической и социальной направленности предпринимательства стимулирует формирование инновационных подходов.
7. Сочетание экономической и социальной направленности в процессе предпринимательской деятельности приводит к получению синергетического эффекта созданию позитивной репутации, получению дополнительных как экономических, так и других выгод.
8. Социальное предпринимательство улучшает механизм ведения предпринимательской

Литература:

1. *Атанасова А.* Социальное предпринимательство в природоохранной деятельности: «Что есть

деятельности во всех сферах: в планировании, финансировании, маркетинге и производстве продукции.

Согласно системного подхода, социальное предприятие является комплексной категорией, которая включает в себя все названные признаки. Определение категории «социальное предприятие» как проявление «социального предпринимательства» является диссоциативным, поэтому можно выделить четыре основных подхода.

1. «Школа социально ориентированного бизнеса», то есть, социальное предприятие можно представить как бизнес организации, осуществляющей производство и реализацию товаров, работ, услуг в целях удовлетворения социальных запросов.
2. «Школа заработанного дохода». Определяет социальное предприятие как неприбыльную организацию, в структуре источников финансирования которой увеличивается доля самофинансирования.
3. «Школа социальных инноваций». Определение понятия «социальное предприятие» похоже на определение социального предпринимательства, поэтому социальным предприятием считается организация, которая ориентирована на инновации в рамках социальной сферы.
4. EMES-подход. «Социальное предприятие - организация, привлекающая средства из внешних источников для осуществления неприбыльной деятельности.

Подводя итоги, можно отметить, что социальное предпринимательство является актуальным как в экономике, так и в социальной сфере, поскольку совмещает коммерческую и социальную цель. Социальное предпринимательство в полной мере является революцией бизнеса, ибо одновременно решает социальные проблемы и обеспечивает ВВП и доходность в предпринимательстве.

Однако развитие социального предпринимательства в Российской Федерации идет намного медленнее, чем в странах Европы, и характеризуется рядом проблем. В основном, эти проблемы связаны с государственным регулированием. Поэтому создание социальных предприятий может являться важным не только для социальных предпринимателей или потребителей их услуг, но и для самого государства.

Ввиду этого, мы считаем необходимым сформировать четкий механизм социального предпринимательства и содействовать его развитию путем создания надлежащей среды, в которой смогут развиваться социальные предприятия, а проблемы учета и формирования механизма социальной мотивации должны стать перспективами дальнейших исследований.

Literature:

1. *Atanasova A.* Social entrepreneurship in environmental protection: «What is there in humanity that is

такого в человечестве, что стоит сохранить?» / А. Атанасова, М. Георгиев // *Society and Security Insights*. 2019. Т. 2. № 3. С. 203–213.

2. *Лебедев К.А.* Прогнозирование экспортоориентированной деятельности предприятий АПК Крыма / К.А. Лебедев // *Экономика Крыма*. 2006. № 17. С. 69–72.

3. *Лебедева О.Е.* Проблемы и перспективы рынка земли в Украине / О.Е. Лебедева // *Материалы Вторых годовых сборов Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников южного региона Украины «Трансформация земельных отношений к рыночным условиям хозяйствования»*. 2009. С. 97–100.

4. *Лебедева О.Е.* Реализация культурно-образовательной деятельности в туризме / О.Е. Лебедева, К.А. Лебедев, Н.А. Луканова // *Сервис в России и за рубежом*. 2016. Т. 10. № 4(65). С. 71–82.

5. *Лебедева О.Е.* Совершенствование взаимосвязей производителей и переработчиков молока / О.Е. Лебедева // *Культура народов Причерноморья*. 2010. № 192. С. 74–77.

6. *Лебедева О.Е.* Совершенствование государственного регулирования рынка молока / О.Е. Лебедева // *Культура народов Причерноморья*. 2010. № 193. С. 168–171.

7. *Лебедева О.Е.* Теоретические аспекты формирования продовольственного рынка / О.Е. Лебедева // *Научные труды Южного филиала Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет»*. Серия: *Экономические науки*. 2010. № 128. С. 238–245.

8. *Мезенцева, Е.В.* Социальное предпринимательство как инструмент социально-экономического развития территорий / Е.В. Мезенцева, Е.В. Королюк // *Наука и бизнес: пути развития*. 2020. № 3(105). С. 62–65.

9. *Москвина А.Ю.* Участие людей старшего возраста в социальном предпринимательстве на примере социального акселератора (Санкт-Петербург) / А.Ю. Москвина, Д.В. Должикова // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16. № 1. С. 169–176.

10. *Мохнаткина К.В.* Корреляционный анализ влияния депривации на социальную активность россиян / К.В. Мохнаткина // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: *Социология. Политология*. 2018. Т. 18. № 1. С. 55–59.

11. *Пястолов О.А.* Пути снижения предпринимательских рисков на примере развития малого бизнеса Подмосковья / О.А. Пястолов, А.И. Лембей, Е.И. Макарова, Д.М. Паршиков // *Товаровед продовольственных товаров*. 2022. № 1. С. 34–43.

12. *Семенова Ю.А.* Взаимодействие институтов власти и предпринимательских структур / Ю.А. Семенова // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2015. № 3(35). С. 86–96.

worth preserving?» / A. Atanasova, M. Georgiev // *Society and Security Insights*. 2019. Vol. 2. № 3. P. 203–213.

2. *Lebedev K.A.* Forecasting export-oriented activities of agricultural enterprises of the Crimea / K.A. Lebedev // *The economy of Crimea*. 2006. № 17. P. 69–72.

3. *Lebedeva O.E.* Problems and prospects of the land market in Ukraine / O.E. Lebedeva // *Materials of the Second annual meetings of the All-Ukrainian Congress of Agricultural Economists of the southern region of Ukraine «Transformation of land relations to market conditions of management»*. 2009. P. 97–100.

4. *Lebedeva O.E.* Implementation of cultural and educational activities in tourism / O.E. Lebedeva, K.A. Lebedev, N.A. Lukanova // *Service in Russia and abroad*. 2016. Vol. 10. № 4(65). P. 71–82.

5. *Lebedeva O.E.* Improvement of interrelations of producers and processors of milk / O.E. Lebedeva // *Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2010. № 192. P. 74–77.

6. *Lebedeva O.E.* Improvement of state regulation of the milk market / O.E. Lebedeva // *Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2010. № 193. P. 168–171.

7. *Lebedeva O.E.* Theoretical aspects of the formation of the food market / O.E. Lebedeva // *Scientific works of the Southern branch of the National University of Bioresources and Environmental Management of Ukraine «Crimean Agrotechnological University»*. Series: *Economic Sciences*. 2010. № 128. P. 238–245.

8. *Mezentseva E.V.* Social entrepreneurship as an instrument of socio-economic development of territories / E.V. Mezentseva, E.V. Korolyuk // *Science and business: ways of development*. 2020. № 3(105). P. 62–65.

9. *Moskvina A.Yu.* Participation of older people in social entrepreneurship on the example of a social accelerator (St. Petersburg) / A.Yu. Moskvina, D.V. Dolzhikova // *Journal of Social Policy Research*. 2018. Vol. 16. № 1. P. 169–176.

10. *Mokhnatkina K.V.* Correlation analysis of the impact of deprivation on the social activity of Russians / K.V. Mokhnatkina // *News of Saratov University*. A new series. Series: *Sociology. Political science*. 2018. Vol. 18. № 1. P. 55–59.

11. *Pyastolov O.A.* Ways to reduce entrepreneurial risks on the example of small business development in the Moscow region / O.A. Pyastolov, A.I. Lembey, E.I. Makarova, D.M. Parshikov // *Commodity specialist of food products*. 2022. № 1. P. 34–43.

12. *Semenova Yu.A.* Interaction of institutes authorities and business structures / Yu.A. Semenova // *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*. 2015. № 3(35). P. 86–96.

13. *Силка Д.Н.* Совершенствование системы ценообразования в строительстве / Д.Н. Силка, К.А. Лебедев // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4-2 (69). С. 431–436.

14. *Шадская И.Г.* Прогнозирование развития туристского рынка на основе социально-экономического мониторинга / И.Г. Шадская, Н.А. Яковлева // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 8(46). С. 207–214.

15. *Шимановская Я.В.* Социальное предпринимательство в сфере оказания социальных услуг / Я.В. Шимановская // Отечественный журнал социальной работы. 2018. № 4(75). С. 35–45.

16. *Юдашкина Е.Е.* Стратегическое планирование социально-экономических процессов на основе когнитивного подхода / Е.Е. Юдашкина, А.Л. Никазаченко, К.А. Лебедев // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8-2(85). С. 1062–1065.

13. *Silka D.N.* Improving the pricing system in construction / D.N. Silka, K.A. Lebedev // Economics and entrepreneurship. 2016. № 4-2(69). P. 431–436.

14. *Shadskaya I.G.* Forecasting the development of the tourist market on the basis of socio-economic monitoring / I.G. Shadskaya, N.A. Yakovleva // Service in Russia and abroad. 2013. № 8(46). P. 207–214.

15. *Shimanovskaya Ya.V.* Social entrepreneurship in the provision of social services / Ya.V. Shimanovskaya // Domestic Journal of Social Work. 2018. № 4(75). P. 35–45.

16. *Yudashkina E.E.* Strategic planning of socio-economic processes on the basis of a cognitive approach / E.E. Yudashkina, A.L. Nikazachenko, K.A. Lebedev // Economics and entrepreneurship. 2017. № 8-2 (85). P. 1062–1065.

Соколов Юрий Игоревич
доктор экономических наук,
профессор,
директор института экономики и финансов,
Российский университет
транспорта (МИИТ)
jurysokolov@yandex.ru

Иванов Артем Владимирович
аспирант кафедры финансов и кредита,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
artem1994352@yandex.ru

Хомутов Андрей Сергеевич
ассистент кафедры информационных
систем цифровой экономики,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
andrey_93.06@mail.ru

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОКАЗЫВАЕМЫХ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В современных условиях функционирования рынка грузовых перевозок одним из важнейших инструментов формирования спроса на перевозки, имеющихся в распоряжении транспортных компаний, является повышение качества транспортного обслуживания грузовладельцев. В статье рассмотрен конкретный практический пример компании ОАО «РЖД» по удовлетворенность клиентов, предоставляемыми услугами. В работе рассмотрены конкретные параметры качества услуг, а также проведен контроль качества, который влияет на экономическую эффективность компании.

Ключевые слова: контроль качества, транспортные услуги, ОАО «РЖД», индекс качества, железнодорожный транспорт, экономический эффект.

Для начала необходимо отметить, что миссия холдинга «РЖД» заключается в эффективном развитии конкурентоспособного на российском и мировом рынках транспортного бизнеса с учетом реализации ответственности национального перевозчика и владельца железнодорожной инфраструктуры, поддерживая конкурентоспособный уровень соотношения «цена-качество». Развитие конкурентоспособности связано с удовлетворением потребностей субъектов национальной экономики в перевозках грузов и пассажиров и повышением качества оказываемых услуг [1, с. 76–81]. В свою очередь, повышение качества оказываемых услуг напрямую связано со степенью удовлетворенности клиентов.

Yury I. Sokolov
Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Director of the Institute
of Economics and Finance,
Russian University of Transport (MIIT)
jurysokolov@yandex.ru

Artem V. Ivanov
Graduate Student in the Department
of Finance and Credit,
Russian University of Transport (MIIT)
artem1994352@yandex.ru

Andrey S. Khomutov
Assistant of the Department of Information
Digital Economy Systems,
Russian University of Transport (MIIT)
andrey_93.06@mail.ru

A PRACTICAL EXAMPLE OF ASSESSING THE QUALITY OF TRANSPORT SERVICES PROVIDED

Annotation. In the current conditions of the functioning of the freight transportation market, one of the most important tools for generating demand for transportation available to transport companies is to improve the quality of transport services for cargo owners. The article considers a specific practical example of the Russian Railways company on customer satisfaction with the services provided. The paper considers specific parameters of the quality of services, as well as quality control, which affects the economic efficiency of the company.

Keywords: quality control, transport services, Russian Railways, quality index, railway transport, economic effect.

Технология исследования качества оказываемых транспортных услуг по представленной методике может предусматривать:

- анкетирование;
- телефонный опрос;
- анализ обращений, поступивших в Единый call-центр ОАО «РЖД» по грузовым перевозкам или на сайт URL : <http://cargo.rzd.ru>

Применим описанную методику на конкретном примере проведения исследования удовлетворенности качеством услуг и лояльности [2, с. 19–27].

Исследование удовлетворенности качеством транспортно-логистических услуг. В нем участвуют 20 потребителей грузовых перевозок – 1, 2, 3, ..., 20 [3, с. 24–34]

Оценка удовлетворенности качеством услуг:

– определим наличие проблем в отношении параметров качества услуги перевозки грузов (табл. 1):

$$H1 = (0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 1 + 1 + 0 + 1 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1) / 20 * 100 = 50 \%;$$

$$H2 = (1 + 1 + 1 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 1 + 1 + 0 + 1 + 0 + 0 + 1) / 20 * 100 = 45 \%;$$

$$H3 = (0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 1 + 0 + 1 + 1 + 1 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1 + 1 + 0 + 1 + 1) / 20 * 100 = 55 \%;$$

$$H4 = (0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0) / 20 * 100 = 30 \%.$$

Таблица 1

Оценка грузовладельцами параметров качества услуг по перевозке грузов

№ п/п	Наименование потребителя	Соблюдение сроков доставки	Скорость перевозки	Сохранность грузов	Информационное сопровождение
1	2	3	4	5	6
1.	1	0	1	0	0
2.	2	0	1	1	0
3.	3	0	1	0	1
4.	4	1	0	0	0
5.	5	0	0	0	0
6.	6	1	1	1	1
7.	7	1	0	1	0
8.	8	0	1	0	1
9.	9	0	0	1	0
10.	10	0	0	1	0
11.	11	1	0	1	0
12.	12	1	0	0	1
13.	13	1	0	0	1
14.	14	0	1	1	0
15.	15	1	1	0	0
16.	16	0	0	1	0
17.	17	1	1	1	1
18.	18	0	0	0	0
19.	19	1	0	1	0
20.	20	1	1	1	0
21.	Итого	50	45	55	30

– Выявим значимость качества услуги перевозки грузов (табл. 2):

$$Z1 = (0 + 0 + 0 + 3 + 0 + 1 + 3 + 0 + 0 + 0 + 4 + 3 + 1 + 0 + 3 + 0 + 2 + 0 + 2 + 3) / 20 * 100 = 125 \%;$$

$$Z2 = (2 + 5 + 2 + 0 + 0 + 2 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 2 + 2 + 0 + 5 + 0 + 0 + 3) / 20 * 100 = 120 \%;$$

$$Z3 = (0 + 4 + 0 + 0 + 0 + 1 + 3 + 0 + 2 + 1 + 2 + 0 + 0 + 5 + 0 + 4 + 1 + 0 + 2 + 4) / 20 * 100 = 145 \%;$$

$$Z4 = (0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 5 + 0 + 3 + 0 + 0 + 0 + 5 + 4 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0) / 20 * 100 = 95 \%.$$

Таблица 2

Оценка грузовладельцами уровня значимости оцениваемых параметров качества услуг по перевозке грузов

№ п/п	Наименование потребителя	Соблюдение сроков доставки	Скорость перевозки	Сохранность грузов	Информационное сопровождение
1	2	3	4	5	6
1.	1	0	2	0	0
2.	2	0	5	4	0
3.	3	0	2	0	1
4.	4	3	0	0	0
5.	5	0	0	0	0
6.	6	1	2	1	5
7.	7	3	0	3	0
8.	8	0	1	0	3
9.	9	0	0	2	0
10.	10	0	0	1	0
11.	11	4	0	2	0
12.	12	3	0	0	5

1	2	3	4	5	6
13.	13	1	0	0	4
14.	14	0	2	5	0
15.	15	3	2	0	0
16.	16	0	0	4	0
17.	17	2	5	1	1
18.	18	0	0	0	0
19.	19	2	0	2	0
20.	20	3	3	4	0
21.	Итого	125	120	145	95

– общая оценка удовлетворенности качества услуги перевозки грузов (табл. 3);

– удовлетворенность всех потребителей в отношении i -го параметра качества:

$$Y_1 = (5 + 5 + 5 + 2 + 5 + 4 + 2 + 5 + 5 + 5 + 1 + 2 + 4 + 5 + 2 + 5 + 3 + 5 + 3 + 2) / 20 \cdot 5 \cdot 100 = 75 \%;$$

$$Y_2 = (3 + 0 + 3 + 5 + 5 + 3 + 5 + 4 + 5 + 5 + 5 + 5 + 5 + 3 + 3 + 5 + 0 + 5 + 5 + 2) / 20 \cdot 5 \cdot 100 = 76 \%;$$

$$Y_3 = (5 + 1 + 5 + 5 + 5 + 4 + 2 + 5 + 3 + 4 + 3 + 5 + 5 + 0 + 5 + 1 + 4 + 5 + 3 + 1) / 20 \cdot 5 \cdot 100 = 71 \%;$$

$$Y_4 = (5 + 5 + 4 + 5 + 5 + 0 + 5 + 2 + 5 + 5 + 5 + 0 + 1 + 5 + 5 + 5 + 4 + 5 + 5 + 5) / 20 \cdot 5 \cdot 100 = 81 \%.$$

Построение рейтингового списка параметров, влияющих на удовлетворенность качеством услуги перевозки грузов в порядке убывания Y_i .

$$Y_4 = 81 \%$$

$$Y_2 = 76 \%$$

$$Y_1 = 75 \%$$

$$Y_3 = 71 \%.$$

– удовлетворенность j -го потребителя всеми параметрами качества услуги перевозки грузов:

$$Y_1 = (5 + 3 + 5 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 90 \%$$

$$Y_2 = (5 + 0 + 1 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 55 \%$$

$$Y_3 = (5 + 3 + 5 + 4) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 85 \%$$

$$Y_4 = (2 + 5 + 5 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 85 \%$$

$$Y_5 = (5 + 5 + 5 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 100 \%$$

$$Y_6 = (4 + 3 + 4 + 0) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 55 \%$$

$$Y_7 = (2 + 5 + 2 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 70 \%$$

$$Y_8 = (5 + 4 + 5 + 2) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 80 \%$$

$$Y_9 = (5 + 5 + 3 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 90 \%$$

$$Y_{10} = (5 + 5 + 4 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 95 \%$$

$$Y_{11} = (1 + 5 + 3 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 70 \%$$

$$Y_{12} = (2 + 5 + 5 + 0) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 60 \%$$

$$Y_{13} = (4 + 5 + 5 + 1) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 75 \%$$

$$Y_{14} = (5 + 3 + 0 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 65 \%$$

$$Y_{15} = (2 + 3 + 5 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 75 \%$$

$$Y_{16} = (5 + 5 + 1 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 80 \%$$

$$Y_{17} = (3 + 0 + 4 + 4) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 55 \%$$

$$Y_{18} = (5 + 5 + 5 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 100 \%$$

$$Y_{19} = (3 + 5 + 3 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 80 \%$$

$$Y_{20} = (2 + 2 + 1 + 5) / 4 \cdot 5 \cdot 100 = 50 \%$$

– построение рейтингового списка клиентов опрашиваемой группы, в порядке убывания Y_j

параметра удовлетворенности качеством услуги перевозки грузов:

$$1. Y_5 = 100 \%$$

$$2. Y_{18} = 100 \%$$

$$3. Y_{10} = 95 \%$$

$$4. Y_1 = 90 \%$$

$$5. Y_9 = 90 \%$$

$$6. Y_3 = 85 \%$$

$$7. Y_4 = 85 \%$$

$$8. Y_8 = 80 \%$$

$$9. Y_{16} = 80 \%$$

$$10. Y_{19} = 80 \%$$

$$11. Y_{13} = 75 \%$$

$$12. Y_{15} = 75 \%$$

$$13. Y_7 = 70 \%$$

$$14. Y_{11} = 70 \%$$

$$15. Y_{14} = 65 \%$$

$$16. Y_{12} = 60 \%$$

$$17. Y_2 = 55 \%$$

$$18. Y_6 = 55 \%$$

$$19. Y_{17} = 55 \%$$

$$20. Y_{20} = 50 \%$$

– интегральная оценка удовлетворенности качеством услуги перевозки грузов:

$$Y = (75 + 76 + 71 + 81) / 4 = 75,75.$$

Таблица 3

Общая оценка уровня удовлетворенности в отношении параметров качества услуги перевозки грузов.

№ п/п	Наименование потребителя	Параметры качества услуги перевозки грузов				Удовлетворенность <i>j</i> -го потребителя всеми параметрами качества услуги перевозки грузов
		Соблюдение сроков доставки	Скорость перевозки	Сохранность грузов	Информационное сопровождение	
1	2	3	4	5	6	7
1.	1	25	15	25	25	90
2.	2	25	0	5	25	55
3.	3	25	15	25	20	85
4.	4	10	25	25	25	85
5.	5	25	25	25	25	100
6.	6	20	15	20	0	55
7.	7	10	25	10	25	70
8.	8	25	20	25	10	80
9.	9	25	25	15	25	90
10.	10	25	25	20	25	95
11.	11	5	25	15	25	70
12.	12	10	25	25	0	60
13.	13	20	25	25	5	75
14.	14	25	15	0	25	65
15.	15	10	15	25	25	75
16.	16	25	25	5	25	80
17.	17	15	0	20	20	55
18.	18	25	25	25	25	100
19.	19	15	25	15	25	80
20.	20	10	10	5	25	50
21.	Удовлетворенность всех потребителей в отношении <i>i</i> -го параметра качества	75	76	71	81	Интегральная оценка 75,75

Оценка удовлетворенности качеством дополнительных услуг:

– определим наличие проблем в отношении параметров качества дополнительных работ и услуг (табл. 4):

$$H1 = (0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1 + 0 + 1 + 1 + 0 + 0 + 1 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 0) / 20 * 100 = 45 \%;$$

$$H2 = (0 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1) / 20 * 100 = 30 \%;$$

$$H3 = (1 + 0 + 1 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1) / 20 * 100 = 45 \%;$$

$$H4 = (0 + 0 + 1 + 1 + 1 + 1 + 0 + 1 + 1 + 1 + 1 + 0 + 0 + 1 + 1 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0) / 20 * 100 = 55 \%;$$

$$H5 = (0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 0 + 0 + 1 + 0 + 1 + 1 + 1 + 0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0) / 20 * 100 = 35 \%.$$

Таблица 4

Оценка грузовладельцами параметров качества дополнительных работ и услуг, оказываемых в ОАО «РЖД» при организации перевозок грузов

№ п/п	Наименование потребителя	Выполнение заявок и условий договора на дополнительные работы и услуги	Выполнение работ и услуг в установленные сроки	Отсутствие ошибок при выполнении дополнительных работ и услуг	Сохранность грузов	Ассортимент дополнительных услуг
1	2	3	4	5	6	7
1.	1	0	0	1	0	0
2.	2	0	0	0	0	0
3.	3	1	0	1	1	1
4.	4	0	0	0	1	0
5.	5	1	1	1	1	1
6.	6	1	0	0	1	0
7.	7	0	1	0	0	0
10.	10	0	0	1	1	1
11.	11	0	0	0	1	1
12.	12	1	1	1	0	1
13.	13	1	0	1	0	0
14.	14	0	0	0	1	0

1	2	3	4	5	6	7
15.	15	0	0	0	1	1
16.	16	0	0	0	0	0
17.	17	1	0	1	0	0
18.	18	0	1	0	0	0
19.	19	1	0	1	1	0
20.	20	0	1	1	0	0
21.	Итого	45	30	45	55	35

– выявим значимость качества дополнительных работ и услуг (табл. 5):

$$Z1 = (0 + 0 + 2 + 0 + 3 + 2 + 0 + 1 + 5 + 0 + 0 + 4 + 1 + 0 + 0 + 0 + 3 + 0 + 4 + 0) / 20 * 100 = 125 \%;$$

$$Z2 = (0 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 5 + 2 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 0 + 4 + 0 + 2) / 20 * 100 = 75 \%;$$

$$Z3 = (2 + 0 + 2 + 0 + 3 + 0 + 0 + 0 + 0 + 1 + 0 + 4 + 4 + 0 + 0 + 0 + 3 + 0 + 2 + 1) / 20 * 100 = 110 \%;$$

$$Z4 = (0 + 0 + 2 + 3 + 4 + 5 + 0 + 2 + 2 + 1 + 5 + 0 + 0 + 3 + 4 + 0 + 0 + 0 + 2 + 0) / 20 * 100 = 165 \%;$$

$$Z5 = (0 + 0 + 3 + 0 + 1 + 0 + 0 + 2 + 0 + 4 + 5 + 4 + 0 + 0 + 1 + 0 + 0 + 0 + 0 + 0) / 20 * 100 = 100 \%.$$

Таблица 5

Оценка грузовладельцами уровня значимости оцениваемых параметров качества дополнительных работ и услуг, оказываемых в ОАО «РЖД» при организации перевозок грузов

№ п/п	Наименование потребителя	Выполнение заявок и условий договора на дополнительные работы и услуги	Выполнение работ и услуг в установленные сроки	Отсутствие ошибок при выполнении дополнительных работ и услуг	Сохранность грузов	Ассортимент дополнительных услуг
1.	1	0	0	2	0	0
2.	2	0	0	0	0	0
3.	3	2	0	2	2	3
4.	4	0	0	0	3	0
5.	5	3	1	3	4	1
6.	6	2	0	0	5	0
7.	7	0	5	0	0	0
8.	8	1	2	0	2	2
9.	9	5	0	0	2	0
10.	10	0	0	1	1	4
11.	11	0	0	0	5	5
12.	12	4	1	4	0	4
13.	13	1	0	4	0	0
14.	14	0	0	0	3	0
15.	15	0	0	0	4	1
16.	16	0	0	0	0	0
17.	17	3	0	3	0	0
18.	18	0	4	0	0	0
19.	19	4	0	2	2	0
20.	20	0	2	1	0	0
21.	Итого	125	75	110	165	100

– общая оценка удовлетворенности качеством дополнительных услуг (табл. 6);

$$Y1 = (5 + 5 + 3 + 5 + 2 + 3 + 5 + 4 + 0 + 5 + 5 + 1 + 4 + 5 + 5 + 5 + 2 + 5 + 1 + 5) / 20 * 5 * 100 = 75 \%;$$

$$Y2 = (5 + 5 + 5 + 5 + 4 + 5 + 0 + 3 + 5 + 5 + 5 + 4 + 5 + 5 + 5 + 5 + 1 + 5 + 3) / 20 * 5 * 100 = 85 \%;$$

$$Y3 = (3 + 5 + 3 + 5 + 2 + 5 + 5 + 5 + 5 + 4 + 5 + 1 + 1 + 5 + 5 + 5 + 2 + 5 + 3 + 4) / 20 * 5 * 100 = 78 \%;$$

$$Y4 = (5 + 5 + 3 + 2 + 1 + 0 + 5 + 3 + 3 + 4 + 0 + 5 + 5 + 2 + 1 + 5 + 5 + 5 + 3 + 5) / 20 * 5 * 100 = 67 \%;$$

$$Y5 = (5 + 5 + 2 + 5 + 4 + 5 + 5 + 3 + 5 + 1 + 0 + 1 + 5 + 5 + 4 + 5 + 5 + 5 + 5 + 5) / 20 * 5 * 100 = 80 \%.$$

– построение рейтингового списка параметров, влияющих на удовлетворенность качеством услуги перевозки грузов в порядке убывания Y_i :

– удовлетворенность всех потребителей в отношении i -го параметра качества:

$$Y2 = 85 \%;$$

$$Y5 = 80 \%;$$

$$Y_3 = 78 \%;$$

$$Y_4 = 67 \%;$$

$$Y_1 = 75 \%;$$

– удовлетворенность j -го потребителя всеми параметрами качества услуги перевозки грузов:

$$Y_1 = (5 + 5 + 3 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 92 \%;$$

$$Y_2 = (5 + 5 + 5 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 100 \%;$$

$$Y_3 = (3 + 5 + 3 + 3 + 2) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 64 \%;$$

$$Y_4 = (5 + 5 + 5 + 2 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 88 \%;$$

$$Y_5 = (2 + 4 + 2 + 1 + 4) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 52 \%;$$

$$Y_6 = (3 + 5 + 5 + 0 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 72 \%;$$

$$Y_7 = (5 + 0 + 5 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 80 \%;$$

$$Y_8 = (4 + 3 + 5 + 3 + 3) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 72 \%;$$

$$Y_9 = (0 + 5 + 5 + 3 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 72 \%;$$

$$Y_{10} = (5 + 5 + 4 + 4 + 1) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 76 \%;$$

$$Y_{11} = (5 + 5 + 5 + 0 + 0) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 60 \%;$$

$$Y_{12} = (1 + 4 + 1 + 5 + 1) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 48 \%;$$

$$Y_{13} = (4 + 5 + 1 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 80 \%;$$

$$Y_{14} = (5 + 5 + 5 + 2 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 88 \%;$$

$$Y_{15} = (5 + 5 + 5 + 1 + 4) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 80 \%;$$

$$Y_{16} = (5 + 5 + 5 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 100 \%;$$

$$Y_{17} = (2 + 5 + 2 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 76 \%;$$

$$Y_{18} = (5 + 1 + 5 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 84 \%;$$

$$Y_{19} = (1 + 5 + 3 + 3 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 68 \%;$$

$$Y_{20} = (5 + 3 + 4 + 5 + 5) / 5 \cdot 5 \cdot 100 = 88 \%;$$

Таблица 6

Общая оценка уровня удовлетворенности в отношении параметров качества дополнительных услуг

№ п/п	Наименование потребителя	Параметры качества дополнительных услуг					Удовлетворенность j -го потребителя всеми параметрами качества дополнительных услуг
		Выполнение заявок и условий договора на дополнительные работы и услуги	Выполнение работ и услуг в установленные сроки	Отсутствие ошибок при выполнении дополнительных работ и услуг	Сохранность грузов	Ассортимент дополнительных услуг	
1.	1	20	20	12	20	20	92
2.	2	20	20	20	20	20	100
3.	3	12	20	12	12	8	64
4.	4	20	20	20	8	20	88
5.	5	8	16	8	4	16	52
6.	6	12	20	20	0	20	72
7.	7	20	0	20	20	20	80
8.	8	16	12	20	12	12	72
9.	9	0	20	20	12	20	72
10.	10	20	20	16	16	4	76
11.	11	20	20	20	0	0	60
12.	12	4	16	4	20	4	48
13.	13	16	20	4	20	20	80
14.	14	20	20	20	8	20	88
15.	15	20	20	20	4	16	80
16.	16	20	20	20	20	20	100
17.	17	8	20	8	20	20	76
18.	18	20	4	20	20	20	84
19.	19	4	20	12	12	20	68
20.	20	20	12	16	20	20	88
21.	Удовлетворенность всех потребителей в отношении i -го параметра качества	75	85	78	67	80	Интегральная оценка 77

– построение рейтингового списка клиентов опрашиваемой группы, в порядке убывания

Y_j параметра удовлетворенности качеством услуги перевозки грузов:

1. $Y_2 = 100 \%$
2. $Y_{16} = 100 \%$
3. $Y_1 = 92 \%$
4. $Y_4 = 88 \%$
5. $Y_{14} = 88 \%$
6. $Y_{20} = 88 \%$
7. $Y_{18} = 84 \%$
8. $Y_7 = 80 \%$
9. $Y_{13} = 80 \%$
10. $Y_{15} = 80 \%$

11. $Y_{10} = 76 \%$
12. $Y_{17} = 76 \%$
13. $Y_6 = 72 \%$
14. $Y_8 = 72 \%$
15. $Y_9 = 72 \%$
16. $Y_{19} = 68 \%$
17. $Y_3 = 64 \%$
18. $Y_{11} = 60 \%$
19. $Y_5 = 52 \%$
20. $Y_{12} = 48 \%$

– интегральная оценка удовлетворенности качеством услуги перевозки грузов:

$$Y = (75 + 85 + 78 + 67 + 80) / 5 = 77.$$

Оценка удовлетворенности качеством транспортно-логистических услуг:

$$УД = (75,75 + 77) / 2 = 76,375.$$

Исследование лояльности. Проведен опрос среди 20 клиентов ОАО «РЖД» (табл. 7).

Таблица 7

Форма анкеты для оценки лояльности клиента

№ п/п	Оценка Клиент	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	1										✓	
2.	2											✓
3.	3									✓		
4.	4											✓
5.	5										✓	
6.	6								✓			
7.	7										✓	
8.	8									✓		
9.	9							✓				
10.	10											✓
11.	11									✓		
12.	12								✓			
13.	13											✓
14.	14										✓	
15.	15											✓
16.	16										✓	
17.	17									✓		
18.	18											✓
19.	19								✓			
20.	20											✓

– используя шкалу от 0 до 10, рассчитаем индекс лояльности – NPS:

$$NPS = 55 \%;$$

– определим процент лояльных клиентов:

$$\text{Процент лояльных клиентов} = 12 / 20 * 100 = 60 \%;$$

$$\text{Var}(NPS) = (1 - 55 / 100)^2 * 12 / 20 + (0 - 55 / 100)^2 * 7 / 20 + ((-1) - 55 / 100)^2 * 1 / 20 = 0,3475.$$

Рассчитанная погрешность измерения NPS (E) в процентах показывает диапазон оценок NPS. Например, NPS равна 55 %, а погрешность измерения составляет 13,2 %, это означает, что реальное значение NPS с вероятностью 95 % находится в пределах 41,8 % до 68,2 % [4, с. 15–22].

Таким образом, проведенные исследования отразили недостаточно высокий уровень качества транспортных услуг: оценка удовлетворенности потребителей грузовых перевозок равна 76,375, а

Литература:

1. Соколов Ю.И. Повышение качества транспортного обслуживания / Ю.И. Соколов, И.М. Лавров // Экономика железных дорог. 2015. № 8. С. 76–81.
2. Методы анализа индекса качества транспортного обслуживания грузовладельцев / Ю.И. Соколов, И.М. Лавров, О.А. Аверьянова, Н.А. Чередников // Экономика железных дорог. 2019. № 4. С. 19–27.
3. Соколов Ю.И. Комплексная оценка индикаторов качества на железнодорожном транспорте /

– определим процент нелояльных клиентов:

$$\text{Процент нелояльных клиентов} = 1 / 20 * 100 = 5 \%;$$

– для корректности полученных результатов рассчитаем погрешность измерения NPS (E):

$$E = 13,2 \%;$$

индекс лояльности равен 55 %. В случае с удовлетворенностью качеством транспортно-логистических услуг, необходимо разработать мероприятия, направленные на повышение качества сохранности грузов, т.к. данным параметром больше всего остались недовольны потребители. Лояльность клиентов, в свою очередь, зависит от удовлетворенности оказываемых услуг, следовательно, повышая уровень удовлетворенности, повысится и уровень лояльности.

Literature:

1. Sokolov Yu.I. M. Improving the quality of transport services / Yu.I. Sokolov, I. Lavrov // Economics of railways. 2015. № 8. P. 76–81.
2. Methods for analyzing the quality index of transport services for cargo owners / Yu.I. Sokolov, I.M. Lavrov, O.A. Averyanova, N.A. Cherednikov // Economics of railways. 2019. № 4. P. 19–27.
3. Sokolov Yu.I. Comprehensive assessment of quality indicators in railway transport / Yu.I. Sokolov,

Ю.И. Соколов, И.М. Лавров // Экономика железных дорог. 2018. № 3. С. 24–34.

4. Соколов Ю.И. Стратегии транспортной компании в сфере обеспечения качества обслуживания грузовладельцев / Ю.И. Соколов, А.А. Бобунова // Экономика железных дорог. 2021. № 3. С. 15–22.

I.M. Lavrov // Economics of Railways. 2018. № 3. P. 24–34.

4. Sokolov Yu.I. Strategies of a transport company in the field of ensuring the quality of service for cargo owners / Yu.I. Sokolov, A.A. Bobunova // Economics of Railways. 2021. № 3. P. 15–22.

Соколов Юрий Игоревич

доктор экономических наук,
профессор,
директор института экономики и финансов,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
jurysokolov@yandex.ru

Иванов Артем Владимирович

аспирант кафедры финансов и кредита,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
artem1994352@yandex.ru

Егоров Сергей Владимирович

старший преподаватель
кафедры информационных систем
цифровой экономики,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
sergey.egorov@miit-ief.ru

**СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДИКА
ОЦЕНКИ И КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА
НА ТРАНСПОРТНОМ ПРЕДПРИЯТИИ**

Аннотация. В процессе управления качеством продукции обязательно нужно выделять время и место такому процессу как контроль качества. Работа по оценке удовлетворенности потребителей услуг в области грузовых перевозок ОАО «РЖД» должна обеспечить повышение эффективности управления качеством услуг в области грузовых перевозок за счет поддержки полного цикла отношений с клиентами, что будет способствовать привлечению новых клиентов, удержанию существующих, возврату «ушедших» клиентов на альтернативные виды транспорта.

Ключевые слова: ОАО «РЖД», оценка качества, контроль качеством, железнодорожный транспорт, транспортное обслуживание, экономические показатели.

В процессе управления качеством продукции обязательно нужно выделять время и место такому процессу, как контроль качества.

Рассмотрим процесс оценки и контроля качества оказываемых транспортных услуг на примере методики, используемой в крупнейшей Российской транспортной компании – ОАО «РЖД».

Для начала необходимо отметить, что миссия холдинга «РЖД» заключается в эффективном развитии конкурентоспособного на российском и мировом рынках транспортного бизнеса с учетом реализации ответственности национального

Yury I. Sokolov

Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Director of the Institute
of Economics and Finance
Russian University of Transport (MIIT)
jurysokolov@yandex.ru

Artem V. Ivanov

Graduate Student of the Department
of Finance and Credit,
Russian University of Transport (MIIT)
artem1994352@yandex.ru

Sergey V. Egorov

Senior Lecturer
Departments of Information Systems
Digital Economy,
Russian University of Transport (MIIT)
sergey.egorov@miit-ief.ru

**MODERN METHODS OF QUALITY
ASSESSMENT AND CONTROL
AT A TRANSPORT ENTERPRISE**

Annotation. In the process of product quality management, it is necessary to allocate time and space to such a process as quality control. The work on assessing the satisfaction of consumers of services in the field of freight transportation of Russian Railways should ensure an increase in the efficiency of quality management of services in the field of freight transportation by supporting a full cycle of customer relations, which will help attract new customers, retain existing ones, and return «gone» customers to alternative modes of transport.

Keywords: Russian Railways, quality assessment, quality control, railway transport, transport services, economic indicators.

перевозчика и владельца железнодорожной инфраструктуры, поддерживая конкурентоспособный уровень соотношения «цена-качество». Развитие конкурентоспособности связано с удовлетворением потребностей субъектов национальной экономики в перевозках грузов и пассажиров и повышением качества оказываемых услуг. В свою очередь повышение качества оказываемых услуг напрямую связано со степенью удовлетворенности клиентов.

От уровня удовлетворенности клиента зависит его лояльность и готовность к совершению повторных покупок товаров/услуг компании.

Удержание удовлетворенного клиента, превращая его в лояльного, является эффективным способом сохранения клиентской базы и повышения доходности для обслуживаемой компании [1, с. 83–86].

Целями оценки удовлетворенности потребителей услуг в области грузовых перевозок (клиентов) являются:

- получить представление о ценностных предпочтениях клиентов при выборе вида транспорта для перевозки;
- своевременно принимать решения, связанные с повышением качества предоставления услуг в области грузовых перевозок;
- идентифицировать риски ухода клиентов на другие виды транспорта.

Технология исследования качества оказываемых транспортных услуг по представленной методике может предусматривать:

- анкетирование;
- телефонный опрос;
- анализ обращений, поступивших в Единый call-центр ОАО «РЖД» по грузовым перевозкам или на сайт URL : <http://cargo.rzd.ru>

В данной методике оценки удовлетворенности потребителей услуг в области грузовых перевозок проводятся следующие варианты исследований:

- исследование уровня общей удовлетворенности;
- исследование уровня удовлетворенности качеством и ассортиментом услуг;
- исследование уровня удовлетворенности стоимостью услуг;
- исследование уровня удовлетворенности взаимодействием с ОАО «РЖД»;
- исследование уровня лояльности клиентов.

Исследование уровня удовлетворенности на практике предусматривает два этапа, которые повторяются 2 раза в году:

Этап 1. Исследование уровня общей удовлетворенности всех обследуемых клиентов и выявление проблемных зон их удовлетворенности. Результатом исследования будет являться оценка общей удовлетворенности и локальных показателей, а также формирование списка из числа опрошенных клиентов, наименее удовлетворенных выполнением группой оцененных параметров. На основе анализа результатов исследования формируются мероприятия для повышения удовлетворенности потребителей услуг в области грузовых перевозок.

Этап 2. Исследование отдельных аспектов удовлетворенности по выявленной проблемной зоне

в предыдущей фазе. В список опрашиваемых клиентов включают 10 наименее удовлетворенных клиентов по результатам опроса предыдущего этапа в отношении общей удовлетворенности и 10 клиентов наименее удовлетворенных в отношении отдельного аспекта, выбранного для исследования на данном этапе, а также включают неопрошенных в предыдущей фазе клиентов для 10 % охвата.

Одними из основных показателей оценки удовлетворенности потребителей являются: удовлетворенность качеством услуг и лояльность.

Оценка удовлетворенности качеством транспортно-логистических услуг определяется как средняя арифметическая от суммы интегральной оценки удовлетворенности качеством услуг перевозки грузов и интегральной оценки удовлетворенности качеством дополнительных услуг [2, с. 15–22].

Оценка удовлетворенности потребителей в отношении качества услуги по перевозке грузов производится на основе наличия проблем по установленным параметрам (показателям) услуги, к которым относятся:

- соблюдение сроков доставки;
- скорость перевозки;
- сохранность грузов;
- оперативное информационное сопровождение.

Оценка удовлетворенности качеством дополнительных работ и услуг определяется аналогично удовлетворенности качеством услуг по перевозке грузов.

Исследование уровня лояльности клиентов проводится 4 раза в году: в феврале, марте, июне и сентябре. По результатам данного исследования формируются списки опрашиваемых клиентов для того, чтобы сделать выводы об изменении лояльности клиентов с низким уровнем, выявленным в последнем опросе. Исследование уровня лояльности может быть совмещено с исследованием уровня удовлетворенности клиентов [3, с. 33–36].

Исследование лояльности клиентов предусматривает их идентификацию:

- лояльные клиенты (Л);
- пассивные клиенты (П);
- нелояльные клиенты (Н).

Лояльные клиенты – это клиенты, которые регулярно пользуются услугами конкретной транспортной, положительно откликаются о работе компании, о работниках и сервисе, в состоянии рекомендовать предприятие людям, повышают общий рейтинг компании.

Пассивные клиенты – это удовлетворенные клиенты компании, но не имеют энтузиазма

положительно говорить о представленных компанией услуг. Нередко сравнивают разные компании, в состоянии выбрать компанию конкурента, если увидят в ней более выгодные условия.

Нелояльные клиенты – клиенты, способный нанести ущерб компании отрицательными высказываниями.

Используя шкалу от 0 до 10, индекс лояльности (NPS) рассчитывается как разница между долей лояльных и нелояльных клиентов, выраженной в процентах от числа опрошенных (формула (1)):

$$NPS = \text{Процент Л} - \text{Процент Н}, \quad (1)$$

Процент лояльных клиентов определяется как отношение суммы лояльных клиентов к количеству всех клиентов, участвующих в опросе, умноженное на 100% (формула (2)).

$$\text{Процент лояльных клиентов} = \frac{\sum L}{B} * 100\%, \quad (2)$$

Процент нелояльных клиентов определяется как отношение суммы нелояльных клиентов к количеству всех клиентов, участвующих в опросе, умноженное на 100 % (формула (3)).

$$\text{Процент нелояльных клиентов} = \frac{\sum H}{B} * 100\%, \quad (3)$$

Для корректности полученных результатов целесообразно производить расчет погрешности измерения NPS (E), которая рассчитывается как корень из дисперсии Var (NPS), деленный на корень из общего количества полученных ответов (формула (4)):

$$E = \frac{\sqrt{\text{Var}(NPS)}}{\sqrt{B}} * 100, \quad (4)$$

где $\sqrt{\text{Var}(NPS)}$ – корень из дисперсии Var (NPS);

\sqrt{B} – корень из общего количества полученных ответов.

Дисперсия Var (NPS) определяется по формуле (5):

$$\text{Var}(NPS) = \left(1 - \frac{NPS}{100}\right)^2 * \frac{L}{B} + \left(0 - \frac{NPS}{100}\right)^2 * \frac{П}{B} + \left((-1) - \frac{NPS}{100}\right)^2 * \frac{H}{B}, \quad (5)$$

где L – количество лояльных клиентов; П – количество пассивных клиентов; Н – количество нелояльных клиентов; B – общее количество клиентов, участвовавших в опросе.

Рассчитанная погрешность измерения NPS (E) в процентах показывает диапазон оценок NPS.

Показатель лояльности потребителей транспортно-логистических услуг ОАО «РЖД» изменяется в зависимости от степени удовлетворенности клиентов. Таким образом, барьерами лояльности могут стать показатели удовлетворенности качеством, стоимостью услуг, а также удовлетворенности взаимодействием с ОАО «РЖД».

Чем выше процент лояльных клиентов, тем выше NPS компании. Следовательно, чем больше положительной информации о компании получает рынок, тем больше потенциальных клиентов выберут сотрудничество с ОАО «РЖД».

Литература:

1. Соколов Ю.И. Экономико-математическая модель зависимости объема перевозок от качества обслуживания грузовладельцев / Ю.И. Соколов, И.М. Лавров, М.В. Ишханян // Транспортное дело России. 2021. № 1. С. 83–86.
2. Соколов Ю.И. Стратегии транспортной компании в сфере обеспечения качества транспортного обслуживания грузовладельцев / Ю.И. Соколов, А.А. Бобунова // Экономика железных дорог. 2021. № 3. С. 15–22.
3. Внетранспортный эффект при управлении качеством на железнодорожном транспорте / Ю.И. Соколов [и др.] // Транспортное дело России. 2018. № 6. С. 33–36.

Literature:

1. Sokolov Yu.I. An economic-mathematical model of the dependence of the volume of transportation on the quality of service for cargo owners / Yu.I. Sokolov, I.M. Lavrov, M.V. Ishkhanyan // Transport business of Russia. 2021. № 1. P. 83–86.
2. Sokolov Yu.I. The transport company strategy in the field of ensuring the service quality for cargo owners / Yu.I. Sokolov, A.A. Bobunova // Ekonomika zheleznih dorog [Railways Economy]. 2021. № 3. P. 15–22.
3. Off-transport effect in quality management of railway transport / Yu.I. Sokolov [et al.] // Transportnoe delo Rossii [Transport Business in Russia]. 2018. № 6. P. 33–36.

Соколов Юрий Игоревич
доктор экономических наук,
профессор,
директор института экономики и финансов,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
jurysokolov@yandex.ru

Иванов Артем Владимирович
аспирант кафедры финансов и кредита,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
artem1994352@yandex.ru

Егоров Сергей Владимирович
старший преподаватель
кафедры информационных систем
цифровой экономики,
Российский университет транспорта
(МИИТ)
sergey.egorov@miit-ief.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ

Аннотация. Железнодорожная система взаимодействует практически со всеми сферами материального производства. За счет тесного взаимодействия она имеет определенное влияние на все отрасли. Несмотря на значительное развитие авиатранспорта, водной системы, железная дорога до сих пор остается лидирующей в стране за счет колоссальных масштабов перевозок. Это достигается огромной транспортоемкостью. Поэтому игнорировать данную систему в сфере экономики не рекомендуется. Положительное или отрицательное влияние формируется от уровня качества обслуживания грузовладельцев.

Ключевые слова: транспортное обслуживание, управление качеством, железнодорожный транспорт, экономическая эффективность, грузовые перевозки, показатели качества.

Менеджмент качества – это согласованная, комплексная оценка качества перевозочного процесса, работа над улучшением транспортного обслуживания, которые формируются из принятых стандартов качества, при этом учитывая платежеспособность клиентской базы.

Экономико-технологические особенности и их влияние на менеджмент качества обслуживания железнодорожного транспорта. Транспортная сфера изобилует специфическими свойствами, которые определяются производственно-

Yury I. Sokolov
Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Director of the Institute
of Economics and Finance,
Russian University of Transport (MIIT)
jurysokolov@yandex.ru

Artem V. Ivanov
Graduate Student in the Department
of Finance and Credit,
Russian University of Transport (MIIT)
artem1994352@yandex.ru

Sergey V. Egorov
Senior Lecturer Information Systems
of the Digital Economy,
Russian University of Transport (MIIT)
sergey.egorov@miit-ief.ru

ECONOMIC SUBSTANTIATION OF TRANSPORT INDICATORS IN THE PROCESS OF QUALITY MANAGEMENT

Annotation. The railway system interacts with almost all areas of material production. Due to close interaction, it has an impact on all industries. Despite the significant development of air transport, the water system, the railway still remains unchanged in the country due to colossal large-scale transportation. This ensures high transport capacity. Therefore, it is not recommended to ignore this system in the field of economics. A positive or negative impact affects the level of quality of service for cargo owners.

Keywords: transport service, quality management, railway transport, economic efficiency, freight traffic, quality indicators.

экономическими процессами, включая качество предоставленных услуг и продукции. На сегодняшний день – это одна из наиболее развитых и распространенных отраслей материального производства [1, с. 14–17].

Чтобы понять специфику свойств железнодорожного транспорта, подробнее рассмотрим особенности экономико-технологического характера:

– транспортный ресурс имеет тесное взаимодействие с большинством отраслей народного

хозяйства. Во многом, именно доступность транспортной развязки может стать фундаментальным фактором, который в состоянии повлиять на социальные, экологические, экономические проблемы хозяйства. Транспорт при взаимодействии с хозяйствами, формируется, как еще один элемент рыночных отношений, что в состоянии повлиять на конечную цену производимой продукции хозяйств;

– в основном, материальными затратами на транспорт называют расходы на топливо, электроэнергию. Если немного внимательнее рассмотреть транспортную природу отрасли, то легко заметить, что она не производит никакой продукции. Абсолютно весь спектр функционирования транспорта заключается в предоставлении услуг. В общем, в современности, текущие затраты представлены энергетическими ресурсом, амортизационными отчислениями и зарплатой для водителя (последние два пункта представляют более 60% всех затрат). Несмотря на отсутствие собственной продукции, транспорт можно назвать достаточно дорогой отраслью народного хозяйства. В первую очередь это обусловлено тем, что транспорт является весьма капиталоемкой и фондоемкой отраслью. Для него характерны продолжительные сроки проектирования, создания и функционирования основных фондов;

– достаточно редко расстояние между производителем и потребителем можно преодолеть одним маршрутом. Чаще всего производится процедура разъединения мест погрузки и выгрузки. За счет этого весь маршрут перевозок может состоять с двух или более железнодорожных дорог;

– возможность конкуренции ограничена территориальной взаимозаменяемостью объектов транспорта и их пространственно-сетевым характером;

– функционирование транспортных объектов обладает свойством инерционности. Это возможность экономии затрачиваемых ресурсов на перевозку. При этом качество транспортируемой продукции существенно падает, но за счет перегрузок и создания видимости стопроцентного удовлетворения потребностей, это может игнорироваться;

– из-за тесного взаимодействия большого количества зависимых элементов, транспортная система получает возможность решения разных задач несколькими способами. Однако заметное отражение проявляется в тех отраслях, которые частично зависят от транспортной системы;

– в силу внушительного значения железнодорожной транспортной системы в экономике страны, проводить сбор данных и анализ результативности работ достаточно сложно. В данном случае эту сложность обеспечивает особая документальная процедура о сохранности информации. Помимо этого, ценность железной дороги еще и негативно влияет на использование рекламных инструментов реализации рыночных цен, что будут позволять компенсировать все

затраты, как на обслуживание, так и на транспортировку продукции;

отличительная особенность железнодорожного транспорта в том, что все необходимые затраты на создание, содержание и поддержание инфраструктуры возлагаются на пользователей. То есть, необходимые издержки уже присутствуют в конечной цене транспортных услуг. К примеру, в сфере автомобильного транспорта практически все издержки возлагаются на владельцев автомобилей (основные финансовые затраты – это транспортный налог). Проще говоря, налогообложение автомобильного транспорта не касается оплаты услуг клиентами, в то время, как железнодорожная система диаметрально противоположная. Если же рассматривать авиационный и водный транспорт, то можно заметить, что серьезного внимания со стороны государства они не имеют из-за несопоставимых масштабов. Из-за таких особенностей, железнодорожный транспорт не в состоянии создавать конкурентоспособность другим видам транспорта;

на большей территории России железнодорожный транспорт считается монополистом. Из-за существенных расстояний, сложности инфраструктуры Северных регионов России, Сибири и Дальнего Востока, железнодорожному транспорту никто не в состоянии создать достойную конкуренцию. Из этого можно сделать вывод, что транспортный рынок никак не может функционировать на основах классической модели конкуренции. Это также зафиксировано в Федеральном законе от 17.08.1995 г. «147-ФЗ «О естественных монополиях».

Чтобы понимать последнее суждение, немного подробнее разберемся с понятием естественная монополизация. Это уникальное состояние товарного рынка, когда конкурентная система менее эффективна, чем монополизация. Обращая внимание на технологические особенности производства, при естественной монополизации все производимые товары не могут быть замещены альтернативными решениями.

На территории России самыми развитыми естественными монополиями являются:

– железнодорожные перевозки;

– транспортировка газа;

– транспортировка электроэнергии;

– транспортировка нефти и нефтепродуктов.

Менее масштабными монополистами на территории страны – аэропорты, морские порты и терминалы.

Регулирование железнодорожной системы государством – это состояние транспортного рынка, который функционирует и развивается ради реализации задач национальной экономики. Для любой страны приоритетом будет развитие экономики и социальных институтов, поэтому и происходит вмешательство государственных комитетов в регулировании транспортного рынка. За

счет этого вмешательства ключевыми интересами функционирования транспортной системы будет гарантия общественной безопасности, и обеспечение транспортными ресурсами оптимизации государственной экономики.

Данный контроль позволяет создавать условия справедливой конкуренции, а также толчок хозяйственного развития в сферах, где существует естественная монополия; транспортное производство относится к материальному сегменту экономики, при этом ничего материального не создавая. В его задачах – перемещение реальной продукции других отраслей к дальнейшим точкам реализации, до тех пор, пока продукция не окажется в руках конечного потребителя. При этом важно понимать, что стоимость транспортных услуг будет включаться в конечную стоимость продукции, хотя сами характеристики товара остаются неизменными.

Такая природа транспортного рынка лучше всего характеризуется так называемой пятеркой «не»: непостоянство уровня качества, невзаимозаменяемостью, неотделимостью от истоков, неосязаемостью в пространстве и несохраняемостью [2, с. 121–131].

Специфика качества транспортного обслуживания зависит от нижеперечисленных особенностей:

- не вещественный характер транспортных услуг не дает в полной мере дать количественную оценку качества перевозок. В данном случае, присутствует только небольшая перечень косвенных и синтетических характеристик, которые можно использовать для оценки. Поэтому и оценка вряд ли будет объективно отражать истинное качество транспортных услуг. В связи с этим используется комплексный подход, позволяющий сопоставлять оценочные данные насчет качества транспортных услуг;

- если во время производства материального товара (до его реализации) удастся обнаружить некоторый процент брака, то еще присутствует возможность его замены на соответствующее количество надлежащего качества. Одновременность процессов производства и потребления на транспорте в свою очередь приводит к невозможности такого подхода.

В конечном счете, большую роль в менеджменте качества на транспорте играет процессный подход. Важно ключевое внимание уделять не контролю качества произведенной продукции, а обеспечить слаженную систему технологических процессов (погрузка, разгрузка, отчетность принимаемого на транспорт товара и так далее). Чем качественнее исследуемые процессы, тем риск столкнуться с неожиданными затратами будет снижаться; известно, что в длинной цепочке переработки сырья в готовую продукцию участвует достаточное количество предприятий. Практически во всех сформированных цепочках имеет место транспортная отрасль, которая, как уже удалось убедиться, тоже способна влиять на экономическое развитие. Так вот, если хотя бы одно

звено этой цепочки некачественно выполнит возложенные на него функции, то продукция существенно ухудшится. Все имеющиеся звенья данной цепочки понесут ущерб из-за ошибки только на одном этапе производства. Это говорит о том, что транспортная функция не менее важна, чем прочие; современная железнодорожная дорога еще не настолько оперативна, чтобы моментально реагировать на внезапные колебания рынка, а это создает дополнительные угрозы при управлении качеством. Первое, что серьезно может повлиять на данные показатели – это внезапная тенденция снижения спроса продукции на рынке. Так как транспортировка занимает некоторое время, реагировать на колебания рыночных отношений и спросов сложно. Второй момент – между повышением качества транспортного обслуживания и положительной реакцией рынка может быть некоторое временное отставание [3, 103–115].

Чтобы данные факторы не наносили существенного материального урона промышленности, необходимо вести тщательный учет:

- сопоставлять состояние рынка с имеющимся личным потенциалом транспортной отрасли, дабы предугадывать поведение рынка, находить в сроках максимально спокойные периоды;

- для повышения качества рекомендуется выбирать временной интервал, в котором есть возможность анализа всех затрат и полученных результатов, которые зависят от мероприятия.;

- известно, что только треть всех грузов на территории Российской Федерации транспортируется в местном сообщении. Около 70 % – это транспортировка на внушительные расстояния, где возникает необходимость в пространственном разъединении. В данном случае, намного сложнее контролировать качество услуг транспортировки, потому что этим занимается несколько транспортных предприятий. Достаточно важно в такой ситуации тщательно следить не только за качеством услуг транспорта, но и регулярно проводить перепроверку качества товара. В этот перечень входит уверенное крепление груза, отсутствие проблем с документацией, подготовка соответствующей тары и т.д.;

- из-за необходимости государственного регулирования, железнодорожный транспорт оказывается под некоторыми ограничениями. В первую очередь, сюда относится контроль железнодорожных тарифов. Хотя, с одной стороны – это гарантия того, что предприятия не будут повышать цены за транспортировку более ценной продукции, но с другой – происходит искусственное ограничение ценовой конкуренции, делая качество приоритетным инструментом для конкурентоспособности.

Помимо этого, при государственном регулировании дополнительное внимание получают требования к безопасности, гарантиям комфортной транспортировки, а также, поднимается вопрос экологичности производимых транспортных процессов, что тоже влияет на оценивание качества.

Завершившаяся грузоперевозка – это удачный результат. Однако трудно сопоставить менеджмент качества продукции на ЖД транспорте с другими отраслями. В силу специфических особенностей работы транспортной системы, можно найти множество отличий ее от производственной. За счет этого, рекомендуется использовать особую методологию, которая будет эффективной только в сфере грузоперевозок [1, с. 16–21].

Система показателей качества транспортной продукции. Одной из наиболее распространенных просчетов касательно качества на транспорте – это несерьезное отношение предпринимателей, пренебрежение клиентскими интересами в угоду компании – все это последствия недостаточного внимания предприятий к научным разработкам и технологиям, которые формируют транспортно-перевозочный процесс. Нет полноценного понимания того, что значит – научное представление качественной транспортной услуги, на что важно обращать внимание, особенно если присутствуют намерения его модернизации. Несмотря на достаточно давнюю историю железнодорожного транспорта, впервые о качестве транспортного средства заговорил профессор М.Ф. Трихунов в 1977 году. Он впервые начал рассматривать эту проблему, как часть материального производства, как его элемент. По его словам, такая проблема – это совершенно новая сторона, которая ранее никогда не анализировалась производителями и потребителями (пользователями транспортных услуг) [1, с. 22–27].

Литература:

1. *Соколов Ю.И.* Менеджмент качества на железнодорожном транспорте : учеб. пособие. М. : ФГБОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2014. 196 с.
2. *Лавров И.М.* Анализ структурной зависимости параметров качества обслуживания и объема перевозок грузов на железнодорожном транспорте / И.М. Лавров // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 1. С. 121–131.
3. *Лавров И.М.* Методы факторного анализа ключевых показателей качества транспортного обслуживания грузовладельцев на железнодорожном транспорте / И.М. Лавров // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2020. № 2. С. 103–115.

Имея приблизительное представление о качестве транспортного обслуживания, можно вывести основные положения, на которых строится процесс управления качеством в транспортной сфере:

- простота вычисления относительного показателя качества методом соотношения фактического критерия к нормативному. Такое положение позволяет обеспечить сопоставимость результатов расчетов, выполненных для различных видов транспорта, транспортных компаний, вариантов транспортировки и т.п.;
- сочетание стоимостной и натуральной оценки качества, т.е. определения уровня качества, затрат и результатов, связанных с его достижением. Цена перевозки при этом не входит в перечень показателей качества, т.к. качество и цена – это равносильные факторы конкурентоспособности транспортной продукции;
- в приоритете будут находиться интересы потребителя, если все условия технологии процесса перевозки удалось соблюсти;
- направленность работы системы управления качеством на окончательный результат, без необходимости обращать внимание на промежуточные данные;
- соотношение затрат и результатов качества за пределами транспортного обслуживания.

Literature:

1. *Sokolov Yu.I.* Quality management in railway transport : textbook. allowance M. : FGBOU «Educational and methodological center for prescriptions for railway transport», 2014. 196 p.
2. *Lavrov I.M.* Analysis of the structural dependence of the parameters of the quality of service and transportation of goods on railway transport / I.M. Lavrov // ETAP: economic theory, analysis, practice. 2021. № 1. P. 121–131.
3. *Lavrov I.M.* Methods of factor measurement of indicators of quality of service for cargo owners in railway transport / I.M. Lavrov // ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice. 2020. № 2. P. 103–115.

Сюпова Марина Сергеевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
marysia-s@yandex.ru

Бондаренко Наталья Алексеевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
bonna5@mail.ru

**ОЦЕНКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Аннотация. Трудовой потенциал выступает одним из основных элементов населенческого потенциала территории. В работе проведена комплексная оценка состояния трудового потенциала Дальневосточного федерального округа, выделены основные проблемы формирования трудовых ресурсов, рассмотрены основные механизмы закрепления и привлечения трудовых ресурсов на территорию Дальнего Востока России, проведен анализ результатов государственных программ, реализуемых на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: трудовой потенциал, механизмы привлечения и закрепления трудовых ресурсов, Дальневосточный федеральный округ.

В условиях кардинальных изменений и активизации инновационных процессов главным движущим фактором экономического развития территорий становится трудовой потенциал. На фоне усиления межрегиональной конкуренции на рынке рабочей силы, качество трудовых ресурсов региона выступает неким индикатором, отражающим привлекательность территории для жизни и трудовой деятельности. Оценка трудового потенциала территорий позволит выделить его качественные и количественные характеристики, разработать эффективные меры государственного воздействия на его повышение.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) является самым крупным округом страны. Несмотря на многообразие и объем природного богатства, уровень социально-экономического развития субъектов ДФО остается ниже, чем в западных регионах страны. Одной из основных причин столь слабого экономического развития Дальнего

Marina S. Syupova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Theory and National Economy,
Pacific Public University
marysia-s@yandex.ru

Natalia A. Bondarenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Theory and National Economy,
Pacific Public University
bonna5@mail.ru

**ASSESSMENT OF LABOR POTENTIAL
FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT**

Annotation. Labor potential is one of the main elements of the population potential of the territory. The work carried out a comprehensive assessment of the state of the labor potential of the Far Eastern Federal District, identified the main problems of the formation of labor resources, considered the main mechanisms for securing and attracting labor resources to the territory of the Russian Far East, and analyzed the results of state programs implemented in the Far East of Russia.

Keywords: labor potential, mechanisms for attracting and securing labor resources, Far Eastern Federal District.

Востока, на наш взгляд, является дефицит трудовых ресурсов, вызванный слабой заселенностью территории.

Корреляционно-регрессионный анализ, проведенный в ходе исследования, показал, что объемы ВРП имеют прямую зависимость от численности занятого населения на территории и обратную в зависимости от численности безработных. Выявленные взаимосвязи представлены на рисунке 1.

В настоящее время на территории ДФО трудится 3898,6 тыс. человек, что составляет всего чуть более пяти процентов от общей численности занятых в экономике страны. Структурный анализ рабочей силы дальневосточных регионов показал, что почти 70 % экономически активного населения имеет профессиональное образование. Значительная часть занятых и безработных – это люди в возрасте до 40 лет.

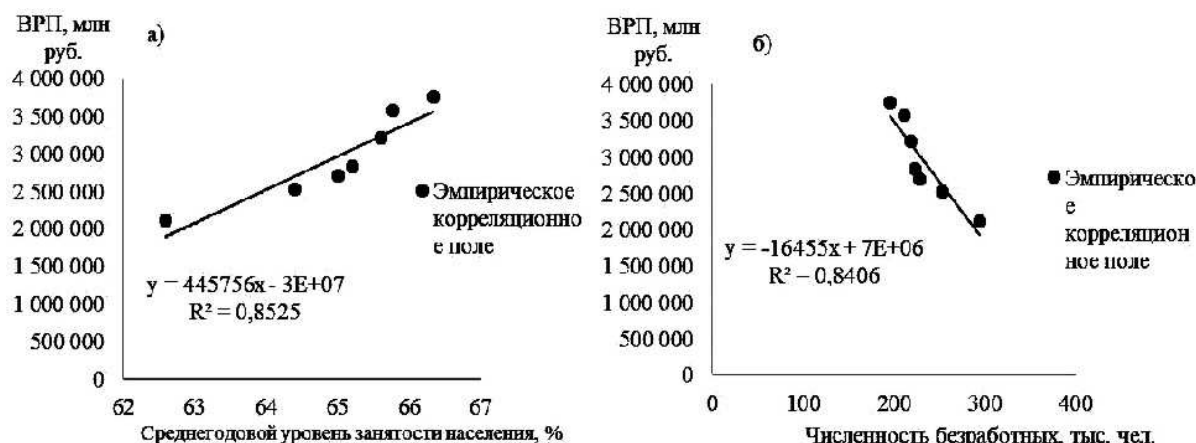

Рисунок 1 – Корреляционно-регрессионный анализ:

- а) зависимость ВРП от численности занятого населения;
 б) зависимость ВРП от численности безработных

В ходе исследования был рассчитан индекс развития трудового потенциала (ИРТП), который позволяет оценить качественные и количественные характеристики трудового потенциала территории. ИРТП представляет собой интегральный показатель, который представляет собой среднее геометрическое четырех частных индексов: индекс состояния здоровья, индекс образования, индекс уровня доходов населения, индекс состояния рынка труда.

$$ИРТП = \sqrt[4]{HLI \cdot EI \cdot PI \cdot LMI}, \quad (1)$$

где HLI (Health and Longevity Index) – индекс состояния здоровья; EI (Education Index) – индекс уровня образования; PI (Poverty Index) – индекс бедности (индекс уровня доходов населения); LMI (Labor Market Index) – индекс состояния рынка труда.

В основе расчета ИРТП был использован метод линейного масштабирования, заключающийся в определении относительного расстояния между минимальным или максимальным значением из совокупности территорий. Результаты комплексной оценки трудового потенциала Дальнего Востока представлены в таблице 1.

Таблица 1

Комплексная оценка трудового потенциала ДФО в 2020 г.

Показатель	Нормированное значение
Смертность населения в трудоспособном возрасте, человек на 100 тыс. населения соответствующего возраста	0,112
Средняя продолжительность жизни населения, лет	0
Заболеваемость на 1000 человек населения	0,479
Уровень смертности населения, %	0,190
Индекс состояния здоровья	0,197
Удельный вес численности высококвалифицированных работников, % к итогу	0,340
Удельный вес численности работников с профессиональным образованием, % к итогу	0,809
Удельный вес численности работников с общим образованием, % к итогу	0,294
Индекс уровня образования	0,481
Среднедушевые денежные доходы, рублей в месяц	0,815
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, рублей	0,993
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	0,552
Индекс уровня доходов населения	0,787
Уровень общей безработицы, %	0,693
Уровень длительной безработицы, %	0,557
Уровень экономической активности населения, %	0,817
Доля работающего населения старше трудоспособного возраста в общей численности занятых, %	0
Количество мотивированного к труду населения, не занятого трудовой деятельностью, приходящегося на одну вакансию, человек	0
Численность рабочей силы, тыс. чел.	0
Индекс состояния рынка труда	0,345
ИРТП	0,384

В соответствии с установленной градацией значений структурных компонентов, используемых для оценки трудового потенциала, видно, что

значение ИРТП соответствует уровню ниже среднего (табл. 2). Можно заметить, что столь низкое значение ИРТП вызвано плохим состоянием

здоровья населения в ДФО, а также значением индекса состояния рынка труда, который

характеризует количественную составляющую трудового потенциала.

Таблица 2

Распределение структурных компонентов трудового потенциала в ДФО

Структурные компоненты качества жизни населения	Значения структурных компонентов качества жизни населения по уровню				
	высокий	выше среднего	средний	ниже среднего	низкий
Индекс состояния здоровья населения					0,17
Индекс уровня образования			0,48		
Индекс уровня доходов населения		0,79			
Индекс состояния рынка труда				0,34	
Индекс развития трудового потенциала				0,384	

Особую тревогу вызывает тот факт, что численность населения, проживающего на территории Дальнего Востока, ежегодно сокращается. Основной причиной этого является отрицательное сальдо миграционного движения (рис. 3). Важно отметить, что уезжают из региона люди трудоспособного возраста. Большинство из них имеют

профессиональное образование. Утрата Дальним Востоком населения, способного производить, а также развивать науку и научно-технический потенциал, обрекает на упущенную выгоду от нереализованных идей, способных вывести территорию на качественно новый уровень развития.

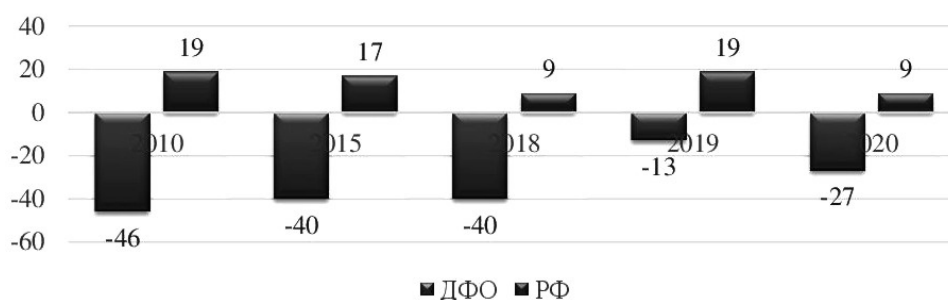

Рисунок 3 – Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения ДФО и РФ

По результатам проводимых социологических исследований [6; 7], одной из основных причин выбытия населения из ДФО является отсутствие подходящей работы. В настоящее время, государственные органы власти проводят активную политику, направленную, стимулирующих социально-экономическое развитие региона и направленных на сохранение и привлечение трудовых ресурсов на территорию ДФО. С этой целью, в регионе реализуется ряд государственных проектов и программ. К наиболее масштабным проектам относятся «Свободный порт Владивосток» и «Дальневосточный гектар». Режим «Свободный порт Владивосток» направлен на расширение трансграничной торговли, развитие транспортной инфраструктуры и включение Приморского края в глобальные транспортные маршруты, а также - на привлечение инвестиций. Основной целью действия программы Дальневосточный гектар является привлечение ресурсов граждан к освоению территорий дальневосточных регионов [4].

В настоящее время в РФ действует программа «Повышения трудовой мобильности граждан», которая нацелена на перераспределение трудовых ресурсов из регионов с их избытком в регионы, которые остро нуждаются в высококвалифицированных рабочих и специалистах, для осуществления проектов, поддерживаемых и финансируемых государством. В рамках данной

программы с 2019 года в целях оказания мер поддержки по переезду, жилищному и бытовому обустройству привлеченных работников работодателю выплачивается финансовая поддержка в размере 1,0 млн рублей (на каждого трудоустроенного работника).

Большинство регионов ДФО являются активными участниками данной программы. Так, например, за период 2016–2020 гг. в Хабаровский край удалось привлечь 874 работника из различных субъектов РФ. В большинстве случаев, это жители Красноярского, Приморского, Забайкальского краев, а также Кемеровской области. В 2020 году 17 работодателям выплачена финансовая поддержка в размере 91,0 млн. рублей (76,44 млн рублей – средства федерального бюджета, 14,56 млн рублей – средства краевого бюджета) на 91 работника [4]. В этой программе активно участвует большинство регионов Дальневосточного федерального округа.

Тем не менее, по результатам оценки трудового потенциала ДФО, проведенной в ходе исследования четко прослеживается его трудодефицитность. Особые угрозы для дальнейшего социально-экономического развития Дальнего Востока несёт миграционный отток трудоспособного населения, так как многие из них уезжают из-за отсутствия возможности найти себе подходящую работу.

Литература:

1. *Бондаренко Н.А.* Механизмы эффективного использования трудового потенциала региона : монография / Н.А. Бондаренко, М.С. Сюпова. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 196 с.
2. *Курбатова У.А.-И.* Оценка трудового потенциала и его роль в развитии социально-экономического потенциала региона // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2020. Т. 35. Вып. 4. С. 46–56.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. URL : <https://rosstat.gov.ru/>.pdf (дата обращения 27.02.2022).
4. Сайт Правительства Хабаровского края. URL : <https://www.khabkrai.ru> (дата обращения 20.12.2021).
5. *Силко Д.И.* Механизмы закрепления и привлечения трудовых ресурсов на территорию Дальнего Востока России / Д.И. Силко, Д.В. Слободчикова, М.С. Сюпова // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2017. Т. 8. № 4. С. 274–281. URL : http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_302.pdf (дата обращения 05.03.2018).
6. *Халикова С.С.* Трудоустройство молодежи в Хабаровском крае: социологический аспект / С.С. Халикова // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 2. С. 75–83.
7. *Халикова С.С.* Проблемы и перспективы трудоустройства молодежи в Хабаровском крае / С.С. Халикова // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3. С. 96–104.

Literature:

1. *Bondarenko N.A.* Mechanisms for the effective use of the labor potential of the region: Monograph / N.A. Bondarenko, M.S. Syupova. Khabarovsk : Pacific Publishing House. state un-ta, 2017. 196 p.
2. *Kurbatova U.A.-I.* Evaluation of labor potential and its role in the development of the socio-economic potential of the region / U.A.-I. Kurbatova // Bulletin of the Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2020. Vol. 35. Iss. 4. P. 46–56.
3. Regions of Russia. Socio-economic indicators 2021. URL : <https://rosstat.gov.ru/>.pdf (date of appeal 27.02.2022).
4. Website of the Government of the Khabarovsk Territory. URL : <https://www.khabkrai.ru> (date of appeal 20.12.2021).
5. *Silko D.I.* Mechanisms for consolidating and attracting labor resources to the territory of the Far East of Russia / D.I. Silko, D.V. Slobodchikova, M.S. Syupova // Electronic scientific publication «Scientific notes of TOGU». 2017. Vol. 8. № 4. P. 274–281. URL : http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_302.pdf (date of appeal 05.03.2018).
6. *Khalikova S.S.* Employment of youth in the Khabarovsk Territory: a sociological aspect / S.S. Khalikova // Power and management in the East of Russia. 2017. № 2. P. 75–83.
7. *Khalikova S.S.* Problems and prospects of youth employment in the Khabarovsk Territory / S.S. Khalikova // Power and management in the East of Russia. 2017. № 3. P. 96–104.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.04.2022
Подписано в печать 22.04.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13,4
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 87

e-mail: id.yug2016@gmail.com